

Цена 3 руб.

Издательство „ПРАВДА“ и „БЕДНОТА“
Москва, М. Черкасский пер., 3/4.

Открыт прием подписки

— Н А —

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

„ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА“

Орган воинствующего материализма.

Основная задача журнала—защита ортодоксального диалектического материализма Маркса и Ленина от извращений идеализма и оппортунизма, откуда бы они ни исходили.

Журнал выходит под редакцией А. М. Деборина, Н. Я. Карева, В. И. Невского, М. Н. Покровского и И. И. Степанова-Скворцова.

В журнале принимают участие все лучшие силы марксизма и ленинизма, к участию в журнале привлекаются ученые, стоящие на материалистической точке зрения.

В ЖУРНАЛЕ ИМЕЮТСЯ ПОСТОЯННЫЕ ОТДЕЛЫ:

- 1) Ленин и ленинизм.
- 2) Актуальные проблемы философии диалектического материализма.
- 3) Исторический материализм.
- 4) История материализма.
- 5) Новое естествознание.
- 6) Статьи по вопросам теоретической экономики.
- 7) История социализма.
- 8) Вопросы литературы, искусства в материалистическом освещении.
- 9) Трибуна.
- 10) Отдел переписки с читателями.
- 11) Библиография.

Журнал рассчитан на активных работников партии, преподавателей и учащихся коммузов, вузов, рабфаков, марксистских кружков и т. п.

НЕПРИНЯТЫЕ РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, 48 ТЕЛ. 1-21-16. Кремлевский 200.

Прием по делам редакции от 12 до 2 час.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

на месяц—1 р. 50 к., на 3 мес.—4 р. 25 к., на 6 мес.—8 р.

Повышение означенных цен немыслимо, то есть ВОСПРЕЩАЕТСЯ.

Подписную плату надлежит переводить по адресу:

Главная контора „ПРАВДЫ“ и „БЕДНОТА“
МОСКВА, М. Черкасский, 3/4.

Подписка принимается также и в отделениях Издательства.

ГУБЕРНСКИЕ ОТДЕЛЕНИЯ „ПРАВДЫ“ И „БЕДНОТА“

Ленинград, Проспект 25 Октября, 82. — Харьков, площадь Тевтонцев, 11.

Артемовск — Площадь Свободы, 15. Баку — Улица Зевина, 11. Воронеж — Проспект Революции, 31. Екатеринодар — Проспект Карла Маркса, 31. ул. Московской. Киев — Улица Ленина, 26. Краснодар — Красная, 31. ул. Коломна — Ул. Ленина. Луганск — Улица Ленина, 43. Н.-Новгород — Улица Свердлова, 5. Одесса — Улица Ленина, 5. Ростов н/Д — Улица Энгельса, 51. Саратов — Улица Республики, 27/31. Свердловск — Улица Малышева, 24. Смоленск — Советская, 18. Ставрополь — 1-я Линия, 39. Таганрог — Улица Ярославль — Дом Крестьянина.

Под знаменем марксизма

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМЖУРНАЛ

H. W. L.
JAN 10 1927

№ 11

НОЯБРЬ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“
МОСКВА—1926

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОД
ЗНАМЕНЕМ
МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВ.-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

№ 11
НОЯБРЬ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»
МОСКВА—1926

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
<i>Л. Деборин</i> .—Очерки по теории материалистической диалектики (Очерк первый).	5
<i>Ник. Карев</i> .—О наших естествоиспытателях, «путешествующих в диалектическом».	24
<i>И. Сапир</i> .—Фрейдизм и марксизм.	59
<hr/>	
<i>А. Тимирязев</i> .—По поводу статьи Дейтон-Миллера.	88
<i>Дейтон-Миллер</i> .—Смысъл опытов с эфирным ветром, произведенных в 1925 г. на горе Вильсон	91
<i>Б. Виропаев</i> .—Еще об эмпиризме и современном естествознании.	110
<hr/>	
<i>Е. Ривлин</i> .—Борьба течений в Германской с.-д. в первые годы после исключительного закона	142
<i>Э. Лейкин</i> .—Каутскианство в теории империализма.	172
<hr/>	
<i>Л. Зивельчинская</i> .—Нужна ли марксистская эстетика и как ее строить. .	202
 Т р и б у н а.	
<i>З. Цгитлин</i> .—К. Маркс о спиритизме и источниках французского материализма XVIII века	214
<i>Л. Луппол</i> .—О синице, которая не зажгла моря.	221
 Б и б л и о г р а ф и я.	
<i>Л. Розинов</i> .—Литература о Спинозе.	234
<i>П. Виноградская</i> .—«Памяти Лассалля», сб. ст.	244
<i>Ф. Дачинский</i> .—«Преформизм или эпигенезис», сб. ст.	250
<i>Л. Зивельчинская</i> .—В. М. Фрич. Социология искусства	253

Очерки по теории материалистической диалектики.

А. Деборин.

Очерк первый.

Предмет философии и диалектина.

I.

Для всякого революционного марксиста является аксиомой, что диалектика представляет собою всеобщий метод познания природы, истории и человеческого мышления. Определяя диалектику как метод познания, нам необходимо, во избежание недоразумений, тут же подчеркнуть, что процессы природы, истории и человеческого мышления сами по себе протекают диалектически, т.-е. подчинены диалектическим законам. Только благодаря об'ективной диалектике возможна субъективная диалектика.

Какой смысл можно было бы связывать с диалектикой, как методом познания и исследования, если бы она не отражала об'ективной диалектики, если бы она не являлась выражением действительности в определенных научных понятиях? Очевидно, что метод познания был бы в этом случае оторван от реальной действительности и носил бы лишь субъективный характер, между тем как с точки зрения марксизма метод является или должен являться аналогом действительности. Таким аналогом действительности является именно диалектический метод.

«Над всем нашим теоретическим мышлением,—говорит Энгельс,— господствует с абсолютной силой тот факт, что наше субъективное мышление и об'ективный мир подчинены одним и тем же законам и что поэтому оба они не могут противоречить друг другу в своих конечных результатах, а должны согласоваться между собой. Факт этот является бессознательной и безусловной предпосылкой нашего теоретического мышления. Материализм XVIII столетия, будучи по существу метафизического

характера, исследовал эту предпосылку только с точки зрения ее содержания. Он ограничился доказательством того, что содержание всякого мышления и знания должно происходить из чувственного опыта, и восстановил старое положение: *nihil est in intellectu, quod non fuerit in sensu*. Только современная идеалистическая—но вместе с тем и диалектическая философия, в особенности Гегель, исследовали эту предпосылку также с точки зрения формы. Несмотря на бесчисленные произвольные и фантастические построения этой философии, несмотря на идеалистическую, на голову поставленную, форму ее конечного результата—единства мышления и бытия,—нельзя отрицать того, что она доказала на множестве примеров, взятых из самых разнообразных отраслей знания, аналогию между процессами мышления и процессами в области природы и истории, и обратно, и господство одинаковых законов для всех этих процессов¹⁾.

В другом месте Энгельс говорит о том, что об'ективная диалектика господствует во всей природе, а «субъективная диалектика, диалектическое мышление есть только отражение господствующего во всей природе движения путем противоположностей; которые и обусловливают жизнь природы своими постепенным противоречиями и своим конечным переходом друг в друга, либо в высшие формы».

Таким образом, диалектика в более широком смысле есть наука, имеющая своим предметом наиболее общие законы движения и развития, одинаково присущие как природе, так и человеческой истории.

Если материализм XVIII стол. установил согласие между мышлением и бытием с точки зрения содержания их, то диалектическая философия исследовала предпосылку о согласии между бытием и мышлением с точки зрения формы. Поэтому мы можем еще иначе определить диалектику, как науку о формах или законах связи в области физической природы, человеческой истории и мышления.

Эти формы или связи, законы, суть основные понятия всякого научного познания. Будучи, с одной стороны, формами мышления, понятиями, они являются, с другой стороны, формами бытия, реальными, об'ективными принципами. Таким образом, диалектика является одновременно и логикой, поскольку она имеет дело с мышлением и его формами, и получением об об'ективной действительности, о бытии, поскольку она изучает реальные связи вещей. Диалектика же как целое есть не что иное, как общая методология и вместе с тем теория науки, теория научного познания вообще.

¹⁾ Энгельс, Диалектика природы (Архив К. Маркса и Фр. Энгельса, т. II, под ред. Д. Рязанова), стр. 135.

Диалектические законы, говорит Энгельс, являются реальными законами развития природы и, значит, действительны и для теоретического естествознания. Само собою разумеется, что формы мышления развились на протяжении человеческой истории, как результат теоретической и практической деятельности человеческого коллектива в борьбе его с природой и в процессе взаимной борьбы общественных классов между собою. Эти формы или законы мышления должны же быть «согласованы» с реальной действительностью, являясь отражением этой действительности в человеческом сознании. Итак, соглашение между бытием и мышлением бывает двойкого характера: со стороны содержания и со стороны формы.

Наука оперирует понятиями; результаты, в которых обобщаются данные опыта, как говорит Энгельс, суть понятия. «Правильность диалектического мышления все более подтверждается на-коплиющимися фактами естествознания, и это понимание легче воспринимается, если с диалектическим характером этих фактов сопоставить познание законов диалектического мышления. Во всяком случае естествознание находится теперь на такой ступени развития, что оно не может уже ускользнуть от диалектического обобщения. Естествоиспытатели облегчат себе этот процесс, если не забудут, что результаты, в которых обобщаются данные опыты, суть понятия; искусство же оперировать понятиями, на-врожденно и не заключается в обыденном здравом смысле, но требует действительного мышления, которое в свою очередь имеет за собой столь же продолжительную эмпирическую историю, как и опытное естествознание. Именно тем, что естествознание усвоит себе результаты, достигнутые развитием философии в течение двух с половиной тысяч лет, оно, с одной стороны, освободится от всякой обособленной, вне и над ним стоящей натурфилософии, а с другой—также и от своего собственного, унаследованного от английского эмпиризма, ограниченного метода мышления»¹⁾.

Данные опыта обобщаются и резюмируются в понятиях. Наука же о понятиях есть наука о мышлении. Философия есть эта наука, наука о человеческом мышлении в первую очередь. Она имеет свою «эмпирическую историю», как и всякая другая наука. Само собою разумеется, что наука о мышлении развивалась в непосредственной и теснейшей связи с другими эмпирическими науками, взаимно оплодотворяя друг друга. Конечно, в истории мысли имеет место часто разрыв между ними. Философия начинает строить свои системы, самостоятельно из чистых понятий, пренебрегая фактическим материалом, результатами опытных, положительных наук. Но, с другой стороны, и эмпирические науки

¹⁾ Энгельс, Диалектика природы, стр. 375.

часто пренебрегают общими руководящими идеями, довольствуясь одними фактами, не замечая, что обобщения нуждаются в понятиях. Отрыв естествознания от философии в нашем понимании влечет за собою торжество ограниченного метода мышления.

II.

Многие материалисты-марксисты еще не поняли той простой истины, что философия в марксистском понимании представляет собою нечто совершенно другое, чем философия в обычном школьном понимании. Этим непониманием объясняются те «смелые» выступления, свидетелями которых мы были за последние годы, когда со стороны людей, называющих себя марксистами, раздавались крики вроде: философию за борт! и т. п. Эти «критики» оказали марксизму естественно очень плохую услугу.

Мы не будем здесь вдаваться в исследование социальных причин, подготовивших такие настроения среди марксистов. Будем держаться только чисто теоретических линий. Итак, что означал лозунг: философию за борт! Неужели не ясно, что если бы такое течение получило преобладание среди марксистов, то это повело бы к капитуляции марксизма перед буржуазными философскими учениями, к капитуляции перед идеализмом, к капитуляции марксизма перед идеологией буржуазии? В переводе на язык политический такое торжество анти-философов среди марксистов неизбежно означало бы идейную капитуляцию пролетариата. Идейная же капитуляция есть уже начало капитуляции политической.

Но и второй лозунг: «Наука—сама себе философия!» ничем не лучше первого лозунга, или, вернее, представляет собою лишь словесное видоизменение первого. По существу же оба лозунга тождественны, одинаковы, ибо они имеют своей предпосылкой отрицание философии, а в нашем конкретном случае—отрицание философии марксизма. Нечего греховать: у нас сложилась за последние годы анти-философская группировка, которая требует даже изгнания философии из наших высших учебных заведений.

Но неужели трудно понять, что современная наука сама проникнута в значительной степени анти-научными элементами? Ненавистники философии привыкли обвинять последнюю во всех смертных грехах. Но эти критики и злые обвинители никакого представления не имеют о взаимоотношении между философией и наукой. Они не знают, что если философия оказывает влияние на науку, то наука ведь в свою очередь воздействует на философию. И это воздействие очень часто носит характер анти-научный.

С другой стороны, пора бы уже понять, что философия всегда поставляла науке общие и руководящие идеи и принципы: в

этом отношении философы, как выражается Энгельс, до сих пор управляли естествоиспытателями. Но во имя справедливости необходимо добавить, что философы в своих обобщениях всегда исходили из того научного материала, который они получали от современной им науки. Стало быть, характер, направление и метод философии определяются в значительной степени данным состоянием положительных наук.

Наряду с этим необходимо, разумеется, особо подчеркнуть и данные общественные отношения, которыми определяются общие идеи и принципы как философии, так и науки. Чернышевский считал, что для его времени Фейербах дал лучшее изложение научных понятий, при чем он надеялся, что естествоиспытатели сделаются способными выработать систему понятий более точных и полных, чем это сделано Фейербахом, только тогда, когда они перестанут говорить метафизический вздор, т.е. когда они освободятся от идеализма.

По поводу этого рассуждения Чернышевского Плеханов замечает следующее: «Но когда же натуралисты перестанут говорить метафизический вздор? Очевидно, только тогда, когда изменятся те общественные отношения, под влиянием которых «образованные классы» боятся материализма, как философской истины, совершенно несовместимой с их общественными интересами»¹⁾.

Стало быть, естественники, с точки зрения Плеханова и, конечно, Ленина, вовсе не являются теми незапятнанными ангелами, которым присущи все добродетели, как в этом уверен, напр., А. К. Тимирязев. Напротив того, философия—речь у нас идет повсюду, разумеется, о марксистской философии—является и должна являться прогрессивным прогрессом идеалистических и метафизических элементов, которым проникнуто современное естествознание.

Диалектический матерIALIZМ является, конечно, объективной истиной. Но в современном классовом обществе она вместе с тем является, если угодно, и классовой философией, т.-е. философией или идеологией пролетариата. Диалектический материализм совершенно не совместим с общественными интересами буржуазии.

Поэтому вполне понятно, что современные натуралисты, а не только философы, не перестают «говорить метафизическому вздор». Лозунг «Наука—сама себе философия», во-первых, не верен по существу; во-вторых, он реакционен в наших современных условиях, ибо он требует, чтобы марксизм, как философская концепция и как классовая идеология, отказался от воздействия на естествоиспытателей, которые в огромном своем большинстве еще

¹⁾ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. V, стр. 237.

чужды марксизму и находятся под влиянием буржуазной идеологии. Но этот лозунг прежде всего не верен по существу, ибо диалектический материализм дает возможность выработать «систему понятий», более удовлетворительную и полную, чем это в состоянии сделать современное естествознание своими «собственными силами». Вот почему Энгельс требует от естествознания (как и от истории), чтобы оно прежде всего впитало в себя материалистическую диалектику или, иначе говоря, чтобы естествознание растворилось в философии диалектического материализма, после чего станет возможным растворить философский хлам в естествознании.

Это значит, что до тех пор, пока само естествознание (и история) не проникнется диалектикой и материализмом, оно само будет хромать, оно будет, с своей стороны, пытаться скверной философией и отбросами старой метафизики, и в то же время и их самих питать, т.е. оно будет создавать базу для «философского хлама»—для идеалистического и метафизического вздора. Энгельс, как видит читатель, понимал взаимоотношение между философией и естествознанием гораздо глубже, чем все современные «критики» философии вместе взятые.

К чему приводит тезис: «Наука—сама себе философия»—доказывает тот факт, что провозглашающие его литераторы сами устроили себе скверную философию—экlecticическую смесь из позитивизма и неокантанегизма, что не мешает им говорить денно и нощно о своем материализме.

В этой связи да позволено нам буде затронуть хотя бы мельком и другой, относящийся к нашей теме, вопрос. За последнее время «критически» настроенные по отношению к философии «личности», которые настойчиво повторяют, что «наука—сама себе философия», стали выдвигать тезис, долженствующий доказать, что между Плехановым и Лениным существует глубочайшая пропасть: Плеханов—философ, мол, в скверном, схоластическом смысле, а Ленин—философ науки. Для Ленина якобы наука—сама себе философия, в то время как Плеханов—отвлеченный философ, т.е. схоласт и гегельянец. Эти «критики» делают «комplименты» Ленину, относя их в сущности к своим «критическим» особам.

Так, проф. И. А. Боричевский на одной дискуссии сделал следующее заявление: «Два слова о Плеханове. Его заслуги перед революционным материализмом общеизвестны; но они не должны закрывать от нас некоторых пробелов его философского подхода. К так называемым общим вопросам Плеханов подходил не снизу, от положительного знания, а сверху, через ту же отвлеченную философию. Вот почему, в противоположность Ленину, приложенному философу науки, Плеханов, по методу своих фи-

лософских исканий, оставался большую частью только философом—в обычном смысле слова»¹⁾.

Отсюда, заключает наш внутринаучный философ, и его, Плеханова, увлечение Гегелем. Несколько строками ниже проф. И. А. Боричевский говорит: «Мы должны строго различать два течения в современном революционном материализме. Во-первых, течение внутринаучное, которое хочет быть одним из предельных обобщений положительной науки, как целого, и стремится освободить ее от всяких философских призраков. Во-вторых, течение философское, неогегельянское. (Я чуть было не сказал—неосхоластическое.) По своей внешней видимости они как будто совпадают друг с другом, но только по видимости. Выражаясь языком Спинозы, между ними приблизительно такая же разница, как между псом и созвездием Пса»²⁾. Надо отдать справедливость И. А. Боричевскому за его откровенность. Ведь нет никакого сомнения, что многие из механических материалистов и позитивистов среди марксистов стоят на той же точке зрения, но они предпочитают вилять, между тем как И. А. Боричевский открыто высказывает то, что они думают. Что между революционным материализмом Боричевского и диалектическим материализмом Маркса-Энгельса такая же разница, как между псом и созвездием Пса—это совершенно верно. Но нельзя не протестовать против попыток противопоставить материализм Плеханова материализму Ленина, как два различных течения в философии марксизма, сходных якобы лишь по видимости, а не по существу.

Наши «критики» стремятся нажить капиталец на мнимом принципиальном отличии ленинского материализма и ленинского метода от плехановского. Однако, как только доходишь до уточнения и конкретизации этого мнимого принципиального отличия, обнаруживается вся фальшь и искусственность противопоставления Ленина, как философа «внутринаучного» Плеханову—как философи «вненаучному».

Для опровержения этой искусственной схемы можно было бы привести свидетельство самого Ленина, который в философских вопросах не только не отмежевывался от Плеханова, но всячески подчеркивал свою с ним солидарность. Если бы между ними, действительно, существовала такая противоположность взглядов, как это изображают современные «критики», то как Ленин мог говорить в 1921 г., что «нельзя быть сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы изучать—именно изучать—

1) Механистическое естествознание и диалектический материализм. Дискуссионный сборник Тимирязевского Научно-Исследовательского Института, стр. 51.

2) Там же, стр. 51—52.

всё, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма?

Подобные выступления «критиков» подлежат строжайшему осуждению еще потому, что они пытаются свое извращение марксизма освятить авторитетом Ленина. В самом деле, к чему стремятся наши новоявленные критики марксизма? К отвождению себя от марксизма.

Типичным представителем этого довольно широко распространенного течения является все тот же проф. Боричевский.

Для чего понадобилось И. А. Боричевскому установить в современном материализме два течения: одно внутринаучное и другое—философское (неогегельянское, неосхоластическое)? Ответ мы находим у самого Боричевского: «...из прежнего нашего размежевывания с полной отчетливостью вытекает такая истина: современное механистическое мировоззрение должно всемерно стараться освободить себя от всякой «философии».

Что же понимает проф. Боричевский под философией, от которой положительная наука должна всемерно стараться освободить себя? Оказывается, ларчик просто открывается. Проф. Боричевский, хотя и описательно, но все же с похвальной откровенностью, говорит о диалектике, не называя, правда, чьего настоящим именем.

«К большому моему удивлению,—продолжает наш оратор,—товарищ Тимирязев употребляет такие бесспорно «философские» термины, как переход количества в качество. Это—чисто гегельянская терминология; положительной науке она и даром не нужна» (курсив мой. А. Д.).

Читатель видит теперь, на сколько основательны ссылки критиков философии на Ленина. Если «увлечение» Плеханова Гегелем об'яняется якобы внешненаучным характером философии Плеханова, то ведь и Ленин «увлекался» Гегелем в неменьшей степени; стало быть, и его философия носит такой же «вненаучный» характер. И если один из бесспорных законов диалектики, как закон перехода количества в качество, уже об'является гегельянской и схоластикой, которая «положительной науке и даром не нужна», то что сказать о диалектике в целом? Но ведь всякому известно, какое значение придавал Ленин диалектике. Стало быть, Ленин никакого снисхождения со стороны позитивистов не заслуживает. Он такой же «гегельянец» и «схоласт», как и Плеханов или Энгельс.

III.

Мы, таким образом, постепенно добрались до третьего основного лозунга, провозглашенного критиками марксизма: диалектика—это схоластика! Само собою разумеется, что этот лозунг на-

ходится в теснейшей связи с первыми двумя и является их продолжением и завершением. Если наука—сама себе философия, если положительная наука должна стремиться освободить себя от всякой философии, то такая позитивистическая точка зрения неизбежно приводит к отрицанию диалектического материализма вообще и материалистической диалектики в частности.

Поэтому марксисты, враждебно настроенные против философии, хотя на словах часто придерживаются диалектической терминологии, на деле же утверждают нечто прямо противоположное: для них марксистской философии не существует. Философский материализм для них конкретизируется в современном механистическом естествознании; наряду же с естествознанием они допускают существование исторического материализма, имеющего своим предметом исторический процесс.

Стало быть, эти товарищи становятся на ту точку зрения, которой придерживаются все противники марксизма и все ревизионисты и которая состоит в том, что сущность марксизма сводится лишь к историческому материализму, который или совместим с любой обще-философской концепцией (с маxизмом, кантианством и проч.), или же вообще не связан с обще-философской концепцией, чем опять-таки открывается возможность сочетания марксизма с любой разновидностью философского идеализма, с одной стороны, и что ведет к сужению марксизма просто к теории исторического процесса, с другой стороны.

Удивительно то, что марксисты, отрицающие за философией самостоятельное значение и становящиеся на точку зрения ограничения марксизма исторической теорией, не замечают, что их взгляды ведут к разоружению марксизма, к капитуляции пролетариата в области теории перед буржуазной философией, чего они субъективно не желают. Установка отрицателей философии вредна с точки зрения классовой борьбы пролетариата и неверна по существу, чем обуславливается ее вредносность.

Какой буржуазный философ или учений будет спорить против механистического естествознания, как такового? Напротив того, оно вполне приемлемо для них. Поэтому, когда говорят, что философский материализм конкретизируется в современном механистическом естествознании, то против этого буржуазные философы-идеалисты возражать не станут. Они только сделают «маленько», но весьма существенное дополнение: они подведут под это механистическое естествознание обще-философский идеалистический фундамент в виде хотя бы кантовской или маxовской гносеологии.

Словом, признание механистического естествознания, как это показывает история науки и философии, вполне совместимо с

и идеализмом в области теории познания и общефилософского мировоззрения.

С другой стороны, надо ли еще доказывать, что исторический материализм пытались и пытаются сочетать с любой разновидностью идеализма? Читатель скажет — и скажет совершенно справедливо, что все эти попытки соединения исторического материализма с философским идеализмом, незаконны, внутренне противоречивы и являются продуктом чистейшего эклектизма. Это совершенно верно. Но вместе с тем очевидно, что для того, чтобы иметь возможность разоружить и разбить на голову противника, необходимо противопоставить ему стройное целестное философское учение, необходимо разрабатывать диалектический материализм, как общефилософское мировоззрение, материалистическую теорию познания и диалектику, как научную методологию. Самые серьезные и решающие бои с идеализмом и метафизикой происходят обычно на этих участках. Поэтому противопоставить идеализму механистическое естествознание далеко не достаточно, чтобы опровергнуть идеализм.

Идеализм, как сказано, приемлет механистическое естествознание, но подводит под него идеалистическую теорию познания, или возводит над ним идеалистическую надстройку.

Таким образом, нельзя согласиться с теми марксистами, которые стремятся растворить философию марксизма — диалектический материализм — в современном механистическом естествознании вообще или же в теории относительности Эйнштейна — в частности. Положительные науки, конечно, питаются диалектическим материализм, но диалектический материализм существует наряду с другими положительными науками, как самостоятельная дисциплина — в первую очередь как методология и теория научного познания.

Непониманием самостоятельного значения диалектического материализма как общефилософской концепции и материалистической диалектики, как всеобщей методологии наук (включающей в себя теорию познания), объясняется то обстоятельство, что диалектика некоторыми критиками об'является просто холастикой.

Эти мудрые критики уверены, что они говорят очень умные вещи. Но на самом деле они имеют очень смутное представление о предмете, о котором они высказывают столь смелые и мудрые суждения. В самом деле, что подразумевают они под холастикой или под чистым «методологизмом»? Очевидно, они хотят этим подчеркнуть, что диалектика занимается анализом понятий вместо того, чтобы заниматься изучением конкретной действительности. Но наши критики смешивают различные задачи.

При изучении конкретной действительности, содержанием диалектики является сама эта действительность, диалектика же формой, способом изучения, методом, при помощи которого мыadekvatno познаем предмет и, так сказать, овладеваем им. Но теоретическая диалектика, поскольку она является диалектической логикой, имеет отчасти своим содержанием самые формы мышления, логический анализ категорий или понятий.

На замечание Чернышевского, что «холастика, это по преимуществу — диалектика», Плеханов отвечает: «Но если холастика в известном смысле, т.-е. в смысле анализа понятий, — и являлась диалектикой, то не нужно забывать, что эта диалектика была «служанкой теологии» и именно потому не могла и не хотела звать пред свое судилище те основные положения, на почве которых она совершила свои логические операции. Ее зависимое положение нередко превращало ее в софистику; но по своему существу, — как справедливо заметил еще Гегель и как думал, повидимому, сам Чернышевский, когда писал свои «Очерки Гоголевского периода», — она не имеет с софистикой ничего общего, так как она показывает недостаточность тех отвлеченных расудочных определений, на неизбежной односторонности которых опирается всякая софистика»¹⁾.

Итак, теоретическая диалектика не может обойтись без логического анализа понятий. И если по поводу такого диалектического анализа понятий раздаются вопли о холастике, то это не свидетельствует во всяком случае о больших теоретических способностях вопяющих, какими бы сверх-генерациями они себя ни воображали.

IV.

Диалектический материализм есть всеоб'емлющая теория, синтез философского материализма и диалектики, выросший на основе всей совокупности данных науки и истории философской мысли, как и человеческой практики. У нас все еще привыкли относиться с пренебрежением к диалектике, несмотря на то, что русская марксистская мысль дала в лице Плеханова и Ленина двух крупнейших диалектиков.

Основоположники марксизма придавали диалектике исключительное значение. Достаточно сказать, что Энгельс, в своей рецензии на «Zur Kritik der politischen Oekonomie» Маркса, ставит диалектику рядом с материализмом.

Диалектический материализм состоит, стало быть, из двух равноправных по своему логическому значению частей: из философского материализма и материалистической диалектики. К во-

¹⁾ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. V, стр. 239.

просу о соотношении между диалектикой и материализмом мы еще вернемся ниже. В этой же связи нам необходимо еще раз обратиться к взглядам Энгельса на философию вообще, ибо отрицатели философии в подтверждение своих взглядов любят ссылаться на Энгельса.

Посмотрим же, каковы настоящие взгляды Энгельса; для этой цели позволим себе привести из его сочинений относящиеся к интересующему нас вопросу цитаты. Вот что Энгельс пишет о философских системах в своем сочинении «Людвиг Фейербах»: «У всех философов преходящей оказывается именно «система», и именно потому, что системы возникают из непреходящей потребности устраниить все противоречия. Но если бы все противоречия были раз-на-всегда устраниены, мы пришли бы к так называемой абсолютной истине, а всемирная история была бы кончена и в то же самое время должна была бы продолжаться, хотя ей уже ничего не оставалось бы сделать: новое, неразрешимое противоречие. Раз мы поняли,—и этим мы, больше чем кому-нибудь, обязаны Гегелю,—что требовать от философии разрешения всех противоречий значит требовать, чтобы один философ сделал также дело, такое в состоянии выполнить только все человечество в его поступательном развитии,—раз мы поняли это, философии в старом смысле приходит конец. Мы оставляем в покое «абсолютную истину», к которой невозможно притти этим путем и отдельному человеку, и устремляемся в погоню за достижимыми для нас относительными истинами, вооружившись положительными науками и диалектическим методом, обединяющим добытые ими результаты. С Гегелем, вообще, заканчивается философия, с одной стороны, потому что его система представляет собой величественный итог всего предыдущего развития, а с другой—потому, что он сам, хотя и бессознательно, указывает нам путь, ведущий из лабиринта систем к действительному и положительному познанию мира»¹⁾.

Нет необходимости подробно комментировать эту цитату. Она говорит вполне определенно о конце философии в старом смысле, т. е. о той философии, которая строит системы, имеющие своим предметом абсолютную истину и стремящиеся к разрешению или устраниению всех противоречий при помощи этой абсолютной истины. Что же остается после устраниния философских систем? На это Энгельс дает недвусмысленный ответ: диалектический метод, обединяющий добытые положительными науками результаты. Стало быть, философия сводится здесь к методологии, при чем заслуга Гегеля заключается в том, что он всей своей деятельностью подготовил

¹⁾ Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах; ср. также его же «Анти-Дюринг», изд. 1923 г., стр. 46.

возможность и предпосылки для преодоления философии в старом смысле.

Гегель сам построил одну из грандиознейших философских систем, но он же вместе с тем и выработал диалектический метод, проникающий всю его систему и в то же время отрицающий ее. «Но именно в том и состояло истинное значение и революционный характер гегелевской философии...», говорит Энгельс, что она раз-на-всегда показала, как нелепо приписывать вечное и неизменное значение каким бы то ни было результатам человеческого мышления и действия. Истина, которую должна была познать философия, представлялась Гегелю уже не в виде собрания готовых догматических положений, которые остается только зазубрить, раз они открыты; для него истина заключалась в самом процессе познания, в длинном историческом развитии науки, поднимающейся с низших ступеней знания на высшие, но никогда не достигающей такой точки, от которой она,—найдя так называемую абсолютную истину, уже не могла бы пойти дальше, и где ей не оставалось бы ничего больше, как созерцать эту истину. И так не только в философском, но и во всяком другом познании, а равно в области практического действия. История так же мало может остановиться, как и наука. Человечество никогда не придет к совершененному, идеальному состоянию: совершенное общество, совершенное «государство» может существовать только в фантазии. Все, одни за другими появляющиеся в истории, системы общественных отношений представляют собою лишь преходящие ступени бесконечного развития человеческого общества от низшего к высшему. Каждая ступень необходима и в то же время и при тех обстоятельствах, которым она обязана своим происхождением. И в этом заключается ее оправдание. Но она лишается своего значения и своего оправдания при новых условиях, постепенно развивающихся в ее собственных недрах. Она оказывается вынужденной уступить место высшей ступени, которая падает и разрушается в свою очередь.

Диалектическая философия разлагает все представления об окончательной, безусловной истине и о соответствующих ей абсолютных отношениях людей, совершенно так же, как буржуазия, посредством крупной промышленности, соперничества и всемирного рынка, разлагает все старые, веками освященные учреждения. Для диалектической философии нет ничего раз-на-всегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем она видит печать неизбежного падения, и ничто не может устоять передней, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему. Она сама является лишь простым отражением этого процесса в мыслящем

мозгу. У нее, без сомнения, есть и свой консервативная сторона: каждая данная ступень развития науки или общественных отношений оправдывается ею в виде обстоятельств данного времени, но не больше. Ее консерватизм относителен, ее революционный характер безусловен,—к нему сводится все то безусловное, для которого в ней остается место»¹⁾.

В приведенном отрывке Энгельс снова решительно высказываеться против философских систем, неизбежно носящих догматический и метафизический характер вследствие того, что они исходят из абсолютной истины, т.-е. из вечных и неизменных положений. Революционный характер гегелевской философии состоял в том, что она рассматривала все, в том числе и истину, в свете исторического процесса. Догматический и метафизический характер предшествующей философии должен был уступить свое место новой форме философствования. Диалектическая и историческая точка зрения должна была пронизать и самое философию, само человеческое познание, как она проникла во все другие области. В этом смысле Энгельс старой метафизической философии противопоставляет диалектическую философию. Диалектической же философи, диалектическому мышлению по самому существу противоречит всеоб'емлющая, раз-на-всегда законченная система познания природы и истории.

Энгельс далее указывает еще на одну сторону: на искусственность построений всех философских систем. Вместо естественной, действительной связи явлений философские системы, вынуждены были устанавливать искусственные связи, прежде всего вследствие недостаточности успехов самого положительного знания, т.-е. естествознания и обществознания.

Философы стремились всегда к изображению природы как одного связного целого. «Подобные изображения, — пишет Энгельс, — составлялись прежде так называемой философией природы, которая заменила еще неизвестную тогда действительную связь явлений идеальной, фантастической связью и заменила связь явлений мыслами, пополнив действительные недостающие факты вымыслами, пополнив действительные проблемы лишь в воображении. При этом ею были высказаны многие гениальные мысли и предугаданы многие позднейшие открытия, но не мало было также наговорено и вздору. Теперь же, когда нам достаточно взглянуть на результаты изучения природы диалектически, т.-е. с точки зрения их собственной взаимной связи, чтобы составить удовлетворительную для нашего времени «систему природы», и когда сознание диалектического характера этой связи насилино проникает даже в

¹⁾ Энгельс, там же, стр. 33—34.

метафизические головы естествоиспытателей,—теперь философия природы погребена навеки. всякая попытка откопать ее не только была бы излишней, но означала бы шаг назад»¹⁾.

То же самое относится и к общественным наукам, в первую очередь к так называемой философии истории. В истории философии видели осуществление определенной цели, заранее предопределенного плана и проч.

Повсюду, как в философии природы, так и в философии истории, философы вынуждены были на место естественной, действительной связи, обнаруживаемой самими явлениями, устанавливать искусственные, т.-е. выдуманные, связи.

Но Энгельс, в отличие от современных отрицателей философии, и к старой философии природы и философии истории умел подходить исторически и диалектически. Поэтому он подчеркивает, что философами были высказаны как в философии природы, так и в философии истории много гениальных мыслей и предвосхищены многие позднейшие открытия.

Энгельс само собою разумеется не ограничивается головым отрицанием, а обясняет положение прежней философии историческими условиями развития самой науки. В наше время многие, в особенности эмпирики-естественники, относятся свысока к философии и искренно уверены, что естествознание, так сказать, безгрешно и застраховано от догматизма и метафизики, между тем как Энгельс даже говорит о «метафизических головах» естествоиспытателей, т.-е. о присущем им метафизическому способе мышления. Более того, Энгельс старую метафизику рассматривает как результат старого естествознания. Поскольку естествознание носило метафизический характер, поскольку и выросшая из него философия была проникнута догматизмом и метафизикой. «Старый метод исследования и мышления, который Гегель называл метафизическими, который имел дело преимущественно с предметами, как с чем-то совершенно готовым и законченным, и остатки которого до сих пор еще глубоко сидят в головах, имел в свое время великое историческое оправдание. Надо было исследовать предметы, прежде чем можно было приступить к исследованию процессов. Надо было сперва узнать, что такое данный предмет, а потом уже изучать те изменения, которые в нем происходят. Так шло дело в естественных науках. Из естествознания, рассматривавшего все предметы, — и мертвые, и живые, — как готовые и раз-на-всегда законченные, выросла старая метафизика, принимавшая их за неизменные»²⁾.

¹⁾ Энгельс, там же, стр. 64.

²⁾ Энгельс, там же, стр. 62—63. Курсив мой.

Таким образом, Энгельс постоянно противопоставляет старой философии диалектическую философию, которая, в отличие от первой не занимается спекуляцией в смысле навязывания природе и истории своих вымыслов, искусственных, субъективных, идеологических связей. На место этих идеологических связей диалектическая философия ставит действительные реальные, материальные связи вещей, открытие законов движения самих явлений. Современный, г.-е. диалектический, материализм, — писал Энгельс, — не нуждается больше ни в какой, стоящей над прочими науками, философией. Философия прежде играла роль науки и наук, роль законодательницы по отношению к отдельным наукам, предписывая им, так сказать, сверху свою идеологию. «Раз к каждой отдельной науке предъявляется требование выяснить свое положение в общей связи вещей и в познании этих вещей, то всякая особая наука об этой общей связи становится излишней. От всей прежней философии остается тогда, в качестве самостоятельной науки, только учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика»¹⁾.

Стало быть, философия, с точки зрения Энгельса, не является также и наукой наук, т.-е. «наукой», стоящей над науками. От всей прежней философии остается в качестве самостоятельной науки формальная логика и диалектика. В этом смысле сама философия есть наука, имеющая своим предметом человеческое мышление, метод мышления, а в более широком смысле диалектику, как всеобщий метод исследования. «Получить точное представление о вселенной, ее развитии и развитии человечества, равно как об отражении этого развития в умах людей, можно только путем диалектического исследования (курсив мой. А. Д.), постоянно считаясь со всеобщим взаимодействием становления и преходящения, прогрессивных и регressive изменений»²⁾.

Таким образом, диалектический метод исследования является не чем-то навязанным природе и истории извне, а внутренним выражением самого объективного процесса, его аналогом, выражением в мышлении реальных связей. Надо сказать, что неправильное представление о диалектической логике существует не только у буржуазных философов, но и у марксистов, выступающих в качестве отрицателей и ниспровергателей философии. Эти марксисты находятся всецело в плену у буржуазных философов. Под логикой они все понимают чисто формальную науку, имеющую дело с законами мышления в чисто-субъективном и узком их понимании. Но Энгельс, говоря, что марксист-

¹⁾ Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 34, ср. также «Людвиг Фейербах», стр. 78.

²⁾ Энгельс, там же, стр. 32.

ская философия сводится к учению о мышлении, к логике и диалектике, понимал под последней нечто совершенно другое, чем это понимается в многочисленных «учебниках логики». Энгельс в понимании содержания логики стоял на точке зрения Гегеля. Гегель же упрекал обыкновенную или формальную логику в том, что она «самые формы... рассматривает как субъективные определения рассудка, а не как определения разума». «Вообще полагают, — пишет он, — что логика понятия есть чисто-формальная наука, т.-е. что эта наука рассматривает только формы понятия, суждения и силлогизма, что она не касается вопроса об истине предметов, к которым прилагаются эти формы, и что эта истина зависит исключительно от содержания самих предметов. Если бы логические формы образовали только пустые и неподвижные рамы, способные вмещать в себе всякого рода представления и мысли, то изучение их было бы совершенно бесплодно и не представляло бы никакого объективного интереса»¹⁾.

Под учением о мышлении Энгельс понимает науку о теоретическом мышлении в широком смысле слова, теорию научного мышления вообще. Материалистическая диалектика как теория научного мышления и составляет философскую основу марксизма. В этом же смысле и Ленин пишет, что логика есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития «всех материальных, природных и духовных вещей», т.-е. всего конкретного содержания мира и познания его, т.-е. итог, сумма, вывод истины и познания мира».

Таким образом, отрицатели философии не имеют права ссылаться в подтверждение своих «взглядов» на Энгельса. Напротив того, Маркс и Энгельс, ограничив притязания старой философии, превратили ее в действительную науку.

Энгельс считает большиным злом тот факт, что современные естествоиспытатели являются полузнайками в области философии, ибо результаты современного естествоизнания вступили в противоречие с традиционным методом мышления. Задача, стоявшая перед естествоизнанием, сводится к согласованию этих «результатов» с высшей формой мышления, т.-е. с диалектической философией. Естествоиспытатели должны овладеть диалектикой.

Философия сделала, главным образом, благодаря Гегелю огромный шаг вперед; она поднялась на высшую ступень развития. Она выработала самую правильную форму научного мышления, между тем как естествоизнание само по себе, хотя и достигло огромных успехов, не в состоянии овладеть собственным богатством, собственными результатами без философии, г.-е. без диалектики. Так именно ставит вопрос Энгельс.

¹⁾ Гегель, Энциклопедия, ч. I, стр. 162.

Эмпирическое естествознание,—говорит он,—накопило необъятную массу положительного материала, но методами эмпиризма нельзя систематизировать этот материал и нельзя «расположить его с точки зрения внутренней связи», как нельзя привести между собою в связь отдельные области познания. Ибо для этой работы необходимы теоретическое мышление, диалектическая философия. Но Энгельс на этом еще не останавливается.

Диалектика является высшим результатом развития истории науки и философии. Стоя повсюду на точке зрения исторической и диалектической, понимая, что результат развития не может быть оторван от самого процесса или пути развития, Энгельс к теоретическому мышлению подходит еще с точки зрения истории мышления.

Теоретическое мышление,—говорит он,—должно быть развито, усовершенствовано, а для подобной разработки пока не существует иного средства, кроме изучения истории философии. Теория научного мышления, к чему Энгельс сводит философию, является результатом истории мышления. Поэтому для правильного понимания теории диалектического мышления необходимо изучение истории философии, истории мышления.

«Теоретическое мышление каждой эпохи, а значит, и нашей эпохи,—говорит Энгельс,—это—исторический продукт, принимающий в различные времена очень различные формы и получающий поэтому очень различное содержание. Следовательно, наука о мышлении, как и всякая другая наука, есть историческая наука, наука об историческом развитии человеческого мышления. И это имеет значение и для практического применения мышления к эмпирическим областям, ибо, во-первых, теория законов мышления не есть вовсе какая-то раз-на-всегда установленная «вечная истина», как это связывает со словом «логика» философская мысль. Сама формальная логика являлась, начиная с Аристотеля и до наших дней, ареной ожесточенных споров. Что же доказывается диалектикой, то до сих пор она была исследована более или менее точным образом лишь двумя мыслителями, Аристотелем и Гегелем. Но именно диалектика является для современника естествознания самой правильной формой мышления, ибо она одна представляет аналог и, значит, метод об'яснений проходящих в природе процессов развития, метод об'яснения всеобщих связей природы и переходов от одной области исследования к другой.

Во-вторых, знакомство с историческим развитием человеческого мышления, с господствовавшим в разные времена пониманием всеобщей связи внешнего мира необходимо для теоретиче-

ского естествознания и потому, что оно дает масштаб для оценки выдвигаемых этим естествознанием теорий. Здесь часто ярко выражается недостаток знакомства с историей философии. Положения, установленные философией уже сотни лет назад, положения, с которыми в философии давно уже покончили, часто выступают у теоретизирующих естествознавителей в виде самоновейших истин, становясь на время даже предметами моды¹⁾.

Мы привели этот длинный отрывок из «Диалектики природы», чтобы лишний раз показать читателю, какого высокого мнения был Энгельс о философии и какую огромную роль он отводил ей даже в деле развития естествознания. Энгельс требует от естествознавителей, чтобы они усвоили не только результат многовековой истории мысли—новую теорию мышления, диалектическую философию, но он требует, чтобы теоретики-естествознавители серьезно изучали и историю мышления, историю философии. По мнению Энгельса, только диалектика может помочь естествознанию выбраться из того тупика, в котором оно очутилось благодаря тому, что оно продолжает философики, теоретически стоять на точке зрения старой метафизики.

Энгельс стало быть, считал необходимым подвести под современное естествознание новый философско-теоретический фундамент. Без этого философского фундамента естествознание остается, по его мнению, чисто эмпирическим естествознанием, лишенным общетеоретического обобщения.

Энгельс говорит, что греки рассматривали природу, как целое. Всеобщая связь явлений в мире была для них результатом непосредственного созерцания, зато недостатком их философии является то, что они не дошли до анализа природы, до понимания единичного в связи с целым. С другой стороны, метафизический способ мышления, продолжающий ныне господствовать в естествознании, не находит пути от понимания отдельных явлений к пониманию целого. Современное естествознание достигло больших успехов в деле расчленения и анализа природы, но оно лишено синтетического характера.

Материалистическая диалектика стремится превратить всеобщую связь явлений из непосредственного созерцания в опосредствованный синтез через понимание отдельных явлений в связи с пониманием целого.

¹⁾ Энгельс, Диалектика природы, стр. 125—127.

О наших естествоиспытателях, „путешествующих в диалектическом“.

Ник. Карев.

Ум, смущаясь по словам!
Ложный вид предстань очам!
Будьте здесь и будьте там!

Гете. Фауст.

I.

Вместо пролога.

Несколько лет тому назад группа представителей нашего интеллигентского декаданса периода революции, поэтов-имажинистов, выпускавшие сборники под названием «Гостиница для путешествующих в прекрасном». Эту гостиницу, как и всякую гостиницу, посещали по большей части люди, весьма далекие от прекрасного, случайные туристы, со свойственной этой породе самоуверенностью и легкомыслием декретировавшие свои поверхностные наблюдения и нелепые фантазии. Сборники, пропущенные в недолго, тихо скончались, так и не сумев привлечь к себе внимание действительных обитателей революционного «мира прекрасного».

В сфере диалектики за последние годы у нас создается аналогичное положение. Наряду с тщательным и серьезным изучением, вызванным к жизни и прямыми указаниями Ленина, и опубликованием ряда новых работ Маркса и Энгельса, создается целый контингент товарищей, как бы «путешествующих в диалектическом».

Они преисполнены самых лучших намерений. Они жаждут полюбоваться этой удивительной страной, о которой рассказывают столько чудесного авторитетнейшие исследователи. Они не прочь были бы уложить в свои дорожные чемоданы пару-другую любопытных образцов диалектики, близких их обыденному опыту и профессии. Но, как и все туристы, они далеки от понимания того, что познание ни одной страны не возможно без длительного

изучения ее, им кажется, что тяжелую работу мышления можно заменить приятным и легким высматриванием, вынюхиванием и ощупыванием наиболее внешне бросающихся в глаза предметов. Обо всем они собирают свое впечатление по «общему виду» и названию, которое легче всего запоминается. Как и все туристы, они замечают лишь курьезы и мелочи.

Но попробуйте их убедить, что они поверхностны и в сущности вовсе не знают того, о чем говорят! Они немедленно примут вид оскорблённой добродетели, они провозгласят вас самих невеждами лишь потому, что вы не принадлежите к их цеху, припишут вам то, чего вы не говорили, и ваши же поправки изобразят как то, с чем вы не согласны и что они утверждают спокон веков. Такова уж природа туристов! Вам остается лишь мириться сней в надежде на то, что повторное путешествие когда-либо заставит их вспомнить о данных вами советах...

* * *

В № 17 «Вестника Коммунистической Академии» напечатана статья тов. А. К. Тимирязева: «Воскрешает ли современное естествознание механический материализм XVIII века», представляющая собой как бы обвинительный акт против марксистов-диалектиков (уж одно то обстоятельство, что приходится вводить такое наименование, показывает, сколь неблагополучно у нас в мире философском,—как будто возможен марксист—не-диалектик!). Тов. Тимирязев подводит итог всем смертным грехам «новейшей школы марксизма», главой которой является тов. А. М. Деборин, допрашивает ее с пристрастием и формулирует обвинения, «чему следуют пункты». Правда, в конце статьи в три с лишним листа он насчитывает их только четыре, да и те, как мы увидим в дальнейшем, не без изъянов, но это лишь по своей природной недобивости. На самом деле он охраняет «устои», естествознание, проводит какие-то непонятные и бессодержательные, но тем более многозначительные аналогии с некими зловредными уклонами, «спасает Рим».... Ему не хватает лишь того, чтобы выступить в роли современного Цицерона, обличающего Катилину.

Однако, как известно, последнее слово принадлежит обвиняемым. В революционном же суде передки случаи, когда в результате судебного расследования истец сам в свою очередь садится на скамью подсудимых. Последуем же за т. Тимирязевым в его обвинениях и посмотрим, к чему клонит его диалектический процесс.

Пусть обвинитель и свидетели простят нам при этом несколько вольный тон—он будет лишь ответом на тон обвинения. К тому же мы заранее оговариваемся, что ни на йоту не собираемся оспаривать тех заслуг, которые имеют некоторые из

наших противников в деле борьбы за материализм, в деле борьбы с идеалистической реакцией в современной науке. Здесь мы боремся плечо к плечу и, не в пример тт. механистам, в наши цели вовсе не входит изображать их исключительно переводных дел мастерами¹⁾. Но в области материалистической диалектики, к сожалению, до сих пор мы должны отказать им в ее деноминации, в доказательство чего находимся представить, на основании и данной статьи т. Тимирязева, достаточно доказательств. А поскольку это так, наши естествоиспытатели-материалисты, к их собственному несчастью, остаются лишь «путешествующими» в диалектическом, со всеми странностями и особенностями, свойственными туристам.

II.

О «современном естествознании» и французском материализме XVIII века.

Вопрос, задаваемый т. Тимирязевым в его статье, гласит: «Воскрешает ли современное естествознание механический материализм XVIII века?». Правильный ответ на этот вопрос предполагает ясное представление по крайней мере о двух вещах: о том, что подразумевается под «современным естествознанием» и чем был материализм XVIII века. Тов. Тимирязев беспечно опирает обоими этими понятиями, то употребляя их в различных смыслах, то ни мало не заботясь об установлении того, что соответствует им в действительности. Понятно, что при этом оказывается в положении мореплавателя, который собирается ехать из Батума в Одессу через Тихий океан.

Прежде всего это касается чрезвычайно многозначительного и потому не всегда достаточно определенного понятия «современного естествознания». Статья т. Тимирязева начинается с упрека т. Деборину в том, что он, как и стоящий на противоположной точке зрения проф. А. Ф. Самойлов²⁾, отождествляет современное теоретическое естествознание с механическим мировоззрением. По тов. Тимирязеву тем самым «оба автора подменяют современное естествознание своим собственным вымыслом». В противовес им т. Тимирязев, во-первых, приводит мнение Энгельса, согласно которому «современное естествознание не мирится с механическим материализмом», и, во-вторых, развивает свою собственную аргументацию, сущность которой находит себе выражение в следующем риторическом вопросе: «Как же это может получиться, что

¹⁾ См. на стр. 153 грациозное замечание т. Тимирязева, что «школа Деборина» ничего не дала, кроме ряда изданий переводов материалистов XVIII века! Как видно,уважаемый А.К в современной марксистской философской литературе читает одни лишь переводы материалистов XVIII века, да и то, как мы увидим в дальнейшем, далеко не полностью и не все!

²⁾ См. статьи в № 4—5 «Под Знам. Маркс.» за этот год.

в природе все совершается диалектически, а отражение этой природы—наши теории, которыми мы к тому же успешно пользуемся в нашей практике, вдруг оказываются не имеющими ничего общего с диалектикой?»³⁾.

Так начинается первая экскурсия т. Тимирязева в область соотношения естествознания и диалектики. Последуем же за ним в эту страну. Уже на первых же шагах обнаруживаются недостатки мышления, пренебрегающего теоретическим анализом понятий. Современное естествознание представляет совокупность знаний людей о природе, достигнутых на данной ступени исторического развития. Как и всякое человеческое знание, оно не представляет собой чего-либо абсолютно-истинного, отражает лишь некоторые стороны действительности, в этом смысле является единством истинного и ложного. Оно дает обективную истину, поскольку верно отражает природу и позволяет человечеству господствовать над ней в практической деятельности; оно должно, поскольку оно никогда не исчерпывает до конца знание природы, поскольку оно сохраняет в себе элементы старых взглядов, предрассудков, теорий, поскольку опыт, на который оно опирается, оказывается ограниченным и потому недостаточным опытом. По самой своей природе естественно-научное, как и всякое, познание представляет собой диалектически развивающийся процесс. Познание никогда не находится в завершенном, спокойном состоянии. Оно—всегда движение и изменение. Удлинение исторического опыта людей, усовершенствование средств исследования, расширение сферы опыта постоянно приводит к открытию новых фактов и законов, ограничению старых, к смене одних теорий другими. На протяжении всей истории человечества объект естествознания—природа—остается почти неизменным, наука же совершает огромный путь развития, все более и более охватывая связи и закономерности своего предмета. Уже по одному этому видно, сколь метафизически поступает т. Тимирязев, когда современное естествознание определяет на стр. 159 своей статьи как совокупность всего «жизнеспособного» в науке в противоположность ее «мертвым продуктам». Конечно, условно можно под современным естествознанием понимать и диалектическое естествознание, но такое «жизнеспособное», сознательно диалектическое естествознание существует пока только в воображении т. Тимирязева. Да и там оно, вопреки воле своего творца, полно еще вульгарнейших предрассудков. В действительности же современное естествознание еще только рожает диалектическое естествознание, и роды эти вовсе не так легки. Идеализм, вульгарный эмпиризм, механическое миропонимание вовсе не пред-

³⁾ «Вестник Коммунистической Академии», XVII, стр. 119.

ставляют чего-то в внешнем по отношению к современному естествознанию, что можно отнести одним взмахом критической метлы тов. Тимирязева. Пока естествознание не стоит на сознательно диалектической точке зрения, очень часто даже положительное развитие той или иной области знания приводит к идеалистическим вывертам. В установлении этого положения заключалась суть ленинской трактовки современной физики в 5-й главе «Материализма и эмпириокритицизма». Механически мыслящему т. Тимирязеву никак ее не понять. Для него есть, с одной стороны, хорошее, «жизнеспособное», современное естествознание, истинное, диалектическое, ему же он поклоняется; с другой стороны, дурное, плохое, мертвое естествознание, мусор, который он механически отмечает и который к «хорошему» никакого касательства иметь не должен. Такова наивная мудрость всего построения статьи. Тов. Тимирязев не видит, что всякое «долженствование» остается пустым звуком, пока оно не превратилось в действительность, что в действительности плохое и хорошее связаны друг с другом, что именно поэтому-то и нужна помощь диалектики, чтобы побороть дурное.

Постановка вопроса т. Тимирязевым, вопреки всем его добрым намерениям, ведет к иллюзорному представлению о содержании современного естествознания, к замазыванию борьбы в нем научного с псевдо-научным, к апологии вместо диалектической критики. Поэтому наши механисты, подменяя теорию диалектики последними выводами «современной науки», подменяя философский материализм данным в настоящий момент физическим определением материи, не только, с одной стороны, ревизуют диалектический материализм, но и, с другой стороны, олицетворяют собой реакционную косность и враждебность, с какой идеалистическая и цеховая «наука» встречает ненавистное ей «ярмо» марксизма.

Конечно, прав был Энгельс, когда писал, что новейшее естествознание, его достижения за последние десятилетия, «не мирится» со старой, ограниченной механистической теорией. Но поистине странно умозаключать отсюда, что в современном естествознании уже нет и следа механического миропонимания. В теоретическом естествознании именно оно, а не диалектико-материалистическое миропонимание, до сих пор еще господствует. Таким образом, сконструированное т. Тимирязевым противоречие между Энгельсом и Дебориным благополучно разрешается как результат расплывчатости его собственных определений.

Но еще более странной является далее попытка т. Тимирязева доказать диалектическость современного естествознания.

ходя из диалектическости отражаемого им мира. Раз в природе все происходит диалектически, наши теории—отражения природы, и мы успешно ими пользуемся на практике—значит и наши теории диалектичны! Божественная цепь силлогизмов, подвигающая в драках всех диалектиков! В высшей степени странно лишь при этом, как т. Тимирязев не отдает себе отчета в том, что он доказывает слишком много—увы!—не доказывает ничего. В самом деле. Спросим себя—не совершилось ли все в природе, скажем в XVIII веке, диалектически, не представляло ли естествознание XVIII века—отражение этой природы и не руководилось ли человечество добытыми этим естествознанием истинами в своей практике? Конечно, да! Не доказывает ли то, что естествознание XVIII века, вопреки Энгельсу, было диалектическим? Как будто, по т. Тимирязеву, тоже да. Нельзя ли таким образом блестяще доказать, что вообще любая теория, которая хоть в какой-либо степени оказывается способной быть руководителем человеческой практики—диалектична? Несомненно, следя методу т. Тимирязева, это можно безошибочно доказать и для прошлого, и для настоящего, и для будущего.

Тов. Тимирязев не понимает, что, с одной стороны, скажем та же механическая точка зрения, отражая приблизительно верно определенную сторону действительности, может быть недурным руководителем в известной части человеческой практики, обнаруживая свою недостаточность и односторонность при переходе к другим, более сложным ее формам. С другой стороны диалектический характер фактов и законов, открываемых естествознанием, вовсе не доказывает еще диалектического характера теорий, на основании тех или иных фактов создаваемых на данной ступени развития науки. Тов. Тимирязев, совершая свою приятную прогулку в области диалектики, далек всех этих различий, и удивительно ли, что для него все называется диалектикой, как для путешествующих знатных иностранцев все туземцы кажутся на одно лицо.

Поэтому, вопреки тов. Тимирязеву, так называемое «современное теоретическое естествознание» никак не приходится трактовать как верх диалектического совершенства. И тот же самый Энгельс, который писал о том, что новейшее естествознание не мирится с механическим миропониманием, упрекал враждущихся т. Тимирязеву весьма диалектическими естествознавцами типа Гельмгольца и Маквелла в непонимании качественных изменений в действительности, перемены форм.

Но правы ли были т. Деборин и проф. Самойлов, когда они рассматривали, как господствующее до сих пор в современном теоретическом естествознании, вопреки диалекти-

ческому характеру новейших его достижений, механическое миропонимание?

Тов. Тимирязев не может этого отрицать. Он лишь отрицает, что современная механика то же, что старая механика, он пытается доказать, что она сама насквозь диалектична и что современная механистическая точка зрения есть диалектико-материалистическая точка зрения.

Однако, прежде чем последовать в этом отношении за т. Тимирязевым, отметим еще понимание или, вернее, недостаточное понимание им и второго основного понятия своей собственной статьи — содержания механического материализма XVIII века. Т. Тимирязев полагает, что всему французскому материализму XVIII века было свойственно отождествление всех явлений с механикой, французский материализм кажется ему сплошной массой вульгарных механистов, далеких идеи развития и качественного преобразования форм. Однако, если бы т. Тимирязев читал хотя важнейшие переводы французских материалистов на русский язык за последние годы, вышедшие из столь греховной «школы Деборина», например, Дидро и Ламеттри, он убедился бы, что, несмотря на свой преимущественно механический характер в целом (что совершенно верно и отметил Энгельс), в свою очередь французский материализм распадается на два течения, из которых одно (главным образом Гольбах) было, если можно так выражаться, ортодоксально-механическим, а другое—Ламеттри, Дидро, Робинз—уже во многом предвосхищало эволюционную и диалектическую точки зрения; что в этом отношении многие философы—французские материалисты на целую голову выше иных рассовременнейших естествоиспытателей. Но разве физику обязательно знать истории философии и различать все эти «тонкости», обозревая с высоты птичьего полета область диалектики? Он скользит над всеми этими различиями, устанавливая нужные ему соотношения между им же сконструированным идеальным «современным естествознанием» и низменным французским материализмом XVIII века, который должен отвечать и за свои действительные грехи и за грехи... тов. Тимирязева!

И поэтому вопрос т. Тимирязева должен был бы гласить: действительно ли современное теоретическое естествознание, поскольку оно обосновывает и универсализирует механистическую точку зрения, цепляется за то, что было недостаточной стороной, шайцей французского материализма XVIII века? Не заключается ли задача диалектики природы в том, чтобы преодолеть эту шайцу? И не в этом ли видели Энгельс и Ленин суть совершающейся ныне в естествознании революции?

III.

Из-за чего идет спор?

Большую часть своей статьи тов. Тимирязев посвящает подбор различных примеров, доказывающих, что «современное естествознание» вовсе не ограничивает задач науки сведением всех явлений природы к механическому движению и что в самой современной механике есть диалектические моменты. За примеры т. Тимирязеву можно быть только благодарным и, если сравнить его нынешние примеры с теми примерами, которые еще так недавно он приводил в своей статье о «Диалектическом методе и современном естествознании», то нельзя не признать, что философская критика последних лет оказалась в известной степени не бесполезной даже для наиболее твердо...каменных механистов. Это личный раз подтверждает, что единственным действительным способом диалектического воспитания наших естественников является не потакать их предрассудками, не воскурять фимиамы их специальным знаниям, а систематически бороться против их ошибок. Из борьбы рождается истина!

И потому сейчас тем рече должно подчеркнуть, что пагромоздить кучу более или менее удачных примеров, сколь ни полезное это дело, еще вовсе не значит действительно усвоить диалектический метод и доказать, что он овладел уже современным естествознанием. Кунскамера фактов, собранных путем существующим в диалектическом специалистом, вовсе не заменяет собой ни теории диалектики, ни доказательства того, что механистическая метафизика покинула окончательно по крайней мере важнейшие узловые пункты теоретического естествознания.

Всю статью тов. Тимирязева проникает некая двойственность, являющаяся результатом того, что, с одной стороны, он потерял уже веру во всесильность механического миропонимания, отступает от еще недавно всеобщаяясняющих его принципов. С другой же стороны отступление это прикрывает он барабанным боем по адресу своих же противников, обвиняя их самих в недооценке диалектических моментов в современной науке.

Поэтому в статье т. Тимирязева одновременно доказываются три взаимоисключающих друг друга положения: 1) что современное естествознание вовсе не механически, чему следуют примеры, а самое слово «механист» берется в кавычки, 2) что диалектическая точка зрения на различные формы движения и энгельсовское положение о «побочных формах» вместе с тем ведут так или иначе к витализму, а диалектическая трактовка случайности—к беспричинности, 3) что, в сущности говоря, слова

механист, материалист и диалектик выражают одно и то же и между ними нет никакого различия.

А так как философу, по завету Спинозы, полагается прежде всего не плакать, не смеяться, а понимать, то, поняв цепь превращений, проделываемую т. Тимирязевым на протяжении одной статьи, может быть достаточно было бы сказать: окостеневшее в механистических и позитивистских представлениях мышление наших естественников начинает приходить в некоторое движение; нельзя требовать от людей, чтобы они сразу явили образец последовательности и полного понимания того, к чему они приходят с такими «боями»; пройдет еще немного времени, и, может быть, тогда некоторые из них поймут сами, что били стекла напрасно и попадали совсем не в ту дверь, в какую хотели пройти.

Однако, если философу не положено плакать и смеяться ранее, чем понята какая-либо вещь, то, поняв вещь, ему полагается вместе с тем не только созерцать ее, но и действовать на основе этого понимания, и действовать со страстью. В данном случае это тем более необходимо, что лишь дальнейшей критикой и сопоставлением нынешних произведений наших механистов с тем, что они писали еще так недавно, можно заставить их осознать самих и помочь сознать всем их окружающим, какую метаморфозу они уже проделали и как много им еще нужно проделать для того, чтобы превратиться в действительных, постоянных обитателей страны диалектики.

С чего и из-за чего началась борьба диалектиков с механистами в нашей философской литературе последних лет? Как всем известно, зачинателем механистической точки зрения является тов. Степанов. Его брошюра («Исторический материализм и современное естествознание»), статьи («Диалектическое понимание природы—механистическое понимание», «Энгельс и механистическое понимание природы»), доклад в Тимирязевском институте (и прения по нему—см. сборник «Механистическое естествознание и диалектический материализм») дали основные исходные положения нашей механистической литературы. О чём же шел спор с т. Степановым и всеми его единомышленниками (к числу которых единогласно присоединился весь Тимирязевский институт, вместе с А. К. Тимирязевым)? О чём шел спор на всех последующих дискуссиях: в 1 МГУ, в Институте Научной Философии? Я оставил здесь в стороне все то, что в Институте Научной Философии было привнесено некоторыми отдельными союзниками механистов, вроде т. Варяяша с его фрейдизмом, Л. И. Аксельрод с ее защитой «простых законов права и нравственности», споры о значении общих по- нятий, крайне важные для характеристики понимания марксизма

некоторыми из наших противников и т. д. Я беру механистическую точку зрения, если можно так выразиться, в ее современной классической форме и спрашиваю—в чем же она заключалась?

1) В отождествлении диалектического миропонимания с механистическим, диалектического материализма с современным естествознанием, в решительном отрицании, таким образом, различия между философским и физическим определениями материи.

2) В защите положения о возможности сведения всех форм движения к перемещению в пространстве мельчайших однородных частиц, в попытке доказать, что отрицание Энгельсом этой возможности опровергнуто современной наукой и что современная наука в известном смысле возвращается к Пифагору.

3) В отрицании диалектического положения Энгельса о том, что после возникновения нового качества, новой формы движения, все низшие его формы, послужившие основанием возникновению высшей формы, являются «побочными формами». В утверждение, что Энгельс этим положением дает не то палец, не то руку механистам.

4) В утверждение, что качества в природе нам даются заранее, являются уже данными, и задача науки заключается в развязывании качественных узлов, замене их «тонкими линиями».

5) В утверждение, что было два Энгельса, один до 1883 г., другой после 1883 г. и что Энгельс «просто переписывал» свои возражения против механистического материализма XVIII века.

6) В утверждение, что «теоретически» и в конечном счете «социальные явления так же доступны не только качественному—социологическому анализу, но и количественному—физико-химико-биологическому»¹⁾, что «прошлые неудачные подходы не доказывают принципиальной невозможности подведения количественного диалектико-материалистического механистического (!!) фундамента (!!) под социологию» (Боссе).

Вот пункты, по которым проходил водораздел между диалектиками и механистами.

Любой диалектик сможет и сейчас без всяких оговорок повторить свои старые ответы по всем шести пунктам:

1) Диалектический материализм не тождествен механистическому. Диалектический материализм не тождествен современному естествознанию, и физическое определение материи не

¹⁾ Непонимание марксизма здесь, между прочим, заключено уже и в том, что социальный анализ изображается как только качественный, в противовес только количественному—«физико-химико-биологическому».

может заменить философского ее определения, хотя и определяет форму материализма.

2) Действительность не исчерпывается движением, понимаемым только в смысле перемещения в пространстве однородных материальных частиц. Движение есть изменение вообще, включающее в себя и качественное изменение формы. Односторонне-количественная, математическая точка зрения ведет в конечном счете к идеализму и только невежеством по части истории философии можно обяснить незнание того, что именно пифагорейское учение было первым шагом к идеализму в истории человеческой мысли.

3) Положение Энгельса о «побочных формах» правильно и никакого намека на витализм в себе не содержит, так как отрицает какие бы то ни было сверхъестественные «силы» в природе и заменяет их формами материального движения.

4) Положение о «тонких» линиях и развязывании узлов есть вульгарный эволюционизм, методологически ведущий к Бернштейну. Что «качества уже заранее даются»—махистское положение, ничего общего не имеющее с диалектической, исторической точкой зрения Маркса.

5) Никакого перелома в своих воззрениях в 1833 г. Энгельс не совершал.

6) Признать принцип сводимости общественных явлений к количественным отношениям значит стать на точку зрения буржуазной социологии, ничего общего с марксизмом не имеющей.

Давая в своем роде программную статью, г. Тимирязев, казалось бы, обязан был отвечать в свою очередь совершенно не двусмысленно на все эти вопросы. Посмотрим же, как он на самом деле на них отвечает.

IV.

Механическое движение и качества.

Первым тягчайшим грехом диалектиков, согласно т. Тимирязеву, является то, что они не видят отличий современной механики от механики XVIII века. Современная механика—а, значит, и современное механическое миропонимание—исходит не только из математических уравнений, а в лице статистической механики учитывает и начальные положения тел, именно с помощью теории вероятности исследует начальные их скорости и наиболее вероятные распределения (121). Таким образом, она как бы вовсе не отрицает качественный момент в природе, а даже исходит из него.

Тов. Тимирязев не замечает, что он, в сущности говоря, вместо разрешения проблемы во всем этом рассуждении только уклоняется от нее.

Что даже механически движущееся тело не может быть абсолютно бескачественным, так как вообще в природе нет ничего абсолютно бескачественного—это вовсе не составляет какого-либо открытия т. Тимирязева, нового для диалектиков. В том же самом № 4—5 «Под Знам. Марксизма» за 1926 год, из которого тов. Тимирязев цитирует статьи т. Деборина, проф. Самойлова и мой ответ проф. Самойлова¹⁾, была помещена еще одна статья пишущего эти строки—окончание критики Богдановской «Тектологии». Казалось бы, что, почтив диалектиков своим вниманием, т. Тимирязев должен был бы, если не из интереса к спорам вокруг Богданова, то в силу элементарной обективности, прочесть и эту статью, указать на то, что там сказано как раз по вопросу о механическом движении. А там черным по белому было сказано следующее: «Механически движущееся тело также обладает некоторыми изначально присущими ему качествами. Качества эти заранее даны, они не изменяются ни в процессе механического движения, ни в организационном процессе, ни в смене состояний равновесия, не переходят ни во что иное, не возникают, не исчезают. Механическое движение представляет, в сущности говоря, самую абстрактную форму движения. Это вовсе не значит, что механическое движение и наука механики представляют собою забытые диалектикой области, в которых она не находит себе применения. Таких областей в природе не существует. В одной из предыдущих глав мы разобрали уже противоречие механического движения. Несомненно, что и в механике можно установить целый ряд диалектических законов. Но именно потому, что это наиболее абстрактная форма движения, качественный момент здесь сведен до минимума и именно в ограждении от него и заключен чисто-механический характер процесса, целиком улавливаемого в математических, количественных характеристиках. Полного отвлечения от качества не может быть, хотя бы уже потому, что мы не можем мыслить абсолютную бескачественность тела. Само чистое количество есть некое качество, принципиально отличное от всего остального» (стр. 32—33).

Эту длинную выписку мне приходится давать для того, чтобы документально доказать т. Тимирязеву, что все его упреки в том, что диалектика якобы признает существование

¹⁾ Ответ был подписан Н. К., т. к. в номере шла еще одна моя статья. Цитируя этот ответ, т. Тимирязев, приводя подпись под статьей, грозно вопрошает: «Не Карев ли?». Хотя в литературе и не принято допытываться о псевдонимах, обращая главное внимание не на то, кто писал, а на то, что написано, я готов удовлетворить любознательность т. Тимирязева и понести заслуженные кары.

в действительности каких-то абсолютно бескачественных частиц, или обожженных ею области—вздорны.

Более того. В цитируемой же статье было указано, вслед за Энгельсом, в чем же именно и заключается диалектичность механического движения. Тов. Тимирязев заблуждается, когда думает, что признать изначальную данность качеств в механически перемещающемся теле и значиг стать на диалектическую точку зрения. Поскольку вы в дальнейшем изучаете лишь количественные перегруппировки данных элементов, вы как раз отвлекаетесь от их качественных особенностей, внутреннего самодвижения, т.-е. остаетесь на позиции формально-логического, математического анализа.

Диалектичность механического движения заключается в другом—в том, что сама форма механического движения, как перемещения в пространстве, внутренне противоречива, на что указывал еще Зенон, что особенно подчеркивали и Энгельс, и Плеханов. Кроме того, можно было бы привести ряд примеров того, как самому механическому движению приходится в своей собственной области очень часто иметь дело не только с различной количественной группировкой данных качественных элементов, а и с изменением качества движения, формы перемещения. Нас в данном случае, однако, интересует прежде всего принципиально-теоретическая постановка вопроса.

Таким образом, значит, дело не в том, обладает или нет какими-либо качествами механистически движущееся тело, а в том, в чем отличие от других наук той точки зрения, с которой изучает движения качественно различных тел наука механики. И вот отличие-то механической точки зрения на движение, на действительность, в том и заключается, что она стремится отвлечься от данных качеств, разложить их на количественные отношения, развязать узлы, в идеале всякое движение свести к перемещению в пространстве однородных материальных частиц. В этом и заключено коренное отличие диалектической точки зрения от механической, будто как для диалектика перемещение тела в пространстве, будучи всегда связано с присущим ему движением, не исчерпывает этого движения. Движение тела есть не только его перемещение, а и качественное изменение предмета, изменение вообще.

И поэтому-то Энгельс, который прекрасно знал, что перемещение в пространстве есть диалектический процесс и в природе нет абсолютно бескачественных тел, писал, что если стать на последовательно механическую точку зрения и признать, что механическое движение исчерпывает движение вообще, то неизбежно должно прийти к положению, что «вся материя

состоит из тождественных мельчайших частиц и что все качественные различия химических элементов материи вызываются количественными различиями в числе и пространственной группировке этих мельчайших частиц при их обединении в атомы».

А в следующем же абзаце Энгельс продолжал, словно имея в виду именно т. Тимирязева: «Только незнакомство современных естествоиспытателей с иной философией, кроме той ординарнейшей вульгарной философии, которая процветает ныне в немецких университетах, позволяет им оперировать таким образом выражениями вроде «механический», при чем они не дают себе отчета и даже не догадываются, какие из этого вытекают необходимые выводы»¹⁾.

Поэтому, когда диалектики (и тов. Деборин в том числе) говорят, что современное теоретическое естествознание сбивается в представление о материи, как состоящей из тождественных мельчайших частиц, согласно которому «материя определима только количественным образом, качественно же искони одинарна», то они имеют в виду не конкретное содержание науки, которому до таких представлений «еще очень далеко», а тенденцию, необходимый вывод из механического миропонимания, который сами естествоиспытатели-механисты не додумывают до конца. И именно преодоление этой односторонней точки зрения составляет суть диалектического понимания природы, отличие его от точки зрения, господствовавшей во французском материализме XVIII века.

Итак, путешествие т. Тимирязева в страну диалектики в связи с пониманием механики и механического движения следует признать столь же удачным, как и его путешествие в связи с определением понятия «современного естествознания». Побывав и «тут», и «там», он везде создает себе призрачных врагов и поражает их, подменяя проблемы и понятия словами о современнейшем и новейшем. Он забывает, что в теории мышление нельзя заменить примерами, а еще Энгельс учил, что последовательное теоретическое мышление не является прирожденным свойством естествоиспытателя, а дается лишь изучением истории философии и диалектики. К сожалению, в своей статье т. Тимирязев игнорирует и то, и другое. Диалектика же обладает чудесной способностью мстить за пренебрежение к себе, направляя шаги своих хулителей неизменно... в лужи!

¹⁾ «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. 2, стр. 145. Ср. с этим еще следующее место у Энгельса: «В механике мы не встречаем никаких качеств, а в лучшем случае состояния, как равновесие, движение, потенциальная энергия, которые все основываются на измеримом перенесении движения и могут быть выражены количественным образом» (стр. 223).

V.

О чудесном превращении Энгельса в поклонника механистов и о сенатских разъяснениях т. Тимирязева.

Прежде чем перейти к следующему вопросу о так называемой «уступке» диалектиков механистам, следует сказать несколько слов по поводу превращения т. Тимирязевым Энгельса почти в механиста на примере трактовки им электромагнитных явлений. Чувствуя, что при помощи одной статистической механики не спасти механистической точки зрения и что она далеко не исчерпывает проблемы строения материи, т. Тимирязев переходит к изучению «сил взаимодействия» между молекулами и составляющими их атомами, к электромагнитным явлениям. Задача его заключается в том, чтобы доказать, что электромагнитные явления «сводятся» к уравнениям механики. Разрешается эта задача следующим образом: во-первых, привлекается в качестве свидетеля по делу Энгельс, который вопреки своей воле вынуждается одобрить то, что он никогда не одобрял; во-вторых, затем разъясняется понятие «сведения» и, в-третьих, с победоносным видом преподносится в заключение цитата из Ленина, которая на самом деле опровергает все, что до того должно было быть считаться доказанным.

Эти три ступени доказательства ни в малой мере, конечно, не проходят на ступени развития диалектической триады, а скорее напоминают три сосны, в которых т. Тимирязев окончательно теряет отчетливое представление о том, что же, в конце концов, такое механистическое миропонимание.

Доказательство от Энгельса заключается в том, что в 60-х г.г. Маклевелл дал рассмотрение магнитных явлений с механической точки зрения (т.-е., значит, и с механистической, или все же это разные вещи?), при чем под ней он понимал именно выяснение того, какие напряжения или движения некоторой среды вызывают наблюдаемые механические явления. Энгельс по поводу теорий Маклевелла, Ганкеля и Реняра, рассматривавших электричество как своего рода вихревое движение, писал, что эти теории представляют собой решительный прогресс, дают «надежду обяснить, что такое собственно вещественный субстрат электрического движения, что собственно за вещь вызывает своим движением электрические явления»¹⁾. Из этого Тимирязев умозаключает, что раз Энгельс в данном случае хвалит «механиста» Маклевелла, то не иначе, как за его механическую точку зрения. Тов. Тимирязев не понимает, что всякий мало-мальски внимательный читатель без всякого труда обна-

ружит, что дело в данном случае вовсе не в механической точке зрения Маклевелла, и не она вызывает одобрительное замечание Энгельса, а в попытке установить вещественный носитель электромагнитных явлений. Таким образом, речь здесь идет о том, чтобы от вульгарного метафизического представления о двух противоположных электрических жидкостях и т. п. перейти к изучению той особой формы движения материальной среды, которая порождает электричество. Механическая точка зрения тут положительно не при чем, и если все споры вокруг механического миропонимания сводятся к тому, что надо искать вещественных, материальных носителей тех или иных явлений природы и доказывать как они связаны с теми или иными особыми формами движения, то тогда одному т. Тимирязеву известно из-за чего ломаются копья уже два года. Ни один материалист, находящийся в здравом уме и твердой памяти, против такого «механизма» не будет возражать, но непонятно только при чем здесь именно «механика». А что специфические механистические воззрения Маклевелла не вызывали никакого одобрения Энгельса и даже, наоборот, осуждались им, т. Тимирязев обязан был, раз уж взялся за проблему отношения Энгельса к Маклевеллу, продлить из той же «Диалектики природы». На стр. 271 Энгельс, критикуя понятие работы у Гельмгольца, пишет: «Количественная неизменность величины работы скрывает от него тот факт, что основным условием всякой физической работы является качественное изменение, перемена формы», и в примечании к этому—«Не лучших результатов мы добьемся у Клерка Маклевелла. Этот последний говорит (Theory of Heat, 4-th. ed., London 1875, стр. 87): «Работа производится, когда преодолевается сопротивление», и стр. 184: «энергия какого-нибудь тела, это—способность произвести работу». Это все, что мы узнаем у Маклевелла насчет работы». Здесь-то Энгельсом имеется в виду как раз абстрактная, механическая точка зрения на работу у Маклевелла, упускающая момент качественного изменения, перемены формы, и в этом именно пункте Энгельс явно не одобряет Маклевелла. Его он относит к числу тех «шотландцев», для которых «мышление запрещено, можно производить только вычисления».

Итак, попытку т. Тимирязева опереться на Энгельса следует признать битой. Перейдем к «разъяснениям». «Сведение т. Тимирязев «разъясняет» следующим образом: механисты XIX и XX в.в., в отличие от материалистов XVIII в., «сводят законы электромагнетизма к уравнениям механики, не «смазывают» «специфического» в электромагнитных явлениях. А именно, они разработали учение о вихревом движении и, во-вторых,

1) Там же, стр. 299.

в противоположность старой механике «твёрдых тел», представители новой механики исходят из понятия о переменной массе, как результате взаимодействия движения электрически заряженного тела с окружающим эфиром. Но если «сведение» «сводится» к признанию специфиности электродинамической формы движения материи, к тому, что законы и понятия старой классической механики оказываются недостаточными, что открыты новые формы материального движения, что не электродинамика сводится к механике, а, наоборот, механика оказывается частным случаем электродинамики—то что же, спрашивается, остается на долю «сведений»? И не доказывает ли тем самым тов. Тимирязев вновь слишком много—так что все стрелы его аргументов попадают обратно в него самого же? Стоит ли писать статьи в три с лишним листа, чтобы демонстрировать в философской литературе действие австралийского бumeranga с той лишь разницей, что бьется не тот, в кого он бросается, а тот, кем он бросается!

Наконец, последний аргумент тов. Тимирязева—цитата из Ленина. Первая часть ее заключает то положение, что расположение элементов на положительные и отрицательные электроны ведет к единству материи. По т. Тимирязеву, это положение Ленина не разделяется диалектиками. Нам лично таких чудаков не приходилось еще встречать. Если же т. Тимирязев думает, что признавать единство материи, отсутствие абсолютных граней в ней, постоянные превращения из одного качественного состояния в другое, значит признавать материю состоящей из тождественных материальных частиц, то он сам себе ставит жестокую единицу не только по диалектике, но и по формальной логике.

Цитата из Ленина, единственная окончательно закрепить позиции т. Тимирязева, в его собственном изложении кончается так:

«Но диалектический материализм настаивает на приближительном, относительном характере всякого научного положения о строении материи и свойствах ее, на отсутствии абсолютных границ в природе, на превращении движущейся материи из одной состояния в другое, повидимому, с нашей точки зрения, не примиримое с ним и т. д. Как ни диковинно с точки зрения «здравого смысла» превращение невесомого эфира в весомую материю и обратно, как ни «странны» отсутствие у электрона всякой иной массы, кроме электромагнитной, как ни необычно ограничение механических законов движения одной только областью явлений природы и подчинение их более глубоким законам электромагнитных явлений и т. д.,—все это только лишене подтверждение диалектического материализма».

Если т. Тимирязев полагает, что в приведенных словах Ленина есть хоть слово за механистическую точку зрения—он—уны!—плохо читает им же самим приводимые цитаты. Прочтите еще раз! У Ленина сказано как раз обратное: мы имеем теперь ограничение механических законов движения одной только областью природы и подчинение их более глубоким законам электромагнитных явлений».

Уж если приведенная самим же т. Тимирязевым цитата из Ленина не могла помочь ему избавиться от механофилии, болезни куда более распространенной, чем изобретенная т. Тимирязевым механобоязнь, то что же ему поможет и можно ли ему помочь вообще чем бы то ни было?

К этому нужно добавить, что т. Тимирязев с самой цитатой из Ленина поступил, как бы сказать,—несколько нехорошо. Он, приведя цитату в связи со спорами вокруг механистической точки зрения, забыл указать, что на тех же стр. 218—219 «Материализма и эмпириокритицизма», откуда взята эта цитата, Ленин дважды вспоминает энгельсовскую критику механического материализма и присоединяется к ней именно в связи со всем цитированным ходом мыслей.

Впрочем, я боюсь, что, приводя даже это место, т. Тимирязев был бы твердо уверен, что он, наконец, нашел решающий довод за механистов¹⁾.

VI.

О том, кто кому сделал уступку и что из этого получилось.

На стр. 129—130 своей статьи, которую точнее было бы отнести называть: «Переворотом в диалектике, произведенным... тов. Тимирязевым», он декретирует следующее: «В самое последнее время «философы» сделали большую уступку тем, кого они причисляют к «механистам». Так, в послесловии к упомянутой выше статье проф. Самойлова, тов. Н. К. (Н. Карев? А. Т.) высказывает следующую мысль: «Таким образом, мы можем сказать, что всякая высшая форма движения материи возникает из низшей, и появление ее не обязано вмешательству никаких особых сил, сверх тех, которые имеются в низшей форме. Она возникает в результате усложнения движения низшей формы, порождающего новые качества. Ни о каком витализме в данном случае и речи быть не может. Всякую высшую форму можно создать при соответствующих усло-

¹⁾ Кстати. Не обяснят ли нам т. Тимирязев, если он полагает, что выражения Энгельса против механистической точки зрения относятся только к французскому материализму XVIII века, почему Ленин повторяет эти выражения, изучая современное естествознание?

виях из взаимодействия низших форм, это несомненно» (Курсив наш. А. Т.) («Под Знаменем Марксизма», № 4—5, стр. 84). Если это так, то ведь спор окончен! Ни один из т. н. «механистов» не устанавливает знака равенства между живым и неживым, ни один из них не упускает из виду того «усложнения движения», которое приводит его из области физики в область физиологии».

Итак, отрицая вигализм и признавая возможность создать высшую форму при соответствующих условиях из взаимодействия низших форм—диалектики сделали «большую уступку» тем, кого они причисляют к «механистам». «Так называемые» же «механисты» никогда не отрицали различия между живым и неживым, не игнорировали «усложнения движения» при переходе от физики и химии к биологии и т. д. «Спор окончен!» Что ж, в добрый час! Но для этого нужно усกรанить лишь все «спорное» в самом провозглашении окончания спора. А его, если вдуматься, оказывается, к сожалению, более чем достаточного.

Странно как-то, во-первых, что, разграничивая лагерь «философов» и «механистов» и замыкая «механиков» в таинственные кавычки, т. Тимирязев пытается изобразить дело так, будто механисты вовсе не механисты, само это название никакого к ним касательства не имеет, это только злостные «философы» причисляют тов. Тимирязева и его единомышленников к «так называемым» «механистам». Словом, согласно простецкой пословице—я не я, и лошадь не моя. Словно всего бума с механическим миропониманием, диалектически-механистическим естествознанием, «физико-химико-биологическим» методом — и в природе не существовало! Конечно, отказ от старых ошибок можно только одобрить и повода ни к каким насмешкам от сам по себе давать не может. Но нельзя же перед всем честным народом, везде и всюду раззвонив о новом завете механистической точки зрения, взять затем и сказать: механисты—это «механисты» в кавычках, даже «так называемые» «механисты» в кавычках и, наконец, вовсе не механисты. К механистам же их причислили лишь «злые люди»—«философы». Не вправе ли будет после этого любой наблюдатель этой странной цепи овидиевых метаморфоз сказать—вы называете себя теперь диалектиками, но вы на самом деле «диалектики» в кавычках, даже только «так называемые» «диалектики» в кавычках, в конечном счете ничего общего с диалектикой не имеющие, а лишь при числящие себя к ней.

Дале не менее странно и то, в чем т. Тимирязев видит «уступку» диалектиков, «философов» по его терминологии, механистам: в отрицании вигализма и имманентной трактовке возникновения высших форм движения материи. Ведь для того,

чтобы говорить об уступке, надо указать, по отношению к чему сделана эта уступка. Может ли тов. Тимирязев указать хоть одного диалектика, который, будучи диалектиком, одновременно признавал бы вигализм и неразложимые метафизические качества? Нет, не может. При чем же тут «уступки»? Никаких уступок тут нет, а есть развитие своей точки зрения. Если т. Тимирязев согласен с ней, то тогда действительно спор окончен, но во всяком случае незачем вполне законный отказ от своей ошибочной позиции изображать как несуществующую уступку противников.

Однако во всем этом было бы еще полбеды, если бы не было разногласий в существе вопроса. Основная беда в том, что, даже стремясь стать на диалектическую точку зрения и сменить старые механистические вехи, т. Тимирязев оказывается неспособным просто понять то, что говорят его противники.

Зловещие симптомы обнаруживаю уже пояснения, которыми т. Тимирязев сопровождает свое признание различия между живым и неживым, «усложнения движения» при переходе из области химии в область физиологии. «Ведь,— пишет тов. Тимирязев,— физиология не буквальная копия слова в слово, буква в букву, учебников физики и химии. Однако, если мы и знаем, что путь от неживого к живому лежит через органическую и коллоидальную химию, то все-таки мы не сможем еще теперь с такой ясностью сформулировать, в чем состоит «усложнения движения» при переходе от неживого к живому, как это нам удалось при переходе от одной группы явлений к другой в области физики» (130).

Таким образом, вся «специфичность» живого в том, что физиология не повторяет «слово в слово», «буквально», у учебников физики и химии, что мы «еще теперь» не в состоянии «сформулировать», в чем состоят «усложнения движения» при переходе от неживого к живому с такой же «ясностью», как при переходе от одной группы явлений к другой в физике. О качественном отличии живого от неживого—ни гу-гу! Механисты, изволите ли видеть, признают, что не совпадают учебники и что все «еще» мы «теперь» с «ясностью» не можем «сформулировать», также как в физике, в чем заключается усложнение движения при переходе от неживого к живому. Принципиально же не «теперь», а «когда-либо», не «еще», а «уже», когда все «прояснится», изучение жизненной формы должно стать огделом физики, а в дальнейшем, очевидно, и механики. Такова скрытая логика рассуждения т. Тимирязева. Но она начисто уничтожает ту действительную уступку, которую т. Тимирязев несомненно хотел сделать философам по вопросу о качестве во всем этом рассуждении.

Последующие размышления т. Тимирязева еще более обнаруживают ту же скрытую логику. Приводя дальнейшее развитие уже приведенной цитаты из моего ответа проф. Самойлову, т. Тимирязев пишет: «Высказав, однако, совершенно правильную мысль, тов. Н. К., как бы одумавшись, сейчас же берет ее назад (курсив наш. Н. К.). «Но, раз возникнув,—говорит он,—высшая форма представляет собой нечто новое (это совершенно верно. А. Т.), и потому разложение ее вновь на составные части не дает еще полного ее об'яснения. Разложение приводят лишь к повторению и воспроизведству старого» (?). Ведь только что, отгораживаясь от виталистов, тов. Н. К. заявил, что «всякую высшую форму можно создать при соответствующих условиях из взаимодействия низших форм». Спросим себя теперь, а что же для создания высших форм надо знать, из какого числа и каких низших форм построена данная высшая? А как же в самом деле отважить на этот вопрос, не делая разложения высшей формы на составляющие ее низшие?» (сгр. 130).

Прекрасный образец непонимания (или нежелания понять? или желания не понять?) противника, а в данном случае и диалектическую точку зрения вообще! Прежде всего оба заключительных вопроса т. Тимирязева, как бы сказать, некстати. Они были бы уместны, если бы я, в цитируемой т. Тимирязевым статье, ни слова не сказал о необходимости анализа, разложения высших форм на составляющие их низшие. Но т. Тимирязев прекрасно знает, так как я не допускаю мысли, чтобы он читал пропуская неудобные для него строки, что в той же статье, на той же странице, откуда берет т. Тимирязев высшеприведенную цитату, я пишу, что «разложение явления на простейшие составные части представляет важную задачу науки, без него невозможно познание действительности, и электрон должен быть разложен и далее, об'яснен из более простых форм движения материи. Наука не должна останавливаться на этом пути и неустанно рвать глубже. Выдумки, что диалектика ставит исследователю какие-либо запреты. Наоборот, она требует, чтобы он не останавливался ни на каком достигнутом результате, а неустанно двигался вперед. Скорее механическая точка зрения приводит к тому, что, раз найденное превращается в некий священный абсолют, всякие сомнения по поводу которого об'являются кощунством и едва ли не черносотенством»¹⁾.

Таким образом, всякий, стоящий на диалектической точке зрения, не только не отрицаает анализа, разложения высших форм на их составные части, но и проводит это требование последовательнее, чем сами механисты. Отличительная черта диалектического

¹⁾ «Под Знаменем Марксизма», № 4—5 за 1926 г., стр. 85.

метода, однако, в том-то и заключается, что, признавая необходимость самого последовательного, глубокого анализа, он не ограничивается им одним, и кроме регressiveного пути знает еще и прогрессивный путь, путь синтеза. А синтез предполагает качественное отличие высшей формы от низшей и поэтому полное ее об'яснение невозможно одним лишь путем разложения высшей формы, путем ее анализа. То, что т. Тимирязев противопоставил как «совершенно правильную мысль» и как то, что я написал «как бы одумавшись», на самом деле представляет одно и то же общизвестное диалектическое положение, разные стороны его. Как же после этого брать всерьез диалектические клятвы тов. Тимирязева, если он отказывается понимать саму возможность диалектической постановки вопроса?

Что разложение высшей формы ведет к воспроизведству и повторению старого, это очевидно из всего только что изложенного. Ведь высшая форма есть синтез, исторически возникший из низших форм. Разложение высшей формы на низшие возвращает нас к исторически исходной ступени ее развития, воспроизводит старое, и поэтому не дает полного об'яснения того, что может об'яснить лишь исторический, синтетический метод. Это утверждал совершенно правильно К. А. Тимирязев, когда писал, что не морфология и не физиология, а только исторический метод в биологии дает об'яснение целесообразности и единству организма. Теперь приходится задать вопрос—уже не потеряли ли наши механисты способность понимать вообще кого бы то ни было, в том числе и тех, кого они официально называют своими учителями, а—может быть—даже и самих себя? Во всяком случае не субъективно, а объективно лигераторов А. К. Тимирязев, в своих статьях, то соглашаясь с диалектической точкой зрения, то удивляясь самой ее возможности, явно оказывается не в ладу с самим собой.

Плохо лишь то, что раз'едаемый диалектической рефлексией, но все еще скованный цепями механического мировоззрения, тов. Тимирязев всякий новый шаг свой по пути ознакомления с диалектической лигуратурой выдает как неслыханное открытие, обнаруживающее не его собственную предшествующую неосведомленность, а невежество или злонамеренность его противников.

Так и в своей статье, вслед за вышеописанными злоключениями вокруг т. наз. «уступки», г. Тимирязев затем цитирует ряд мест из «Диалектики природы» Энгельса о переходе от физики к химии и от химии к организму, устанавливющих неразрывную связь и единство, но не тождество, их, и воскликнет: «Приведенные нами выдержки из «Диалектики природы»

не пользуются большим вниманием у «новейшей школы марксизма», главой которой является А. М. Деборин» (стр. 132).

Но как же быть, если эти выдержки уже приведены—и на несчастье т. Тимирязева—именно гов. Дебориным и как раз в его статье против механистов: «Энгельс и диалектическое понимание природы»¹⁾. Тому же вопросу посвящена, в сущности говоря, целая статья т. Деборина «Проблема возникновения жизни» в серии статей о «Диалектике в биологии»²⁾. Очевидно, если действительность имеет смелость расходиться с тем, что предписывает ей т. Тимирязев,—то тем хуже для действительности!

VII.

О «побочных формах».

Завершает непонимание т. Тимирязевым диалектического метода его упорство в отношении понятия «побочных форм». Это понятие служит как бы лакмусовой бумажкой, обнаруживающей механиста, или, точнее, красным платком, выводящим его из «состояния равновесия». Следуя тов. Степанову, и тов. Тимирязев не может «признать удачным» энгельсовское выражение «побочные формы», но, не в пример т. Степанову, имеющий уже кое-какой опыт борьбы с диалектиками, т. Тимирязев пишет, что этим выражением не сам Энгельс дает не то палец, не то руку механистам, а действуют на руку виталистам «те, которые» выставляют его на первый план. Оборот куда более тонкий—но, ведь, где тонко, там и рвется... Принципиальный-то вопрос заключается в том, действительно ли есть хоть что-либо виталистическое в понятии «побочных форм» у Энгельса или нет. Принципиальный-то вопрос заключается в том, представляют ли в действительности высшая форма по отношению к низшим, ее образующим, формам, нечто новое и обяснямо ли ее движение из законов движения этих низших форм. На этот принципиальный вопрос у т. Тимирязева если и есть отвег, то старый, механистический, ответ, а этим он решительно становится в ряды противников Энгельса. Сводить же дело к «выражению» по меньшей мере не остроумно.

Аргумент гов. Тимирязева против «выражения» «побочные формы» сводится к следующему: «как составные части единства могут быть побочными по отношению к единству, хотя и заключающему то новое, что дает взаимодействие этих составных частей?» (стр. 133).

¹⁾ См. «Под Знам. Маркс.», № 10—11 за 1925 г., стр. 21—23.

²⁾ «Под Знам. Маркс.», № 3 за 1926 г.

Но это и есть механическая точка зрения на то новое, что возникает в результате синтеза низших форм.

Возьмем наиболее показательный пример общества. Общество состоит из отдельных индивидов, представляющих единство в определенной системе общественного производства. Чем являются законы жизни отдельных организмов, составных частей общественного целого, как не побочными формами по отношению к законам, управляющим движением целого? Не законы психо-физиологии обясняют движение общественной жизни и лежат в ее основе, а скорее наоборот—законы движения общественно целого обусловливают и психику и, в известной мере, физиологию отдельных индивидов. В этом—содержание энгельсовского понятия побочных форм. Отвергнуть его—значит отвергнуть марксизм.

Второй аргумент т. Тимирязева против ненавистных «побочных форм» является как бы аргументом от противного. Он приводит место из статьи т. Деборина о Бэконе, где говорится о том, что задачей современной науки «является преодоление механизма, как и витализма» и спрашивает: «Итак, преодоление механизма и витализма! Хорошо сказано! Ведь преодоление для диалектики означает синтез, а не только одно отрицание. Что же, спрашивается, можно позаимствовать у виталистов?» (134). Уж и самом деле—не дают ли диалектики пальцы и руки вигализму, этому махровому идеализму в биологии? Страшен сон!..

Тов. Тимирязев торжествовал бы победу, если бы... если бы он хоть немного отдавал себе отчет в том, что он пишет. Требование преодоления как витализма, так и механизма он понимает как требование их синтеза¹⁾. Синтез же не есть простое отрицание. Отсюда т. Тимирязев заключает, что диалектики собираются нечто позаимствовать у виталистов. Увы, А. К.! Вся эта цепь сyllogismов свидетельствует не о желании диалектиков заимствовать что-либо у виталистов, а о вашем нежелании заимствовать у них правильное понимание диалектического синтеза. Диалектический синтез вовсе не является результатом механических позаимствований у обеих борющихся противоположностей, чтобы затем их так или иначе механистически склеить в единое целое. Он является результатом отрицания, борьбы, движения и победы отрица гельского начала.

Если в развитии научной биологии вигализм, обясняющий своеобразие органической природы таинственными жизненными силами, условиться даже принимать как тезис, а механистиче-

¹⁾ Следует заметить, что у тов. Деборина говорится не о синтезе, а лишь о «преодолении механизма, как и витализма». Поэтому даже с формально-логической точки зрения никакого вывода из статьи т. Деборина о необходимости заимствовать что бы то ни было у виталистов—сделать нельзя.

скую точку зрения, как антитезис, то синтез (даже если употребить здесь это слово, а т. Деборин его не употребляет) должен быть вовсе не механическим примирением борющихся сторон. Так синтез могут понимать только реформисты. Синтез в действительности наступает в результате более сложного, революционного процесса. Механистическая точка зрения на организм была совершенно права в своей критике витализма, в отрицании каких бы то ни было особых жизненных сил и ныне совершенно несомненно в основном победила витализм по всем направлениям. Но в процессе борьбы с витализмом, в силу логики самой борьбы механистическая точка зрения пришла к другой односторонности, к отрицанию качественного своеобразия той особой формы движения, какую на самом деле представляет собой живое вещество. Синтез вовсе не должен поэтому воспринять похороненные жизненные силы, а должен вырасти на почве самого механистического мировоззрения, преодолевая его односторонность, устанавливая, в чем же именно заключается своеобразие органической формы. Так из механистической биологии вырастает биология диалектическая. И лишь она одинаково—окончательно добьет витализм, так как витализм в науке живет сейчас только тем, что его победоносный англономист сам страдает односторонностью.

Чем, однако, помочь нашим механистам, если односторонность и ограниченность своей точки зрения они возводят именно в ее достоинство, ослабляя, таким образом, фронт борьбы с витализмом, а диалектическое понимание развития науки заменяют эклектическими «позаимствованиями»!..

Как быть с г. Тимирязевым, когда он вслед за этим обвинением диалектиков в склонности к витализму, сам же на следующей странице восклицает, что «диалектические узлы целико, но кой-кому они, видно, кажутся маленьными, невзрачными» (стр. 135). Кто отрицает диалектические узлы?—Неужели диалектики? Кого же имеет в виду т. Тимирязев? Уже не своих ли собственных товарищей—механистов, во главе с т. Степановым, который требовал развязывания узлов и замены их «тонкими линиями»?—Поистине неисповедимы пути сердец механистов! Сердце, так как головы тут явно не при чем.

VIII.

Об историческом методе в естествознании.

Перейдем к вопросу о значении исторического метода в естествознании.

Как и следовало ожидать, и здесь т. Тимирязев начинает с обвинения диалектиков в том, в чем они менее всего могут

признать себя повинными. По т. Тимирязеву диалектики, которые везде и всюду подчеркивают значение истории, утверждают, будто «исторический метод является чем-то специфическим для органического мира» (141). «Конкретными же носителями» зла являются, в частности, Стэн и Карев. В подтверждение своему обвинению т. Тимирязев приводит следующее место из все того же моего отвела проф. Самойлову¹⁾: «Для объяснения конкретного явления, кроме физико-химического анализа, необходимо еще и изучение истории, создающей новые синтезы, новые формы движения материи» (стр. 141). Тов. Тимирязев из этой фразы делает сверхестественный вывод, что я не только свою физико-химические методы к анализу, но что я противопоставлю также исторический метод физике и химии и даже отрицаю историю в неорганическом мире (там же). Конечно, никто не может запретить т. Тимирязеву делать выводы из утверждений противника согласно законам своей собственной логики, явно не совпадающей ни с диалектической, ни с формальной, но нельзя же злоупотреблять этим правом!

Приведенная фраза служит у меня, как известно и т. Тимирязеву, соединительным звеном между двумя цитатами из К. А. Тимирязева. Она сама представляет, в основе своей, не что иное, как изложение следующего положение того же К. А. Тимирязева: «Всякое возможно полное изучение конкретного явления неизбежно приводит к его истории»²⁾. Противопоставляется в ней не исторический метод в физике и химии и, тем более, не неорганический мир истории (это и вовсе сумасшедшие пустяки!), а физико-химический анализ биологических организмов (это следует из всего контекста) специальному, историческому методу в биологии. Вывод заключается в том, что физико-химический анализ недостаточен, он должен дополняться историческим методом, который в биологии представляет дарвинизм.

На стр. 144 г. А. К. Тимирязев пробует опровергнуть это положение тем, что теперь дело перехода от неживого к живому—дело органической и коллоидальной химии по преимуществу, а не исторического метода. Но здесь элементарное смешение понятий. Конечно, то, что является результатом тысячелетней деятельности истории природы, мы можем или скоро сможем в наше время в результате длинного исторического развития знания проделать сокращенным путем в химической лаборатории. Но

¹⁾ Стэн страдает за выступления на каких-то «собраниях». Так как я сильно подозреваю, что сам Стэн не знает, на каких этих собраниях он отрицал историю в науке о неорганической природе, то т. Тимирязеву, поскольку уж он выступил с этим печально, следовало бы указать эти собрания.

²⁾ К. Тимирязев, Исторический метод в биологии, М. 1922, стр. 36.

объяснить возникновение организмов на земле, целесообразность и единство их строения может лишь исторический метод. Неужели и дарвинизм т. А. Тимирязев собирается уже заменить химией? А он еще обвиняет в наивности диалектиков, противопоставляющих дарвинизм механистам!

Так как авторитет биологов т. Тимирязеву при этом импонирует большие авторитеты философов, то я сошлюсь в своем утверждении не на Энгельса, а на того же К. Тимирязева, утверждавшего, что именно «исторический процесс... служит ключом для понимания современного строя органического мира, должен объяснить морфологию единство, а физиологии — совершенство или целесообразность всего живого»¹⁾.

Когда же т. Тимирязев приписывает диалектикам, и мне в частности, отрицание исторического метода в науке о неорганической природе и даже отрицание истории в неорганическом мире, он совершает вопиющую... неточность. Опять же в цитируемом т. Тимирязевым № 4—5 «Под Знаменем Марксизма» за 1926 г. он мог бы в статье прогиб Богданова прочесть следующие слова: «Чем более сложную и конкретную форму движения мы возьмем, тем большее значение в ней приобретает качество. В механическом движении мы отвлекаемся от качества движущегося тела и рассматриваем изменения в нем лишь с точки зрения перемещения его в пространстве. Поэтому диалектика механического движения и заключается в проговорчивости движения конечного тела в бесконечном пространстве. В физическом и химическом процессах нам приходится уже иметь дело не только с однородными материальными точками, движущимися в пространстве, а и с тем, что возникает* в результате взаимодействия и взаимопроникновения этих точек, их синтеза. Этот синтез и дает качество. Именно поэтому механика не исчерпывает электродинамики. Взаимодействие, взаимопроникновение и синтез физических тел дает химический процесс, химических тел — органический процесс, органических тел — общество, социальный процесс. Каждая новая ступень представляет новый качественный ряд. Именно поэтому механическое или математическое, как его называет Маркс, движение не может объяснить высшие формы, хотя эти высшие формы всегда неразрывно связаны с ним. Поэтому же эти высшие формы не даны заранее, а являются результатом исторического процесса. Вслед за социологией и биологией химия и физика ждут еще проникновения к ним исторического метода» (стр. 33).

И даже в том же самом отваге проф. Самойлову, на который ссылается тов. Тимирязев, я пытался рассматривать самое

¹⁾ Исторический метод, стр. 39—40.

материальные частицы, которыми оперирует современная физика, как «известного рода сущности, исторически возникающие в некой первоматерии, заполняющей пространство» (стр. 84). Мне кажется, что эта точка зрения вполне совпадает с тем, что Энгельс писал в «Диалектике природы»: «Новая атомистика отличается от всех прежних тем, что она (если не говорить об исключении) не утверждает, будто материя просто дискретна, а что дискретные части являются различными ступенями (эфирные атомы, химические атомы, массы, небесные тела), различными узловыми точками, обусловливают различные качественные формы бытия у всеобщей материи вплоть до исходящей линии, до потери тяжести и до отталкивания»¹⁾. Неужто же наши противники имеют непреодолимое влечение именно к тем обитателям мира природы, о которых предпочитает не говорить Энгельс?

Таким образом, весь поход т. Тимирязева, связанный с проблемой исторического метода в науках, впрочем, как и все остальное его походы, остается опасным лишь... для него самого!

IX.

О случайности. роли механистов в буржуазном мире и отношении к ним Ленина.

Следующий вопрос, по которому т. Тимирязев имеет предвидеть обвинение диалектикам и одновременно обнаружить свое собственное понимание дела, есть вопрос о случайности. Изложив ряд примеров в подтверждение развернутому Энгельсом в «Диалектике природы» гегелевскому пониманию случайности, т. Тимирязев приводит цитату из статьи тов. Деборина «Диалектика в биологии» («Под Знам. Марксизма» № 1—2 за этот год): изменения эти мы считаем случайными не потому только, как это подчеркивает Дарвин, что причины их нам неизвестны. Они случайны в более обективном смысле, и, ставя одновременно вопросительный и восклицательный знаки, вопрошают: что значит случайность в более обективном смысле? Не означает ли это приближение к беспричинности?» (154).

Тов. Тимирязев! Неужели только для того изучали вы энгельсовскую трактовку случайности, чтобы задать такой вопрос? Ведь суть энгельсовского (и гегелевского) понимания случайности как раз и заключается в том, что случайность толкуется не только как не имеющая никакого значения субъективная категория, в духе механического детерминизма, но как составной момент самой

¹⁾ «Архив», кн. 2, стр. 205.

необходимости. И именно эта постановка дела ничего общего не имеет с беспринципностью, она одна только, по Энгельсу, окончательно выводят за пределы теологического воззрения на природу. Тов. Деборин в своей статье, разбирая целесообразность, как особую случайную форму необходимости, устанавливает затем, что относительная целесообразность, имеющая место в природе, снимается причинностью, имеющей в себе общее значение (стр. 89). Сам тов. Тимирязев за 5 страниц до своего неудачного вопроса о беспринципности разбирает пример атмосферного давления, в котором необходимость составляется как раз из громадного числа случайностей, а если это так, то, значит, тогда категория случайности имеет некоторое объективное значение, хотя беспринципности случайного не может быть и речи! Что же сказать о тов. Тимирязеве, который явно отказывается понимать теоретическое значение им же приводимых примеров?

Не более удачно, чем в вопросе о случайности, и выступление т. Тимирязева с обвинением по адресу диалектиков, что они отрицают мысль о происхождении существ путем развития от простого к сложному (стр. 146). Тов. Тимирязев ссылается на речь тов. Левина, напечатанную в дискуссионном сборнике «Механистическое естествознание и диалектический материализм», изданном Тимирязевским институтом. Но, во-первых, сторонники и ученики т. Деборина, обединившись на защиту определенных взглядов Маркса, Энгельса, Плеханова и Ленина вовсе не отвечают за отдельные, особые выступления тех или иных своих единомышленников. Хотелось бы видеть выражение лица тов. Тимирязева, если бы его заставил отвечать за возвращения его соратников по философским битвам—т. Варьяша в области фрейдизма, Л. И. Аксельрод—в области простых законов права и нравственности и т. д. В статье самого же т. Тимирязева есть несколько цитат из диалектиков, в которых они признают возможность и необходимость возникновения более сложных форм движения из менее сложных.

Во-вторых, и самое главное, т. Левин, к счастью для диалектиков и к несчастью для т. Тимирязева, вовсе не говорил в данном случае того, что т. Тимирязев ему приписывает. Он лишь утверждал, что не существует общего принципа для сводить сложное к простому (см. Сбор естественников всегда стр. 37), что совершенно верно.

Перейдем теперь к последнему откровению т. Тимирязева—к его «историческому» доказательству того, что слово механист и материалист были в буржуазном мире тождественны, что слово «механист» было лишь вежливой формой для понятия «материалист». Одновременно с этим вспомним еще раз отношение Ленина к механическому материализму.

Несомненно, что многие материалистически мыслящие естествоиспытатели, частью в силу своего классового положения, прирожденных предрассудков, частью «страха ради академического», называют себя механистами, а не материалистами. Но сделать отсюда вывод, что слово материалист в буржуазном мире не употребляется (стр. 167), а поэтому понятия механист и материалист тождественны друг другу—значит оклеветать материализм.

Во-первых, слово «материализм» употребляется даже и теперь в буржуазном мире, особенно в мелкобуржуазных кругах, например, хотя бы в журнале союза монистов «Monistische Monatshefte». В данном случае т. Тимирязев только лишний раз обнаруживает свое пренебрежение к тому, что имеет место в действительности. Во-вторых, далеко не все механисты—материалисты. Отождествить механистов с материалистами в современной науке и философии—это и значит на деле прикрывать подчас самое махровое черносотенство в теории.

Механисты не только Максвелл, Больцман и Дж.-Дж. Томсон¹⁾, но и десятки махистов и позитивистов худшей марки. Достаточно сказать, что автор знаменитого упадочнического «Apotabimus» Дюбуа-Реймон—механист, и в механистическом же мировоззрении видит единственно последовательную естественнонаучную теорию не кто иной, как... Генрих Риккер!²⁾. Если бы тов. Тимирязев хоть немного поинтересовался философскими спорами вокруг марксизма, он знал бы, что нет более влиятельного врага марксизма в буржуазном мире, более враждебного материализму философа, нежели Г. Риккер. И этот самый Риккер в науках о природе считает единственно последовательной механистическую точку зрения. Уж не по его ли следам идут наши отечественные горе-механисты, когда однажды, в лице

¹⁾ Тов. Тимирязев—в простоте душевной—в числе механистов, дающих лучшие образцы стихийной диалектики и, очевидно, материализма, упоминает и Гельмольца, того самого Гельмольца, который, как известно, был очень близок к... кантианству!

²⁾ См. Г. Риккер, Границы естественно-научного образования понятий, перевод А. Водена, СПБ. 1904, стр. 98: «Естествознание учит, что мир, представляющийся нам воззрению, столь бесконечно многообразным, в существе везде и всегда оказывается одним и тем же. Всякое различие всякое изменение основывается на движении неизменного элементарного субстрата в пространстве—это движение подчинено единообразным законам, при чем отыскание, математическая формулировка и приведение в систему этих единообразных законов составляет задачу науки. Стало быть, телесная природа должна быть понимаема, как механиズм» (курсив Риккера). Ср. на стр. 101: «Из различных отраслей естествознания формулированному нами логическому идеалу, несомненно, более всего соответствует теоретическая механика».

т. Боссе, обжегшись на обществоведении, они теперь тщательно обходят его, не решаясь применить к нему свои механистические принципы и тем самым выделяя его как бы в некую совершенство особую от природы область.

Тов. Тимирязеву неважно, что значительная часть современных буржуазных философов именно потому противопоставляет историю естествознанию, что считает естествознание чисто-механистическим и отсюда черпает аргументы в обоснование своего идеализма¹⁾). Ему дела нет до того, что в окончательном преодолении механистической точки зрения в естествознании, в обосновании диалектического естествознания лежит поэтому в известной мере ключ и к окончательному уничтожению идеализма в общественных науках. Он — выше всего этого. Зато ведь не проходит собрания, на котором он не выступал бы с воплями против якобы прикрывающих черносотенчество в науке диалектиков!

Уже и у Риккера слово механический связывается не только с понятием механики, но и с понятием «механизма». Развернутый вид это положение имеет у столь же «близкого» к материализму и диалектике писателя, как... А. Богданов²⁾.

Итак, вот действительная картина положения дел, т. Тимирязев! Идеализм вовсе не исчерпывается витализмом, а механизм вовсе не равен материализму в философии. Механистический идеализм не менее реальное понятие, чем механистический материализм. Ваши же рассуждения служат прямым прикрытием этого типа идеализму.

Понятно поэтому, что все попытки т. Тимирязева изобразить Ленина, как поклонника механистов, выеденного яйца не стоят. Нет ничего более чуждого Ленину, чем механистическая точка зрения, и защитник механистической точки зрения ни в коем случае не может считаться ленинцем. Свидетельством тому являются ленинские конспекты Гегеля (когда же они, в конце концов, выйдут в свет? Давно пора!), статья «К вопросу о диалектике», которую до сих пор как-то странно обходят наши механисты, словно ее не существует, словно можно быть ленинцем, не разделяя ее целиком, наконец, прямые указания Ленина в цитируемом тов. Тимирязевым «Материализме и эмпириокритицизме».

¹⁾ Конечно, это не значит, что идеализм совместим с естествознанием вообще, но буржуазная философия стремится идеалистически истолковать не только витализм, но и механистическую точку зрения. Поэтому, без соответствующего философского фундамента, одна механистическая точка зрения сама по себе еще не спасает от идеализма.

²⁾ См. нашу статью «Тектология или диалектика». — «Под Знаменем Марксизма», № 4—5 за этот год, стр. 29—31.

дизм». Тов. Тимирязев строит сложную систему толкования ленинского текста, распространяя одобрение Лениным того или иного писателя или физика за те или иные отдельные его положения на писателя в целом. Способ по меньшей мере странный. Что сказал бы Тимирязев, если бы сделать его ответственным за возрения хотя бы Гельмгольца в целом потому, что он расхваливает Гельмгольца, как механиста. Если наши механисты будут и дальше продолжать в этом же духе толковать Ленина, то они несомненно далеко уйдут... от ленинизма!*

Тов. Тимирязев приводит цитируемое Лениным с одобрением одно место из Рея в доказательство того, что механисты то же самое, что материалисты. Вот это место:

«Рей тоже абсолютно не знаком с диалектикой. Но и он вынужден констатировать, что среди новейших физиков есть продолжатели градиций «механизма» (т.е. материализма). По пути «механизма», — говорит он, — идут не только Кирхгоф, Гертц, Больцман, Макеуэлл, Гельмгольц, лорд Кельвин. «Чистыми механистами и с известной точки зрения более механистами, чем кто бы то ни было, представляющими из себя последнее слово (aboutissant) механизма, являются те, кто вслед за Лорентцом и Лармором формулируют электрическую теорию материи и приходят к отрицанию постоянства массы, об'являя ее функцией движения. Все они механисты, ибо они за исходный пункт берут реальные движения» (курсив Рей, стр. 290—291) (Ленин, Сочин., т. X, стр. 221). Что значит дословно эта цитата? За что хвалит здесь Ленин перечисляемых Реем механистов? За то, что они берут исходным пунктом реальные движения, т.е. за то, что они становятся на материалистическую точку зрения. Этот «механизм» в кавычках и есть материализм. Но тут же Ленин специально оговаривает незнакомство Рея с диалектикой, оговаривает, словно, имея в виду т. Тимирязева, дважды, и в начале и в конце статьи¹⁾. Он совершенно точно указывает, в чем именно материалистичность этого «механизма», и одновременно оговаривает, в чем отличие новой физики от старой, механистической—«механика была едиком с медленных реальных движений, а новая физика есть спринок с гигантами быстрых реальных движений».

Три предшествующие этой цитате страницы почти целиком посвящены выяснению различия механического и диалектического материализма. Сколько же еще предосторожностей должен был принять Ленин, чтобы предупредить толкование т. Тимирязевым его отношения к механическому материализму?

¹⁾ См. стр. 222. Не надо забывать, что, кроме общих предрассудков всего образованного мещанства против материализма, на самых выдающихся теоретиках оказывается полнейшее незнакомство с диалектикой.

Мимо выпада тов. Тимирязева в примечании к следующей цитате из Ленина, что школа тов. Деборина, «как мы видели (!?!), считает, что электронная теория враждебна диалектике!» (стр. 166), можно было пройти мимо. Доказывай т. Тимирязеву, что ты—не верблюд, когда он находится в явно горячечном состоянии! То же относится и к попыткам тов. Тимирязева сделать диалектиков ответственными за то, что Ганс Витте, однажды цитированный одним сторонником диалектической точки зрения, отрицает связь электричества с законами движения. Пора бы бросить эту манеру делать людей ответственными за то, что они никогда не писали. Прибегая к ней, тов. Тимирязев лишь доказывает, что у него не хватает аргументов в критике того, что диалектиками действительно было написано.

Наконец, т. Тимирязев приводит из Ленина следующую цитату, как окончательно уничтожающую диалектиков:

«Мир есть движущаяся материя... и законы движения этой материи отражают механика по отношению к медленным движениям, электромагнитная теория—по отношению к движениям быстрым... Разрушимость атома, неисчерпаемость его, изменчивость всех форм материи и ее движения всегда были опорой диалектического материализма. Все грани в природе условны, относительны, подвижны, выражают приближение нашего ума к познанию материи,—но это николько не доказывает, чтобы природа, материя сама была символом, условным знаком, т.-е. продуктом нашего ума. Электрон относится к атому, как точка в этой книге к об'ему здания в 30 сажен длины, 15 ширины и $7\frac{1}{2}$ высоты (Лодж), он двигается с быстротой до 270.000 километров в секунду, его масса меняется с его быстротой, он делает 500 триллионов оборотов в секунду,—все это многое мудренее старой механики, но все это есть движение материи в пространстве и во времени» (Соч., т. X, 236).

Если т. Тимирязев думает, что кто-либо ему поверит, что эти слова являются не подтверждением точки зрения диалектиков, а опровержением ее, то он явно ориентируется на лишенных всякого разумения читателей. Однако найдет ли он их? Боясь, что таковых в природе не найдется, если исключить, впрочем, самых механистов, у которых, по вышеприведенному свидетельству Энгельса, «мышление запрещено».

Если т. Тимирязеву это доставит удовольствие, то я готов предложить его вниманию и вниманию читателей еще целый ряд подобных же цитат из Ленина, столь же блестящие в ерывающихся диалектиков.

На стр. 235 того же «Материализма и эмпириокритицизма» (Соч., т. X), например, Ленин пишет: «Это, конечно, сплошной вздор, будто материализм утверждал «меньшую» реальность со-

знания или обязательно «механическую», а не электромагнитную, не какую-нибудь еще неизмеримо более сложную картину мира, как движущейся материи» (т.-е. Ленин различает, как, впрочем, и в целом ряде других мест, механическую и электромагнитную картину мира).

На стр. 251, приведя слова физика Корню: «Главное внимание наших современных вождей науки Фарадея, Максвелла, Герца (если говорить только об умерших уже знаменитых физиках)—устремлено на то, чтобы точно определить природу и отгадать свойства невесомой материи (matière subtile), носителя мировой энергии... Возвращение к картезианским идеям очевидно... (Rapports présentés au Congrès international de Physique, Р. 1900, I, vol. 4-me, p. 7). Люсьен Пуанкаре в своей книге о «Современной физике» справедливо отмечает, что эта картезианская идея была воспринята и развита энциклопедистами XVIII века.

Ленин пишет: «Но ни этот физик, ни А. Корню не знают о том, как диалектические материалисты Маркс и Энгельс очистили эту основную посылку материализма от односторонностей механического (курсив Ленина) материализма» (т. о. здесь Ленин прямо говорит о недостаточности механической точки зрения физиков Фарадея, Максвелла и Герца, основоположников методологии г. Тимирязева).

Число таких цитат можно было бы увеличить еще на добрых десяток. Но здесь дело явно не в количестве, а в качестве установки наших механистов. Будем же ждать, пока это весьма важное качество улучшится, в связи с общим улучшением качества советской продукции до такой степени, чтобы оказаться в состоянии, наконец, приобрести настоящий диалектический облик.

X.

Вместо эпилога.

Мы пришли к концу нашей несколько растянувшейся статьи. Очередное путешествие тов. Тимирязева в страну диалектики при более или менее внимательном изучении его результатов и на этот раз оказалось неудачным. Однако оно не представляет уже простого повторения того, что, скажем, составляло высшую мудрость сборника «Механистическое естествоисп. и диалектический материализм». Диалектическая рефлексия явно разъедает даже медные... устои механистического миропонимания. Сам т. Тимирязев признается, что «многое придется поработать над философией и в частности над Гегелем» (стр. 154). Большой прогресс в сравнении с недавними гонениями на изучение Гегеля, как на скопастику! Гегель же в «Науке Логики» говорит, что единственное средство против разума—вовсе не связываться с

ним. Это дает надежду на то, что если не все, то, по крайней мере, некоторые из наших нынешних противников, «связавшиеся», хотя бы и в форме борьбы, с диалектикой, станут, в конце концов, на последовательно-марксистскую, последовательно-ленинскую точку зрения. И тогда лишь они превратятся из «ординарных» естествоиспытателей, лишь имеющих марксистами, методологически ничем не отличающихся от своих буржуазных коллег, в действительных творцов марксистской теории естествознания.

То, что товарищи механисты усвоили тактику отступления с барабанным боем и обвинениями диалектиков в своих же собственных грехах, не должно удивлять или беспокоить. Такая тактика при всех ее временных преимуществах является очень дурной стратегией, и будем надеяться скоро придет время, когда это будет ясно всячому, кто не на словах, а на деле поработает над историей философии и в частности над Гегелем.

Не нужно лишь гнилых компромиссов, не вскрывающих, а загоняющих внутрь болезнь. Единственный путь к разрешению противоречия—борьба, и чем она будет решительнее, принципиальнее, последовательнее и прямее, тем скорее настанет оздоровление того, что действительно «жизнеспособно» для диалектики.

И лишь по этому пути можно прийти в страну диалектики не в качестве пугающих туристов, а в качестве серьезных ее исследователей.

* * *

Эпиграфом к статье мы взяли слова Мефистофеля, которыми он приводит в замешательство немецких бургей в лейпцигском кабачке. Они прекрасно передают нынешнее состояние наших механистов. Связавшись с диалектикой, хотя и в форме ожесточенной атаки на нее, наши механисты явно не в состоянии уже противопоставить «гегельянинце» сколько-нибудь законченную и последовательную систему взглядов. Поэтому их смущают то отдельные слова, то, наоборот, словесно признавая все диалектические формулы, они тут же обнаруживают совершенно искаженное понимание их содержания. И в том, и в другом случае они витают в мире создаваемых ими же призраков. Пытаясь быть именинниками и в качестве механистов, и в качестве диалектиков, и «здесь» и «там», они, естественно, нигде не могут претендовать на последовательность и единство своих взглядов.

Пусть же скорее рассеются эти призраки, и там, где до сих пор диалектика господствует лишь как слепой закон стихии, станет она сознательным руководителем науки и действия.

Фрейдизм и марксизм¹⁾.

И. Д. Сапир.

Фрейдизм как сложная система.

В оживленном, подчас ожесточенном споре о фрейдизме, находящем и поныне со страниц многочисленных журналов и сборников, сплошь и рядом не дающейся с достаточной четкостью общая формальная характеристика фрейдизма. Между тем внимательный анализ всех работ Фрейда и его последователей не оставляет в тени сомнения в том, что фрейдизм—это многосторонняя и внутренне-связанная система взглядов, охватывающая одновременно как индивидуальную психологию с психопатологией, так и социологию. Каждая из этих областей разрабатывается фрейдистами с точки зрения одного и того же метода. Выводы, полученные при исследовании одной проблемы, играют роль опорной базы при исследовании другой—и обратно. Наконец, вся система поконится на вполне определенных философских предпосылках, частью открыто высказываемых фрейдистами, частью мало осознанных ими, либо просто замалчиваемых.

Тесная связь между всеми составными частями учения Фрейда совершенно очевидна. Нельзя понять социологических построений Фрейда, не будучи знакомым с его индивидуально-психологическими работами, и, наоборот, психологические взгляды Фрейда остаются непонятными без учета его социологических исследований. Такая внутренне взаимообусловленность всех частей системы является, несомненно, сильной стороной фрейдизма. Именно эта особенность фрейдизма отчасти объясняет его распространенность и идеиную влиятельность, на какую он не мог бы в такой мере рассчитывать даже при наличии тех социальных условий, которые созвучны подобным идеологическим системам.

Является ли такой взгляд на фрейдизм общеизвестным? Да-же нет. Ярые поклонники Фрейда в медицинской и в педагогической среде склонны замалчивать социологические и философские работы Фрейда, сводя тем самым его учение исключительно к совокупности эмпирических и технических данных, известных в психопатологии под названием психоанализа. Этим они не только грешат против истины, но и выхолащивают самое существенное из того самого учения, распространять которое они считают себя призванными. Справедливость требует сказать, что такое самоограничение допускается ими лишь под напором критики, направленной против социологической части фрейдизма. В иных условиях они превозносят решительно все, что написал Фрейд, и в своих работах по психопатологии используют аргументы из всех областей фрейдизма. Во всяком случае со стороны этой категории приверженцев Фрейда нет ясного и от-

¹⁾ Печатается в качестве материала к критике Фрейда. Ред.

крытого теоретического признания тесной взаимосвязанности всех частей фрейдизма, и именно это обстоятельство позволяет им в нужный момент отступать без особых противоречий на сравнительно хорошо укрепленные позиции психоанализа (в узком, т.е. правильном, смысле этого слова).

Недостаточное признание фрейдизма, как единой в своей сложности системы, ведет, на наш взгляд, к недочетам подчас и в другом лагере — в лагере критиков из марксистской среды. Этот недочет заключается в незаконченности критики, которая сама по себе совершенно правильна, но дальше вопросов социологии не идет. Хорошо еще, если автор высказывает теоретическую уверенность в ложности остальных — не социологических — частей фрейдизма. Поскольку автор-социолог считает себя некомпетентным в специальных вопросах психопатологии, мы не вправе требовать от него, помимо априорных, также и фактических доказательств его предположений в области психопатологии.

Гораздо хуже, если критик марксист, только что вскрывший всю ошибочность социологических теорий Фрейда, тут же некритически делает оговорку, что он вполне допускает возможную правильность индивидуально-психологических построений фрейдизма, не проверяя затем достоверности своего допущения. Как бы то ни было, отказ от критики фрейдизма в его исходной, индивидуально-психологической части делает всю критику недостаточной, ибо оставляет непоколебленным ряд основных элементов критикуемой системы. С другой стороны, этот же отказ позволяет фрейдистам вышеочерченного типа продлевать свое отступление на индивидуально-психологические позиции.

Здесь мы ограничимся лишь психологической и психопатологической частями фрейдизма, не разбирая специально социологических работ Фрейда и его последователей, тем более, что марксистская критика этих работ уже дана достаточно подробно (Юрином¹⁾ и Деборином²⁾). Это не значит, конечно, что мы не будем касаться некоторых социологических проблем там, где эти последние тесно связаны с фрейдистской психологией.

Составные части фрейдизма.

Кольцо, в которой зародился фрейдизм, является областью патологии, областью психоневрозов. Здесь были установлены первые положения психоанализа в узком смысле этого слова. Вскоре, однако, психоанализ выходит из этих ограниченных рамок и распространяется на область индивидуальной психологии вообще. «Мы применяем в психологии нормальных людей, — говорит Фрейд, — те следствия, к которым привело нас изучение патологических состояний»³⁾.

Индивидуально-психологические построения становятся у Фрейд, — те следствия, к которым привело нас изучение патологии, — новые импульсы в деле изучения с одной стороны, возникают новые импульсы в деле изучения с другой стороны, делаются вновь все тех же психоневрозов, а, с другой стороны, делаются вновь

¹⁾ «Под Знаменем Марксизма» 1924 г., № 7—8.

²⁾ «Вестник Комм. Академии».

³⁾ «Основные психологические теории в психоанализе», Гиз, стр. 78

лазки в еще более широкую область социологии. К арсеналу эмпирических данных, почерпаемых и поныне, главным образом, из клинического материала, все в большей мере начинают присоединяться широкие обобщения и теории. Количественное соотношение между эмпирической и теоретической частями непрерывно изменяется в сторону непомерного перевеса последней, при чем этот процесс прямо пропорционален все возрастающей спекулятивности теоретического компонента. Это в мягкой форме признает и сам Фрейд, заявляя: «Но уже при описании нельзя избежать того, чтобы не прибегнуть при обработке материала к помощи некоторых отвлеченных идей, которые берутся из каких-либо иных источников, лежащих, несомненно, вне нового опыта»¹⁾. В последних работах Фрейда: «По ту сторону принципа удовольствия» и «Я и оно» отвлеченность и произвольность этих «идей» становятся поистине безбрежными.

Таким образом, фрейдизм начинает все в большей мере принимать очертания широко объемлющей системы, при чем центральное место в ней занимают индивидуально-психологические построения. Это последнее обстоятельство делает наиболее целесообразным начать рассмотрение фрейдизма именно с его индивидуально-психологической стороны.

Обычно принято, излагая учение Фрейда, разбирать в отдельности две группы положений: одну, относящуюся к формальной стороне психики, и другую, которая касается самого содержания психики, конкретного психического материала. Этого разграничения будем придерживаться и мы ввиду явной/первоначальности этих обеих частей фрейдизма как в научно фактическом, так и в методическом отношении. Но, делая это, нужно отчетливо сознавать всю абстрактность и искусственность такого разграничения. Хотя и сам Фрейд пытается раздельно излагать обе категории вопросов, посвящая каждой из них особые статьи под соответствующими названиями (см. «Основные психологические теории»), однако при чтении этих статей легко убедиться, что эта задача почти не разрешима. Либо к разбору данных одной категории применившаяся известная доля данных другой, либо, если принцип разделения проводится достаточно строго, остается впечатление неполноты и недоговоренности работы.

Фрейдизм и формальная психология.

Краеугольным камнем формально-психологической теории Фрейда является учение о структуре и механизмах бессознательного.

Бессознательное, по Фрейду, не есть просто совокупность переживаний, находящихся вне поля сознания, ибо такие переживания далеко не однородны в смысле возможности для них стать осознанными. В то время, как для одних переживаний эта возможность реализуется в любой момент без сколько-нибудь значительного психического напряжения, другие отделены от сознания в обычных условиях почти непроходимой границы. Переживания первого рода обозначаются Фрейдом, как предсознательные (сокращенно Vbw), психические же процессы второго рода

¹⁾ I. c., стр. 103.

суть по Фрейду бессознательные в подлинном смысле этого слова (сокращенно *Ubw*). «Выражение бессознательный... обозначает не только латентные мысли, а особенные, отличающиеся определенным динамическим признаком, а именно такие, которые остаются вдали от сознания, несмотря на свою интенсивность и действенность»¹⁾.

Таким образом, в структурном (или по терминологии Фрейда—тоническом) отношении психика состоит как бы из трех этажей: *Ubw*, *Vbw* и *Bw*. Так как, однако, системы *Bw* и *Vbw* мало отличаются друг от друга и постоянно друг с другом перемешиваются, то ближе к действительности разделять психику лишь на два этажа: сознание и бессознательное.

Недоступность сознания для переживания бессознательной сферы есть результат полной неприемлемости последней для субъекта. В силу этой неприемлемости бессознательные переживания либо вовсе никогда не осознавались, либо, раз появившись в сознании, были вытеснены оттуда. Психические тенденции, производящие такое вытеснение и находящиеся на стыке между сознательной и бессознательной сферами, получают у Фрейда обозначение «цензура». Открытия бессознательных стремлений претерпевают некоторое искажение со стороны цензуры—этой охранительницы входов в сознание. Психологические механизмы этого искажения очень разнообразны. Но в общем их деятельность сводится к маскировке неприемлемого бессознательного стремления путем подбора такой его внешней формы, которая не подлежит осуждению со стороны личной совести или общественного мнения; при всем этом стремление, как таковое, продолжает действовать.

Наиболее яркое выражение этот процесс получает в механизме символики. Из других механизмов, работающих в том же направлении, очень важен механизм «вторичной обработки» или рационализации, заключающийся в оправдании приемлемыми (как для себя, так и для других) мотивами какого-нибудь из проявляющихся во виде комплексов бессознания, «постыдных» в их чистом виде.

Критическая работа цензуры становится подчас столь неумолимой, что бессознательный комплекс может изменить свое прежнее направление на диаметрально ему противоположное. В этом случае действует т. н. механизм реактивного образования.

На этих важных механизмах мы останавливаемся особо потому, что они имеют большое значение и для социологических обобщений Фрейда.

Критика фрейдизма, вполне оправданная, как мы убедимся ниже, и в этой его части должна все-таки иметь в виду, что работы Фрейда о структуре и механизмах психики есть тот отдельный учения, который содержит в себе ряд достоверных положений, способных при надлежащей их оценке и обработке, войти в инвентарь подлинной науки, поскольку дело идет, конечно, лишь об индивидуальной психике.

Наличие бессознательного в психике несомненно, в частности бессознательного, как совокупности вытесненных побужде-

ний. Тенденция к забыванию неприятных событий и переживаний, очень хорошо согласующаяся с учением о вытеснении, есть процесс, не подлежащий спору в научной психологии. Точно так же несомненно, что сильные побуждения, даже если они и не сознаются, все же находят то или иное отражение как в сознании, так и в поведении субъекта. Противоположное утверждение оказалось бы в резком противоречии с известными данным об единстве всех первых мозговых процессов особенно, например, с данными школы Ухтомского.

Ссылка на то, что бессознательные процессы недоступны изучению будто бы именно потому, что они бессознательны,— более чем неубедительна. Такая ссылка методологически отличается всеми грехами агностицизма, а с точки зрения фактов, не учитывает той простой вещи, что само наблюдение есть как раз один из самых ненадежных методов, и что в например распознании всегда имеются обективные способы проверить всякую психологическую теорию на реакциях и поступках человека.

Однако такая положительная оценка некоторых элементов учения Фрейда вовсе не исключает ряда существенных возражений против его формально-психологической теории в целом.

Прежде всего, если бессознательное с его механизмами и доступно изучению, то во всяком случае ясно, что такое изучение есть дело очень нелегкое и требующее величайшей осторожности. Между тем в соблюдении такой именно осторожности меньше всего можно упрекнуть Фрейда, не говоря уже его неумеренных последователях. Особенно велика произвольность, например, при толковании сновидений на основании общих правил символики. Вот образец одного такого исключительно затянутого суждения. Касаясь психологии страха у взрослого человека, Фрейд заявляет: «Это (т.-е. страх перед большой реальной опасностью. И. С.), впрочем, все та же ситуация, которая лежала в основе первого большого приступа страха в момент рождения и детского томительного страха быть отделенным от матери¹⁾. Не знаешь, почему тут больше удивляться: тут ли сверхестественной проницательности, с какою Фрейд постигает душевное состояние новорожденного ребенка, или смелости, с какою без особых околичностей делается отождествление страха у взрослого человека со страхом у ребенка.

Другое возражение относится к отказу Фрейда от материалистического подхода к изучению бессознательной сферы. Напрасно мы станем искать у Фрейда попыток объяснить хотя бы частично трактуемые им механизмы с точки зрения современных знаний мозговой физиологии. Правда, в некоторых из своих ранних работ Фрейд, предвидя такого рода упрек, ссылается на несовершенство наших знаний по физиологии первой системы. Но если это оправдание еще имело некоторый смысл на заре деятельности Фрейда (90-е и 900-е годы), то чего стоило оно теперь, в эпоху расцвета павловской и схожих с нею по направлению школ.

В нашей современной фрейдистской литературе имеются попытки истолковать некоторые фрейдовские механизмы психики с точки зрения рефлексологии и тем самым доказать материали-

¹⁾ И. с., стр. 77.

¹⁾ Фрейд, Я и оно, стр. 61.

тическую сущность фрейдизма²⁾. Самы по себе эти истолкования механизмов в ряде случаев очень удачны, и, значит, перед нами — лишний довод в пользу возможности физиологического подхода к явлениям бессознательного. Но ведь это означает также и то, что апологеты фрейдизма доказали как раз обратное тому, что они хотели доказать; ибо классический фрейдизм в лице своего основоположника не делает именно того материалистического дела, на которое его уполномочивал, по убеждению наших фрейдистов, современный уровень физиологических знаний.

Мы очень далеки от того, чтобы требовать полного объяснения всех, даже самых сложных механизмов бессознательного при помощи пока нам известных сравнительно примитивных законов мозговой физиологии. Только некоторые, т. е. самые простые, из этих механизмов подлежат сполна такому объяснению. В остальных более сложных механизмах примитивные законы физиологии действуют также, но лишь «в снятом виде» и, значит, не в состоянии выявить их природы во всем их качественном своеобразии, столь естественном на высших ступенях развития мозговой функции. Однако такое положение вещей отнюдь не снимает с психолога обязанности сближать закономерности психики с закономерностями физиологии, ибо преемственность между обеими ступенями несомненна.

А у Фрейда получается «совсем наоборот». И это в первую очередь очень ярко отражается на характере его изложения. Вот образчики: «...этот (т. е. психический. И. С.) аппарат следовали в начале стремлению оберегать себя¹⁾ от раздражений и потому при своей первоначальной конструкции принял схему рефлекторного аппарата...» («Толкование сновидений», стр. 403). Или: «...Мы можем сказать, что душевный аппарат имеет своей целью²⁾ одолеть и освободиться от воспринимаемых извне и изнутри раздражений и возбуждений» («Лекции по введению в психоанализ», т. II, стр. 146).

Ведь это явно телесогностическое изложение предмета. Но дело не ограничивается характером изложения.

Наиболее резкой степени достигает разрыв между фрейдизмом и основными принципами диалектического материализма в следующем заявлении Фрейда: «Процессы системы Ubw находятся вне времени (курсив автора), т. е. они не распределяются во временной последовательности, с течением времени делены, не меняются, вообще не имеют никакого отношения к времени...» не меняются, вообще не имеют никакого отношения к времени... «Итак, повторим: отсутствие противоречия, первый процесс (подвижность активной силы), течение вне времени и замена впешней реальности психической (курсив автора) — такие признаки, которые мы можем найти в процессах, относящихся к системе Ubw³⁾. Тут даже не разрыв, а полярная противоположность с принципами диалектического материализма.

Эта цитата, несмотря на всю ее ясность, получает обычно со стороны наших фрейдистов следующее извинительное толкование:

¹⁾ См., напр., Залкинд: «Фрейдизм и марксизм», журн. «Красная Нояь».

²⁾ Курсив наш.

³⁾ «Основные психологические теории психоанализа», стр. 144—145.

Фрейд будто бы хочет тут сказать только то, что мы не ощущаем, не осознаем элементов времени и причинности в переживаниях бессознательного, тогда как вопрос о времени, причинности и пр., как обективных признаков бессознания, Фрейд будто бы не затрагивает вовсе. Очень странное извинение: речь, стало быть, идет лишь о субъективном восприятии времени и т. д. Но зачем же оговаривать это особо, если не только время и причинность, но вообще ни один признак бессознательного процесса нами сознательно не регистрируется? Ведь на то это — бессознательный процесс. Но если все-таки нужно дополнительное разъяснение, то его дает сам Фрейд в работе от 1920 г., т. е. много лет спустя после написания слов, цитированных выше. В этой новой работе он пишет: «Мы установили, что бессознательные душевые процессы сами по себе находятся «вне времени». Это прежде всего означает то, что они не упорядочены во времени, что время в них ничего не изменяет (курсив наш. И. С.), что представление о времени нельзя применить к ним»¹⁾. Нам думается, что это повторное заявление Фрейда и особенно слова, нами подчеркнутые, настолько ясны, что никакому двусмысленному истолкованию они больше не подлежат.

В только что цитированном «По ту сторону принципа удовольствия» Фрейд прибегает к обширным биологическим сопоставлениям для обоснования некоторых, впервые им установленных, психических механизмов. Казалось бы, это свидетельствует о его повороте на материалистические рельсы. Но думать так было бы иллюзией. Фрейд отнюдь не оперирует здесь с точно известными данными, а ограничивается построением произвольных гипотез, имеющих лишь видимость научно-биологических. Попытка говорить на «железном языке топологии мозга» (выражение т. Юрица) носит явно неудачный характер и очень ярко свидетельствует о «ретрогессии» к давно похороненным натурфилософским системам прошлого столетия.

К формально-психологической части фрейдизма необходимо подойти с другой стороны. Пока что мы имели дело лишь сценкой по существу психических закономерностей, с той или иной степенью достоверности обнаруженных Фрейдом. Но чрезвычайно важно, что на основе этих закономерностей сплошь и рядом делается георгиевская надстройка и притом с таким архитектурным размахом, что вырастает целая система, начинающая тягаться с марксизмом то в смысле претензий на сотрудничество с ним, то в смысле открытого-враждебного соревнования. Так как эти теоретические попытки исходят даже порой из марксистского лагеря, их ни в каком случае нельзя оставить без внимания.

Прежде всего следует разрешить вопрос, можно ли рассматривать формально-психологическое учение Фрейда, как самую суть, как центральное ядро фрейдизма? Мы отвечаем на это в резко отрицательном смысле. И с этим должен был бы согласиться в первую очередь всякий до края последовательный фрейдист. В самом деле, любой случай применения фрейдовских принципов к какому-нибудь конкретному исследованию — все равно идея

¹⁾ «По ту сторону принципа удовольствия», стр. 62.

Под Знаменем Марксизма.

ли речь об анализе психики больного, или об истолковании известного общественного явления,—каждый такой случай показывает, что фрейдиста интересует не что иное, как психологическое содержание. Механизмы психики—символика, существо, вторичная обработка и т. д.—играют в этом исследовании лишь роль проводителя по той извилистой дороге, в конце которой должно раскрыться все то же содержание психики—основная цель исканий психоаналитика. Здесь надо подчеркнуть с полной определенностью, что именно специфическое учение о содержании психики составляет «живуюдушу» фрейдизма—то именно, что кладет на это учение печать своеобразия и вместе с тем губительно давит на всю систему грузом тяжелых методологических и фактических ошибок.

Фрейдизм не мог бы вырасти в широкую систему, если бы он ограничился только функциональной (формальной) стороной психики. В этом случае он никогда не вышел бы из ряда многочисленных психологических и психопатологических работ технического порядка, отличаясь от них разве только оригинальностью постановки проблем и блеском некоторых открытий.

Между тем некоторые авторы у нас в СССР (Варяш¹⁾ и Фридман²⁾) не только выдвигают на первое место формально-психологическую часть фрейдизма, но даже доходят до того, что более или менее откровенно замалчивают органически спаянную с ней фрейдовскую психологию содержания (сексуализм, теория психических аборигенов; см. ниже). Еще не так плохо, если это означает извращение самого фрейдизма. Гораздо хуже, если под этим кроются очень рискованные, а то и совершиенно ошибочные методологические намерения. Речь идет о попытках применить фрейдовские механизмы психики к исследованию ряда социологических проблем, главным образом, к проблеме общественных идеологий.

В чем заключаются эти попытки?

Образец самой яркой из них принадлежит венгерскому фрейдисту Ференчи. Исходя из наличия в бессознательном так наз. механизма проекции, т. е. стремления представить себе внешний мир по образу и подобию своих личных переживаний, Ференчи обясняет усиленной рабочей ^{этого} именно механизма не что иное, как возникновение идеалистических философских систем. Бессодержательность и беспомощность такой теории очевидна, чтобы на неё подробно останавливаться, тем более, что сам автор не претендует на звание марксиста. Зато из марксистского лагеря исходит другая попытка такого же рода, правда, более прикрытая, но едва ли менее ошибочная и, несомненно, имеющая больше шансов на идеиную влиятельность.

Суть попытки заключается в том, чтобы распределить область социологии на «сферах влияния» между историческим материализмом, с одной стороны, и фрейдизмом в его формально психологическом разрезе,—с другой. Отныне исторический материализм будто бы должен сократить свое исключительное господство в марксистской социологии; «местечко под солнцем» должно быть предоставлено здесь и фрейдизму. Дело при этом рисуется так,

¹⁾ «История новой философии», Гиз, 1926.

²⁾ Сборник «Психология и марксизм». 1925 г.

что исторический материализм по-прежнему оставляет за собой право выяснить соответствие между экономическим базисом и идеологической надстройкой. Зато он уступает фрейдизму часть почетной и ранее ему одному принадлежавшей задачи—объяснить механизм возникновения идеологии. Другими словами, провозглашается, что проблема идеологии не может быть полностью разрешена, если не вскрыть психофизических механизмов идеологии; а здесь как-будто фрейдизму—и книги в руки.

Позволительно спросить: что нового, плодотворного может дать такая методологическая установка? Позволяет ли она нам глубже проникнуть в содержание идеологии, которое на самом деле целиком обусловлено общественной средой и с ее экономическим базисом и разнообразными надстройками? Помогает ли она уяснить и форму идеологии, на чем особенно пастаивают фрейдисты,—напр., смену религиозного типа мышления типом научного мышления и т. п.? Ведь оказывается, что в основе этой смены лежит смена двух различных психофизических механизмов—значит для социолога не сказать ровно ничего. Пусть эти механизмы действительно разные, но ведь весь вопрос в том, какие движущие причины вызвали к жизни там один, а здесь другой механизм? Может быть, эти движущие причины в конечном счете исходят из того же психического аппарата, из тех же имманентно-присущих человеку внутренних качеств? Но одна лишь постановка такого предположения настолько не научна, что даже попытаться сделать ее не решается ни один фрейдо-марксист. Или движущие причины смены психофизических механизмов лежат не внутри, а вне человека, в его общественно-историческом окружении? Это несомненно и несправедливо, но что может здесь дать пусть самый «глубокомысленный» учет психической механики по Фрейду. Этот учет неизбежно будет быть далеко мимо цели, а проблема так и останется открытой.

Тов. Варяш в своей недавно вышедшей книге «История новой философии»¹⁾—книге, заслуживающей особого и подробного разбора—сам признается, что «психология функций» (т. е. учение о психологических механизмах) ничего не дает для уяснения исторических событий. Но зачем в таком случае нужно было на десятках страниц неустанно подчеркивать методологическое значение теории бессознательного? Ведь именно это неустанное подчеркивание требует совсем иных логических выводов и оставляет вышеупомянутое, совершенно правильное, заявление беспомощно висящим в воздухе, приклеенным где-то скобу.

Этого мало, наши фрейдо-марксисты считают своим долгом подчеркнуть фрейдизм многочисленными цитатами из Маркса и Энгельса. Это обстоятельство требует особого внимания. Варяш пытается показать ссылкой на главу «Капитала» о товарном фетишизме, что Маркс не менее интенсивно и даже более глубоко, чем Фрейд, интересовался психическими механизмами бессознания. Несколько слов по этому поводу.

Верно ли, что Маркс указывает на бессознательное (вернее, несознательное), извращенно-фантастическое отношение людей к

¹⁾ «История новой философии», стр. 58.

ряду общественных категорий, в частности к общественной природе меновой стоимости? Абсолютно верно. «Товарная форма и отношение ценности продуктов, в котором она проявляется... это только определенное общественное отношение самих людей, которое принимает для них фантастическую форму (курсив пач. П. С.) какого-то отношения между вещами»¹⁾. Эти слова Маркса не вызывают никаких колебаний по затронутому только что вопросу. Но означает ли это, что Маркс считает необходимым выяснить особые психические механизмы для раскрытия причин товарного фетишизма? Ничуть не бывало. Эти причины целиком лежат в общественной обстановке, и так как их, этих общественных причин, совершенно достаточно для выяснения вопроса, только ими одними и интересуется Маркс. Вот какое объяснение получает фетишизм у автора «Капитала»: «Фетишизм товарного мира вытекает, как уже показал предыдущий анализ, из своеобразного общественного характера труда, который производит товары» (курсив Маркса)²⁾. Дальше следует развитие той же формулы. «Весь мистицизм товарного мира, все то волшебство и колдовство, которое окружает продукты труда, производимые на основе товарного производства, исчезает тотчас, как только мы обращаемся к другим формам производства»³⁾. Вслед за тем дается анализ тех форм производства, при которых общественных причин для фетишизма, а, стало быть, и этого последнего, больше не существует.

Как мы видим, Маркс общался совершенно без всяких психофизических категорий, и тем не менее анализ товарного фетишизма, условий его возникновения и исчезания оказался вполне исчерпывающим.

Та же печать неудачи лежит на попытках фрейдо-марксистов опереться на Энгельса. В своем письме к Мерингу (от 14/VII—1893 г.) Энгельс говорит, что, выводя политические, правовые и прочие идеологические представления из экономических основных фактов, «мы при этом из-за содержания не обращаем должного внимания на формальную сторону: каким образом это представление возникает». Фрейдизм, как мы видели, тоже занимается «формальной стороной» психики. Выходит как-будто, что Фрейда и Энгельса интересует одно и то же; больше того,— что Фрейд оказывается в роли исполнителя заветов Энгельса, как не успевшего «обратить должного внимания» и пр. Нет, однако ничего поверхнее, чем такое заключение, основанное лишь на простом словесном сходстве между двумя выражениями. Ведь, казалось бы, если стать на точку зрения наших самоуверенных толкователей Энгельса, этому основоположнику марксизма ничего другого не остается делать, как вслед за постановкой вышеуказанных вопросов взяться за разбор психо-физических механизмов идеологии. Именно такое впечатление они и пытаются создать, пользуясь при этом таким, мягко выражаясь, примитивным приемом, как умолчание о последующих строках того же письма Энгельса.

¹⁾ Капитал, т. I, кн. I, изд. 2, 1906 г., стр. 29.

²⁾ I, с. стр. 29.

³⁾ I, с. стр. 32.

Что же на самом деле пишет Энгельс, отвечая дальше на поставленный им вопрос?

Прежде всего Энгельс начинает с конкретизации поставленного вопроса. Речь идет у него об объяснении возникновения не представлений вообще, а таких представлений, которые не находятся в сознательной связи с «истинными побудительными силами, которые приводят в движение» это представление. Дальше следует самое объяснение. Оказывается, отмеченная абerrация вытекает из того, что идеолог «имеет дело исключительно с материалом мыслительным; без дальнейших околичностей он считает, что этот материал порожден мышлением и не занимается исследованием никакого другого процесса, более отдаленного и от мышления независимого».

Из этой выписки с полной очевидностью следует, что, согласно Энгельсу, особенности «идеологических представлений» обясняются в первую очередь специфическим характером того материала, с которым профессионально связан «идеолог». С другой стороны, это коренится, как это также отмечено Энгельсом, в незнакомстве «идеолога» с действительными отношениями между общественными базисом и надстройкой. Короче говоря, об указанные причины относятся к числу обусловленных данной исторической средой.

При чем тут у Энгельса психо-физические искания—представляем судить непредубежденному читателю.

Размер статьи заставляет нас ограничиться лишь этими возражениями, но вывод становится обоснованным уже и сейчас.

Психические механизмы сами по себе не в состоянии обяснить не только содержания, но и формы идеологии, как общественного явления; это можно сделать исходя только из объективных фактов социального порядка. Но изучение этих фактов и связи между ними есть дело теории исторического материализма. Психологическим же концепциям Фрейда здесь совершенно нет места.

Психические механизмы Фрейда имеют свое, правда, ограниченное применение лишь к формам психики отдельной личности. Даже и здесь—только к формам, но не к содержанию. Учет этих механизмов здесь все же обязателен, поскольку речь идет об индивидуальных особенностях данного человека. Но там, где эти индивидуальные особенности взаимно уравновешиваются, т.-е. в явлениях социологии, формально-психологическая теория Фрейда теряет свое методологическое значение.

В связи с тем что сказанным будет уместным поставить на разрешение более общий вопрос—об отношении фрейдовской теории бессознательного к марксистскому пониманию этой категории. Ответливое решение этого вопроса тем более важно, что исходным пунктом фрейдистских попыток «дополнить» и «исправить» социологическую теорию Маркса служит утверждение, будто учение Фрейда о бессознательном уже давно было сформулировано в общих чертах никем иным, как Марксом, будто это учение есть лишь конкретизация и дальнейшее развитие некоторых сторон Маркса учения.

Посмотрим, какова цена такому утверждению.

В работах основоположников марксизма выражение «бессознательный» встречается неоднократно. Однако этот бесспорный факт сам по себе еще ни в какой мере не обозначает торжества фрейдистских претензий. Все дело, конечно, в том, какой смысл вкладывается марксизмом в выражение «бессознательный». Этот смысл выясняется с достаточной наглядностью хотя бы из следующих высказываний:

«Люди сами делают свою историю, но до сих пор несознательно, не руководя ею общей волей по единому общему плану» (Энгельс. Письмо от 25/I—1894 г.).

«Вступая в общество, люди во всех сколько-нибудь сложных общественных формациях—и особенно в капиталистической общественной формации—не сознают (курсив В. И. Ленина) того, какие общественные отношения при этом складываются, по каким законам они развиваются» (Ленин, «Материализм и эмпириокритицизм», Собр. соч., т. X, стр. 273).

«С переходом средств производства во владение общества упраздняется товарное производство, а с ним и господство продукта над производителями. Анархия внутри общественного производства будет заменена планомерной сознательной организацией... «Лишь с этого момента люди начнут вполне сознательно делать свою историю» (Энгельс. «Анти-Дюринг»).

«Отражение экономических отношений в виде правовых принципов необходимо является точно так же стоящим вверх ногами. Это отражение совершается так, что этот процесс не доходит до сознания (курсив наш. И. С.) действующего» (Энгельс. «Письмо к Конраду Шмидту», 27/X—1890 г.).

О чем говорят эти цитаты по интересующему нас вопросу?

1. Выражение «бессознательное» означает у основоположников марксизма не что иное, как отсутствующее или недостаточное, или, наконец, извращенное знание объективных процессов природы и общества. В частности такое незнание может касаться и своей собственной (тоже объективной) классовой сущности, когда дело идет об исторических выступлениях того или иного «класса в себе», еще не успевшего превратиться в «класс для себя». Кратко формулируя,—бессознательность есть незнание.

2. Характер бессознательного определяется общественными причинами. Психо-физические моменты, коренящиеся в органических свойствах человека, оставлены Марксом, Энгельсом, Лениным без всякого рассмотрения, как, повидимому, в данной связи несущественные.

3. Категория бессознательного фигурирует у теоретиков марксизма, как относящаяся в первую очередь к людским массам, а не к отдельной личности. Индивидуальная бессознательность выводится из общественной, а не наоборот.

Что общего имеют эти положения с фрейдовской теорией бессознательного? У Фрейда бессознательное означает не незнание, а отрицательный момент в психике, а как раз наоборот,—совокупности некоторых положительных действующих психических тенденций. У Фрейда био-психические моменты играют роль не побочного, а основного определителя бессознания. И, наконец, исходным пунктом всех работ Фрейда, включая и социо-

логические, является бессознание не как общественная, а как индивидуальная категория.

Подробное рассмотрение как этих, так и ряда других пунктов фрейдовской системы составит нашу дальнейшую задачу, но уже и сделанных сопоставлений достаточно, чтобы подчеркнуть всю необоснованность ссылок наших фрейдистов на «Марково учение о бессознательном».

Теперь — по существу вышеуказанных трех положений. Ключ к правильной их оценке методологически дается, на наш взгляд, последним из них, абсолютно верным при подходе к изучению общественных явлений. Общественные явления можно понять лишь на основе закономерностей специфических для общества в целом, как некогорой особой формы движения материи, а отнюдь не на основе изучения отдельных личностей, ибо общество вовсе не есть простая арифметическая сумма индивидуумов. Если это так,—а это именно так,—то био-психические свойства отдельного человека героят с точки зрения основных общественных проблем всякий интерес для подлинно-научного социолога, как категория «снягая», т.-е. хотя и включенная в изучаемое сложное явление, но отступающая по своему значению далеко на задний план перед другими—в данном случае социальными—категориями, специфическими для этого явления. Все это означает, что марксистское понимание бессознательного абсолютно верно, и что другого понимания с правильной социологической точки зрения быть не может. Тем самым и фрейдовскому учению о бессознательном должно быть решительно отказано в какой бы то ни было социологической пригодности. Утверждать иное—значит противоречить основам диалектики.

Другое дело, если речь идет об оценке учения о бессознательном с индивидуально-психологической стороны: Ни один марксист не пытается отрицать наличия индивидуальных психических закономерностей и необходимости их изучения для целого ряда практических, в том числе и медицинских, целей. В частности индивидуальные психические тенденции, как особая часть индивидуальной психики, несомненно существуют, и нашей задачей является конкретное рассмотрение правильности того, что сделал Фрейд для их изучения.

Посвятив этому вопросу дальнейшие главы, мы все же с самого начала хотим подчеркнуть, что и в индивидуально-психологической области Фрейд допускает основную методологическую ошибку. Индивидуальная психика со всеми ее механизмами находится под постоянным воздействием социальных моментов, определяющих в огромной мере как формальные особенности психики, так и ее содержание. Как бы ни был значителен удельный вес специальных био-психических закономерностей в структуре отдельной личности, эту последнюю никак нельзя понять, если обращать со счетом момент влияния наличной общественной среды. Именно это сбрасывание, как мы увидим ниже, и характерно для Фрейда. В этом его основная—тоже анти-диалектическая—ошибка, тяготеющая над всеми частными положениями его теории.

Больше всего это сказывается в той части учения Фрейда, которая относится к содержанию бессознательного. К этому мы сейчас и перейдем,

Фрейдизм и проблема содержания психики.

В чем заключается учение Фрейда о содержании индивидуальной психики?

Движущей силой психики по Фрейду являются влечения. Эти последние играют роль посредника между физико-химическими процессами сомы и психикой в собственном смысле этого слова. Но, войдя в контакт с психикой, влечения сцепляются с известным кругом представлений и чувствований, в результате чего возникает некая динамическая единица — комплекс. Эти комплексы и составляют ядро психики, решающую ее часть.

Влечения — комплексы разнообразны как по их органическим источникам, так и по той цели, на которую они направлены. Общая же их классификация, которую Фрейд проводил вплоть до послевоенного периода, заключается в различении сексуальных влечений и влечений «Я» (то же, что и влечения самосохранения). Так как оба рода влечений (вернее соответственных комплексов) по условиям жизни вступают в конфликт друг с другом, то большинство сексуальных влечений вытесняется в глубины бессознательного; именно они и составляют главное его содержание.

«По вопросу об общей характеристике половых влечений можно сказать следующее: они многочисленны, происходят из разнообразных органических источников, действуют сначала независимо друг от друга и лишь в более поздний период обединяются в более или менее совершенный синтез»¹⁾. Кроме того, половые комплексы меняют друг друга в известной последовательности.

Откуда же возникают эти комплексы во всей конкретности их содержания? И какую роль в образовании комплекса играет внешняя среда? По Фрейду оказывается, что все это заранее предопределено филогенезисом данного лица. Значение внешней среды, действующей в онтогенезе, здесь сведено к минимуму: она вносит разве лишь добавочные штрихи в содержание архического комплекса. На примере т. н. «Эдипова комплекса», который, кстати, занимает по Фрейду центральное место среди половых влечений, а стало быть, и во всей бессознательной сфере, эти соотношения становятся достаточно наглядными.

В основе Эдипова комплекса лежит стремление к инцесту (кровосмесительству), сексуальное тяготение мужских членов семьи к женским, и наоборот. На почве этого тяготения возникает открытое или скрытое соперничество между членами семьи, одного и того же пола. Так образуется целая гамма переживаний, связанных как с отношениями соперничества, так и с отношениями любви. В этом своем виде Эдипов комплекс имеет по Фрейду отдаленное до-историческое прошлое.

Одним из основных моментов этого прошлого явилось, напр., событие, что «в один прекрасный день изгнанные (отцом. И. С.) братья соединились, убили и с'ели отца и положили таким образом конец отцовской орде»²⁾. А вот и следующий момент той же истории: «В течение долгого времени озлобление против отца, толкавшее на действие, ослабело, тоска по нем возросла... Первое начальное демократическое равенство всех согражданников нельзя

¹⁾ Фрейд, Основные психологические теории, стр. 111.

²⁾ Фрейд, Тотем и табу, стр. 151.

было больше уже сохранить, вследствие противоречащих культурных изменений; таким образом... появилась склонность... вновь оживить старый отцовский идеал созданием богов»¹⁾.

В данной связи нас не интересует историческая достоверность всех этих сообщений Фрейда. Здесь нам важно лишь то обстоятельство, что, по Фрейду, переживания, связанные с описанными событиями, отложились в виде особых комплексов в психике дальнейших поколений и действуют активно еще и поньне. «Достаточно допустить,— пишет Фрейд в цитированной уже работе,— что обединившиеся братья находились во власти тех же противоречивых чувств к отцу, которые мы можем доказать у каждого из наших детей и у наших невротиков...» (курсив наш. И. С.)²⁾.

Итак, содержание бессознательного дано филогенезом. Бог самая точная и полная из формулировок Фрейда по этому вопросу: «Содержание Ubw можно сравнить с психическим и аборигенами. Если у человека имеются унаследованные психические образования, нечто аналогичное инстинкту животных, то это составляет ядро бессознательного. К ядру позже присоединяется все устраненное в период детского развития, как недопустимое по природе своей, ни чем не отличающееся от унаследованного» (Курсив повсюду наш. И. С.)³⁾.

Таково содержание бессознательного по Фрейду. Полный учет этого момента есть ключ к пониманию всей системы, ибо теория Фрейда приписывает бессознательной сфере исключительно большое влияние на психику и поведение человека. «Было бы неверно,— говорит Фрейд,— предсказывать себе, что Ubw (бессознательное) остается в покое в то время, как вся психическая работа проделывается в Vbw (предсознание; в данном случае, то же, что и сознание. И. С.); что Ubw представляют собою нечто такое, с чем уже покончено—рудиментарный орган, остаток после совершенного развития... Ubw живет, способно к развитию и поддерживает с Vbw целый ряд связей; между прочим, они иногда действуют и совместно»⁴⁾.

В одной из своих последних работ («Я и Оно») Фрейд подчеркивает приоритет бессознания в психике с еще большей силой. оказывается, что «Я»—инстанция, включающая в себя сознание,— вовсе не имеет собственной волевой функции; единственный источник волевой энергии находится в «Оно», т.-е. в бессознательном. Фрейд заявляет: «Я» превращает волю «Оно» в действие, как будто бы (курсив наш. И. С.) это было его собственной волей⁵⁾. Еще большей выразительности достигает тот же принцип в книге «По ту сторону принципа удовольствия», где производится господство еще одного бессознательного влечения, а именно влечения к навязчивому повторению (Wiederholungszwang). В психике существует, по Фрейду, тенденция к непроизвольному воспроизведению однажды испытанных сильных переживаний, главным образом инфантально-сексуальных. В изображении Фрейда наличие такой тенденции делает еще более оче-

¹⁾ И. С., стр. 157.

²⁾ И. С.

³⁾ «Основные психологические теории», стр. 151.

⁴⁾ «Основные психологические теории психоанализа», стр. 147.

⁵⁾ «Я и Оно», стр. 22.

видим исключительный перевес бессознания над остальными элементами психики. Соответствующие заявления Фрейда звучат уже совсем фантастические. То же самое, что психозы раскрывает на перенесении у невротиков, можно найти также и в жизни не невротических людей. У последних эти явления производят впечатление преследующей судьбы, демонической силы, и психозы с самого начала считал такую судьбу автоматической возникавшей и обусловленной ранними инфантильными впечатлениями¹⁾. А вот и замечательно «убийственная» иллюстрация этой демонической судьбы: Вспомним, например, историю той женщины, которая при разводе под ряд выходила замуж, при чем все ее мужья забывали, и ей приходилось ухаживать за ними до смерти²⁾.

Для завершения картины необходимо еще в кратких чертах рассмотреть, какие импульсы и тенденции управляют теми областями психики, которые выходят за пределы бессознания. Можно заранее предвидеть, что сознание действует у Фрейда по образу и подобию бессознательной сферы: да и может ли быть иначе, если бессознательное имеет в психике инпрегрированный приоритет? Предположения на этот счет оправдываются полностью. Лишь поверхностное изучение Фрейда может создать впечатление, будто, согласно его взглядам, сознание имеет достаточную самостоятельность. Такое впечатление на первый взгляд может показаться обоснованным потому, что Фрейд, по крайней мере в своих ранних работах, приписывает сознанию роль носителя г. н. принципа реальности. Фрейдов принцип реальности есть стремление приспособиться в целях самосохранения к окружающей среде,—стремление, идущее в разрез с принципом удовольствия—нудовольствия, под знаком которого текут процессы бессознательной сферы. Казалось бы, принцип реальности и есть то (скажем в скобках—абстрактно-метафизическое) начало, которое, по Фрейду, гарантирует сознанию некоторую самостоятельность. Однако дело обстоит не так. Как и можно было ожидать, принцип реальности есть только видоизменение принципа удовольствия, привесок этого последнего. «В действительности,— пишет Фрейд,—замена принципа удовольствия принципом реальности, не означает вовсе устранения принципа удовольствия, а только подкрепление этого последнего. Мгновенное, но сомнительное по своим последствиям удовольствие устремляется только для того, чтобы на новом пути обеспечить себе более надежное, хотя и отсроченное³⁾.

К взгляду Фрейда по этому же вопросу можно подойти и с другой стороны. Выше было сказано, что, кроме сексуальных влечений, Фрейд признает наличие влечений самосохранения (или влечений «Я»). Поскольку «Я» есть носитель сознания, можно было бы думать, что сознание имеет собственные, свойственные только ему одному влечения, и тем самым сохраняет в большей мере свою автономность. Однако оказывается, что подобное утверждение делалось Фрейдом лишь в его старых работах, да и то с большими ограничениями. Ограничения состояли в том,

¹⁾ «По ту сторону принципа удовольствия», стр. 54.

²⁾ I. с., стр. 54-55.

³⁾ «Основные психологические теории», стр. 87.

что часть половых влечений—этих двигателей бессознания—«на всю жизнь остается присоединенной к влечениям «Я», снабжая их либидинозными компонентами...»¹⁾). Уже и в этом заявлении влечения «Я» отягчены грузом сексуальности. В позднейших же работах Фрейд договаривается до конца. Влечения к самосохранению окончательно отождествляются с либидо. Они, стало быть, есть только видимость, только маскировка, какую продлевают в сознании всемогущие половые комплексы. Вот собственные слова Фрейда на этот счет: «Изучая развитие либидо у ребенка в его ранних стадиях, оно (психо-аналитическое наблюдение. И. С.) пришло к убеждению, что «Я» и является собственным и первоначальным резервуаром либидо (курсив наш. И. С.), которое лишь отсюда распространяется на объект... Это нарцистическое (т.-с. направленное на самого себя. И. С.) либидо было также выражением силы сексуальных влечений в аналитическом смысле, которое мы должны были отождествить с признаками с самого начала влечениями к самосохранению» (Курсив наш. И. С.)²⁾). И, наконец: «Если влечения к самосохранению имеют либидинозную природу, то, может быть, вообще мы не имеем других влечений, кроме либидинозных. По крайней мере, никаких других мы не видим³⁾. Хотя гут же у Фрейда и делается смягчающая ссылка на необходимость дальнейших исследований по этому вопросу, выше приведенное заявление достаточно характерно и недвусмысленно. Сознание лишено самостоятельного значения, оно имеет ту же половую направленность, что и бессознательная сфера, а сексуальность—главный, по Фрейду, двигатель бессознания—празднует свою победу во всех решительных уголках психики.

Анализ фрейдовского учения о содержании индивидуальной психики показывает, что это учение сводится к следующим трем принципиально важным положениям: первое—это положение об исключительном преобладании в бессознательном психических аборигенов; второе—о приоритете бессознательного в душевной деятельности; третье—о сексуальной природе всех психических проявлений. Эти три положения органически спаяны друг с другом в учении Фрейда: ведь психические аборигены есть не что иное, как унаследованные модификации полового влечения, и именно потому, что «мелодия сексуальных влечений» отличается «первойностью мощностью», бессознательная сфера, их носитель, оказывается могучим двигателем и определителем всей психики.

Каждое из этих положений заслуживает отдельного рассмотрения.

Действительно ли содержание бессознательного у индивида может быть исчерпано психическими арханизмами? Если бы это было так, то куда же девалась наличная социальная среда с ее формирующим влиянием на все уголки человеческой психики. И каким образом это можно согласовать с тем бесспорным, тысячи раз оправданным на практике марксистским

¹⁾ I. с., стр. 111.

²⁾ «По ту сторону принципа удовольствия», стр. 94.

³⁾ I. с., стр. 95.

положением, что «в каждой личности вложено общественное содержание; сама отдельная личность это точно сгусток общественных влияний, завязанных в маленький узелок» (Бухарин, «Теория исторического материализма»). Фрейдисты пытаются по-разному отделаться от таких вопросов.

Одна из таких попыток заключается в ссылке на то, что влияние наличной социальной среды на психику будто бы в достаточной мере допущено Фрейдом в виде «принципа реальности», представленного в сфере сознания. Иными словами, только одна область психики, а именно сознание, признается доступной социальным влияниям. Нечего сказать—«утешли»! Ведь с точки зрения фрейдизма сознание есть лишь пришаток бессознательной сферы—точно так же, как и принцип реальности есть только «подкрепление» принципа удовольствия. В этом утверждении роль социальной среды сведена к минимуму.

С другой стороны, по существу совершенно неверно, будто влияние внешней среды ограничивается лишь содержанием сознания. Социальная среда определяет содержание индивидуальной психики не только в отношении сознания. Она создает бесчисленное множество потребностей, интересов и стремлений, уходящих корнями в самые интимные, в самые глубокие «слои» личности. И она же создает условия, при которых ею же воспитанные интересы, стремления и потребности испытывают обратное общественное давление и подчас имеют все шансы на вытеснение их в бессознательную сферу. Классовое общество есть богатейший источник травматизирующих влияний на психику. Общественные противоречия разделяют не только человеческую массу; они раздирают и психику отдельного человека. А это означает, что личность, развивающаяся в рамках классового общества, не может не иметь в своем бессознании то большей, то меньшей суммы вытесненных комплексов, содержание и самый факт вытеснения которых целиком обусловлены принадлежностью личности к той или иной социальной прослойке и данными историческими обстоятельствами. Разве, например, может пройти бесследно для психического развития личности следующая антитеза, характерная для классового общества: с одной стороны, как известно, «господствующие в обществе идеи (в том числе и моральные) есть идеи господствующего класса», а, с другой стороны, тот же господствующий класс воспитывает в массе угнетенных интересы и стремления, диаметрально противоположные его же идеям. На известной, достаточно низкой ступени развития классовой борьбы эти идеи обладают еще такой силой в психике эксплоатируемых, что стремления протеста неизбежно загоняются в их бессознание, как неприемлемые и недопустимые. Короче говоря, здесь налицо все условия для процесса вытеснения, но при этом для вытеснения как раз специфично-классовых комплексов. Игнорировать все эти механизмы, обусловленные многократно-противоречивой природой классового общества, как это делает Фрейд,—значит превращать классовое общество, что это делает Фрейд,—значит превращать личность вместе с ее бессознанием в голую абстракцию; это значит—до чрезвычайности упрощать действительное содержание индивидуального бессознания и создавать схемы, очень малые и пригодные для плодотворной работы в области психологии и психопатологии. Как бы ни относиться к вопросу об унаследован-

ваниях психических архаизмов, даже признавая их наличие, надо все же отчетливо иметь в виду, что без них или наряду с ними в бессознательном действуют и такие—несравненно более сильные комплексы, которые целиком обязаны своим содержанием влияниям наличной (в смысле данной стадии исторического развития) социальной среды. Только учтывая это, можно полностью понять содержание индивидуальной психики.

Другого sorta попытки согласовать фрейдизм с марксизмом идут по линии доказательств того, что психические аборигены сами есть не что иное, как унаследованные социальные переживания наших предков. Так, например, т. Б. Фридман пишет: «Психическая динамика представляет в конечном итоге отражение борьбы самих внешних условий между собою, из которых одни соответствуют более древним периодам жизни человека, следовательно, и развития психики, а другие соответствуют более поздним... И, может быть, сама борьба от того и происходит, что старое, закрепленное не хочет уступить и покориться новым условиям реальности¹⁾.

Такого рода взгляд, конечно, более выдержан, чем вышеупомянутый, согласно которому одно лишь сознание отражает внешнюю среду. По крайней мере этот последний взгляд нельзя упрекнуть в стремлении разорвать психику на две совершенно различные по природе области. И тем не менее эта попытка столь же несостоятельна, как и предыдущая, ибо разделяет с нею один и тот же грех. Точно так же, как и там, здесь фактически не хватает достаточного учета наличных социальных огнешней. Та борьба, о которой пишет Фридман, отнюдь не есть отражение конфликта наличных общественных сил,—тех самых, в переплете которых развивается личность. Как будто, без унаследованного материала нет почвы для психического конфликта! Как будто недостаточно одних только отраженных в психике противоречий на личной внешней среды для возникновения внутренней борьбы!

Теперь о приорите бессознательного. Ошибочность этого положения у Фрейда заключается, на наш взгляд, главным образом, в его безусловности. Тем самым оно превращается в некий неизменный метафизический принцип, независимый от условий времени и места. Конечно, отнюдь не исключена такая возможность, когда под влиянием особо сложившихся внешних условий индивидуальное бессознание, пересыщенное «до краев» мощными социально-психическими комплексами, действительно, с большой силой давит на все содержание психики и поведения человека. Может быть и так, что патологическая аномалия или опять-таки действие внешней среды, резко угнетает функцию сознания,—и тогда бессознательное тоже может стать властелином психики. Но ведь обе эти возможности есть лишь частный случай в бесконечной гамме различных психологических ситуаций. Они являются лишь продуктом специально сложившихся условий как во внешней обстановке, так и в организме человека. И здесь опять перед нами встает во весь свой рост значение конкретных обстоятельств времени и места, значение общественной среды.

¹⁾ Сборник «Психология и марксизм», Гиз, 1925 г., стр. 140.

Наконец—о сексуализме. Надо сказать, что во всей критике фрейдизма на протяжении последних десятилетий именно этот пункт встречал наибольшее количество наиболее яростных возражений. Мы также считаем принципиально важным бороться с фрейдовским положением о сексуальности психики. Но с самого же начала необходимо резко отгородиться от тех исходных пунктов и приемов, какие большую частью свойственны упомянутой, почти исключительно буржуазной критике Фрейда. Мы имеем в виду ее очень часто морализующий, филистерский характер. На Фрейда обрушаются за то, что он сводит «вечные и святые устремления человеческого духа» к «низменным» подобным побуждениям. Здесь усматривается подрыв религиозных, нравственных и иных «достижений общечеловеческой (а на самом деле—феодальной и буржуазной) культуры». И Фрейд совершенно прав, когда он презрительно приравнивает это высокодобротельное негодование к тому негодованию, с которым в свое время было встречено учениеDarвина о животном происхождении человека (см. работу Фрейда: «Трудность на пути психоанализа»).

С нашей точки зрения сексуализм ошибочен по совершенно иным основаниям. Половое влечение в разных его модификациях относится к числу врожденных реакций человека. Но ведь этими влечениями не исчерпывается вся сумма врожденных реакций. Обективная физиология высшей нервной деятельности в лице В. М. Бехтерева различает по меньшей мере десяток таких реакций, из которых, как известно, очень важную роль в жизни индивида играют, помимо половой, еще и пищевая, а также самоохранительная реакция. Уже это одно соображение биологического порядка делает сомнительным положение об исключительно-подавляющей роли сексуальности в психике. Но дело принимает совсем ясный оборот, если привлечь в орбиту рассмотрения так наз. вторичные влечения. Мы имеем в виду огромное количество тех интересов и потребностей, стремлений и побуждений, которые приобретаются человеком в процессе его многообразной социальной деятельности (профессия, школа, семья, научная, общественно-политическая работа и т. д. и т. д.).

Фрейдизм утверждает, что все эти виды психической деятельности есть не что иное, как трансформированное половое вление. Такое утверждение можно было бы понимать двояко: 1) Либо это имеет тот смысл, что вторичные влечения лишь генетически связаны с либидо; это означало бы, что на ранних стадиях онтогенетического развития личности либидо обусловило их возникновение, а в дальнейшем играет роль источника, питающего их некоей психической энергией (че либидинозного характера), которая ни в какой мере не определяет направления и цели вторичных влечений. 2) Либо это надо понимать в том смысле, что либидо, трансформируясь во вторичные влечения, не перестает быть самим собой и определяет не только силу, но и самое содержание вторичных влечений.

Против первого толкования физиология не имеет особых возражений. Рефлексы вторичного порядка, действительно, возникают на базе врожденных реакций. Что ж касается их дальнейшей судьбы, то наиболее вероятно, что в силу постоянного упражнения они приобретают настолько большой и постоянный

заряд собственной энергии, что связь их с первичной, врожденной реакцией, как условие их проявления, становится во всяком случае необязательной. Это последнее обстоятельство, разумеется, сильно подрывает достоверность сексуализма даже и в первом его толковании; однако и в противном случае это толкование не противоречило бы нашим принципиальным представлениям о социальном содержании личности: разве либидо, превратившееся в абстрактную психическую энергию, хоть сколько-нибудь способно изменить это содержание?

Все дело, однако, в том, что фрейдизм исходит из второго понимания. Более того фрейдизм делает все возможное и невозможное, чтобы обосновать приведенное выше представление о расширенной роли либидо. Здесь следует дополнительно напомнить, что Фрейд в особой работе о Леонардо да Винчи объясняет инфантильно-сексуальными переживаниями не что иное, как содержание творчества этого последнего. А. Нейфельд, один из учеников Фрейда, также без всяких оговорок выводит революционные антиваристские настроения молодого Достоевского не из чего иного, как из пресловутого Эдипова комплекса. Этот комплекс, видите ли, сложился у Достоевского под знаком враждебного отношения к своему отцу. Отсюда будто бы возникло неуважение к авторитетам вообще, а дальше и обясняется нечего, ибо, по мнению автора, остается лишь один шаг к подготовке цареубийства. Аналогичные работы Пфистера, Кольна, Ермакова и др. были уже достаточно освещены в нашей литературе. Абсурдность всех этих работ является лучшим доказательством против допустимости расширенного толкования либидо по Фрейду. Эта абсурдность не случайна: она есть прямой логический результат вмешательства теории либидо в проблему содержания человеческой психики.

Сексуализм Фрейда не только искусственно упрощает биоэнергетическую основу психики, сводя даже первичные влечения к одному половому влечению, но и отрезывает все подступы к изучению действительного содержания (в смысле совокупности всех первичных и вторичных влечений) психики во всей ее конкретности и историческом своеобразии. Ибо сексуализм Фрейда в деле означает сбрасывание со счетов момента социальных влияний.

Было бы, конечно, совершенно неправильным отрицать целую серию фактов, установленных Фрейдом, относительно онтогенетического развития либидо, его модификаций и превращений. Точно так же нельзя оспаривать большой удельный вес либидо в ряду других первичных и вторичных влечений, при чем очень важно, что этот удельный вес сам является величиной переменной, в каждом случае зависящей не только от врожденных биологических свойств субъекта, но и от его социального воспитания и окружения (кстати, этот последний момент—и это очень характерно—почти не разработан фрейдизмом).

Все эти факты бесспорны, но совсем другое дело специфический сексуализм Фрейда, сексуализм как универсальное учение о человеческой психике и путях к ее истолкованию.

Анализ основных индивидуально-психологических положений фрейдизма каждый раз наталкивает нас на одну и ту же

принципиальную погрешность: а именно на фактическое игнорирование социальной обусловленности психики. Но такого рода погрешность неизбежно влечет за собой и целый ряд производных методологических грехопадений. В самом деле, сколько бы ни подчеркивали фрейдисты динамичность психической механики, эта динамичность превращается в стабильность, коль скоро она становится втулкой перед об'яснением диалектических изменений психики в разных исторических условиях; сколько бы ни говорили они о возможностях психо-аналитического овладения бессознательным, их учение на самом деле насыщено фагализмом, логически вытекающим из теории психических аборигенов и приоритета бессознания. Нечего и говорить, что все эти основные и производные качества фрейдизма ничего общего с марксизмом не имеют.

Если так обстоит с фрейдизмом в области индивидуальной психологии, то в области социологии непримиримость фрейдизма с марксизмом становится совершенно очевидной. Мы не станем здесь входить в особый разбор социологических экскурсов Фрейда (см., напр., его работы: «Масса и анализ Я», «Тотем и табу» и др.). Возьмем только одно положение Фрейда. Оно, во-первых, имеет принципиальный характер, во-вторых, чрезвычайно характерно для всей системы фрейдизма. «Мы... можем решиться», — говорит он, — на смелую попытку провести параллель между ступенями развития человеческого миросозерцания и стадиями либидинозного развития отдельного индивида. Анимистическая фаза соответствует в таком случае нарцизму, религиозная фаза — ступени любви к объекту, характеризуемой привязанностью к родителям, а научная фаза составляет полную параллель тому состоянию зрелости индивида, когда он отказался от принципа наслаждения и ищет свой объект во внешнем мире, приспособляясь к реальности¹⁾. Здесь перед нами целая «философия истории». Какой же принципложен в ее основу? Принцип проекции во внешнюю среду первично-психологических качеств человека. Повинуясь каким-то имманентным психическим закономерностям, либидо индивида продлевает одну стадию развития за другой и каждая такая стадия вызывает к жизни то ту, то другую форму культуры. Очень жаль, что Фрейд нигде не посвятил нас в конкретные механизмы столь чудесного сплеления обстоятельств. Но, так и быть, фрейдисты столь же чудесно сплели и это.

¹⁾ «Тотем и табу», стр. 101.

Логическая стройность системы налицо, но она покупается ценой полной беспомощности перед конкретным многообразием истории, перед живой диалектической действительностью.

И тем не менее есть еще авторы, которые от имени исторического материализма пытаются обеспечить за фрейдизмом место в деле изучения социологических проблем!

Фрейдизм и психопатология.

Несколько замечаний по поводу психопатологических взглядов Фрейда и его учеников являются здесь совершенно необходимыми, главным образом, потому, что психопатология служит для фрейдистов той областью, откуда черпается эмпирический материал для общепсихологических и социологических обобщений.

Учение о психоневрозах опирается на те же предпосылки о механизмах психики, что и общепсихологическая теория Фрейда. Только здесь основные положения фрейдизма заострены с особой четкостью и категоричностью.

Согласно учению Фрейда, как мы уже видели, либидо предполагает определенное развитие, начиная с первых дней жизни и кончая наступлением половой зрелости; при этом происходит последовательная смена частичных сексуальных влечений (анальная эротика, нарцисм, инцестуозные стремления и т. д.). В основе психоневроза лежит нарушение хода этого сексуального развития, главным образом, в форме патологической остановки на одном из его этапов или — особой резкости в проявлении одного из парциальных влечений. Неудовлетворенное в силу патологических моральных препятствий, частичное половое влечение образует рядом представлений и в виде комплекса погружается в бессознание. Этот комплекс, зародившись, таким образом, еще в раннем детском возрасте, болезненно изменяет психику своего носителя на всю его жизнь. В этих условиях достаточно и малейшего повода, чтобы возникли тяжелые психо-невротические симптомы.

Каков в таком патогенезе удельный вес врожденных моментов, с одной стороны, и наличных влияний внешней среды — с другой. Оказывается, что, по Фрейду, патологическое нарушение сексуального развития есть продукт известного наследственного предрасположения, биологические основы которого фрейдизм оставляет вне рамок своего рассмотрения. Больше того, самое содержание патологического комплекса в полном согласии с духом фрейдизма есть также не что иное, как переживание, унаследованное от доисторических предков или во всяком случае первично-данное психическим складом субъекта. Таким образом, здесь момент наследственной, первично-психической обусловленности играет решающую роль.

Социальный фактор тоже, на первый взгляд, имеет значение, по Фрейду, в возникновении психоневроза, но при этом в таких формах, что оно (значение) представляется второстепенным, подчас исчезающим-малым. В самом деле, во-первых, участие внешней среды в образовании комплекса резко ограничено во времени, ибо оно имеет место лишь в раннем детстве; во-вторых, социальные влияния играют лишь вытесняющую роль, тогда как со-

держание комплекса уже дано врожденно-психологическими качествами. В лучшем случае среда определяет об'ект влечения, т.-е. самий непостоянный, по определению самого Фрейда, момент его, между тем, как направление влечений уже лежит вне сферы воздействия среды; в-третьих, социальные влияния, как источник траумы, провоцирующей латентный невроз, играют в концепции Фрейда роль не причины, а только повода, да и то отнюдь не обязательного для невротической вспышки.

С точки зрения фрейдизма, нет психоневроза, который бы не сводился к сексуальности. Это положение провозглашается совершенно категорически. Открытие Фрейдом в сравнительно недавнее время новой категории влечений типа Wiederholungswang несколько не меняет дела, ибо навязчивое воспроизведение имеет своим об'ектом те же инфантально-сексуальные переживания.

Фаталистический момент, естественно вытекающий из Фрейдова учения об огромной роли бессознания, приобретает в теории психоневрозов особенно отчетливый вид.

Все эти положения по существу в такой же мере неверны здесь, как и в области нормальной психологии. В патогенезе психоневрозов врожденные моменты вовсе не играют той исключительной роли, какая им приписывается Фрейдом. По наблюдениям таких авторитетных клиницистов, как Oppenheim, Nonne и др., истерия, напр., может возникнуть даже у людей с исключительно крепкой нервной системой, если только внешняя среда оказалась источником очень сильно или длительно действующих психических травм. В этих условиях наступает функциональная дезорганизация нервных механизмов, которые до того реагировали совершенно нормальным образом. Само собой разумеется, что факты такого рода отнюдь не скидывают целиком со счетов момента врожденной недостаточности нервно-психического аппарата. Человек с неполноценной от рождения первой системой отвечает психоневрозом и на такую травму, какая для первно-неполноценного субъекта проходит подчас совсем безнаказанно. Другими словами, врожденные качества психики в процессе возникновения болезни могут играть благоприятствующую, но отнюдь не единственную-актуальную роль.

Но и этого мало. Дело не только в количественной, но и в качественной оценке значения врожденных моментов, как факторов психоневроза. Когда мы только-что говорили о врожденной неполноценности психики, мы имели в виду ненормальный характер реагирования, другими словами, речь шла о недочетах в формальной стороне психики. Одних этих недочетов в огромном большинстве случаев достаточно, чтобы создать почву для последующих социально-психологических комплексов, ведущих к психоневрозу. Правда, психопатическое предрасположение, помимо этого, может подчас заключаться и в гипертрофии какого-нибудь из первичных влечений, в частности полового, т.-е. сказать также и в самом содержании психики. В этом случае психоневроз приобретает специфическую, например, сексуальную окраску. Но такое положение вещей отнюдь не обязательно. Поскольку дело идет о предрасположении, самое существенное в формальных недочетах психики. По Гауппу, истерия это ненормальная форма реакции индивида. В основе истерии лежат повышенная способность подчиняться внушению, чрезмерная воз-

будимость чувств, болезненная легкость перехода психических процессов в физические симптомы, несоответствие между причиной, вызвавшей то или иное проявление чувств, и самим выражением этих чувств, склонность к фантазии и к мечтам, сильные колебания внимания и ограниченность сознания в силу вынуждения некоторых психических процессов¹⁾.

Независимо от того, какие из этих черт безусловно врожденные, какие — нет, все в этом перечне относится к форме, а не к содержанию психики. С точки зрения этого совершенно правильного понимания содержание большой психики, ее патологические комплексы даны в нешней средой, травматические влияния которой болезненно переработаны неполноценными механизмами. Гигантский опыт мировой войны с ее обилием т. наз. военных неврозов полностью подтверждает именно такую теорию.

По Фрейду выходит совсем не так. Содержание патогенных комплексов дано не внешней средой, а унаследованными «аборигенами». Нечего и говорить, каких огромных натяжек, а подчас и нелепостей стоит фрейдистам об'яснение с такой точки зрения хотя бы тех же неврозов военного времени.

Сексуальное истолкование в сех без исключения психоневрозов — другой краеугольный камень фрейдистской психопатологии — встречает единодушный отпор со стороны большинства выдающихся невропатологов. При этом отнюдь не опровергается известное значение либido и его извращений для психического здоровья личности, ни тот факт, что в ряде случаев ненормальное либido может явиться основой психоневроза. Зато пансиексуализм не находит себе никакого подтверждения в опытах клиницистов. Вот что, напр., говорит Штромайер, знаток психиатрии детского возраста: «Я отвергаю ту специальную формулировку, что сексуальные чувства у детей являются основой истерии; необходимо учитывать всякие аффекты, как возможную причину развития истерии. Я считал нужным указать вам на Фрейда потому, что его теория освещает отдельные случаи детской истерии и побуждает к наблюдению за половой жизнью всех детей» (курсив автора)²⁾. Если это верно по отношению к детям, то что же сказать о взрослых, психика которых еще более насыщена вторичными, социально обусловленными комплексами?

В общем мы приходим к очень важному для оценки фрейдизма выводу: претендуя на построение всеобъемлющих психологических и даже социологических теорий, фрейдизм не в состоянии свести концы с концами даже в психопатологии — в той области, где он зародился, где считает себя особенно сильным и где находится основной источник аргументации всех принципиальных его положений.

Психоанализ как метод и его оценка.

Ошибки фрейдизма логически вытекают из особенностей специального-фрейдовского метода исследования психики — из так называемого психоанализа. Недочеты этого, хотя и частного, но лежа-

¹⁾ Изложено по книге Штромайера: «Психопатология детского возраста», Гиз, 1926.

²⁾ Штромайер, «Психопатология детского возраста», Гиз, 1926 г., стр. 76.

щего в основе всей системы метода, в данном случае имеют роковое значение для всего фрейдизма в целом.

Психоанализ есть одновременно как способ лечения, так и способ проникновения в глубины бессознательной сферы. Здесь он интересует нас именно в этом втором своем качестве. В ходе психоанализа следует различать три момента, часто совпадающих по времени, но отличных по существу: 1) момент добывания сырого психоаналитического материала, 2) момент его обработки и 3) момент проверки полученных выводов по состоянию и реакциям больного.

По первому пункту. Сырой материал составляется главным образом из высказываний по способу свободных ассоциаций и из сновидений больного. Уже в этой предварительной стадии врач играет далеко не пассивную роль. Не только сообщая больному «основное психоаналитическое правило» (говорить все без исключения, что приходит в голову, заглушая голос внутренней критики), но и целим рядом других мер, направленных на устранение внутренних «сопротивлений», а также на использование так наз. «перенесения» (т.-е. возрастающей привязанности больного к способу лечения и к личности врача), врач активно вмешивается в течение психических процессов пациента. Если «сопротивления» преодолены, материал, сообщенный больным принимает огромные размеры — тем более, что, по разъяснениям самого Фрейда, длительность исследования и лечения измеряется «полугодиями или целыми годами»¹⁾. Само собой разумеется, что это обстоятельство особенно остро ставит вопрос о способе регистрации материала — технический момент первостепенной важности для научной достоверности последующих выводов. И вот на этот счет Фрейд делает такое замечание: «Она (т.-е. аналитическая техника. П. С.) не прибегает ни к каким вспомогательным приемам. не пользуется даже записями и состоит просто в том, чтобы не стараться ничего особенного не запоминать и проявлять такое же равномерное внимание, как я это однажды уже назвал, ко всему, что приходится выслушать»²⁾. Нет спора, такой способ собирания материала находит себе некоторое оправдание в больших технических трудностях. Но оправдания оправданиями, а способ сам по себе все-таки таков, что зарегистрированный с его помощью материал не может быть принят без винчительной доли скепсиса: самая регистрация материала страдает величайшей субъективностью. До какой степени доходит эта субъективность, видно из следующего правила, сформулированного Фрейдом: врач «должен обратить свое собственное бессознательное, как воспринимающий орган (курсив нап. И. С.), — давая ему бессознательному больного, воспринимать анализируемого, как приемник телефона, воспринимающая мембрана». Здесь как при приемнике телефона, воспринимающая мембрана. Здесь лицо не только отказ от точных технических приспособлений, и апелляция к собственному бессознанию врача, как воспринимающему органу. Это уже не просто субъективизм, а сверх-субъективизм, гораздо более близкий к интуиции Бергсона.

¹⁾ См. сборник: З. Фрейд «Методика и техника психоанализа», Гиз, стр. 58.

²⁾ I. c., стр. 115.

и др. идеалистических философов, чем к методам подлинной науки.

Мы отнюдь не являемся принципиальными противниками субъективного метода (интроспекции) в психологии; мы только вводим его в строгие рамки, определяемые методом об'ективным (учет внешних реакций), которому принадлежит приоритет, особенно обязательный в области психопатологии. Но в психоанализе Фрейда мы имеем дело с сверхсубъективизмом, а об'ективизм становится здесь исчезающе-малой величиной. Это находит себе яркое выражение не только в первой, но в остальных фазах психоаналитического исследования.

По второму пункту. Истолкование собранного материала, естественно, предполагается на основе теоретических обобщений, составляющих содержание фрейдизма. И в этом нет ничего плохого, поскольку всякое изучение, даже простая постановка вопроса, предполагает некую отправную теоретическую точку зрения. Абсолютно «беспристрастное» исследование есть миф. Но все дело в том, какой степени достигает «пристрастие», не доходит ли оно до того предела, когда исчезает всякая гарантия научной достоверности.

Психоаналитическое истолкование в широчайших размерах использует т. н. символику бессознательных процессов, и в этом его самая характерная особенность. Но основываться на символике — значит сближать такие явления, которые друг с другом имеют подчас лишь самое отдаленное сходство. И тут субъективность истолкователя получает полнейший простор. Вот образчик такого толкования у фрейдиста Штекеля: один пациент, держимый сомнением, закрыл ли он газовый рожок, ничего иного не желает, как прикрыть своей хозяйствкой газометр, т.-е. вагину. Связь между вагиной и газометром в данном случае заматывается лишь на том основании, что в венском просторечии (больной житель Вены) первый из этих об'ектов фривольно обозначается вторым¹⁾. Таких примеров можно привести сколько угодно, и если все-таки попадаются наряду с этим и убедительные толкования, то это — либо случайность, либо результат особых личных качеств врача, обладающего хорошим чувством меры. Но сам метод, как таковой, не дает никаких гарантий правильного толкования.

И, наконец, — по третьему пункту. Достаточно ли убедительна проверка психоаналитических толкований по состояниям и реакциям больного?

В процессе психоанализа сам больной очень часто соглашается с толкованием врача, или руководимый врачом, даже самостоятельно приходит к сексуальному разъяснению своих симптомов. Можно ли этим собственным признаниям пациента придавать значение безусловной убедительности? Отнюдь нет. Начиная с первых шагов психоанализа (как это было подчеркнуто выше), врач с нарастающей активностью вмешивается в течение психических процессов больного. Авторитетность врача для больного, одно из необходимых условий успешного психоанализа, обеспечивает такому вмешательству подчас исключительный эф-

¹⁾ Цитировано по ст. Kutzinsky в руководстве Kraus u. Brugsch, B. X, стр. 432.

фект. Но в этих условиях подчас неизбежно резкое искажение действительных соотношений психики больного. Правда, мы считаем мало вероятным, чтобы больному можно было внушить что-нибудь абсолютно ему чуждое. Но зато нет ничего легче, как, пользуясь механизмами внушения у очень податливых людей, вызвать у них резко преувеличенное представление о действительной роли бывшего когда-нибудь ничтожного переживания. И здесь специальная психоаналитическая обработка в течение многих сеансов может оказаться исключительно сильно.

Если даже словесные признания больного сопровождаются ясными изменениями непроизвольного характера (аффективная вспышка), короче говоря, если даже налицо все явления т. н. «отреагирования», то и это обстоятельство ничего не меняет в вышеприведенных соображениях, ибо интеллектуальные и эмоциональные процессы связаны друг с другом теснейшим образом.

Конечно, было бы странно требовать от какого бы то ни было психологического метода исследования — отказа от активного вмешательства в психическую жизнь испытуемого. Любой эксперимент сам по себе, любая предварительная инструкция уже являются актом такого вмешательства. Все дело только в том, что этот момент должен учитываться в качестве по меньшей мере одного из факторов, определяющих результат эксперимента. Но для фрейдиста такого элементарного и общеобязательного правила не существует: признание больного играет в его глазах роль бесспорного и неограниченного критерия.

Другим критерием проверки является для психоанализа факт излечения больного, вернее, возвращения больному «работоспособности и жизнерадостности». Нечего и говорить, что психоанализ отнюдь не является единственным и всемогущим методом терапии психоневрозов. Если тем не менее психоанализ как способ лечения иногда и приводит к удаче, то в лучшем случае это значит, что объектом лечения был больной с некоторыми специальными особенностями психики. Психоанализ имеет шанс на успех лишь тогда, когда психику больного характеризует гиперсексуализм (либо врожденный, либо культивированный особенностями данной социальной обстановки), и когда очень юный возраст или дегенеративный склад психики исключает возможность интенсивного формирования вторичных социальных влечений. Другими словами, есть известный очень узкий круг биологических и социальных условий, при которых предпосылки психоанализа и его применение достаточно оправданы (да и тут с рядом методических и технических корректировок); но этот же узкий круг условий указывает психоанализу его истинное место, как способу изучения и лечения лишь некоторых категорий психоневротиков.

Таковы особенности психоанализа. Пользуясь этим методом в том виде, как он разработан и применяется Фрейдом, можно притти к каким-угодно представлениям и закономерностям, каждое из которых не будет иметь и тени убедительности. Любые предубеждения исследователя, обусловленные его социальной природой, в данном случае (т.-е. применительно к классическому фрейдизму) социальной природой известных кругов упадочной буржуазии¹⁾.

могут найти себе широкий простор в произвольных рамках психоанализа и получить в этих рамках свое псевдонаучное подтверждение.

Если бы метод Фрейда коренным образом перестроить на основах, диктуемых марксизмом, если бы на место субъективистского вчувствования поставить об'ективную регистрацию реакций личности, а толкование их с точки зрения произвольных сексуально-индивидуалистических схем заменить тщательным учетом реальных общественных влияний, то психология личности предстала бы перед нами в совершенно ином виде. Перед нами оказалась бы личность, как функция среди, иными словами — личность в том ее действительном виде, в каком она представляется с точки зрения исторического материализма.

Однако такая переработка метода и принципов фрейдизма стояла бы этому учению его собственного существования.

У нас нет никаких оснований умалять заслуги Фрейда по отдельным частным вопросам психологии, но фрейдизм есть нечто более обширное и принципиально важное, чем эти частности, а в этом своем виде он совершенно не выдерживает критики с точки зрения основ марксизма.

¹⁾ См., напр., книгу Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия».

По поводу статьи Дейтон-Миллера.

А. Тимирязев.

В № 7—8 «Под Знаменем Марксизма» за 1925 г. была напечатана статья Дейтон-Миллера, в которой он сообщил о результатах своих замечательных опытов, в корне подрывающих любой постулат теории относительности Эйнштейна.

Как и следовало ожидать, это первое известие было принято весьма сдержанно; общее мнение составилось приблизительно в следующих выражениях: опыты в высшей мере интересные и важные по своему значению, но... надо подождать дальнейших подтверждений. Через полгода эти подтверждения пришли. За одну только вторую половину 1925 года Дейтон-Миллер сделал 100.000 измерений, которые целиком и полностью подтвердили его прежние выводы!

Печатаемая в настоящей книжке нашего журнала статья представляет собой доклад, прочитанный на съезде «американской ассоциации содействия науке» 29 декабря 1925 года (появилась в печати 30 апреля 1926 года). За этот доклад Дейтон-Миллеру была присуждена премия ассоциации, выдаваемая ежегодно за наиболее выдающуюся работу, доложенную на съезде. В истекшем году конкурс был особенно велик: была представлена ровно тысяча исследований!

История опыта Майкельсона-Морли, с успехом повторенного Дейтон-Миллером и изложенная в дополнение, печатаемом в настоящей книжке нашего журнала, крайне поучительна в методологическом отношении.

Во всех исследованиях, какие только производились до 1925 г. (в том числе и первые серии опытов Дейтон-Миллера), авторы исходили из двух следующих предположений. Движение земли по отношению к эфиру, если оно существует, слагается только из трех—суточное вращение, годичное движение вокруг солнца (скорость 30 километров в секунду) и общее движение солнечной системы к созвездию Геркулеса (со скоростью около 20 километров в секунду). Второе предположение заключалось в том, что относительная скорость земли по отношению к эфиру, согласно существующим теориям, должна определенным образом влиять на скорость света. Как теперь выяснилось, влияние движения земли было констатировано во всех прежних опытах, включая и знаменитые опыты Майкельсона-Морли! Но, во-первых, направление движения не совпадало с направлением движения земли по ее орбите—движение солнечной системы к созвездию

Геркулеса и, во-вторых, величина влияния движения на скорость света раз в 20 или 30 меньше, чем это можно было предвидеть на основании теории Лорентца. Так как опыт дал не тот ответ, которого ожидали, то был сделан вывод, что движение земли вовсе не отражается на величине скорости света! И этот неверный вывод Эйнштейн признал за второй постулат своей теории.

В небольшой заметке, напечатанной в «Nature» от 26 июня 1926 года, Дейтон-Миллер в следующих выражениях изображает это историческое заблуждение, послужившее основой столы нашумевшей теории.

«Проф. Эйнштейн сделал гипотезу, что движение наблюдателя не производит никакого эффекта на скорость света. Эта гипотеза передается в сотнях книг в качестве правильного толкования опытов. Она была принята, повидимому, без тщательного изучения подлинников, в которых излагаются результаты экспериментальных работ».

В чем же, однако, решение загадки?

Прежде всего не только вся солнечная система, но и вся звездная система млечного пути несет с громадной скоростью около 200—300 километров в секунду по направлению к созвездию Дракона ($+65^{\circ}$ склонение 262° прямое восхождение). Эта скорость дает то смещение полос интерференции, которое наблюдал Дейтон-Миллер и которое было замечено и в предыдущих опытах Майкельсона-Морли и более поздних опытах Морли—Дейтон-Миллера.

Кроме того, эта скорость отражается в значительно меньшей степени, чем это можно было ожидать по теории Лорентца. Если рассчитывать по этой теории наблюдения Дейтон-Миллера, то вместо скорости 200—300 километров в секунду, мы получим всего 10 километров в секунду. Раз такая большая скорость, как несколько сот километров, вызывает эффект, соответствующий 10 километрам в секунду, то ясно, что скорость движения земли по ее орбите (эта скорость равна 30 километрам в секунду) дает в 10 раз сильнейший эффект, который при существующем уровне экспериментальной техники ускользает от нас. Огчего теория Лорентца не согласуется с этими фактами, огчего влияние движения меньше, чем предсказывала эта теория—вопрос пока не решенный. Во всяком случае нам основательно придется перестроить оптику движущихся систем.

Но отчего у Дейтон-Миллера получался в опытах на горе Вильсон результат в 10 километров в секунду (если рассчитывать по теории Лорентца), а в прежних опытах, как его самого, так и Майкельсона, получался эффект, эквивалентный 3 километрам в секунду? Дело заключается в следующем. Смещение полос интерференции вызывается только той слагающей скоростью, которая параллельна плоскости прибора. Так как открытая Миллером громадная скорость, которая во всяком случае больше двухсот километров в секунду, направлена к созвездию Дракона и так как в Кливленде, где производились опыты Майкельсона и Морли, созвездие Дракона всегда высоко над горизонтом, то слагающая этой скорости, параллельная плоскости горизонтально стоящего прибора, значительно меньше, чем для обсерватории горы Вильсон, где созвездие Дракона

всегда ближе к горизонту. Таким образом, широта места, а не высота над уровнем моря обеспечила успех опытов Миллера. А кроме того, прежние измерения производились два раза, в дни, в те часы, когда ожидалось наибольшее влияние скорости движения земли по орбите, а это не совпадает с моментами, когда всегда сильнее оказывается влияние открытого Дейтон-Миллером космического движения.

В критических статьях, печатаемых до сих пор в ряде научных журналов, все еще приписывают Миллеру утверждение, что изучаемый им эффект может наблюдаться только на возвышенностях и что он должен равняться нулю на уровне моря. Это недоразумение можно приписать только тому, что статью Миллера недостаточно внимательно читают. Крайне любопытно, что результаты Миллера подтвердились астрономическими наблюдениями. Оказывается, что звездные скопления, представляющие такие же звездные системы, как наша система Млечного пути, движутся по отношению к земле со скоростями, соответствующими и по величине и по направлению той, которая была установлена Дейтон-Миллером.

Приведенная в статье Дейтон-Миллера ограничка из истории физики крайне поучительна. Очень плохо, когда экспериментатор, игнорируя теорию, превращается в «ползущего эмигранта». Но плохо также, когда игнорируют факты, противоречащие установленвшимся теориям. Знаменитый биолог Клод Бернар говорил своим ученикам: «не бойтесь противоречий фактов: каждое противоречие есть залог нового открытия». Это мудре правило, которым должен руководиться каждый исследователь-диалектик, было основательно забыто истолкователями знаменитого опыта Майкельсон-Морли.

Смысъл опытов с эфирным ветром, произведенных в 1925 г. на горе Вильсон¹⁾.

Дейтон-Миллер.

(Перевод с английского).

Всеобщее признание теории, по которой свет является волнообразным движением светоносного эфира, создает необходимость определения основных свойств эфира, дающих ему возможность переносить световые волны и вообще принимать участие в оптических явлениях. Сначала допускали, что эфир заполняет все пространство, даже то, которое занято материальными телами, и вместе с тем признавали, что все тела движутся через него совершенно свободно. Вопрос о том, увлекается ли эфир благодаря движению земли, рассматривался с первых дней волновой теории. Теории эфира тесно связаны с теориями строения материи и являются одними из наиболее существенных во всей области физической науки.

Вслед за открытием aberrации света в 1728 г. вскоре последовало ее об'яснение согласно принятой тогда корпускулярной теории света. Этот эффект был приписан простому сложению скорости света со скоростью движения земли по ее орбите. Было предложено и второе об'яснение, основанное на волновой теории, которое кажется почти таким же простым, как и первое, но оно не учитывает обстоятельства, позже доказанного экспериментально, что aberrация не меняется, когда наблюдения производятся с телескопом, наполненным водой. Френель развил теорию, которая получила почти всеобщее признание и по которой, во-первых, эфир остается в покое в пустом пространстве и в непрозрачных телах и, во-вторых, внутри движущихся прозрачных тел он предполагался движущимся со скоростью меньшей, чем скорость движения тела в отношении $\frac{n^2 - 1}{n^2}$, где n является показателем преломления. Две эти гипотезы дают полное и удовлетворительное об'яснение aberrации; вторая считается доказанной опытами Физо и Майкельсона и Морли о скорости света в движущихся средах; первая гипотеза, что эфир покоятся в пространстве и непрозрачных телах, всегда была под сомнением.

¹⁾ Речь президента американского физического о-ва, прочитанная в Канс-Сити 29 декабря 1925 г.

Многие физики пытались доказать существование неподвижного эфира пряммыми опытами. Наиболее важным из всех предложенных является опыт профессора А. А. Майкельсона, сделанный в 1881 г. и основанный на мысли о том, что эфир, как целое, покоятся и световые волны распространяются в свободном эфире в любом направлении всегда с одной и той же скоростью по отношению к эфиру. Таким образом допускалось, что земля в ее движении по орбите вокруг солнца проходит через эфир совершенно свободно, хотя последний является абсолютно неподвижным в пространстве. Этот опыт предполагал открыть относительное движение земли и эфира, то самое относительное движение, которое часто называют «эфирным ветром». Этот опыт основывался на доводе, что кажущаяся скорость света будет изменяться, смотря по тому, переносится ли наблюдатель землей в том же направлении, в котором идет и свет, или под прямым углом к этому направлению. Скорость света равняется тремстам тысячам километров в секунду, в то время как скорость движения земли по ее орбите равна одной десятитысячной этой скорости, т.-е. ровно тридцати километрам в секунду. Действительное движение земли является во всякое время результатом сложения: изменяющегося по направлению движения земли и постоянного движения солнца (включая всю солнечную систему) в неизвестном направлении и с неизвестной скоростью. Поэтому действительное относительное движение земли и эфира неизвестно, и оно может быть медленнее, чем грядущий километров в секунду, или гораздо больше. Если допустить, что это относительное движение равно по скорости движению земли по ее орбите и если бы было возможно измерить прямой эффект этого движения на кажущуюся скорость света, то эта скорость, измеренная в направлении движения, отличалась бы от кажущейся скорости перпендикулярно к этому направлению на тридцать километров в секунду или на одну десятитысячную. Это есть то, что называют «эффектом первого порядка», но, к несчастью, мы не знаем способа измерения скорости при таких простых условиях. Во всех способах необходимо, чтобы луч света проходил к некоторому определенному месту и обратно к точке отрыва; и положительный эффект движения земли на луч, идущий вперед, будет нейтрализован отрицательным эффектом для возвращающегося луча. Но было показано, что для движущегося наблюдателя эта нейтрализация не будет совершенно полной; кажущаяся скорость луча, идущего и возвращающегося в направлении движения земли, будет отличаться от кажущейся скорости луча, идущего и возвращающегося перпендикулярно к этому направлению, на квадрат отношения скорости земли к скорости света, т.-е. на количество, равное $(10000)^2$ или одной стомиллионной. Единственный эффект, который может быть открыт экспериментально, поэтому является чрезвычайно малым: это есть «эффект второго порядка».

Замечательный инструмент, который был изображен проф. Майкельсоном и известен под именем интерферометра, способен открыть ничтожные изменения в скорости света, вызываемые эфирным ветром. В этом опыте пучок света буквально расщеплен на два посредством тонкого серебряного слоя, который

называется «полусеребряным зеркалом». Этот серебряный слой настолько тонок, что почти половина света прямо проходит через него, в то время как другая половина отражается как обычно. Таким образом, эти два луча света можно заставить исти по путем, перпендикулярным друг к другу. В конце определенного пути каждый луч отражается обратно, и оба приходят вместе туда, где они сначала разделились. Если эти два пути оптически равной длины, т.-е. если в каждом содержится точно такое же количество световых волн, то волны в соединившихся пучках будут совпадать друг с другом. Если, однако, один путь на половину длиннее другого, волны будут приходить в «противоположных фазах», гребень одной будет совпадать с впадиной другой. То или другое отношение фаз обоих лучей производит эффект, называемый «интерференционными полосами», наблюдение которого дает возможность открыть ничтожные изменения скорости света на этих двух путях.

В 1887 г. в высшей школе прикладных наук в Кливленде проф. Майкельсон, в сотрудничестве с покойным проф. Э. В. Морли, сделал некоторые важные усовершенствования этого метода и аппарата и воспользовался этим интерферометром для знаменитого теперь «опыта Майкельсона—Морли», стараясь определить, окажет ли влияние движение земли через пространство на скорость света, предсказанное теорией. К несчастью, мы не знаем, каково абсолютное направление движения земли, и поэтому невозможно наверняка поместить интерферометр в этом направлении. Поэтому весь прибор монтируется на фундаменте, который плавает на рути таким образом, что он может быть повернут при желании найти направление ветра по всем азимутам в горизонтальной плоскости. Вращение земли вокруг ее оси заставляет плоскость интерферометра двигаться так, как будто она находится на поверхности конуса, ось которого совпадает с осью земли, благодаря чему прибор принимает различные пространственные ориентировки. Наблюдать можно лишь ту слаженную действительного эфирного ветра, которая в момент наблюдения лежит в плоскости интерферометра. Поэтому кажущаяся величина и направление этого ветра будут изменяться во время наблюдений.

Полный смысл опытов с эфирным ветром в 1925 г. можно выяснить, лишь рассмотрев толкование, данное предшествующим опытам. По этой причине мы и дадим здесь краткую историю всех этих опытов.

В июле 1887 г. Майкельсон и Морли сделали шесть серий наблюдений эффекта, производимого эфирным ветром, по одному в полдень и в шесть часов вечера в каждый из трех дней 8, 9 и 11 июля. В этом и состоят все наблюдения, сделанные Майкельсоном и Морли. В ноябре 1887 г. они опубликовали свои заключения в таком виде: «Если рассматривать только движение земли по ее орбите... то наблюдения показывают, что скорость движения земли относительно эфира, вероятно, меньше, чем одна четверть¹⁾ (т.-е. меньше, чем семь с половиной километров

¹⁾ Michelson and Morley, «Relative Motion of the Earth and the Luminiferous Ether», Am. Jour. of Sc. 34, 333 (1887); Phil. Mag. 24, 449 (1887); Jour. d. Phys. 7, 444 (1888).

в секунду). Это указывало, что этот опыт предназначался исключительно для того, чтобы открыть влияние движения земли по орбите, которое должно иметь различные значения в различные часы дня, выбранные для наблюдений, и что наименьшее количество, которое могло быть достоверно измерено, равнялось одной четверти ожидаемого эффекта.

В 1895 г. Лорентц и Фицджеральд предположили, что поступательное движение твердого тела через эфир может вызвать сокращение в направлении движения, соединенное с попечным расширением, величина первого пропорциональна квадрату отношения скорости движения к скорости света, и оно может иметь такую величину, что сводит на нет эффект эфирного ветра в интерферометре Майкельсона и Морли. Оптические размеры этого инструмента определялись цоколем из пещаница, который поддерживал зеркала. Если это сокращение зависело от физических свойств твердого тела, то можно предположить, что сосновое дерево будет сжиматься больше, чем пещаница, между тем как сталь может быть сжимается лишь в меньшей степени. Если скатие компенсирует ожидаемый эффект в одном аппарате, в другом оно может дать эффект, отличный от нуля, а может быть эффект противоположного знака.

Пишущий эти строки, в сотрудничестве с проф. Морли, сконструировал интерферометр приблизительно в четыре раза более чувствительный, чем тот, который употреблялся в первом опыте. Он имел путь луча длиной в 214 футов и равный по длине 130.000.000 световых волн. В этом инструменте относительная скорость земли и эфира, равная орбитальной скорости земли, вызвала бы смещение интерференционных полос, равное ширине 1,1 полосы. С того времени и применялся инструмент таких размеров. Его оптические части были все новые, и из первого аппарата не было использовано ничего, кроме ртутной ванны и деревянного пошлаква.

Такой прибор с основанием, сделанным из сосовых досок, употреблялся в 1902, 1903 и 1904 г.г. в Кливленде с целью прямой проверки эффекта Лорентца-Фицджеральда. Но изменения в деревянной раме, происходившие благодаря колебаниям температуры и влажности воздуха, затрудняли получение точных результатов при наблюдениях. Новая поддерживавшая рама была спроектирована проф. факультета гражданских инженеров школы прикладных наук Ф. Х. Неффом и имела целью обеспечить и симметрию и прочность. Эта рама или основание была сделана из строительной стали и была расположена так, что оптические размеры прибора могли быть сделаны зависящими или от длины деревянных досок, или только от самого стального остова. Наблюдения с этим аппаратом были сделаны в 1904 г. Способ наблюдения был основан на эффекте, ожидаемом от комбинации суточного движения земли с предполагаемым движением солнечной системы к созвездию Геркулеса со скоростью 17,7 километров в секунду. Для наблюдения были избраны два часа в течение дня, когда результатирующая этих двух движений лежала в плоскости интерферометра, именно 11 час. 30 мин. утра и 9 час. вечера. Вычисленное направление движения было различно в эти часы. Поэтому наблюдения в эти часы комбинировались таким образом, что каждому из направлений утренних

наблюдений подыскивалось соответствующее направление для вечерних наблюдений. Наблюдения для этих двух частей суток давали результаты, которые имели положительную величину, но почти противоположные фазы; когда они были скомбинированы, получился почти нулевой результат. Это следствие противоречило принятой тогда теории; но по мыслим, которые будут изложены в этой речи дальше, теперь кажется, что наложение этих двух серий наблюдений с различными фазами было основано на ошибочной гипотезе и что положительный результат, полученный тогда, согласуется с новой гипотезой относительно движения солнца. Наша статья об этом опыте, опубликованная в *Philosophical Magazine* в мае 1905 г., кончалась следующим заключением: «Некоторые думают, что этот опыт доказывает только то, что эфир в некоторых помещениях переносится вместе с ними. Мы хотим поэтому поместить аппарат на холме, чтобы видеть—может ли быть открыт таким образом какой-нибудь эффект»¹⁾.

Осенью 1905 г. Морли и Миллер перенесли интерферометр из помещения лаборатории на холм Евклида в Кливленде, не застроенный какими-либо постройками и имевший триста футов высоты над уровнем озера Эри и около восьмисот семидесяти футов над уровнем моря. В 1905—1906 гг. были сделаны пять серии наблюдений, которые дали определенный положительный эффект, равнявшийся одной десятой ожидавшегося тогда «ветра». Было подозрение, что этот результат может быть вызван температурными влияниями, но прямых указаний на это не было. Был составлен план проверить это сомнение после летних каникул. Мы поставили интерферометр на земле, принадлежавшей нашему другу; во время нашего каникулярного отсутствия эта земля была продана и новый владелец приказал немедленно убрать интерферометр. Проф. Морли прекратил активное участие в работе с 1906 г. и продолжение опытов до настоящего времени выпало на долю автора. Казалось желательным, чтобы дальнейшие наблюдения были перенесены на большую высоту, но многочисленные причины помешали возобновлению наблюдений.

В это время Эйнштейн заинтересовался этим вопросом: в ноябре 1905 г. он опубликовал работу об «электродинамике движущихся тел»²⁾. Эта статья была первой из длинной серии статей и трактатов Эйнштейна и других авторов, что привело к теперешней теории относительности. В этой первой статье Эйнштейн устанавливает принцип постоянства скорости света, постулируя, что для наблюдателя на движущейся земле измеренная скорость света должна быть построена независимо от направления и скорости движения земли. Вся теория была применена к физическим явлениям на основании допущения, что опыты Майкельсона, Морли и Миллера дали определенный и точный нулевой результат.

¹⁾ Morley and Miller, «An Experiment to detect the Fitzgerald-Lorentz effect». Phil. Mag., 9, 680 (1905); Proc. Am. Acad. Arts and Sc. 41, 321, (1905); «On the Theory of Experiments to detect aberrations of the Second Degree». Phil. Mag. 9, 669 (1905).

²⁾ Einstein, «Zur Electrodynamik bewegter Körper», —«Ann. d. Physik», 17 891 (1905).

Отклонение света звезд солнцем, предсказанное теорией относительности, было проверено во время солнечного затмения 1919 г. Результат был воспринят широкими кругами, как приятный для теории. Это оживило интерес автора к опыта с эфирным ветром, принятые истолкование которых было для него всегда неприемлемым.

Местоположение обсерватории на горе Вильсон близ Пасадены было подходящим для дальнейших опытов. Была выработана тщательная программа опытов, а большие средства для покрытия весьма значительных расходов были любезно предоставлены м-ром Эксплейном из Кливленда. Президент и попечители школы прикладных наук оказали всевозможное содействие, разрешив автору отпуск во время, удобное для производства опытов, и предоставив ему ассистента, несшего на себе тяжелую работу вычисления и анализа наблюдений. Благодаря любезности президента института Карнеги в Вашингтоне Мерриама и директором обсерватории Хэйля и Адамса опыты с эфирным ветром были проведены в продолжение последних пяти лет на обсерватории горы Вильсон.

Наблюдения были начаты в марте 1921 г., при использовании аппарата и метода, употреблявшегося Морли и Миллером в 1904. 1905 и 1906 гг., с некоторыми изменениями и дополнениями в деталях. Самое первое наблюдение дало как раз такой положительный эффект, какой произвел бы действительный эфирный ветер, соответствующий скорости движения земли относительно эфира, равной около десяти километров в секунду. Но показалось необходимым прежде, чем опубликовать этот результат, изучить все возможные причины, которые могут произвести смещение полос, подобное тому, которое вызывается эфирным ветром; среди этих причин предполагалось магнето-стрекция и лучистая теплота. Чтобы проверить последнее, металлические части интерферометра были совершенно закрыты слоем пробки около дюйма толщиной и было сделано пять серий наблюдений, показавших такое же периодическое смещение полос, как и при первом наблюдении; таким образом оказалось, что лучистая теплота не является причиной наблюденного эффекта.

Летом 1921 г. стальная рама интерферометра была убрана, и основание, сделанное из одного куска цемента, скрепленного латунью, было поставлено на ргутный поплавок. Все металлические части были сделаны из алюминия и латуни, благодаря чему весь аппарат был свободен от магнитных влияний и возможное влияние теплоты было значительно уменьшено. В декабре 1921 г. было сделано с этим немагнитным интерферометром сорок две серии наблюдений. Они показали наличие положительного эффекта как от эфирного ветра, который вполне соответствовал наблюдениям апреля 1921 г. В это время были испытаны некоторые изменения в побочных условиях. Наблюдения производились при вращении интерферометра по часовой стрелке и против часовой стрелки, при быстром и очень медленном вращении, с интерферометром, выведенным из горизонтального положения, с интерферометром, выведенным из горизонтального положения с помощью нагрузки одной стороны поплавка. Были испытания с помощью нагрузки одной стороны поплавка.

результаты наблюдений ни одно из этих изменений не оказало влияния¹⁾.

Весь аппарат был возвращен в лабораторию в Кливленде. В продолжение 1922 и 1923 г. было сделано много опытов при различных условиях, которые могли точно контролироваться, и с многочисленными изменениями в расположении частей аппарата. Призмы и зеркала были расположены таким образом, что источник света мог быть помещен вне наблюдательной комнаты и при еще большем усложнении зеркал был испробован способ наблюдения полос через неподвижный телескоп. Был исследован также способ фотографической регистрации при помощи движущейся камеры. Применялись различные источники света, включая солнечный свет и электрическую дугу. Окончательно для выполнения наблюдений была выработана установка с астрономическим телескопом, имевшим об'ектив с апертурой в пять дюймов и увеличение в пятьдесят раз. Источником света была выбрана большая ацетиленовая лампа, подобная тем, которые обычно помещаются в автомобильных фонарях. Была произведена обширная серия опытов для определения влияния неравномерности температуры и лучистой теплоты и для основания интерферометра и для светового пути были устроены различные изолирующие покрышки. Все эти эксперименты доказали, что при условиях наблюдения периодическое смещение не может быть вызвано температурными влияниями. Тщательное исследование в лаборатории показало, что полный периодический эффект, упомянутый в предварительном сообщении о наблюдениях на горе Вильсон, является необходимым геометрическим следствием установки зеркала, когда применяются полосы конечной толщины, и что этот эффект исчезает только для полос бесконечной толщины, как и предполагается в элементарной теории опыта.

В июле 1924 г. интерферометр был снова взят на гору Вильсон и установлен в новом месте, где температурные условия были более благоприятны, чем там, где находился в 1921 г. Дом, в котором поменялся интерферометр, имел другое направление, чем раньше. Опять наблюдения показали действительное периодическое смещение полос, как и во всех предыдущих наблюдениях, сделанных на горе Вильсон и в Кливленде.

Несмотря на долговременные изыскания, невозможно было найти какую-либо ошибку, точно так же нельзя было присписать наблюдаемый факт какому-либо земному влиянию. Чтобы примирить наблюденный эффект с принятой теорией эфира и предполагаемым движением земли в пространстве, были сделаны весьма общирные вычисления. Наблюдения повторялись в известные периоды, чтобы проверить ту или другую из предполагаемых гипотез. В конце 1924 г., когда разрешение этих вопросов казалось невозможным, было сделано для начала полное вычисление ожидаемого эффекта для каждого месяца. Оно указало, что эффект должен быть максимальным около первого апреля и что в продолжение двадцати четырех часов направление эффекта должно совершать полный оборот вокруг горизонта. В марте и

¹⁾ Miller. «Ether-drift Experiments at Mount Wilson Observatory». Phys Rev. 19, 407 (1922). Science, 55, 496 (1922).

апреле 1925 г. были сделаны наблюдения для поверки этих предсказаний. По величине эффект был равен наибольшему из наблюденных до этого времени; но он не был направлен последовательно ко всем точкам горизонта, т.-е. он не изменял направления на 90° по прошествии шести часов, не принимал противоположного направления через двенадцать часов. Вместо этого его направление просто колебалось вперед и назад в пределах угла, равного приблизительно 60° , в общем имея северо-западное направление. До 1925 г. опыт Майкельсона-Морли применялся всегда для поверки определенной гипотезы. Такой единственной теорией эфира, которая подлежала такой поверке, была теория абсолютно неподвижного эфира, через который земля движется, не возмущая его никаким образом. Опыт дал отрицательный ответ на эту гипотезу. Эксперимент был применен к поверке этого вопроса только в связи с особым предполагаемым движением земли, именно с движением, состоявшим в комбинации движения по орбите и вращения вокруг оси с поступательным движением солнечной системы к созвездию Геркулеса со скоростью около девятнадцати километров в секунду. Результаты опыта не соответствовали этому предполагаемому движению. Тогда опыт был применен к поверке гипотезы Лорентца и Фитцджеральда об изменении размеров тел при их движении через эфир; он был использован также для исследования действий магнетострикций, лучистой теплоты и гравитационных деформаций на раму интерферометра. В продолжение всех этих наблюдений, длившихся годами, упорно выступал постоянный и малый эффект, который не был выяснен, в то время как ответом на все ставившиеся тогда разнообразные вопросы служило «нет».

Интерферометр, приспособленный для опытов с эфирным ветром, является инструментом, который пригоден для определения относительного движения земли и эфира, т.-е. способен указать направление и величину абсолютного движения земли и солнечной системы в пространстве. Если были сделаны наблюдения для определения этого абсолютного движения, какой должен получиться результат независимо от какого бы то ни было «ожищаться результата? С целью выяснения этого общего вопроса было решено в 1925 г. сделать более многочисленные наблюдения в другое время года, и они были произведены в июле, августе и сентябре.

Можно спросить: почему это не было предпринято раньше? Ответ будет такой: частью потому, что мы интересовались поверкой известных предсказаний, так называемой, классической теории, частью потому, что не легко в отсутствии прямых указаний предложить новую гипотезу особенно простую. Вероятно, одним из важных поводов этого упущения были большие трудности, заключающиеся в выполнении наблюдений во всяко время дня и в некоторые времена года. Я думаю, что я не окажусь единичным, но изображу действительное положение вещей, если скажу, что наблюдения эфирного ветра являются наиболее замечательными, что наблюдения эфирного ветра являются наиболее трудными и утомительными в отношении физического первичного и умственного напряжения, чем какая-нибудь другая научная работа, с которой мне пришлось познакомиться. Только одна установка интерферометра для полос белого света и поддержание его в этом положении, когда световой путь равняется 214 футам и

состоит из шестнадцати различных участков, и когда это проводится на открытом воздухе, требует терпения, крепких нервов, так и уверенных рук. Профессор Морли сказал однажды: «Терпение является качеством, без которого невозможно начинать наблюдения подобного рода». Наблюдения должны делаться в темноте; в дневное время помещение, предназначенное для интерферометра, затемнялось щитами из черной бумаги. Наблюдения должны делаться при точно такой же температуре, как и температура наружного воздуха; наблюдатель ходит кругом по окружности около двенадцати футов в диаметре, следя глазами за движущимся окуляром телескопа, прикрепленного к интерферометру, который плавает в ртути и постоянно вращается около своей оси со скоростью одного оборота в минуту; наблюдатель никоим образом не должен терять из виду интерференционные полосы, которые видны только через небольшое отверстие окуляра телескопа, имеющее диаметр около четверти дюйма; наблюдатель за каждый оборот шестнадцать раз отмечает положение интерференционных полос во время, указываемое электрическим зонком; эти операции продолжаются без перерыва в течение серии наблюдений, которая длится обычно от пятнадцати до двадцати минут, а эти серии повторяются непрерывно в продолжение многих часов рабочего дня.

Когда наблюдения в ходу, интерферометр, к которому прикреплен наблюдательный телескоп, приводится во вращение на плавке, плавающем в ртути таким образом, что телескоп указывает последовательно на все страны света, т.-е. проходит через все азимуты. Относительное движение земли и эфира должно вызывать периодическое смещение интерференционных полос; эти полосы двигаются по отношению к некоторой определенной точке в поле зрения сперва в одну, а затем в другую сторону при двух полных периодах за каждое вращение инструмента. Положение полос отмечалось, начиная с того момента, когда телескоп был направлен на север в шестнадцати равностоящих направлениях вокруг всего горизонта. Азимут линии зрения при максимальном смещении отмечался в два различных времени дня, и поэтому вычисление прямого восхождения и склонения «алекса» предполагаемого абсолютного движения земли в пространстве является простой операцией. Определение направления движения земли зависит только от направления, в котором телескоп указывает тогда, когда наблюдаемое смещение полос является максимальным; оно никоим образом не зависит ни от величины этого смещения, ни от того, каким образом мы отсчитываем смещение от некоторого особого нулевого положения. Когда отсчеты производились через интервалы около трех секунд, положение максимума определялось наблюдениями, занимавшими интервал меньше чем в десять секунд. Полный период смещения продолжался около двадцати пяти секунд. Таким образом, наблюдения, касавшиеся направления абсолютного движения, являются в значительной степени независимыми от обычных температурных влияний. Эти наблюдения являются дифференциальными и могут быть выполнены со значительной уверенностью при всяких условиях. Серия наблюдений состоит обычно из двадцати оборотов интерферометра, выполненных приблизительно за пятнадцать минут времени; это дает сорок определений периодично-

ского эффекта. Простое среднее этих сорока значений дает одно «наблюдение». Температурный эффект или другая причина, которая не является правильно повторяющейся с периодом порядка 20 секунд за промежуток времени в пятнадцать минут, будут при нахождении среднего совершенно затушеваны. Периодический эффект, остающийся в окончательном среднем, должен быть реальным.

Положение системы полос указано в единицах, равных десятой части ширины полосы. Истинная скорость движения земли определяется амплитудой периодического смещения, которая пропорциональна квадрату относительной скорости земли и эфира и длине светового пути в интерферометре. Относительное движение в тридцать километров в секунду, равное скорости земли на ее орбите, произвело бы смещение полос от одного крайнего положения до другого, равное 1,1 полосы. Влияние, произведенное температурой или другими причинами, действующими в про-
должение немногих секунд или немногих минут, могут изменить истинную величину наблюдаемого смещения и таким образом уменьшить точность определения относительной скорости, в то время как положение максимального смещения не нарушится. Поэтому можно было ждать, что результаты наблюдения скорости движения не будут так точны, как наблюдения направления движения. Две эти величины, величина и направление наблюдаемого относительного движения, совершенно независимы друг от друга.

Было желательно иметь наблюдения, распределенные равномерно по всем двадцати четырем часам суток; так как каждая серия требовала около пятнадцати минут, то девяносто шести серий, распределенных соответственным образом, было достаточно. Выполнение таких серий наблюдений занимало обычно период в десять дней. Окончательно эти наблюдения сводились в одну группу и средняя дата рассматривалась, как дата этой «эпохи». Наблюдения, сделанные на горе Вильсон в 1925 г., соответствуют трем эпохам: 1 апреля, 1 августа и 15 сентября, и по числу более чем в два раза превышают все другие наблюдения эфирного ветра, сделанные с 1887 г. Полное число наблюдений, сделанных в Кливленде, соответствует 1.000 оборотам интерферометра, в то время как все наблюдения, сделанные на горе Вильсон до 1925 г., соответствуют 1.200 оборотам. Наблюдения 1925 г. состоят из 4.400 оборотов интерферометра, во время которых было сделано 100.000 отсчетов. Группа из восьми наблюдений дает значение для величины и направления функции эфирного ветра. Следовательно, было получено 12.500 отдельных измерений ветра. Это требует, чтобы наблюдатель прошел, пока он делает отсчеты, в темноте по небольшому кругу расстояние в 100 миль. В продолжение этих наблюдений условия были исключительно хороши. За это время иногда был туман, который поддерживал очень равномерную температуру. Четыре точные термометра были повешены на внешней стороне дома; часто наибольшее изменение температуры не превышало одной десятой градуса, а обычно было меньше четырех десятых. Такие изменения не могли дать полного эффекта периодического смещения полос. Можно еще добавить, что пока не были получены отсчеты, ни у кого из наблюдателей или регистраторов не могло быть и намека на мысль

о присутствии какой-нибудь периодичности, а тем более о величине или направлении какого-либо периодического эффекта.

Сто тысяч отсчетов были соединены в группы по двадцати отсчетов, и затем среднее из группы было нанесено в виде кривых. Эти кривые были подвергнуты механическому гармоническому анализу с целью определения азимута и величины ветра. При этой работе были использованы все оригинальные наблюдения без каких-либо пропусков и без определения весов наблюдений; кроме того, поправки какого бы то ни было рода не вводились в наблюденные значения. Результаты этого анализа начерчены таким образом, чтобы показать изменение азимута ветра в продолжение двадцати четырех часов суток для каждой эпохи, подобным же образом начертано изменение его величины. Наблюдения 1925 г. дали таким образом шесть кривых: три, показывающие изменение азимута для различных периодов, и три, показывающие изменение величины. Эти кривые показаны на рис. 1 и 2. Точки, связанные тонкими линиями, представляют отдельные наблюдения, каждое из которых является средним из отсчетов, произведенных в продолжение пятнадцати минут. Жирная линия представляет некоторое произвольное среднее из отдельных наблюдений для каждой эпохи. На рис. 1 горизонтальная линия соответствует двадцати четырем часам местных гражданских суток; положение этой линии соответствует движению к северу, в то время как точки выше линии указывают восходящий, ниже линии—западный азимут. На рис. 2 горизонтальная линия опять представляет часы гражданских суток, в то время как величина эфирного ветра, т.е. скорость относительного движения в продолжение суток, нанесена в километрах в секунду. Сразу видно, что в этих наблюдениях есть нечто реальное; каждая кривая имеет определенную и характерную форму; несомненно, что эти результаты не являются нулевыми и не вызваны

Рис.1

На горизонтальной оси отложено время, отмеченное в часах гражданских суток. На вертикальной прямой—азимуты в градусах; 0 соответствует северу; 50 и 100—градусы, отсчитанные на запад. Кривые изображают изменения направления, по которому наблюдается максимум эффекта в зависимости от времени дня.

из отдельных наблюдений для каждой эпохи. На рис. 1 горизонтальная линия соответствует двадцати четырем часам местных гражданских суток; положение этой линии соответствует движению к северу, в то время как точки выше линии указывают восходящий, ниже линии—западный азимут. На рис. 2 горизонтальная линия опять представляет часы гражданских суток, в то время как величина эфирного ветра, т.е. скорость относительного движения в продолжение суток, нанесена в километрах в секунду. Сразу видно, что в этих наблюдениях есть нечто реальное; каждая кривая имеет определенную и характерную форму; несомненно, что эти результаты не являются нулевыми и не вызваны

случайными ошибками наблюдений. Азимут наблюденного эффекта на рис. 1 изменяется в продолжение двадцати четырех часов суток периодически, в среднем равняясь 45° к северо-западу, при чем время наибольшего западного отклонения изменяется со временем года. Рис. 2 показывает, что величина

этого эффекта изменяется периодически, с максимумом около десяти километров в секунду, выступающим в различные времена года, в разные часы дня.

Было невозможно выделить какой-нибудь эффект, вызываемый температурой, чистой теплотой, магнетизмом, гравитационными силами или другими причинами, который мог производить в различные эпохи указанное систематическое изменение. Тогда и было сделано предположение, что этот эффект может быть вызван движением земли и всей солнечной системы через эфир, т.е. является реальным эфирным ветром. Для определения апекса и скорости этого движения были выполнены различные графические и численные расчеты. Это пробное решение было проверено посредством механического прибора для сложения движений и окончательно посредством способа наименьших квадратов. Таким образом было найдено,

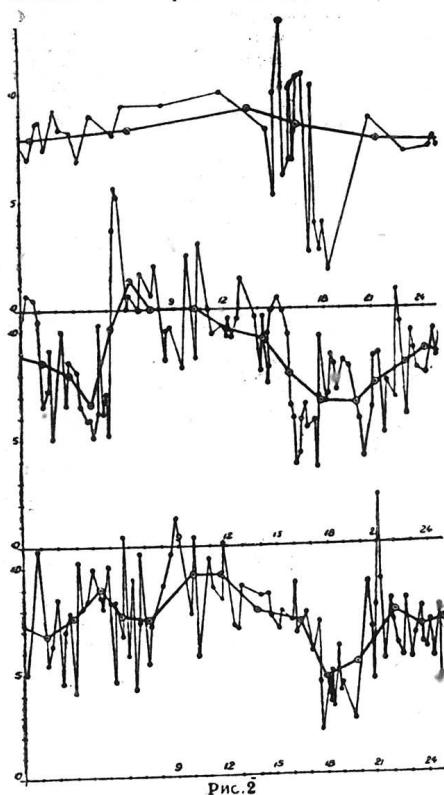


Рис. 2

На вертикальной оси отложены величины наибольшего смещения интерференционной полосы, выраженные в километрах в секунду и рассчитанные по элементарной теории. На горизонтальной оси, как и на рис. 1, нанесено гражданское время.

что некоторое направление к точке созвездия Дракона, имеющее прямое восхождение 262° ($17\frac{1}{2}$ часов) и склонение 65° , спроектированное в любое время дня для всех трех эпох наблюдения на плоскости интерферометра, имело бы азимут, который менялся таким же образом, как жирно напечатанная гладкая кривая на рис. 3. Однако этот азимут должен был изменяться одинаково и к востоку и к линии север-юг, т.е. кривая должна бы

лежать частью выше, частью ниже основной горизонтальной линии чертежа. Как видно из рисунка, кривые произвольно смешены вниз (к западу) для сравнения с ломанными линиями, взятыми с рис. 1, которые показывают действительные результаты наблюдений.

Если это движение имеет направление к созвездию Дракона и скорость в десять километров, остающуюся неизменной в продолжение года, то его проекция на плоскость интерферометра будет в течение дня изменяться по величине для трех эпох наблюдения таким образом, как это показывают гладкие кривые на рис. 4. Ломанные линии показывают изменение в величине наблюденного эффекта, являясь средним из данных рис. 2.

Кривые, рассмотренные до сих пор, были начертаны относительно местного гражданского времени для горы Вильсон. Если величина и направление движения являются постоянными в продолжение года, эти кривые более рационально начертить по отношению к звездному времени; на рис. 5 кривые и начерчены таким образом, жирная линия представляет среднее из всех наблюдений 1925 г. Здесь является замечательным сходство кривых, относящихся к различным временам года,

когда они нанесены относительно звездного времени. На рис. 6 окончательное среднее рис. 5 показано ломаной линией, в то время как вычисленный эффект показан гладкой кривой. Чтобы лучше показать замечательное сходство между кривыми, кривая для азимута вычерчена в масштабе вдвое большем сравнительно с предшествующими рисунками.

Как тесно ни связаны наблюденные величины, составляющие эти две кривые, они совершенно независимы друг от друга; каждая из кривых дает значение прямого восхождения и склонения абсолютного движения земли. Прямое восхождение дается звездным временем, при котором азимут (в этом простом случае) переходит от востока к западу через север; этому соответствует место, где кривая пересекает свою истинную ось, проходя от максимума к минимуму. Пунктирная же линия нижней части рис. 6 показывает, что это происходит в $17\frac{1}{2}$ часов, что и является прямым восхождением апекса; если это выразить в гра-

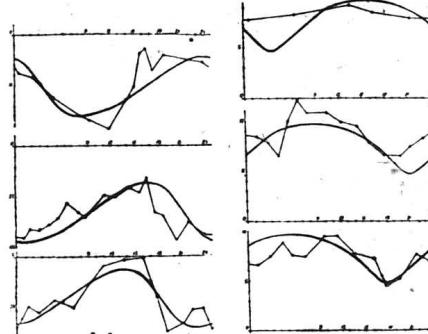


Рис. 3

Рис. 4

На рис. 3 и 4 сплошные кривые изображают ожидаемый эффект в том предположении, что движение звездной системы происходит по направлению к созвездию Дракона (склонение $+65^{\circ}$, прямое восхождение 262°). Эти данные были получены на основании всего имеющегося экспериментального материала с помощью гармонических анализаторов и метода наименьших квадратов. Точки представляют собой средние значения для тех же эпох, какие изображены на рис. 1 и 2, т.е. для 1 апреля, 1 августа и 1 сентября 1925 г. (на рисунке по порядку сверху вниз).

дусах, то мы получаем 262° . Склонение апекса может быть определено из амплитуды кривой, взятой совместно с широтой обсерватории: таким образом, получается значение склонения, равное $+65^{\circ}$. Наблюденная скорость вращения земли, спроектированная на плоскость интерферометра должна показывать суточную вариацию своей величины, как результат вращения земли около ее оси; эта величина должна опускаться до минимального значения в звездное время, соответствующее прямому восхождению апекса и достигать максимума через двенадцать часов после этого времени. Так как широта горы Вильсон равна $31^{\circ} 41'$, а склонение апекса только что определено из наблюдений азимута, то выходит, что во время его максимума плоть относительная составляет с направлением движения земли угол меньше, чем в 8° ; поэтому проекция скорости в это время не может значительно различаться от ее полного значения, которое найдено равным десяти километрам в секунду.

Склонение апекса может быть определено из наблюдений величины скорости так же, как и из наблюдений азимута, так как оно определяет отношение максимального и минимального значения скорости для данной широты. Согласие этих

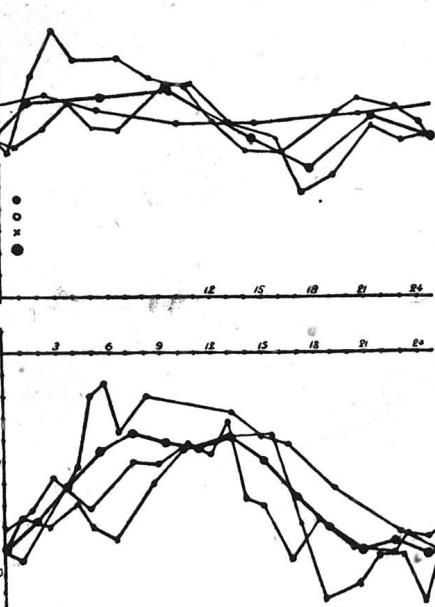


Рис. 5

Верхняя кривая изображает изменение азимута, при котором наблюдается наибольшее отклонение интерференционной полосы. Нижняя—суточное изменение величины отклонения интерференционной полосы. На горизонтальной оси отложено звездное время. Наблюдения, произведенные в три эпохи: 1 апреля, 1 августа и 15 сентября, имеют одинаковый ход, если их рассчитывать по звездному времени.

двух значений прямого восхождения, указанных на рис. 6 пунктирой линией и полученных из независимых кривых, вместе с таким же совпадением склонений, является, кроме того, очень существенным подтверждением взгляда, что наблюденный эффект и предполагаемое движение связаны между собой.

Изучение численных результатов показывает, что вероятная ошибка в определении азимута этого эффекта равна $F2^{\circ}$, в то время как, предполагая максимальную скорость в десять километров в секунду, вероятная ошибка в наблюденной скорости равна 0,6 километр. в секунду.

То обстоятельство, что направление и величина наблюдаемого эфирного ветра независимы от местного времени и постоянны по отношению к звездному времени, предполагает, что эффект движения земли по орбите весьма мало сказывается при этих наблюдениях. Эффект орбитального движения не был найден при наблюдениях 1925 г.—это находится в строгом согласии с результатами, полученными Майклсоном и Морли в 1887 г. и Морли и Миллером в 1905 г. Чтобы учесть это обстоятельство, нужно предположить, что скорость постоянного движения земли в пространстве превышает двести километров в секунду, но что по некоторым невыясненным обстоятельствам относительная скорость земли и эфира в интерферометре на горе Вильсон сводилась к десяти километрам в секунду; при этих условиях слагающая движение, равная орбитальному движению, дает эффект, результатирующий которого находится за пределами наименьшей величины, которая может быть измерена теперешним интерферометром. По этим принципам можно заключить, что скорость движения солнечной системы равна по крайней мере двумстам километрам в секунду, а может быть и гораздо больше. Обстоятельство, что наблюденный эффект зависит от звездного времени и не зависит от суточных и сезонных изменений температуры и других земных причин, показывает, что это есть космическое явление.

Предварительные наблюдения, сделанные на горе Вильсон, хотя и недостаточно многочисленны для определения кривой, подобной только что указанным, должны согласоваться с более поздними наблюдениями. На рис. 7 результаты наблюдений 15 апреля 1921 г. показывают, при сравнении с кривыми, вычисленными из наблюдений 1925 г., очень хорошее согласование.

Подробное изучение опытов с эфирным ветром, сделанных в 1925 г. на горе Вильсон, приводит к заключению, что здесь существует систематическое смещение интерференционных полос в интерферометре, соответствующее постоянному относительному движению земли и эфира, равному на этой обсерватории десяти

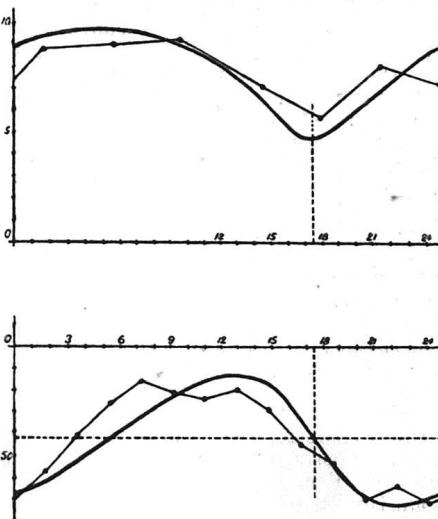


Рис. 6

Сопоставление средних значений, полученных на опыте за 1925 г., с кривой, выведенной в предположении о движении солнечной системы к созвездию Дракона (склонение $+65^{\circ}$, прямое восхождение 17,5 часов).

Предварительные наблюдения, сделанные на горе Вильсон, хотя и недостаточно многочисленны для определения кривой, подобной только что указанным, должны согласоваться с более поздними наблюдениями. На рис. 7 результаты наблюдений 15 апреля 1921 г. показывают, при сравнении с кривыми, вычисленными из наблюдений 1925 г., очень хорошее согласование.

Подробное изучение опытов с эфирным ветром, сделанных в 1925 г. на горе Вильсон, приводит к заключению, что здесь существует систематическое смещение интерференционных полос в интерферометре, соответствующее постоянному относительному движению земли и эфира, равному на этой обсерватории десяти

километрам в секунду; точно такие изменения в направлении и величине указанного движения могли быть вызваны постоянным движением солнечной системы в пространстве со скоростью двухсот или более километров в секунду по направлению к апексу в созвездии Дракона, вблизи полюса эклиптики, прямое восхождение которого равно 262° , а склонение $+65^{\circ}$. Для того, чтобы считать этот эффект результатом эфирного ветра, кажется необходимым предположить, что земля увлекает эфир таким образом, что кажущееся относительное движение в межположении обсерватории сводится с двухсот или более километров на десять километров в секунду, и затем что это увлечение смещает кажущееся направление движения на 45° к северо-западу.

Очевидно, что теперешние опыты не более совместимы со старой теорией покоящегося эфира, чем опыты Майкельсона и Морли в 1887 г. и Морли и Миллера в 1905 г. Настоящая работа не противоречит прежним результатам, но является скорее их подтверждением и расширением. Эта серия из шести характерных кривых, полученных из наблюдений, которые совершенно независимы друг от друга и которые были сделаны во времена года, чрезвычайно сильно отличающиеся по погоде, и так хорошо согласующихся, как это показано на рис. 5 и 6 с кривыми, рассчитанными из предположенного движения, неминуемо приводят к заключению, что наблюденный эффект относится именно к этой предполагаемой причине. Это и вынуждает нас рассмотреть, как возможно изменить теорию эфира, чтобы она могла учесть это уменьшение скорости и другие экспериментальные результаты.

Значения величин, определяющих абсолютное движение солнечной системы, полученных из этих наблюдений эфирного ветра, в общем согласуются с результатами, полученными другими способами. Недавние исследования собственного движения звезд Ральфом Вильсоном на Дьюлловской обсерватории и изучение радиального движения звезд Кэмпбеллом и Муром на Линской обсерватории дают апекс солнечного пути в созвездии Геркулеса с прямым восхождением в 270° и склонением около 30° , при скорости около 19 километров в секунду. Изучая мировые кури и спиральные туманности, доктор Штремберг на обсерватории горы Вильсон нашел существование движения солнечной системы со скоростью трехсот километров в секунду к точке, имеющей прямое восхождение 307° и склонение 56° . Люндмарк, изучая спиральные туманности, нашел существование движения, имеющего скорость в четыреста километров в секунду. Различные определения движения солнечной системы в общем все имеют то же самое направление и лежат внутри круга с радиусом в 20° . Предположенная нами скорость в двести километров в секунду является просто нижним пределом; ее можно с таким же успехом приравнять тремстам или четыремстам километрам в секунду. Поэтому наше первое предположение не создает никаких затруднений. При положении апекса в созвездии Дракона с прямым восхождением в 262° и склонением в $+65^{\circ}$, следовательно, находящегося в 6° от полюса эклиптики, указанное движение солнечной системы является почти перпендикулярным плоскости эклиптики. Ось вращения солнца направлена в точку,

отстоящую на 12° от этого апекса. Этот факт вызывает удивление. Быть может мы имеем дело с явлением, поддающимся динамическому истолкованию.

Допущение об увлечении эфира землей заключает в себе значительное изменение теории эфира, как оно требует изменения общепринятого об'яснения явлений aberrации. При обсуждении предварительного сообщения об этой работе, представленного национальной Академией Наук в апреле 1925 г., доктор Зильберштейн сказал: «С точки зрения теории эфира, эти резуль-

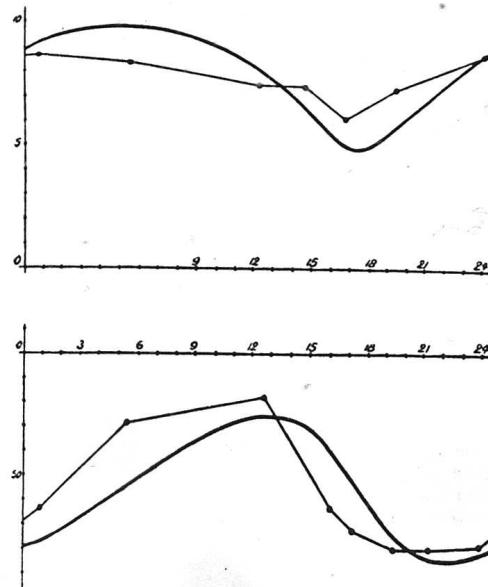


Рис. 7

Данные опытов за 1921 год, сопоставленные с кривой, вычисленной из опытов 1925 года.

тати, а также и все другие полученные раньше, легко могут быть выяснены посредством представлений об эфире, развитых Стоксом, впоследствии измененными Планком и Лорентцом и разобранными автором (Зильберштейном) в «Philosophical Magazine»¹⁾.

Теория Стокса может быть изложена в следующих словах, взятых из книги Лармора «Эфир и материя», стр. 10, 13, 35 и 36:

«Так как Стокс не был склонен допустить, что эфир может свободно проходить через промежутки в материальных телах так, как это требуется в согласии со взглядами Френеля, и так как другие теории движения эфира, которые могут быть согласованы с существованием астрономической aberrации, требуют существования безвихревого потока, он думал найти об'яс-

¹⁾ Февраль 1920 г., т. 39, стр. 161.

нение ограничений, налагаемых на этот поток. Цепь умозаключений о том, что движение тел вызывает возмущения в эфире, что аберрация требует, чтобы эти возмущения были безвихревыми, что это может быть выяснено только рассеянием зарождающихся вихревых возмущений поперечными волнами, и дальше, что само излучение включает в себя поперечные колебания, он рассматривал как взаимно обусловливающие и поддерживающие друг друга и, поэтом, образующие ясные доказательства в пользу этого взгляда о строении эфира»... «Тогда встает вопрос—насколько далеко может быть распространено это об'яснение на те случаи, когда эфир увлекается материей, движущейся через него. Внимание на это было обращено благодаря исследованиям Стокса, который показывает, что сами светоподобные свойства препятствуют возникновению каких бы то ни было вихревых движений в эфире. В самом деле не трудно доказать, что энергия натяжений в твердой несжимаемой среде типа обычной материи может быть выражена в виде об'емного интеграла, заключающего в себе только дифференциал вихря вместе с поверхностным интегралом, распространенным по границам; следовательно, всякий местный очаг вихревого движения в эфире типа упруго-твердого тела был бы немедленно рассеян поперечными волнами так, что если твердость достаточно велика, то не может накопиться даже и следа вихревого движения».

* Существуют еще систематические разницы в так называемых константах аберрации и в штандартных положениях звезд, которые могут быть об'яснены гипотезой об изменениях эфирного ветра, вызываемом различиями в местных коэффициентах увлечения. Увлечение на каждой данной станции может более или менее зависеть от широты, контура местности и распределения больших массивов в местностях, подобных горным цепям. Опыты с эфирным ветром никогда не делались на уровне моря; и никогда не делались, исключая гору Вильсон, с полнотой, достаточной для того, чтобы достигнуть точного измерения эффекта. Теперь ясно, что эфирный ветер на горе Вильсон незначительно отличается от ветра в Кливленде и что на уровне моря он будет вероятно иметь почти то же значение.

Уменьшение указанной скорости в двести или более километров в секунду может быть об'яснено теорией сокращения Лоренца-Финджеральда, вместо допущения об увлечении эфира. Это сокращение может зависеть, но может и не зависеть от физических свойств твердого тела, и оно может быть, но может и не быть пропорционально квадрату относительной скорости земли и эфира. Очень небольшое отклонение этого сокращения от величины, вычисленной Лорентцом, достаточно уже для об'яснения наблюдаемого эффекта. В настоящее время производится пересмотр результатов опытов Морли-Миллера с эффектом Лоренца-Финджеральда в 1902—1904 г.г., учитывая, что их интерпретация может быть изменена благодаря большой скорости солнечной системы, выясненной наблюдениями 1925 г.

Едва ли надо говорить, что определение абсолютного движения солнечной системы из подобных наблюдений с интерферометром является делом значительной сложности. Я много обязан профессору астрономо-математического факультета школы прикладных наук Нассау и д-ру Штрембергу из обсерватории

горы Вильсон, которые оказали мне чрезвычайно ценную помощь при математическом анализе решения различных частей этой проблемы.

Примечание. С тех пор как была подготовлена к печати эта статья, на горе Вильсон выполнена очень обширная серия наблюдений, включающая 2.000 оборотов интерферометра и соответствующая по времени 8 февраля 1926 г. По общим признакам можно думать, что более поздние наблюдения целиком совпадают с теми, отчет о которых дан здесь, хотя возможно, что когда все наблюдения будут скомбинированы, то это вызовет небольшие изменения в численных результатах. Окончательные вычисления требуют многих месяцев непрерывного труда и в настоящее время уже ведутся.

(Из журнала «Science», № 1635 от 30 апреля 1926 г.).

Это позитивизм Конта и Дж.-Ст. Милля (и близко стоящего к ним Спенсера), идеи которых подпочвенно питают еще не мало современных естественников, в основном стоящих на материалистической точке зрения. Этот позитивизм (порой с налетом агностизма) в вопросах методологии, как и те из философских потомков французских материалистов, которые не усвоили все ценное из диалектики Гегеля, стоит на почве формальной логики и продолжает служить базой для философских экскурсов в области естествознания еще для многих естественников.

I.

Как в основных чертах шло исторически развитие эмпиризма? На пороге нового времени рушились постепенно социальные условия, благоприятствовавшие существованию сколастической философии. На смену рационально-сколастическому методу мышления должен был притти материалистический метод познания.

Раньше всего эта ломка сколастицизма произошла в области естествознания, и новая прогрессивная для того времени методология последнего проникла затем и в философию. «В этих поисках за новыми методами, — пишет, например, Виндельбанд, — обнаруживается достойная внимания зависимость философии от специальных наук, которые прокладывали свои собственные пути переди ее и независимо от нее, в особенности же от естествознания, формы познания которого имели решающее влияние на выработку философской методологии» («Ист. фил.», г. I, стр. 103).

Англия, страна, в которой процесс разрушения феодализма и расцвет капиталистических отношений впервые в истории достиг больших размеров, чем где-либо, явилась почвой для возрождения материализма и эмпиризма, тесно связанных с современным им естествознанием.

Что является основным, характерным в этой новой философии? Достойно познания только существующее. Посредством опыта—наблюдения и эксперимента—следует изучать природу. Но не внутренний опыт, не переживание или состояние сознания, а предмет, материальный мир является критерием познания. Наука есть опытное знание и состоит в применении рационального метода к чувственному данному. Индукция, анализ, сравнение, наблюдение, опыт — вот главные условия рационального метода. Так характеризует Маркс метод Бэкона.

И Гегель, например, не мало труда и усилий потративший на борьбу с современным ему эмпиризмом, находил это более основательным, более прогрессивным в сравнении с метафизическим рационализмом, преобладавшим до этого времени. «Эмпиризм, — говорит он, — призывал оставить занятия пустыми отвлечениями, изучать то, что находится под руками, исследовать факты, представляющиеся в человеке и в природе, заняться оружиющим — и нельзя не сказать, что это было очень основательно» (Энциклопедия, т. I, § 38).

Так было на первых порах, так было у Бэкона. Но уже у Гоббса, а в более выраженной форме у Локка мы слышим другие ноты. Наше познание относится к самим вещам, соответствует об'ективному миру. Все наши мысли, идеи своим

Еще об эмпиризме и современном естествознании.

Б. Выропас.

Интерес к вопросам методологии вырос за последнее время чрезвычайно. В частности в области естествознания разрешение этих вопросов, а они еще только ставятся, только порой нащупываются, должно будет явиться неотложной задачей ближайшего будущего. И здесь, как уже видно теперь, одной из первых работ будет повести систематическую борьбу с элементами эмпиризма, мешающего сознательному «проникновению» методологии диалектического материализма в современное естествознание.

Ближайшие корни эмпиризма еще Энгельс советовал искать в Англии XVII и XVIII веков. И он был глубоко прав.

В противоположность рационализму, основной чертой которого является стремление вскрыть связь отдельных явлений, исследовать такие понятия, как причинность, всеобщая прогрессивность и т. д., эмпиризм останавливает свое внимание на единичных, изолированных явлениях* и фактах. Своей задачей он ставит аналитическое изучение этих разрозненных фактов, не вида, а порой и не желая видеть тех связей и взаимоотношений, которые между отдельными фактами и явлениями существуют.

Мы не собираемся здесь искать причин возникновения и развития эмпиризма именно в Англии и именно в указанное время. Это должно явиться специальным вопросом, требующим своего исследования. Но основным в этом отношении можно считать следующее.

Экономические и социальные условия Англии XVII и XVIII веков с ее принципом свободной торговли и личной инициативы, создавали мираж индивидуальной свободы и независимости. Общественная жизнь как бы «атомизировалась». А это не могло не отразиться и на общественном сознании того времени.

Относительно английских эмпириков необходимо сделать замечание такого характера. Материалистический эмпиризм Бэкона и Гоббса уже в лице Локка, а дальше через Беркли и Юма сбивается в идеализм, приводит к махизму, это с одной стороны. В силу сложившихся условий это течение в философии у нас подвергалось довольно систематической и подробной критике, особенно за последние годы, и читателю нашего журнала в достаточной степени знакомо. Менее известно другое направление.

источником имеют опыт. Но опыт может быть двоякий: внешний, в результате восприятия внешних предметов и внутренний опыт, возникающий в самом познании из наших представлений. Наше знание есть знание лишь собственных представлений, в конечном счете только знание нас самих. «Познание, следовательно, есть не что иное, как восприятие связи взаимного соответствия наших представлений» (Локк). Локк в данном пункте непосредственен: он считает, с другой стороны, что каждому впечатлению должен соответствовать объект, причина восприятий. Это линия материалистическая. Но нам в данном случае интересно отметить сенсуалистическую, идеалистическую струю.

Бэконовский эмпиризм переходит в сенсуализм. Сенсуализм не покрывает эмпиризма, он является лишь разновидностью последнего. Эмпиризм источник всего нашего знания находит в «опыте». Сенсуализм опыт сводит исключительно к совокупности чувственных восприятий. Сенсуализм представляет тот фокус, где перекрециваются материализм и сенсуалистический идеализм. Посредством ощущений материализм связывает наше познание с внешним материальным миром, с источником ощущений и представлений. Сенсуалистический идеализм отбрасывает источник, причину наших представлений и берет содержание сознания, как непосредственно данное.

Это верно, что мы имеем дело только с ощущениями,—подхватывает Беркли,—но отсюда еще раз следует, что мы не знаем, что находится по ту сторону ощущений. «Все, что существует, существует только в духе, т.-е. является только представлением». Единичные впечатления представляют то единственно реальное, что нам дано. И если мы не желаем покидать почву «чистого опыта», мы не можем выходить за пределы реального, итти дальше наших впечатлений. Весь мир мы конструируем только из ощущений. Глаз дает нам ощущение света, ухо—звуковое ощущение, чувство осознания—ощущение непроницаемости и т. д. И из этих единичных разрозненных, друг от друга независимых ощущений мы образуем абстрактное единство—понятие вещи. Очевидно, что это слияние отдельных ощущений есть акт нашего рассудка и здесь мы уже выходим за пределы чистого опыта. Теория познания «чистого опыта» сводится по сути дела к гносеологическому эмпрессионизму. Мир—это наше ощущение, комплекс наших ощущений. Но отсюда еще не следует, что если я не ощущаю, не воспринимаю предметов, то мир не существует. Не существуя для меня, он существует для другого субъекта, наконец, для духа вообще. Так сохраняет Беркли permanentное бытие мира. То, что мы называем материей,—продолжает Беркли,—разлагается на психические качества; она целиком состоит из них, т.-е. материя сама имматериальна; она есть не что иное, как совокупность «идей». А если мы ищем причину наших восприятий, ей может быть только что-либо со следствием однородное, нематериальное— дух, бог.

Сокрушив материю и утвердив бога, как первую причину, Беркли осуществил мечту своей юности, но вместе с этим разрушил и свою систему, выйдя за пределы только восприятий, только «чистого опыта».

Более последовательным оказался Юм, отвергнувший всякий transensus. Юм не сомневается, что нам не дано выйти за гра-

нцы наших собственных ощущений, восприятий. Они даны нам напрямую, это первичное. Всякому же восприятию необходимо соответствует представление, являющееся отражением впечатления его бледной копией. И обратно, все, что мы мыслим, предварительно должно быть воспринято, ощущаемо. Кроме ощущений и восприятий и сверх них ничего не дано. «Человеческая природа есть единственный предмет человеческого знания». Всякому впечатлению должно соответствовать представление—и это является критерием достоверности последнего. Представление только в том случае имеет реальное значение, когда оно соответствует определенному впечатлению. Категориальные формы (субстанциональность, причинность и пр.) не являются предметом впечатлений, восприятий, следовательно, они не имеют реального значения. Содержанием нашего сознания являются только единичные ощущения или впечатления, существующие лишь рядом в пространстве и следующие друг за другом во времени. Впечатления, представления лишены всякой реальной взаимной связи. Нам неизвестны причины, лежащие в основе взаимного «соединения» представлений. Мы знаем лишь действия этих причин. Несомненно только, что эти причины лежат в первоначальной природе самого человека. И Юм находит такую причину в привычке, в силу которой наше воображение ассоциирует разрозненные представления. Разумеется, что подобная связь представлений не может обладать необходимостью и объективностью. Мир—совокупность представлений. Порядок и закономерность вносит в него деятельность человеческого рациона. Истина сводится поэтому к взаимной согласованности представлений. Все существующее должно познаваться только чувствами—с этой точки зрения нельзя, как мы видели, признавать реальность, напр., причинность, так как непосредственно мы не воспринимаем действие одного предмета на другой. Возможность разложения эмпиризма заключена уже в одностороннем формулировании принципа познания» (Деборин. Введение. ГИЗ, 1920 г., стр. 119).

Эмпиризм,—говорит Гегель,—признает истинным только то, что существует во внешности и если допускает что-нибудь сверхестественное, то огвергает возможность узнать его точнее и держится одного того, что доступно наблюдению. Это начало, приводимое последовательно, привело к так называемому материализму. Материализм признает истинной одну материю» (Энциклопедия, т. I, § 38). Вот именно: проводимый последовательно эмпиризм приводит к материализму. Непосредственный же, полониатый эмпиризм, отбрасывающий источник, причину наших ощущений и восприятий,—объективный материальный мир—приводит к феноменализму, к эмпрессионизму, к махизму, к идеализму вообще, и тем самым необходимо «допускает что-нибудь сверхестественное».

Непосредственный эмпиризм приводил (и приводит) к идеализму. В наших условиях, и в области естествознания и в области общественных наук махизм как будто является уже в известном смысле превзойденной ступенью. Будут его частичные попытки защиты и обоснования, но это не основное, не характерное. Поэтому для нас должно быть более интересным проанализировать элементы того позитивизма, на котором воспитывались

и учились многие из старшего поколения наших естественников (да и не только они).

Мы пережили когда-то длительную полосу увлечения позитивизмом. Это было прогрессивное явление. Передовая интеллигенция, лучшие представители профессуры были хоть на время последователями позитивизма Конта, Спенсера и др. Писарев широко пропагандировал его в журнальных статьях. Убежденным позитивистом был уже на студенческой скамье К. А. Тимирязев. «С моего рабочего места,—рассказывает он,—месяцами не сходили шесть заветных томов Конта («Наука и демокр.», стр. 86). При ближайшем содействии Д. И. Менделеева переводятся на русский язык и издаются эти «заветные томы». Московское психологическое общество при своем возникновении состояло почти сплошь из позитивистов¹⁾.

Этот эмпиризм на материалистической основе для сегодняшнего дня ставит большие затруднения, чем многие разновидности неприкрытого идеализма. Что это так, доказывают выяснившиеся расхождения во взглядах на методологическую зрелость современного естествознания.

Мы уже отметили, что в области естествознания поставлен один из коренных, назревших вопросов, вопрос о выяснении метода современного естествознания, об уточнении этого метода и даже об его реформе.

Поистине огромные успехи в физике, химии, биологии и пр. (начиная с половины XIX века) создали и создают необходимые предпосылки для закрепления материалистического фундамента в естествознании—с одной стороны, для проникновения и усвоения исторической точки зрения на все процессы природы, для уяснения взаимной связи этих процессов—с другой.

Неразрывно на ряду с этими успехами в области фактов, и на основе этих фактов, изменился и уточнялся и метод исследования. При этом в самом же начале следует подчеркнуть—и этого никак нельзя оспаривать,—что метод современного естествознания не есть разработанный и усовершененный метод диалектического материализма. Дело в этому идея, в этом направлении толкают сами факты, естествознание порой бессознательно, как принято теперь говорить, смакийно становится диалектическим, но именно только становится и только стихийно. Процессу этому, бесспорно, можно помочь, его можно ускорить.

И по этому вопросу среди марксистов существует два в корне противоположных взгляда. Прежде всего—аргументирует одна сторона—никакая помощь не может идти со стороны философии, так как философия сама уже устарела, она должна быть устранена. При этом следует ссылки на многочисленные места из Маркса, Энгельса, Ленина и др. Здесь кроется большое недоразумение: оно уже достаточно разобрано и выяснено в печати за последнее время. Во всех приводимых цитатах речь идет об упразднении философии, как системы, а не как методологии. Как бы предвидя сегодняшние недоразумения, Энгельс

¹⁾ Любопытно отметить, что в фундаментальной библиотеке б. Шанявского У-та отдел о Конте, Спенсере, Милле и пр. один из наиболее полно и хорошо представленных.

на примере с Гегелем в свое время пояснял: «надо помнить, что борьба с Гегелем естественспытателей, поскольку они вообще правильно понимали его, направлялась только против обоих этих пунктов: против идеалистического исходного пункта и против произвольного, противоречащего фактам построения системы. Да вычетом всего этого остается еще гегелевская диалектика» (Архив Маркса и Энгельса, т. II, стр. 138).

А главное—продолжают возражать—естествознание с каждым днем самостоятельно все больше и больше становится диалектическим, и еще раз поэтому никакой помощи со стороны философии здесь не требуется. Основное наиболее существенное это уяснить себе «результаты естествознания с точки зрения их собственной связи», а «фактов эмпирического естествознания достаточно для того, чтобы понять общую связь процессов природы» (Степанов). Или более ясно и категорично: «наука сама себе философия» (проф. Боричевский)¹⁾.

Методология общественных наук (исторический материализм) изучается и разрабатывается самостоятельно, это не встречает возражений, считается правильным. И это после того, как общественные науки имеют те заявления, которыми их обогастили марксизм и ленинизм, после того как в этих науках даны конкретные образцы применения общеметодологических положений в политической экономии, истории и т. д.

Что мы имеем в области естествознания? Были отдельные попытки свести воедино все факты естествознания, резюмировать его успехи. Это пытались сделать С.-Симон (не окончил), профессор Гегель (идеалистически) и не смог закончить Энгельс, оставив нам необработанную «Диалектику». И только. Поэтому с полным основанием можно повторять слова Энгельса, что естественспытатели в своей массе все еще не могут отказаться от старых метафизических категорий и беспомощны, когда приходит рационально объяснять и систематизировать эти современные факты, которые показывают, так сказать, наглядно наличие диалектики в природе. А здесь волей-неволей приходится усомниться» (Архив, II, стр. 7).

Энгельс полагает, что старых методов эмпиризма уже не достаточно, надо уметь теоретически мыслить, а это дается не сразу, для этого необходимо изучать историю философии. «Теоретическое мышление является прирожденным свойством только в виде способности. Она должна быть развита, усовершенствована, а для подобной разработки не существует до сих пор никакого иного средства, кроме изучения истории философии» (Архив, II, стр. 125). И этому абсолютно не противоречат те мысли Энгельса, высказанные им в «Л. Фейербахе», которыми хотел бы «исчерпать спор» т. Степанов. Что говорит Энгельс? «Стоит только взглянуть на результаты естествознания диалектические, т.е. с точки зрения их собственной связи, чтобы притти к следствием для нашего времени «системы природы», когда диалектический характер этой связи навязывается даже метафизически вышколенным головам естественспытателей, во-врачи их воле,—в настоящее время натурфилософия оконча-

¹⁾ Выражение Конта.

тельно устранина» («Под Знаменем Марксизма» № 3, 1925 г., стр. 215).

Стоит только взглянуть на диалектических, а в этом и весь спор, этого-то еще и не хватает естественникам, об этом через каждую страницу «Диалектики» и напоминает Энгельс. Могут сказать, что так было во времена Энгельса, но этого уже нет теперь, что его советы устарели; естествознание выросло и в подобных вещах не нуждается. Однако можно привести и для теперешнего естествознания свидетельство не менее авторитетное с подобным же советом. «Без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного миросозерцания. Чтобы выдержать эту борьбу и привести ее до конца с полным успехом, естествознание должно быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, то есть должен быть диалектическим материалистом. Чтобы достигнуть этой цели, сотрудники журнала «Под Знаменем Марксизма» должны организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения» («Под Знаменем Марксизма» 1922 г., № 3, стр. 9) и далее «Современные естествоиспытатели найдут (если сумеют искать и если мы научимся помогать им) в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании» (там же). Так говорил Ленин, и это было сказано уже в 1922 году.

Естествознание имеет большие успехи, с каждым годом оно развивается. Но нет никакого сомнения, что этих успехов, темп развития были бы значительно больше, при сознательном применения диалектической методологии.

Наконец, говорят: да, диалектика это одна из наук, и нет нужды выделять ее особо, делая на ней ударение. Ведь странно, если бы при классификации наук на науки о природе и науки об обществе сказали: «а позвольте вас спросить, куда вы девали низшую и высшую математику?» (Степанов). Подобная нивелировка нам кажется глубоко неправильной. Для преодоления известной инерции и сопротивления необходимо вычеркнуть, подчеркнуть все значение и ценность диалектики в ряде других наук¹⁾.

II.

Тов. Степанов в одной из своих статей²⁾ говорит, что, когда он писал брошюру «Исторический материализм и современное естествознание», его главными путеводителями были Энгельс и К. А. Тимирязев, и что научная методология последнего давно уже роднила его (Тимирязева) с марксизмом. Всем достаточно известны работы Климентия Аркадьевича, мы вправе гордиться этими работами. Но наряду с этим следует признать, что Климентий Аркадьевич является ярким примером того, как современ-

¹⁾ Это, конечно, совсем не освобождает нас от обязанности доказывать методологическую ценность диалектики в отдельных областях, на конкретном материале.

²⁾ «Под Знам. Маркс.» 1925 г., № 3, стр. 208.

ная наука, современный ученый, часто бессознательно, о том не думал, мыслит и действует не только материалистически, но и диалектически. Можно ли говорить, что Климентий Аркадьевич был сознательным диалектиком? Сам К. А. Тимирязев, как мы уже указывали, считал себя последовательным и убежденным позитивистом, сторонником Конта, высоко ценил «гениальное произведение великого мыслителя» («Наука и демокр.», стр. 242). Чтобы показать, как смотрел на этот позитивизм, например, Маркс, я позволю себе привести одно место из его письма к Энгельсу. Маркс пишет: «Я изучаю мимоходом Конта, потому что англичане и французы подняли такой шум о нем. Их подкупает энциклопедичность, синтез. Но в сравнении с Гегелем он производит жалкое впечатление. Хотя Конт, как математик и физик по профессии, стоит выше Гегеля, т.-е. выше в подробностях, но в целом Гегель неизмеримо крупнее. И этот пошлый позитивизм появился в 1832 г.» (Письма М. и Энг., изд. «Моск. Раб.», стр. 228). Заметьте, что вопрос идет не о фактах, где преимущество за Контом, а об оценке их методологии. И здесь взгляды Тимирязева и Маркса значительно расходятся.

В письме к проф. Бисли, Маркс, мимоходом касаясь этого вопроса, высказывает в том же духе: «...Я, как партийный человек, — пишет Маркс, — отношусь крайне враждебно к контизму, а в качестве ученика я о нем очень не высокого мнения» (Там же, стр. 252).

Нельзя, конечно, забывать, с каким упорством Конт отстаивал авторитет науки, считая ее единственным критерием в борьбе о мистикой и виталистическими предрассудками. (Мы имеем в виду Конта первого периода. В дальнейшем, как известно, частью под влиянием душевной болезни он резко изменил свою взгляды). Справедливы во многом его требования построить все воспитание на основе, главным образом, точных наук, продвинуть эти науки ближе к рабочим и проч. Это положительная сторона Конта. В вопрос же об оценке его методологии, и особенно при сравнении с Гегелем, характеристика Маркса является глубоко правильной.

По мнению Конта, два вида философского мышления предшествовали позитивизму: теологический и метафизический.

Теологическая форма мышления, форма первоначальная, рассматривает все явления природы так, как будто они управляются непосредственной волей существ, одаренных жизнью и сознанием. Все предметы рассматриваются, как одушевленные. На следующих ступенях складывается понятие о невидимых существах, управляемых уже целым классом явлений. И, наконец, множество отдельных божеств сливаются в единого бога.

Способ мышления, называемый Контом метафизическими, об'ясняет явления не волей существ, а олицетворенными абстракциями, скрытыми свойствами. Не бог производит и направляет все действия природы, а могущество, сила, присущие конкретным вещам. Каждое растение и каждое животное имеет свою распределенную душу. В дальнейшем растительная душа обращается в пластическую силу и еще позже в жизненное начало.

Бездна природа действует по известным мотивам. Поднятие воды в насосе объясняется боезнью пустоты. Падение тел

истолковывается как стремление занять свое естественное место. Природа стремится к лучшему, она не терпит скачков и т. д.

По мнению Конта, этот метафизический образ мышления (по его терминологии) является переходной ступенью от мышления теологического к позитивному, когда все явления должны будут объясняться неизменными законами, без вмешательства какой-либо воли, естественной или сверхестественной.

Это обобщение—одно из основных положений, выдвинутых Контом.

Исходя из него, Конт полагает, что должна существовать известная последовательность, в которой различные науки входили бы сперва в фазис метафизический и затем в чисто позитивный. Конт и устанавливает эту последовательность. Результатом его работы явилось учение о подчинении наук, предполагающее порядок логической зависимости одной науки от другой. Эта классификация составляет существенную часть философии Конта. Он начинает с разграничения между науками абстрактными и конкретными. Науки абстрактные имеют дело с законами явлений; науки конкретные занимаются изучением отдельных существ и предметов. Конкретные науки неизбежно запаздывают в своем развитии в сравнении с науками абстрактными, о которых они зависят. Это, конечно, не значит, что их изучение началось позднее; разрабатываться они стали первыми. Но, хотя нам и доступно образование эмпирических обобщений, мы не в состоянии составить научную теорию конкретных явлений, не узрев законов, ими управляющих и их обясняющих; законы же эти составляют предмет абстрактных наук. Нет, следовательно, ни одной конкретной области наших знаний, которую можно было бы рассматривать, как науку в строгом смысле этого слова; на самом деле это только научный материал.

При классификации же действительных наук (абстрактных) мы имеем возможность расположить их в таком порядке, что получается восходящий ряд по степени сложности их явлений: каждая наука зависит от истины всех других наук, ей предшествующих, с прибавлением частных истин, принадлежащих только ей.

Так математические истины верны относительно всех явлений и зависят только от своих собственных законов; и науку о числах можно изучать без всякого отношения к какой-либо другой науке; явления физиологические зависят от законов физики и химии и сверх того от своих собственных. Таким образом, Конт устанавливает ряд наук в следующем порядке: математика с тремя отделами (наука о числе, геометрия и механика), астрономия, физика, химия, биология и социология¹⁾.

В своем развитии науки, как и само мышление, проходят три фазиса, и чем специальнее наука, тем медленнее это происходит. Так что вполне позитивное состояние одной из ранних наук часто совпадает с метафизическими или даже теологическими состояниями другой. Математика, напр., с самого начала своего развития не могла находиться в теологическом состоянии; едва ли кто полагал

¹⁾ Энгельс, между прочим, полагает, что автором этой классификации естественных наук был Сен-Симон, от которого Конт ее и позаимствовал. См. Архив, стр. 205.

когда-либо, что воля бога препятствует параллельным мнениям соединяться; и вряд ли кто обращался с молитвой сделать сумму углов треугольника больше двух прямых. Иначе было с астрономией: небесные тела рассматривались, как божественные; впоследствии их движение обяснялось склонностью природы к совершенствованию; подобным взглядам не чужд был даже Кеплер. Следы метафизического мышления сохраняются еще во многих науках.

В физике эти следы Конт видит в наличии тех воображаемых, по его мнению, сущностей, к которым прибегают для обяснения физических явлений. Такими фикциями будут, например, эфир и атомы.

Много внимания уделяет Конт социологии. Здесь, по мнению Конта, больше чем где-либо царят теология и метафизика. Два основных социологических фактора—порядок и прогресс—имеют корни в биологии, являются разновидностью более широких принципов—организации и жизни. Цель порядка есть прогресс, и истиным условием прогресса является порядок.

Социология (также и биология) по мере перерастания в науку позитивную, все больше и больше будет выражаться в законах математики и механики.

Такова в общих чертах концепция Конта. В нашу задачу не входит разбор социологических взглядов Конта. Здесь можно только отметить основное направление, в котором развиваются мысли Конта по этому вопросу.

За весьма многочисленным и подробным фактическим материалом иногда не легко вскрывать методологические положения, которые лежат в основе его системы. Опыт—фундамент точных наук. Высшим типом мышления является позитивное; главная задача науки раскрыть закономерность и единство процессов природы, свести все науки, вплоть до социологии, к принципам математики и механики.

Конт не был оригинальным мыслителем. И не даром хорошо знавший его Милль пишет, что «Конт не создал ничего, он только занял свое место в битве, завязавшейся уже давно, и стал в ней на сторону, уже почти одержавшую победу».

Конт полагает, что всякий метод, можно изучать только в применении к какой-либо науке и усваивать только с помощью этой науки. Непосредственно задачами методологии, сам он не интересовался. Но нам представляется удобный случай познакомиться более подробно с его взглядами на эти вопросы, идя несколько обходным путем.

Дело в том, что Конт выразил свое полное согласие, вначале в отдельном письме, а затем в печати с «Системой логики» Милля, особенно с той частью, где развивается вопрос об индукции.

Поворот философского мышления в сторону позитивизма начался раньше всего в Англии. В то время как огромный трактат Конта¹⁾ едва был отмечен французской литературой, он уже был хорошо известен значительному числу английских ученых и мыслителей.

¹⁾ Речь идет о курсе «Позитивной философии».

Вся «Система» Милля построена на принципах формальной логики. Уже по самому заглавию можно судить о характере книги. Она названа «Система логики силлогической и индуктивной». Индукция ее основа. Милль исходит из того, что противоречие предложения могут быть оба ложными, но не могут одновременно быть оба истинными; в двух связанных подчиненностью предложений истинность общего доказывает истинность частного, ложность частного доказывает только ложность общего, но не обратно. Знакомый образ метафизики, который никак не может справиться с подобными, противоречивыми категориями. «Все такие соображения,—заявляет Милль,—кажутся на первый взгляд очень специальными и таинственными. Но, если их разъяснить, они начинают казаться слишком очевидными» («Система логики», изд. «Книжное Дело», 1899 г., стр. 127).

Милль, без сомнения, эмпирик, позитивист. Но здесь следует оговориться. Гегель считал, что историческая мысль в своем развитии проходила три предварительных ступени познания при овладении истиной, т.е. при изучении действительности. И каждая ступень была связана с определенным философским направлением. Этапами, предшествовавшим диалектическому методу, были метафизический доктринизм, эмпиризм, недостатки которого, в конечном счете, сводятся к той же метафизике, и критицизм. Гегель, не превзойденным до сих пор образом, вскрыл все недостатки существовавших до него методов мышления.

Эмпиризм—это целое философское направление, в пределах которого мы можем наблюдать ряд оттенков и форм. Кювье когда-то сказал, что его девизом является: постепенное, classer, decrîge—перечислять, классифицировать, описывать. Это крайний предел эмпиризма, о котором хорошо выразился Гегель, сказав, что цель подобного эмпиризма обнюхивать, ощущивать и оглядывать. Это образец полной беззаботности по отношению к теоретическому мышлению.

Милль далек от этого.

В его логике делается попытка резюмировать все достижения в области теоретического мышления, которые сделали естествознание со временем Бэкона. По мнению Милля анализ процесса выработки общих истин и положений есть прежде всего анализ всякой индукции. Всякий раз, когда мы устанавливаем общий принцип или только единичный факт—и безразлично, прибегаем ли мы при этом к опытам или к заключениям—каждое звено в цепи выводов имеет по существу индуктивный характер.

Наше познание в процессе выработки подобной цепи заключений может мыслить в двух направлениях, либо от единичных фактов к общему выводу, либо из общего к частному. Но в дедуктивном переходе от общего, нет уже логических заключений. Милль не признает за обычными, школьными образцами силлогизма характера заключений.

К этому он приходит приблизительно следующим образом. Наше знания об общих истинках мы получаем из наблюдения, опыта. Наблюдению доступны только индивидуальные случаи. Из них и должны быть выведены все общие истинны; и, обратно, на них эти истинны могут быть разложены. Общие истинны—это только сокращенные выражения. Но это не просто сокращенная форма, а вместе с тем и умозаключение. На основании единич-

ных случаев мы считаем себя вправе вывести общее положение; здесь скрыты результаты многих наблюдений. Когда мы на основании смерти Джона, Томаса и др. заключаем, что и герцог Веллингтон смертен, мы можем притти к этому выводу через обобщение, что все люди смертны. И заключение делается никак не во второй части, т.е. не в переходе от всех людей к герцогу; заключение было сделано, когда мы сказали, что все смертны.

Индукция,—пишет Милль,—есть такой умственный процесс, при помощи которого мы заключаем, что то, что нам известно за истинное в одном частном случае или в нескольких случаях, будет истинным и во всех случаях, сходных с первым в некоторых определенных отношениях. Другими словами, индукция есть процесс, при помощи которого мы заключаем, что то, что истинно относительно нескольких индивидуумов класса, истинно также и относительно всего класса, или что то, что истинно в известное время, будет истинно, при подобных же обстоятельствах, и во всякое время» (Система логики, стр. 229).

Каждая отрасль естествознания (в том числе и математика) была в начале экспериментальной, всякое обобщение опиралось на ряд наблюдений и опытов. И даже теперь, хотя «все науки стремятся стать все более и более дедуктивными», однако они ничего не теряют при этом из своего индуктивного фактора. Так как каждый шаг в дедукции есть все-таки индукция. (Гамма, стр. 173).

Индукция идет от известного к неизвестному. Следует при этом исключить, оговоривается Милль, из понятия индукции некоторые положения, которые часто неправильно смешиваются с ней. Выясним это на примере. Мореплаватель, находясь среди волн, открывает землю. Он не может сразу определить с помощью единичного наблюдения, будет ли это материк или остров; мореплаватель плывет вдоль берега и через несколько днейбеждается, что он сделал круг; тогда он решает, что это остров. Не было ни одного пункта, ни одной минуты, когда бы он мог заметить, что наблюдаемая земля со всех сторон окружена водой; этот факт он установил при помощи ряда частных наблюдений; затем, выбрав общее выражение, в нескольких словах резюмировал все эти наблюдения. Есть ли в этом процессе то-либо индуктивное. По мнению Милля нет. Это те же факты, только суммированные.

Нет никакой качественной разницы между этим процессом и тем, при помощи которого Кеплер установил характер планетных орбит. Целью Кеплера было определить действительный путь, который описывает каждая из планет. Для этого не было никаких средств, кроме прямого наблюдения; Кеплер и наблюдал то места, которые последовательно занимают планеты; далее он определил, какого рода кривую образуют все точки, если предположить, что они непрерывно соединены друг с другом. Сделать это было далеко не так легко, как в первом примере мореплавателю, но по существу это один и тот же процесс: в обоих случаях налицо не индукция, а описание; не переход от известного к неизвестному, а простое суммирование уже известного материала.

Индукция,—еще раз подчеркивает Милль,—есть доказательство; это умозаключение относительно чего-нибудь ненаблюдав-

шегося на основании чего-нибудь наблюденного» (Там же, стр. 243). Бэкон создал индуктивную логику. Естествознание стало с той поры на этот путь индуктивного исследования. И Милль, считая это громадным завоеванием, обвиняет естествоиспытателей в теоретическом пренебрежении к тому методу, к тем путям, которым естествознание обязано своим развитием. «Из тех,— пишет Милль,— кому естественные науки обязаны своим современным развитием и кому для выработки полной теории индуктивного процесса оставалось только обобщить и применить ко всяким видоизменениям проблем метода, служившие им самим при их специальных исследованиях,— никто из этих людей до самого последнего времени никогда не делали серьезной попытки отнести к своим методам философски, никто из них не считал тех путей, какими они достигли своих заключений, заслуживающими изучения, независимо от самих этих заключений» (Там же, стр. 226). А это в порядке вещей. Основное свойство эмпиризма — беззаботность по части теоретического мышления.

Милль не отрицает дедукции. Он считает ее одним из составных и необходимых моментов исследования. Только путем синтеза индуктивного обобщения разрозненных фактов и возможных отсюда дедуктивных выводов наше сознание в состоянии отображать объективную действительность. Естествознание в широкой степени пользуется методом индукции. Из наблюдения единичных, разрозненных фактов еще нельзя сделать никакого обобщения. И первый шаг индуктивного анализа подыскивать соответствующее обяснение возможным логическим основаниям этих фактов. Естествознание постоянно пользуется подобным заключением и строит его при этом с конца: исходя из фактов, как нием и подыскивает в качестве причина полученного следствия, оно подыскивает в качестве причине подходящую посылку. Последующее дедуктирование и повторная опытная проверка наблюдаемых фактов и тех, которые встречаются позднее, служит гарантией правильности сделанного допущения.

Не наука имеет дело с понятиями. Уже Кант считал необходимым выработать новое построение понятия, как единства противоположностей. Кант полагал, что в то многообразие, которое мы получаем посредством наших ощущений, наш рассудок вносит момент единства. Надо было преодолеть подобный субъективизм, и это было сделано Гегелем.

Для Гегеля понятие обладает объективным бытием, является реальностью. И это понятие само есть единство противоположностей. Мы в состоянии понять только то, что содержит в себе моменты. Противоречия могут некоторое время противоположные моменты. Противоречия могут некоторое время не обнаруживаться, но обязательно момент, когда они вскрыются неизбежно. Реальность, лишенная противоречия и состоявавшая вышеупомянутое, формальное тождество не может существовать и быть познанным.

Это одно из основных положений диалектического метода, и этого совершенно не улавливает формально-логическое мышление. Ни индукция, ни дедукция (хотя они входят как моменты). Ни индукция, ни дедукция (хотя они входят как моменты). Составная часть диалектики и именно потому, что они входят лишь составной частью) не могут подняться до истинно-диалектической точки зрения.

Индуктивист Милль смело разрешает подобные противоречия. Там, где он сталкивается с ними, он обявляет один момент истиной, а другой несуществующей фикцией. Он поступает по принципу — или — или, как и полагается метафизику.

Одни из основных недостатков индуктивного мышления (при всех оговорках и логических предосторожностях) состоят в том, что только возможное основание данного явления принимают за достаточное и необходимое, без должных при этом гарантей. Иногда, на основании ошибочного предположения, можно сделать правильные выводы, подкрепляемые опытными данными. В истории науки известно не мало подобных случаев. И в этом слабость индукции.

Наконец, индукция классифицирует и как бы закристаллизует понятия (например, вид, род); а они текучи, относительны, и с этим никак не справиться индукции. История естествознания на многих примерах заставляет убеждаться в слабости и недостаточности индукции.

В заметках Энгельса по этому поводу читаем такое место: «По мнению индуктивистов, индукция является непогрешимым методом. Это настолько неверно, что ее якобы надежнейшие результаты ежедневно опровергаются новыми открытиями. Световые тельца, геплороды были плодами индукции. Где они теперь? Индукция учила нас, что все позвоночные животные обладают дифференцированной на головной и спинной мозг центральной нервной системой и что спинной мозг заключен в хрящевых или костных позвонках — откуда заимствовано даже название этих животных; но вот появляется амфиокс — это позвоночное животное с недифференцированным центрально-нервным канатиком и без позвонков. Индукция установила, что рыбы, это — ге позвоночные животные, которые всю свою жизнь дышат исключительно жабрами. И вот обнаруживаются животные, которых почти все признают за рыб, но которые обладают, наряду с жабрами, хорошо развитыми легкими, и оказывается, что каждая рыба имеет в своем воздушном пузыре потенциальное легкое. Лишь путем смелого применения учения о развитии помог Геккель естествоведителям-индуктивистам, очень хорошо чувствовавшим себя в этих противоречиях, выбраться из них. — Если бы индукция была действительно столь непогрешимой, то откуда взялись бы эти бесконечные перевороты в классификациях представителей органического мира. Они являются самым подлинным продуктом индукции, и, однако, они уничтожают друг друга» (Архив стр. 59). Еще Гегель сказал, что индуктивное умозаключение по существу проблематическое.

Основание индукции Милль видит в принципе закономерности и причинности. В процессах природы существует сходство, повторяемость: что произошло один раз, будет иметь место при однородных обстоятельствах и в горючно и всякий раз.

«Положение, что строй природы единообразен — есть основной закон, общая аксиома индукции» (Сист. лог., стр. 245).

Но бывает, по мнению Милля, и не всегда так. Мы не всегда ожидаем известную закономерность в явлениях; никто не уверен в том, что смена погоды будет в следующем году такой же, как и в прошлом году; никто не ожидает каждую ночь одних и тех же снов. Искать постоянство там, где его нельзя ожидать,

есть суеверие. «Строй природы не только единообразен, но в то же время до бесконечности разнообразен» (Там же, стр. 248). Чрезвычайно важно—заявляет Милль—составить себе представление о том, что обозначается термином случайность. Обыкновенно под случайностью понимают прямую противоположность закону. Это не совсем так. Когда открывают колоду на определенной карте, это есть следствие положения открытой карты в колоде; это, в свою очередь, является следствием того, как перетасованы карты. И так далее. Зная все причины, можно предвидеть все следствия на любой из указанных стадий. «Все происходящее есть результат того или другого закона, — следствие не тех, так других причин, и может быть предсказано, раз мы знаем, что данные причины имеются налицо, и знаем их законы» (Там же, стр. 428).

Или, как говорит Милль в другом месте: «в любое мгновение состояние всей вселенной является последствием ее состояния в предшествующее мгновение; а потому, если бы кто знал все факторы, существующие в настоящий момент, их размещение в пространстве и все их свойства, т.-е., другими словами, законы их деятельности, то он мог бы предсказать всю последующую историю вселенной» (Там же, стр. 276).

Против этого ничего *так будто* нельзя возразить. Но мы далеко не движемся с подобного рода необходимостью. Здесь необходимость, как говорит Энгельс, низводится до степени случайности. Оба понятия остаются пустой фразой, мы не в состоянии проследить всю причинную цепь, да и наука, которая взялась бы только за это, превратилась бы в игру, т. к. каждый предмет имеет бесконечное число других свойств, требующих своего обяснения. Впрочем, послушаем самого Энгельса. «Согласно этому воззрению,—говорит он,—в природе господствует лишь простая, непосредственная необходимость. Что в этом стручке пять горошин, а не четыре или шесть, что хвост этой собаки длиннее в пять дюймов, а не длиннее или короче на одну линию, что этот клеверный цветок был оплодотворен в этом году пчелой, а тот—нет, и притом этой определенной пчелой и в это определенное время, что это определенное, унесенное ветром семя львиного зуба взошло, а другое нет, что в прошлую ночь меня укусила блока в 4 часа утра, а не в 3 или в 5, и притом в правое плечо, а не в левую ѹкру,—все это факты, которые вызваны неизменным сцеплением причин и следствий, связанными неизбежной необходимостью, и газовый шар, из которого возникла солнечная система, был так устроен, что эти события могли произойти только так, а не иначе. С необходимостью этого рода мы все еще не выходим из границ теологического взгляда на природу. Для науки совершенно безразлично, назовем ли мы это, вместе с Августином и Кальвином, извечным решением божиим, или, вместе с турками, кисметом, или же назовем необходимостью. Ни в одном из этих случаев не может быть необходимости. Ни в одном из этих случаев речи об изучении причинной цепи, ни в одном из этих случаев мы не движемся с места. Так называемая необходимость остается

число горошин в стручке, оно остается случайным; а оттого, что нам скажут, что этот факт предвиден уже в первичном

устройстве солнечной системы, мы не подвигаемся ни на шаг дальше. Мало того, наука, которая взялась бы проследить этот случай с отдельным стручком в его каузальном сцеплении, была бы уже не наукой, а простой игрой, ибо этот стручок имеет еще бесчисленные другие индивидуальные, кажущиеся нам случайными, — свойства: оттенок цвета, плотность и твердость шелухи, величину горошин, не говоря уже об индивидуальных особенностях, доступных только микроскопу. Таким образом, с одним этим стручком нам пришлось бы проследить даже больше каузальных связей, чем в состоянии решать их все ботаники на свете» (Архив, II, стр. 191).

Но, видя во всем порядке природы лишь строгую причинность и необходимость, отрицая случайность, Милль не может все-таки от этой случайности отделаться; случайность существует в природе наряду с необходимостью. Для обяснения характера случайности Милль прибегает к теории вероятности. Остановимся на основном его положении по этому вопросу. Мнение Милля следующее: «Мы должны помнить,— пишет он,— что вероятность того или иного события не есть качество самого этого события, а лишь название для той степени основательности, с какой мы или кто-нибудь другой можем его ожидать. Вероятность данного события, как она представляется одному лицу, отлична от вероятности того же самого события для другого лица или даже для того же самого лица, раз оно получит новые данные относительно этого события» (Сист. лог., стр. 430).

В теории вероятности разбираются два вида вероятностей: тот вид, где вероятность предположения зависит от результатов предыдущих испытаний, и независимый от этого. Представим себе такой случай: имеется ящик с некоторым количеством белых и черных шаров. Общее и относительное количество тех и других шаров нам неизвестно. Вынимая всякий раз шар того или иного цвета и опуская его затем обратно, мы устанавливаем постепенно вероятный в дальнейшем выход шара соответствующего цвета. Вероятность последующих испытаний будет зависеть от результатов предшествующих проб. Определение вероятности Милля подходит, как видно, к этому случаю.

Но может быть и другое положение: проба производится, когда известны количество и свойства шаров (принимается при этом, что все шары одного размера и веса). Такая вероятность, основанная на симметрии, будет зависеть по закону больших чисел исключительно от масштаба испытаний.

Понятие вероятности, данное Миллем, нельзя применить к массовым испытаниям, основанных на объективных свойствах вещей.

Примером вероятности второго рода может служить метод статистической механики и в частности развитие кинетической теории. Взгляды Милля на случайность неосновательны, как видно, даже с точки зрения самой теории вероятности. Предположим какое-нибудь явление,—размышляет он,—следует неизменно за рядом определенных обстоятельств. С большинством их у него нет никакой постоянной связи; соединение данного явления с обстоятельствами последнего рода и есть то, что называют совпадением, случайностью. «Эти случайные соединения фактов представляют следствия известных причин и, следовательно, за-

конов; но это—следствия различных причин, притом причин, не связанных никаким законом» (Там же, стр. 423). И в конечном счете: «Можно определить,—полагает Милль,—представляет ли то или другое соединение явлений результат случайности или же результат некоторого закона» (Там же, стр. 426). Или—или.

Милль не мог, конечно, подняться до той «парадоксальной игры слов» Гегеля, которую Энгельс характеризовал следующим образом: «выступает Гегель с неслыханными до того утверждениями, что случайное имеет основание, ибо оно случайно, но точно так же не имеет никакого основания, ибо оно случайно; что случайное необходимо, что необходимость сама определяет себя как случайность, и что, с другой стороны, эта случайность есть скорее абсолютная необходимость» (*Logik*, II книга, отдел: действительность). Естествознание предпочло игнорировать эти положения, как парадоксальную игру слов, как противоречащую себе самой бессмыслицу, законы теоретически в бесодержательности вольфовской метафизики, согласно которой нечто либо случайно, либо необходимо, но ни в коем случае ни^в то, ни другое одновременно, или в столь же бесодержательном механическом детерминизме, который на словах отрицает случайность в общем, чтобы на практике признать ее в каждом отдельном случае» (Архив, стр. 193).

Это и теперь должно являться не малой новостью для тех, кто «воняется пересидеть» на Гегеле.

Основное утверждение Милля сводится к следующему. Наблюдение открывает, что всякий факт в природе неизменно следует за каким-нибудь другим независимо от всякого рода соображений относительно конечных происхождений явлений и от вопроса о природе «вещей в себе». Этот закон причинной связи является основой индуктивной науки.

Исходя из разобранных положений, Милль выводит четыре известные методические правила для опытного исследования: правило сходства, различия, остатков и сопутствующих изменений.

Методы сходства и различия основаны на принципе исключения.

Прием, который со времен Бэкона является основой экспериментального исследования. Процесс этот состоит в последовательном исключении различных обстоятельств, сопровождающих явление; исключают их затем, чтобы определить, какие из них могут отсутствовать при наличии этого явления. Метод сходства основывается на следующем: все, что можно исключить, не связано с данным явлением; для метода же различия основанием служит следующее положение: все, чего нельзя исключить, связано с данным явлением каким-либо законом.

Добавлением к этому служат два других метода: остатков и сопутствующих изменений, не заключающие принципиально нового.

«Эти четыре метода,—подчеркивает Милль,—представляют единственно возможные способы опытного исследования, или прямой индукции a posteriori, в ее отличии от дедукции. Во всяком случае, я не знаю и не могу себе вообразить других подобного рода способов» (Система логики, стр. 326).

В области экспериментального исследования естествознание достигло значительных результатов, пользуясь и этими индуктивными положениями. В качестве иллюстраций могут служить некоторые места «Жизни растений» К. А. Тимирязева.

Но вся слабость Милля в том, что он не идет дальше этого. Накапливающийся эмпирический материал требует своей теоретической обработки. Позитивизм, умея мыслить только в пределах индукции-дедукции, не в состоянии разрешить эту задачу.

В заключение остановимся еще на одном соображении. Милль ставит вопрос: как далеко можно идти по пути обяснения изучаемых явлений, до какого предела можно сводить явления более сложные к более простым. И отвечает на это таким образом: «До тех пор это ей (науке. Б. В.) удавалось преимущественно в случаях распространения различных явлений в пространстве, и прежде всего и главным образом в случае наиболее широкого и важного из всех фактов этого рода, а именно—механического движения» (*Сист. лог.*, стр. 39). И дальше: «Есть много различных причин движения, до сих пор не сведенных друг на друга: тяготение, теплота, электричество, химическое действие, первое действие и т. д. Но увенчается ли успехом усилия современного поколения ученых свести все эти способы производства движения к одному или же нет, во всяком случае, попытка такого сведения вполне законна» (Там же, стр. 392).

Все это в основном верно, мы уже дошли до движения электрона, свели или пытаемся свести причину многих явлений к этому. Но еще раз, слабость Милля в том, что он подходит к вопросу только с одной стороны, не отмечая нигде всех своеобразий различных форм движения. Подробнее об этом немного ниже.

В заключение следует отметить, что почти все развиваемые Миллем мысли и их аргументация иллюстрируются конкретными примерами и фактами из области естествознания, медицины и проч. К сожалению, многое из этого материала или устарело, или уже совершенно неверно¹⁾. И это заставляло воздерживаться от того, чтобы приводить его здесь в качестве доказательства.

Милль не был никогда естественником. Но он поставил своей задачей систематизировать и обобщать те методы исследования, которые в течение последних трех столетий употреблялись в области естествознания. Методы эти развивались постепенно, обнаруживались с особой отчетливостью в трудах наиболее выдающихся естественников-пытагелей, но не находили нигде своей полной формулировки.

Методические правила исследования базируются, по мнению Милля, на признании индуктивного характера нашего мышления, в основе чего лежит принцип причинности и необходимости. Наблюдение и опыт развертывают непрерывную эволюцию обективных процессов, и цель научного исследования—сводить обяснение явлений к механическому движению. Таковы основные мысли индуктивной логики Милля.

¹⁾ См., например, гл. IX о примерах применения четырех методов исследования.

III.

Попробуем «наметить» теперь некоторые недочеты эмпиризма. Как ни пытаются за последнее время третировать Гегеля, мы все же рискнем воспользоваться его критическими замечаниями о недостатках и слабых сторонах эмпиризма.

Гегель, как известно, уделял не мало внимания борьбе с «ползучим», «наукообразным» метафизическим эмпиризмом своего времени. И,—следует признать,—не безуспешно. Гегелевская критика ограниченного, плоского эмпиризма во многом не утратила своей свежести и до сих пор.

«Формой знания,—говорит Гегель,—должно было служить наблюдение и в этом состоит недостаток эмпиризма. Потому что наблюдение дает одни разрозненные и преходящие факты. Знание не довольствуется однако же ими и в разрозненных фактах, собранных наблюдением, оно ищет всеобщего и неизменного; это образует переход к опытному знанию» (Энциклопедия, т. I, § 87).

Одного наблюдения, одной регистрации разрозненных фактов, полученных при наблюдении, и голого описания их хотя бы и по известной системе—недостаточно. Этим только «знание не довольствуется... в разрозненных фактах... оно ищет всеобщего и неизменного».

Но исследование не может, конечно, остановиться на пассивном наблюдении. Опыт, эксперимент становится наряду с наблюдением орудием исследования и служит лучшей и единственной проверкой исследования. И здесь преобладающим является в первой стадии анализ. «В опытном знании эмпиризм пользуется преимущественно анализом. Факты, представляющиеся для наблюдения, разнообразны по своему содержанию; они должны быть разложены на их составные части, подобно тому, как снимают слои с луковицы» (Там же, § 37).

Первая ступень познания об'ективного мира—анализ конкретного. Анализ извлекает из опыта то или иное конкретное понятие. Но анализ, ставя своей задачей точное и об'ективное изучение и объяснение конкретных явлений, полагает, что он сохраняет явления неизменными, «оставляет их как они есть, не прибавляя ничего от себя, не привнося ничего суб'ективного, и в этом он заблуждается».

«Эмпиризм заблуждается, если думает, что, анализируя предметы, он оставляет их, как они есть, потому что он изменяет конкретные предметы в отвлеченное»; «разлагая их (предметы) хотят только разделить, разобрать слившиеся определения предметов, не прибавляя ничего к ним от себя. Но анализ уже переходит от непосредственного наблюдения к мысли, потому что, раз'единяя определения, соединенные в единстве анализируемого предмета, он дает им форму всеобщности» (там же). «И как одно конкретное, единое обладает жизнью, то он (эмпиризм. Б. В.) умерщвляет все живое. Правда,—соглашается Гегель,—это раз'единение законно и вытекает из самой сущности духа. Но,—добавляет он,—одного раз'единения недостаточно, чтобы вполне обнять предмет и вслед затем необходимо воссоединить то, что было разобрано. Эмпиризм останавливается на раз'единении» (Там же, § 38).

Но этим не ограничиваются недостатки эмпиризма. Чистый эмпиризм одним наблюдением не в состоянии с достаточной основательностью доказать причинность и обусловленность явлений. Post hoc не есть еще propter hoc. А эмпиризм констатирует только преемственность изменений и в силу этого вынужден считать всеобщность и причинность случайным и суб'ективным явлениями.

«Относительно эмпиризма было сделано справедливое замечание, что в опытном знании, которое должно различать от простого наблюдения отдельных фактов, содержится два элемента: во-первых, разрозненный и бесконечно разнообразный материал и, во-вторых, форма, которую составляют определения всеобщности и необходимости.

Эмпиризм показывает, правда, существование бесконечного множества сходных явлений, но многочисленность еще далеко не то, что всеобщность. Он показывает также преемственность изменений и совместность фактов, но не объясняет их необходимую связь. Так как в этом учении наблюдение есть условие всякой истины, то оно ведет к заключению, что всеобщность и необходимость суть произвольные определения, суб'ективные случайности, привычки ума, содержание которых может быть изменено по произволу. Юм (от себя заметим: Мах и махисты. Б. В.) признает истинным началом знания опыт, чувство и созерцание и отвергает всеобщие определения и законы мысли, потому что их нельзя оправдать чувственным созерцанием. Там же, § 39). И Юм прав как скептик.

Правда, уже постоянное чередование и правильная последовательность явлений приводят к мысли о причинности и необходимости. Но только человеческая практика, эксперимент дает возможность проверки причинной связи явлений.

В связи с этим, интересно отмечить несогласие Гегеля в этом вопросе с Кантом. Кант также считает, что понятие причинности и всеобщности является выражением синтетической функции сознания. «Когда солнце освещает камень, то он становится теплым; это суждение есть простое суждение восприятия, и не содержит никакой необходимости: как бы часто мы это ни воспринимали, можно сказать только, что восприятия связаны таким образом» («Прологемена». Цит. по А. Деборину. Диалектика у Канта. Архив М. и Энг., т. I, стр. 32). И с этим Гегель не соглашается. «Если,—возражает он,—все эти категории, например, единство, причина, действие и пр., созданы нашей мыслью, то из этого еще не следует, что они принадлежат нам самим и не составляли в то же время определений, свойственных самим предметам. Но Кант признает их только суб'ективными и его философию можно назвать суб'ективным идеалистом» (Там же, § 44).

Чистый эмпиризм, следовательно, не в силах связать причинной и необходимой связью последовательный ряд наблюдавших явлений.

Но основной недостаток эмпиризма, как мы уже отмечали выше, это отсутствие умения оперировать понятиями и неизбежное скатывание в силу этого в метафизику. Об этом бесконечное число раз упоминает Энгельс на страницах «Диалектики». Это же считает одной из слабостей эмпиризма и Гегель.

В «Малой Логике» Гегель пишет: «Основное заблуждение, в которое впадает всякий наукообразный эмпиризм, состоит в том, что он употребляет метафизические категории, каковы: материя, сила, единство, множественность, всеобщность и бесконечность и проч., делает, руководствуясь ими, выводы из фактов, прилагает при этом готовые формы умозаключения и при всем том, не знает, что таким образом он сам содержит метафизику; оттого он употребляет эти категории и соединяет их без критики и без разбора» (Там же, § 38).

Недостаток всякой метафизики состоит в том, что она базируется на формальной логике.

«Теория законов мышления,—говорит Энгельс,—не есть вовсе какая-то раз-на-всегда установленная «вечная истина», как это свидетельствует со словом «логика» философская мысль» (Архив, II, стр. 125). С Аристотеля и до наших дней мы наблюдаем борьбу многих школ и направлений о правомерности, границах и т. д. логических законов и принципов. В основных чертах формальная логика сложилась к XVIII веку, найдя наиболее яркое и законченное выражение в работах после-кантовской школы (Гербарт). Уже Аристотель формулировал два основных положения формальной логики: так называемый закон тождества и закон исключенного третьего. Философ Вольф, будучи не столько философом, сколько систематиком, добавил третий принцип, принцип противоречия. Эти три положения легли в дальнейшем в основу формальной логики и остаются и до сих пор фундаментом формально логического мышления. В них наиболее отчетливо выступают все сильные и слабые стороны формальной логики, пределы ее применения и необходимость дополнить эти принципы категориями логики диалектической.

Принцип тождества, понимаемый метафизикой как минимум закон бытия, является основным принципом антидиалектического мышления. $A=A$. «Каждая вещь равна самой себе» (Энгельс). Но уже в частности естествознание на отдельных примерах вполне убедительно показало, что всякое тождество содержит в себе различие и изменение, и что есть определенные границы, в пределах которых этот принцип пригоден. Природой объекта обусловливаются в каждом конкретном случае эти пределы.

Тождество в границах отдельного суждения приводит к пустой тавтологии. «Если, например, на вопрос,—говорит Гегель,—что такое растение, дается ответ: растение есть растение, то все общество, на котором испытывается истина этого предложения, немедленно соглашается с ним и вместе с тем столь же единогласно заявляет, что тем самым не говорится ничего. При ближайшем рассмотрении скуки от такой истины оказывается, что начало: растение есть... служит подготовкой к тому, чтобы сказать что-нибудь, дать дальнейшее определение. Но так как повторяется лишь то же самое, то получается обратное, в результате оказывается ничто» (Наука Логики).

Каждое понятие, каждое суждение во всем процессе мышления должно оставаться тождественным, равным себе. В таком чисто формальном выражении принцип тождества становится чисто «независимым» от содержания наших мыслей: будем ли мы сосредоточиваться на постоянстве, неизменчивости или текучести, изменяемости предмета.

Формулированный таким образом он приложим к логической последовательности суждений. Но уже в каждом предложении, где сказуемое неизбежно отличается от подлежащего, тождество содержит различие. «Начать с самого простого, обычного, массового etc. с предложением любого: листья дерева зелены; Иван есть человек; Жучка есть собака и т. п. Уже здесь (как гениально заметил Гегель) есть диалектика: отдельное есть общее» (Ленин, «К вопросу о диалектике». «Под Знамен. Маркс.» 1925 г., № 5—6, стр. 16).

Сами предметы, явления противоречивы в самих себе. Где нет противоречия, где нет борьбы и перехода друг в друга противоположностей, там тем самым не может быть развития и жизни. Противоположности не существуют при этом раздельно, они содержатся внутри тождества. Основной закон природы—движение, и его не было бы, если бы не было развития, т. е. борьбы и взаимного перехода противоположностей¹⁾.

Так заявляет диалектик, но не так мыслит позитивист, эволюционист. Существует две точки зрения на развитие,—говорит Ленин.—Одна, эволюционная, рассматривает развитие только как увеличение и уменьшение. Эта точка зрения «мертва, бедна, суха». Другая, диалектическая, видит единство противоположностей. Только она «дает ключ к самовозникновению» всего сущего; только она дает ключ к «скачкам» и «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к «уничтожению старого» и возникновению нового» («К вопр. о диал.», стр. 15).

Различие не есть еще противоположность, но может переходить в нее. Это хорошо объясняет А. Деборин на примере пролетариата и буржуазии, с одной стороны, и пролетариата и крестьянства—с другой.

Пролетариат и буржуазия составляют различные классы, но теми же являются пролетариат и крестьянство. Разница же здесь в том, что интересы пролетариата и буржуазии противоположны, но этого ни в какой мере нельзя еще сказать об интересах пролетариата и крестьянства. «Различие переходит в противоположность, когда она касается существа дела, т. е. если это различие «субстанциональное» (Деборин. Маркс и Гегель. «Под Знамен. Маркс.» 1923 г., № 8—9, стр. 16).

Всякое тождество есть единство противоположностей, таящих в себе противоречия. Противоречия, т. е. активно обнаруживающие противоположности, решаются борьбой—в этом и состоит важное развитие и жизнь.

Это относится и к нашим понятиям, которые столь же гибки, текучи и противоречивы, ибо они являются лишь эпизодами объективного исторического процесса. Необходимо при этом отмежеваться от софистики и эклектизма. Эклектик применяет подобную гибкость понятий субъективно, рассматривая, например, отношение только как относительное, превращая его в субъективное и отрывая от абсолютного.

Метафизики считали природу абсолютной и неизменной. Первый удар этому мировоззрению нанес Кант. В 1755 году вышла

¹⁾ В письме к Конраду Шмидту Энгельс, указывая наименее целесообразный путь изучения Гегеля, пишет: главная часть это—учение о «сущности». Раскрытие отвлеченных противоречий во всей их несостоительности (Письма М. и Э., изд. «Моск. Рад.», 1923 г., стр. 321).

его «Всеобщая естественная история и теория неба», и вся солнечная система предстала, как нечто развивающееся, изменяющееся. Это было началом дальнейшего прогресса. Продолжение пришло с другой стороны, — из геологии и палеонтологии: напластование слоев, остатки в них вымерших животных и растений заставили признать, что не только земля в целом, но и живущие на ней организмы развивались во времени, имели свою историю. Химия лабораторным приготовлением органических веществ уничтожила пропасть между живой и неживой природой. В физике была снесена граница между отдельными видами энергии. Физиология и сравнительная география докончила процесс разрушения традиционного образа застывшей, самой себе тождественной природы. «Все неизменное было разложено, все твердое улетучено, все признавшееся вечным, стало считаться преходящим, вся природа предстала находящейся в вечном потоке и круговороте» (Энгельс, Архив, т. II, 167 стр.). И если этот взгляд в достаточной степени усвоен на объективные процессы природы, то этого далеко нельзя сказать по отношению к нашим понятиям, на них еще продолжают смотреть как на что-то тождественное, устойчивое и непротиворечивое. При этом исследователь вкладывает часто в понятие то или иное содержание, сообразуясь с своим опытом и с объемом своих знаний. Не раз из-за этого возникали недоразумения и путаница. А ведь, например, на развитии основных понятий естествознания можно проследить многое из истории последнего.

Необходимо констатировать, что лучшие и наиболее дальновидные из среды естественников (хотя и далеко стоящие и от Гегеля и от марксизма) уже начинают чувствовать недостатки обычной (т.-е. формальной) логики. Вот мнение одного из крупнейших представителей современной теоретической физики: Л. Больцмана: «Первое правило при исследовании природы — это никогда не доверяться инструментам, с которыми работали; их следует тщательно проверять со всех сторон. Каким же образом мы можем верить прирожденным или исторически развивающимся в нас понятиям и мнениям, тем более, что имеется много примеров, когда они вводили нас в заблуждение? «Привычные формы мышления, — продолжает Больцман страницей ниже, — оказываются мало пригодными в применении к абстрактным проблемам, далеко лежащим от практических потребностей, и не изменились со времен Фалеса... Таким образом, нашей задачей является не судить данные опыта с помощью наших законов мышления, а, наоборот, приспособить наш образ мыслей, представления и понятия к данным опыта. И так как смежные соотношения мы выражаем словами написанными, произносимыми или молча мыслимыми, то мы должны эти слова соединять таким образом, чтобы они сообщали данному опыту подходящее выражение, и чтобы связи, устанавливаемые нами между словами, по возможности, были адекватны связям, существующим в действительном опыте. Раз мы поставим вопрос именно таким образом, то хотя его решение и может быть еще сопряжено с геличайшими затруднениями, цель уже все-таки будет намечена, и нам нельзя уже будет споткнуться о затруднения, уготованные самим себе. (Сборник «Философия науки», ч. I, выпуск I, стр. 169, 171).

Итак, способ мышления по законам формальной логики уже не пригоден, особенно в применении к абстрактным проблемам. Необходимо иначе «приспособлять наш образ мышления к данным опыта», необходимо учиться теоретически мыслить.

Так думает Больцман. Но этого далеко еще нельзя сказать о многих из наших естественников¹⁾.

IV.

Мы отметили некоторые недостатки эмпиризма, на которые в свое время указывал Гегель и за ним Энгельс и др. марксисты. Конечно, в современной науке, в современном естествознании трудно встретить подобный «классический» эмпиризм со всеми его недостатками в развернутом виде. Мы можем чаще всего говорить только об элементах эмпиризма в той или иной области, об отдельных сторонах его.

Это придется повторить в частности и по отношению к тем взглядам, тем тенденциям, которые в лице сторонников т. н. механистического естествознания, выяснились в последнюю дискуссию по вопросу о методологии естествознания.

Противоположные точки зрения достаточно уже оформлены, и следующим шагом следует считать перенесение споров в область конкретных примеров и доказательств на фактическом материале. Отметим только некоторые спорные пункты. Прежде всего, на какой позиции стоят защитники этого механистического естествознания?

Исходные их положения сводятся к следующему.

Современная наука единственными средствами познания мира считает строго-критическое наблюдение и опыт. Изучение движущейся материи — ее главная задача. Суть механистического понимания природы заключается в признании универсального закона сохранения энергии и превращения ее форм из одних в другие. Наука раскрывает при этом, что и область психической жизни не дает исключений из закона сохранения энергии. Обяснять явления — это значит раскрывать причинную связь между ними. Самое же основное в понятии причинности — непрерывность. И эволюционная точка зрения составляет одну из характерных черт современной науки. Последние и наиболее общие выводы современной науки и являются для марксистов их материалистической философией²⁾.

Таковы собранные воедино заявления, разбросанные в различных местах, такова же общая позиция, на которой стоят т. н. механисты. Позиция, во всяком случае, мало отличающаяся от разбраних хотя бы положений Милля.

Действительно. Подойдем к вопросу с точки зрения выявившихся разногласий. Кто отрицает наблюдение и опыт с критическим при этом к ним отношением? Кем из марксистов не признается закон сохранения энергии и ее превращения, в том числе

¹⁾ Вспоминается одно собрание, на котором А. К. Тимирязев с большим искусством, но сомнительным успехом в смысле усвоения, объяснял научным работникам 1 МГУ элементарные истини из «Анти-Дюринга» и «Фейербаха».

²⁾ Степан. Ист. мат.—24; Под Зн. Маркс. № 8—9, 252—50; № 3—28 г.—80; Ист. мат.—67; Ист. мат.—25; «Под Зн. М.» № 8—9—17; Ист. мат.—25; Ист. мат.—57.

и в области изучения психических явлений? Где отказываются признать причинность и общую эволюцию материи? Этого как будто нет; с этим все согласны.

Но если ограничиться только подобными положениями, то с этим согласен и любой позитивист, любой эволюционист. На этом стоит современная наука! Можно согласиться: в основном наука пока стоит только на этом. Но бесцюда лишь следует, что методология сэра Дж.-Ст. Милля является методическим фундаментом еще для многих естественников.

Далее, несогласия о соотношении количественного и качественного методов исследования. Проследим, каков ход мысли механистов в этом пункте.

Очень много дал закон сохранения и превращения энергии. Он впервые позволил учитывать с самого начала качественную сторону процессов природы. Признав превращение энергии из одних форм в другие, наука тем самым могла учитывать качественную сторону процессов природы в первую очередь.

Формы проявления единого всеобщего движения, это и есть различные качества одного и того же количества. «Качества уже даны. Наука должна изучать их превращения и идти к познанию того универсального движения, различными формами которого являются теплота, электричество и т. д.» (Степанов). Метод только качественного анализа, как это видно из истории науки, имеет место там, где количественный анализ не удается (Босса¹⁾). Другими словами: качественное изучение явлений это только первый шаг, низшая ступень, а за этим идет уже исключительно количественное изучение.

Весьма симптоматически, и вполне при этом последовательно, выглядит в этой связи признание того, что наука в лице электронной теории строения материи возвращается к Пифагору, «для которого суть вещей—в числе, в количественной определенности» (Степанов). Правда, при этом признается, что каждый электрон обладает известными качествами, даже больше, несколькими качествами, но из всей цепи заявлений с достаточной ясностью вырисовывается определенное и последовательное направление: большее ударение делается все-таки на количественной характеристики, в количественной определенности, в числе усматривается суть вещей.

Никто не выставляет такого положения, что кто-то признает только количества, и не видит качества, не в этом расхождения. Указывается лишь на штатание между двумя этими категориями, с перегибом в количественную сторону изучения явлений, и неумение найти здесь необходимую равнодействующую. Недаром еще старик Гегель заметил, что «попытка обяснить мир помощью числа составляет первый шаг метафизики» (Энциклопедия, § 104).

Заметим мимоходом, что своеобразный противник механистов И. Боричевский, также отрицая всякую ценность марксистской философии, «состоящей, по его выражению, в ближайшем родстве с «классической» немецкой метафизикой», и считая, что философия это, как он заявляет, «достаточно многомысленное

доказательство», творится «поодаль от живого знания безответственными идеологами», питает чрезмерную слабость к математике. «Истина, научная философия», «философия математики», — заявляет Боричевский. И прибавляет дальше: «Современная чистая математика есть наука о многообразиях чистого мышления. Весь смысл ее бытия заключается в том, что она есть наука условно-выводная, совершенно независимая от каких бы то ни было вопросов бытия вообще и бытия «безусловного» в частности. Это положение является азбучной истиной для всякого, кто прочел без предвзятых мнений хотя бы одно новейшее исследование о «началах» и «сущности» математики, а также исследования очень многочисленны в международной математической литературе («Введ. в филос. науки», Гиз, 1922 г., стр. 25).

В доказательство этой «многомысленной» истины наш «ответственный идеолог» ссылается на авторитет Кутюра, Фосса и др. Приведем маленькую выдержку из работы одного из указанных авторитетов, проф. А. Фосса. В своей книжке «Сущность математики» Фосс так расценивает характер этой науки: «Математика, — пишет он, — все еще есть наука, которая, как около 4,000 лет т. н. выразился писец папируса Ринда, — вводит в тайны всех скровенных вещей и, таким образом, является самим блестящим свидетельством способности человеческого духа проникать своими собственными усилиями в царство исключающей всякие сомнения истины. В высшем свете представляется нам теперь учение пифагорейцев, которые мистически усматривали в целом числе господствующую над всем гармонию и подлинную сущность вещей... частица божественной сущности вложена в число; способность постигнуть эту ее сторону есть наивысший дар, присущий человеческому рассудку» (стр. 53—54). Он же ссылается на Пифагора, но здесь комментарии уже, как будто, лишни.

И. А. Боричевский любит поговорить, поразить оригинальными взглядами. Это уже отмечалось в печати, не станем на нем задерживаться. Он, по всей видимости, относится к разряду тех людей, о которых у французов есть не совсем современное, но подходящее выражение: *au lieu de porter jupon ils portent culottes*. Мы заговорили о Боричевском и Фоссе исключительно потому, что нам также хотелось сослаться на Пифагора.

Вернемся теперь к поставленному выше вопросу о количестве и качестве. Несколько иначе, как известно, смотрел на дело Маркс. В его предисловии к «Критике политической экономии» мы находим ряд ценнейших методологических указаний, которые могут помочь нам разобраться в интересующем нас деле.

Маркс ставит своей задачей выяснить соотношение конкретного и абстрактного в методе познания и решает эту задачу таким образом: «Повидимому, более правильно,—читаем у него в главе о методе,—начинать с реального и конкретного... Но при ближайшем рассмотрении это оказывается ошибочным... Экономисты XVII столетия, напр., всегда начинают с живого целого, с населения, нации, государства, нескольких государств и т. д., но заканчивают они всегда тем, что путем анализа выделяют некоторые определяющие абстрактные общие отношения, как разделение труда, деньги, ценность и т. д. Как только эти отдельные моменты были более или менее установлены и

¹⁾ См. «Под Зн. Маркс» № 8—9, 25 г., 220, 222; Сб. механ. ест.—60.

абстрагированы, экономические системы начали исходить от простейшего, как труд, разделение труда, потребность, меновая ценность, к государству, международному обмену и мировому рынку. Последний метод, очевидно, является правильным в научном отношении. Конкретное потому конкретно, что оно является сведенным к единству множеством определений, т.е. единством в многообразии. В мышлении оно выступает, поэтому, как процесс об'единения, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно является исходным пунктом в действительности и, следовательно, также исходным пунктом созерцания и представления. На первом пути полное представление испаряется до степени абстрактного определения; на втором же абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного путем мышления («К критике политической экономии», изд. «Моск. Раб.», 1923 г., стр. 24—25).

Конкретное Маркс считает исходным пунктом в действительности, и в этом смысле он эмпирик. Но для диалектика Маркса конкретное, как начальный пункт, и конкретное, как результат исследования являются двумя конечными моментами, в пределах которых и развивается процесс познания. В первом случае конкретное есть, по его мнению, лишь «хаотическое представление о целом», во втором же конкретное является уже «результатом с многочисленными определениями и отчуждениями» (Там же, стр. 24).

Эти замечания были сделаны Марксом по поводу политической экономии, но их с полным правом можно отнести к любой области научного исследования. Первая ступень всякого исследования—определение качественных связей явлений. Второй шаг определение и изучение количественных взаимоотношений. Но наше познание не может останавливаться только на общих, абстрактных, т.е. количественных, определениях и отношениях и должно перейти к теоретическому об'яснению процесса в целом, как бы вновь беря этот процесс со всеми его конкретными свойствами и качествами.

Отсюда недостаточно говорить, особенно в области теоретического обобщающего мышления, о «каузально-аналитическом» методе, который в состоянии лишь разлагать и расчленять явления. И если исследователи, признающие «каузально-аналитический» метод, делают при этом и общие выводы, то это только доказывает, что нельзя считать удовлетворительным сам термин (хотя он для многих и общепринят), так как он не покрывает даже их собственную методику исследования.

Недооценкой этого об'ясняется, по нашему мнению, как производное, и пристрастие ко всяkim аналогиям, что по необходимости должно приводить к смазыванию конкретных и своеобразных свойств изучаемых явлений и даже просто к ошибкам¹⁾.

Во всем этом оказывается еще один из недостатков современного эмпиризма.

И, наконец, недоразумения по вопросу о характере и возможности сведения явлений сложных к более простым по роли и характеру наук в связи с этим. В чем здесь разногласия?

1) См. Максимов, Об источниках и результатах упрощенства в естествознании, — «Под Знам. Маркс.» № 1—2, 1926 г.

«В моей брошюре,— пишет, например, И. И. Степанов, подразумевая свою книжку «Исторический материализм и современное естествознание»,— вопрос поставлен достаточно ясно: заключается ли задача научного познания процессов органической жизни в том, чтобы «открыть в них те общие и относительно простые закономерности, которые установлены физикой и химией» («Под Зн. Маркс.» 1925 г., № 3, стр. 219).

В самой же брошюре, разбирая соотношение физиологии с физикой и химией, тов. Степанов отвечает на этот вопрос утвердительно и при этом следующим образом: «Правильное представление о соотношении физиологии, с одной стороны, и физики и химии—с другой, будет таково: физиология изучает не общие физические и химические явления,—это дело составляет задачу физики и химии, от которых физиология просто берет необходимое для нее понимание этих явлений. Физиология изучает физические и химические явления, происходящие в живом организме. Понять какое-нибудь явление жизни для современной науки означает свести его к относительно простым химическим и физическим процессам. Научно об'яснить явления жизни для современной физиологии означает до конца уразуметь их химизм и механизм (физику)» («Исторический материализм», стр. 26).

Не ограничиваясь определением только своей точки зрения, тов. Степанов в подтверждение высказанных взглядов ссылается в частности на авторитет К. А. Тимирязева, приводя такое место из «Жизни растений» последнего: «Для того, чтобы об'яснить явления жизни, т.е. свести их на более простые физические и химические явления, в чем и заключается задача физиологии—для этого нужно предварительно быть знакомым с этими последними явлениями» (Гиз, 1920 г., стр. 5).

С своей стороны, мы можем добавить ко всем этим цитатам еще одно заявление лица, не менее известного—Д. И. Менделеева. В примечаниях к «Основам химии» читаем у него:

«Механика, изучающая движение, составляет основную науку естествознания, и все другие стремятся сводить изучаемые ими явления на механические» (8 изд., стр. 406).

Итак, для современной науки понять какое-либо биологическое явление означает свести это явление к более простым химическим и физическим процессам. В основе всех процессов органической жизни лежат явления, установленные и изучаемые физикой и химией. Ведь непосредственная задача, например, химии—исследовать природу органических соединений. Можно от себя продолжить. Явления гравитации об'ясняются движением материи по законам Ньютона механики, что и делается современной кинетической теорией. Электромагнитные явления в свободном пространстве выражаются в уравнениях Максвелла, который так же исходил из механических представлений. Наконец, можно говорить о механике атома. Словом, «наука открывает теперь новые горизонты: сущит свести и химию и биологию к атомно-электронной и молекулярной механике» (Степанов, «Под Зн. Маркс.», 1925 г., № 8—9, стр. 53).

Все это совершенно верно. Со всем этим согласен, между прочим, и Энгельс. Приведем по этому поводу несколько мест

из его «Диалектики»¹⁾. «Движение, рассматриваемое в самом общем смысле слова, т.-е. понимаемое как способ существования материи, как внутренне присущий материи атрибут, обнимает собой все происходящие во вселенной изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением» («Основные формы движения», 1881—82 г., стр. 231). Движение обнимает все изменения и процессы. Стр. 143 (1878—79 г.): «Механика оказывается основой физики и химии, поскольку та и другая при известной оценке и количественном учете своих молекул или атомов должны рассматривать их как массы. Механика—основа физики и химии, так выражает Энгельс мысль Кекуле, соглашаясь с нею.

Переходя далее к химии, Энгельс выражает свою мысль следующим образом. Стр. 197 (1881—82 г.): «Если химии удастся изготовить белок, то химический процесс выйдет из своих собственных рамок... Он проникает в обширную область органической жизни. Физиология есть, разумеется, физика и в особенности химия живого тела».

Словом, Энгельс согласен: движение охватывает все явления и процессы природы, механика тем самым лежит в основе физики и химии, и физиология есть та же физика и химия.

Но дальше этого в своих заявлениях механисты не идут, и здесь их ошибка. В заметках того же Энгельса от 1881—82 г. мы встречаем такую мысль, что организм является высшим единством, которое связывает в себе в одно целое и механику, и физику, и химию, т.-е. органическая форма движения представляет собой синтез последних трех форм.

В этом смысле «физиология есть, разумеется, физика и в особенности химия живого тела; но (в этом «но») все существование спора. Б. В.) вместе с тем она перестает быть специальной химией: с одной стороны, сфера ее действия здесь ограничивается, но, с другой, она поднимается на высшую ступень» (Архив, II, стр. 197, 1881—82 г.).

Химией вполне исчерпывается обяснение неорганической природы, но в органическом мире, в физиологии сфера обяснений химии ограничивается, она перестает быть специальной химией.

И как бы для тех, кому это не совсем ясно, Энгельс еще раз поясняет это в другой, ранее написанной заметке. «Не ограничается вовсе,—говорит Энгельс,—что каждая из высших форм движения связана всегда необходимым образом с реальным, механическим (внешним или молекулярным) движением, подобно тому, как высшие формы движения производят одновременно и другие виды движения.

Химическое действие невозможно без изменения температуры и электричества, органическая жизнь невозможна без механических молекулярных, химических, термических, электрических и т. д. изменений. Но наличие этих побочных форм не исчерпывает существа главной формы в каждом случае. Мы, исследуя

¹⁾ Оговариваясь при этом, что мы будем цитировать тот или иной отрывок «Диалектики», независимо от того, к какому периоду он относится. А. М. Деборин с достаточной полнотой и убедительностью показал, что считать взгляды Энгельса на естествование в известный период изменившимися решительно нет никаких оснований. (См. «Под Зн. Марк.» 25 г., № 10—11).

мненно, «сведем» когда-нибудь экспериментальным образом мышление к молекулярным и химическим движениям в мозгу; но исчезает ли этим сущность мышления?» (Архив, II, стр. 27, 1873—76 г.).

Мы знаем, что при процессе мышления в мозгу совершаются какие-то химические и молекулярные изменения, но вместе с тем сознание не исчерпывается только физическими и химическими явлениями, его нельзя свести, разложить только на эти физико-химические явления, и при постановке явления сознания как главного вопроса изучения (основная форма) явления физико-химические можно назвать в этом смысле «побочными формами». Ни физика, ни химия не исчерпывают целиком органических процессов. Еще с большей силой и основанием это можно сказать по отношению к механике. «Механика,—в более широком или узком смысле слова,—знает только количества, она определяет скоростями и массами и в лучшем случае об'емами... Всякое движение заключает в себе механическое движение и перемещение больших или мельчайших частей материи; познать эти механические движения является первой задачей науки, однако лишь первой. Само же это механическое движение вовсе не исчерпывает движения вообще. Движение вовсе не есть простое перемещение, простое изменение места, в надмеханических областях оно является также изменением качества. Мышление есть тоже движение» (Архив, II, стр. 143, 1878—1879 г.).

Ту же точку зрения на механику развивает Энгельс и позже в 1881—82 г. в статье «Об общем характере диалектики, как науки». Недоразумение в этом отношении состоит в том, что «у естествоиспытателей движение всегда понимается, как механическое движение, перемещение... Движение в применении к материи,—поясняет Энгельс,—это изменение вообще. (Архив, II, стр. 27, 1873—76).

Механисты считают возможным свести все формы движения в физике, и даже больше—к механике. Это, конечно (если не теперь, так в будущем), сделать можно, но утверждать только это, значит сказать очень мало. Действительность представляет ряд ступеней различных форм движения, и задача науки изучать все эту цепь, не затушевывая специфики каждой формы в отдельности.

Тов. Бесс заявит, что «в наше время нет естествоиспытателей, которые бы стояли за механическое естествознание». Сам он за механическое. «Так как механика,—пишет он,—является наиболее ярко выраженным элементом физики, то такое физическое миропонимание часто называют... механистическим, но отнюдь не механическим» («Механист. ест.», стр. 58—59). Как строится сей силлогизм, не очень понятно.

Более последователен И. И. Степанов. У Энгельса, по его мнению, дело с механическим естествознанием обстояло не так просто. Энгельс испытывал здесь какие-то колебания. Современное же представление о строении материи снимает, как думает Степанов, те возражения, которые имелись у Энгельса против механического естествознания. Насколько с этим можно согласиться, видно хотя бы из приведенных выше взглядов Энгельса на механику и на «сводимость» вообще, тем более, что еще

совсем не доказано, что Энгельс признавал тождественность отдельных частичек материи, будь то атом, электрон и т. д.

Нет никакого сомнения, что во многих заявлениях современных эмпириков-механистов слышится, между прочим, и потоки того позитивизма Конта и Милля, на котором мы останавливались выше, а их родство на нашей почве исторически в достаточной степени объяснимо.

Очень хорошо выразился один из механистов (С. С. Неров), сказав на диспуте в Тимирязевском Институте, что смычка диалектики с естествознанием только нарождается. А отсюда следует, что нельзя говорить о том, что современное естествознание уже усвоило диалектический подход к изучению явлений, что выводы естествознания докрывают диалектический материализм, что не требуется никакой помощи со стороны марксистской философии (метода) и т. д. Не так ли?¹⁾

Вспоминаются выразительные слова Ломоносова из его «Основ математической химии». «Если бы те, которые все свои дни затрачивают дымом и сажей, в мозгу которых царствует хаос от массы неизумленных опытов, не гнали бы изучаться священным законам геометров, некогда строго соблюдавшимся Евклидом и недавно усовершенствованным Вольфом, то, несомненно, могли бы глубже проникнуть в тайники природы, мистологами которой они себя признают» («Классики естеств.», кн. 8, стр. 7). Ломоносов писал о необходимости математики; ныне с полным правом можно перефразировать его слова в защиту необходимости изучения естественниками диалектического материализма.

В заключение небольшое замечание.

Метод Гегеля нельзя как-то «выжать», отделить, изучать изолированно от всего громадного фактического материала, которым оперировал этот энциклопедический философ. По-настоящему знать метод Гегеля—это знать всего Гегеля. Чтение же изучение Гегеля представляет немало трудностей: Гегель не только писал «сугубо темрю», но и был к тому же идеалист, и чтобы у него найти порой нужное и понять как нужно, надо уметь читать через «материалистическую призму».

Здесь необходимо разделение труда. Философам необходимо стать такой призмой. Они должны больше чем до сих пор показывать «материалистического» Гегеля.

Этим они скорее привлекут внимание всех естественников к Гегелю, дадут им возможность с меньшей затратой труда и времени изучать то рациональное, что от него осталось, и найти «в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд от-

¹⁾ Нельзя, между прочим, не отметить интересного замечания тов. Тер-Оганесова. В сб. «Механист. естеств.», стр. 73: «нельзя— пишет т. Оганесов— не соглашаться с тем, что на протяжении чуть ли не 100 страниц (говорится о брошюре Степанова. Б. В.) слово диалектика не упоминается. Нарочно это или случайно? Если нарочно, то совершенно непонятно; как смогут широкие партийные и беспартийные круги, для которых предназначена эта книжка, объяснить себе полное игнорирование этого термина, вошедшего в плоть и кровь нашего мировоззрения». Но это, по его мнению, только формальная сторона дела. Неужели только формальная?

ветов» на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании» (Ленин. «Под Зн. Маркса» 1922 г., № 3, стр. 10).

Не даром ведь Энгельс весьма скептически относился к самостоятельному изучению естествоиспытателями Гегеля... «Для слабого разума естествоиспытателей,—читаем в одном из писем к Марксу,—можно использовать Большую Логику (Гегеля) только местами, хотя она в собственной диалектике гораздо глубже захватывает существо дела. Напротив, изложение в Энциклопедии сделано как бы для этих людей, иллюстрации в большинстве случаев взяты из естествознания и весьма ярки, при этом в силу популярного изложения более свободны от идеализма».

Это соображение Энгельса следует постоянно иметь в виду.

«Это забвение крупных принципиальных вопросов, из-за мимолетных интересов сегодняшнего дня, эта погоня за мимолетными успехами без учета их последствий, это принесение в жертву будущего движения, ради его сегодняшнего дня,—все это остается оппортунизмом, какими бы честными намерениями этого ни оправдывалось. Честный оппортунист для нас даже опаснее всякого другого»¹⁾.

Таков вывод, к которому пришел Энгельс после тщательного разбора проекта Эрфуртской программы.

Заниматься в настоящее время анализом Эрфуртской программы является делом совершенно бесплодным. Энгельс дал исчерпывающую критику, к которой ничего не прибавишь и от которой ничего не убавишь.

Но эта критика Эрфуртской программы ставит перед нами другую задачу. Нельзя ведь, конечно, считать, что недочеты, отмеченные Энгельсом, являются чем-то случайным.

Программа содержит в себе квинт-эссенцию партийной теории и практики, она только отражает господствующие в партии взгляды, проводимую ею тактику. Если бы в программе было кое-что благополучно по части оппортунизма, то это является лучшим показателем того, что в повседневной жизни партии было, во всяком случае, не все ладно.

В настоящей работе мы и поставили своей задачей дать характеристику партии в годы, последовавшие после падения исключительного закона, в годы создания Эрфуртской программы.

События, произшедшие в партии за это пятилетие, очень облегчают выполнение этой задачи. Это были годы исключительно напряженной идеиной борьбы внутри партии.

Падение исключительного закона, «новый курс» канцлера Каприви, резкое изменение условий партийной работы, ошеломляющие избирательные успехи партии—все это неминуемо должно было поставить вопрос о дальнейшей тактике, все это не могло не вызвать серьезнейших внутрипартийных разногласий. И, действительно, в течение этих лет в партии не прекращалась дискуссия по важнейшим проблемам рабочего движения. В 90—91 году мы имеем дискуссию с «молодыми», как называлась тогда левая оппозиция, в 91 году—дискуссию с Фольмаром о тактике партии, в 92 году—с тем же о государственном социализме, в 93 году—дискуссию о профессиональном движении, в 94—95 г.—дискуссию по аграрному вопросу.

В ходе этой борьбы выкристаллизовались в основном те течения, которые мы встречаем потом на протяжении всей истории немецкой партии. Изучить эти течения у самого их истока—это задача нашей работы.

Мы в первую очередь старались восстановить действительные взгляды отдельных течений партии на основные проблемы рабочего движения. Такая работа должна предшествовать всем классовым характеристикам отдельных течений.

Ореол, которым была окружена Эрфуртская программа, естественно распространялся на партию, ее создавшую.

¹⁾ «Neue Zeit», 1901—1902 г., том I, стр. 10—11.

Борьба течений в Германской социал-демократии в первые годы после падения исключительного закона¹⁾.

(1890—1895 г.г.).

Е. Ривлин.

Появление настоящей статьи совпадает с маленьким юбилеем, совершенно у нас не отмеченным. Я имею в виду исполнившееся 21 октября 1926 года 35-летие со дня принятия Эрфуртской программы.

Не приходится, конечно, говорить о том, какое колосальное значение сыграла Эрфуртская программа в международном рабочем движении. Старшее поколение социалистов было свидетелем того, поистине триумфального, шествия, которое совершила Эрфуртская программа по учредительным съездам социалистических партий всех стран.

Комментарии к Эрфуртской программе, написанные Каутским, были первым учебником политической грамоты для десятков тысяч рабочих во всем мире, приобщавшихся к социализму.

Эрфуртская программа считалась образцом партийной программы, выдержанной в духе революционного марксизма.

Однако этот ореол, которым была окружена Эрфуртская программа, нельзя признать вполне заслуженным.

Как известно, никто иной как Фридрих Энгельс подверг эту программу чрезвычайно резкой критике. Он прямо бросил ее творцам обвинение в оппортунизме:

«На первом месте выставляют абстрактные общие вопросы и тем самым прикрывают ближайшие конкретные вопросы, которые при первых крупных собраниях, при первом большом политическом кризисе сами выдвигаются в порядок дня. Результатом этого будет то, что партия в решающий момент останется беспомощной, что по важнейшим вопросам будет господствовать неясность и разброда, ибо эти пункты раньше не дискусирувались».

¹⁾ Настоящая статья представляет собой первую главу доклада предоставленного в семинарии тов. Радека при Ин-те Кр. Пр. Доклад состоит из представленного в семинарии тов. Радека при Ин-те Кр. Пр. Доклад состоит из двух частей: I—Правое крыло Г. С.-Д. (Фольмар), II—Теоретические взгляды нижеслед. глав: I—Правое крыло Г. С.-Д. (Фольмар), II—Теоретические взгляды центра (проблема революции), III—Практика центра. IV—Аграрный вопрос, V—Левое крыло партии («Молодые»).

Не говоря уже о том, что линия поведения, взгляды руководящего течения партии, так называемого центра, в период создания Эрфуртской программы, изображались как последовательно-революционные¹⁾, не говоря уже об этом, даже возникновение правого, ревизионистского крыла, у нас датируют обычно с 1898 года, со времени появления бернштейновских «Проблем социализма».

История партии до 1898 года остается, таким образом, совершенно безоблачной.

А между тем, вместе с 35-летием Эрфуртской программы, мы можем отметить и 35-летие зарождения правого крыла в партии.

Мы имеем тут в виду выступления Фольмара. Эти высступления не были чем-то случайным. Фольмар не был одиночкой, «гениально» предвосхитившим Бернштейна. Он был представителем сильного течения в партии, он был представителем правого крыла.

Выступления Фольмара сыграли огромную роль в истории партии. Как раз вопрос об отношении к Фольмару был одним из центральных, если не центральным вопросом, который вызвал «бунт молодых», и может быть ни в одном другом вопросе так ярко не сказалась сущность центра, как в его отношении к Фольмару.

Поэтому мы начинаем нашу работу с краткого изложения взглядов Фольмара и высказывания степени его влияния в партии.

1. Правое крыло в германской социал-демократии в 1890—1895 гг.

Фольмар и правое крыло. Главным представителем правого крыла в первой половине 90-х годов выступил Георг фон-Фольмар, депутат рейхстага и руководитель баварской партийной организации²⁾.

В момент первых выступлений Фольмара (1891 г.) могло даже казаться, что Фольмар является единственным представителем правого крыла. Эти выступления не встретили открытой поддержки не только в широких кругах партии, но и в самой баварской партийной организации, где авторитет Фольмара был

¹⁾ «Только в последнее время появилась работа тов. Лукина: «Очерки по новейшей истории Германии», где дается критическое изложение действительных взглядов центра Г.С.-Д. в эту эпоху.

²⁾ Не лишена интереса биография Фольмара. Георг фон Фольмар родился 7 марта 1860 г. в Мюнхене. Получил религиозное воспитание в Аугсбурге. В 1865 г. вступил в баварскую армию, через год стал лейтенантом и участвовал в войне с Пруссией. В 1867 г. Фольмар покинул баварскую армию и под влиянием своего религиозного воспитания едет в Рим, где вступает добровольцем в папскую гвардию. В 1869 г. возвращается в Германию и поступает на службу в почтовое ведомство. Участвует в качестве почтового чиновника, на добровольно, в войне в 1870 г., где получает тяжелое ранение. Болезнь заставляет его посвятить себя изучению философских, хозяйственных и политических вопросов, что приводит его к социалистическому мировоззрению. В 1877 г. Фольмар становится редактором «Dresdener Volkszeitung». Когда во время исключительного закона партия начинает издавать в Цюрихе «Социал-Демократ», Фольмар является первым его редактором, пока его на «Социал-Демократ», Фольмар является первым его редактором, пока его на посту не сменит Бернштейн. Начиная с 1871 г. Фольмар почти бесконечно не сменяет Бернштейн. Начиная с 1871 г. Фольмар почти бесконечно не сменяет Бернштейн. С 1893 г. Фольмар — член баварского ландтага, где играет выдающуюся роль. С самого начала войны 1914 года Фольмар из-за болезни уходит от политической деятельности. Фольмар умер 30 июня 1922 г.

чрезвычайно велико. Фольмар как будто был совершенно одинок. Но это одиночество было только кажущимся. Когда через три года после первых выступлений Фольмара, на партийном съезде во Франкфурте, перед партией встали не общие принципиальные вопросы о тактике партии, как это было раньше, а конкретные практические вопросы (об отношении к крестьянству о поведении партии в парламенте при голосовании бюджета), оказалось, что Фольмар имеет за собой значительную часть партии, что направленные против него предложения не могут собрать большинства, даже когда их вносят и защищают люди, пользующиеся в партии таким авторитетом, как Бебель и Либкнехт.

Но если Фольмар не был единственным представителем правого крыла, то он был бесспорно его вождем, больше того, был, выражаясь словами Бебеля, «единственным человеком в том лагере (у правых), вполне понимающим размеры и последствия того, что он делает»¹⁾. У других представителей правого крыла мы найдем отдельные теоретические положения, стоящие в непримиримом противоречии с революционным марксизмом, чаще отдельные практические предложения, клонящиеся к изменению старой тактики партии, и еще чаще мы увидим оппортунизм в их практической деятельности; но только Фольмар дает нам серьезное обоснование необходимости изменения тактики партии, и ясное, стройное и полное изложение основ той новой тактики, к которой партия, по его мнению, должна перейти²⁾.

Вот почему можно, не погрешив против истины, назвать правое крыло германской социал-демократии, в рассматриваемый нами период, фольмарским³⁾, вот почему изучение взглядов правого крыла есть, главным образом, изучение взглядов Фольмара.

Основные выступления Фольмара. 1 июня 1891 г. Фольмар произнес в Мюнхене речь «О ближайших задачах новой социал-демократии». 6 июля он произносит вторую речь на эту же тему, чтобы рассеять вызванные его первой речью недоумения⁴⁾. 1—4 августа он опубликовывает в мюнхенском партийном органе статью «Об оптимизме», являющуюся ответом на статью Бебеля в «Neue Zeit»⁵⁾.

¹⁾ «Vorwärts» 1894 г., № 262.

²⁾ Правда, на 1893 г. приходится выступление Бернштейна, которое можно считать началом его перехода на сторону реформизма. Я имею в виду появившуюся в «Neue Zeit» статью «Пруссские выборы в ландтаг и социал-демократия» (1892/3 г., т. II, стр. 774), где он выступает за участие социал-демократической партии в выборах в ландтаг, происходящих по трехклассной избирательной системе. По существу предложение сводилось к призыву к заключению избирательных компромиссов и соглашений с буржуазными партиями, так как, по словам самого Бернштейна, «социал-демократия никогда не в состоянии будет провести своих представителей без голосов других партий и поэтому она будет обречена на заключение компромиссов с другими партиями». Но, как мы видим, мы имеем здесь дело только с одним оппортунистическим практическим предложением, а никак не с целой системой взглядов, как это было у Фольмара. Кроме того, это выступление Бернштейна не сыграло в партии роли, которая хоть отдаленно могла бы сравниться с ролью выступлений Фольмара.

³⁾ Пауль Кампфмайер, в то время один из представителей левой оппозиции (молодых), брошюру, посвященную правым уклонам в партии так и назвал «Gegen das Vollmarthum in der Socialdemocrat. Partei».

⁴⁾ Эти речи известны под названием «Eldorado-Reden».

⁵⁾ «Münchener Post» № 173, 4, 5, 1891 г.

Этими речами и статьями Фольмар, стоявший до того времени на левом крыле партии, сделал крутой поворот направо и с тех пор не проходит почти ни одного года, который не ознаменовывался бы каким-либо серьезным политическим выступлением Фольмара, выступлением, всегда являвшимся шагом вправо по сравнению с предыдущим, не проходит почти ни одного партийного съезда, которому не приходилось бы заниматься Фольмаром.

В 1892 г. мы имеем статью Фольмара в французском буржуазном органе «Revue Bleue» о государственном социализме и целый ряд выступлений на страницах партийной печати и на партийном съезде, вызванных полемикой, возникшей в связи с этой статьей; в 1894 г.—голосование Фольмара и руководимой им фракции баварского ландтага за государственный бюджет и вызванную этим чрезвычайно резкую полемику в прессе и на партийном съезде; и в том же 1894 и 1895 г. ряд выступлений по вопросу о работе партии среди крестьян.

Последние выступления касаются, главным образом, практических вопросов.

Напротив, в первых его речах ставятся основные, коренные вопросы тактики партии, и они, в частности так называемые «Eldorado Reden», и статья в «Revue Bleue» дают нам возможность выяснить сущность фольмаризма, теоретические основы правого крыла партии.

В этих выступлениях мы имеем полную ревизию марксизма, данную за 7 лет до выступления Бернштейна, ревизию, затрагивающую такие кардинальные вопросы, как марксову теорию революции и государства, вопросы о роли реформы, об отношении партии к крестьянству, об национальных и интернациональных обязанностях партии и т. д.

Фольмар и «новый курс». Исходной точкой этой ревизии послужила слишком оптимистическая оценка «нового курса», последовавшего после падения исключительного закона. Партия, последовавшая за ним, правильно писал в статье «Оппортунизм на практике», что «основная политическая ошибка, которую сделал Фольмар в 1891 году, состояла в том, что они придал слишком много места перемене тактики правительства по отношению к социал-демократии»¹⁾.

Фольмар вместо того, чтобы рассматривать «новый курс» как новый метод борьбы с социал-демократией, к которому вынуждены прибегнуть господствующие классы в виду того, что исключительный закон не достиг своей цели, метод, сводящий исключительный закон к ничему либеральничанию и заигрыванию с рабочими, увидел в этом «новом курсе» ни более ни менее, как проявление «добройволи» и «стремлений истиинно-дружественных проявлений»²⁾.

Фольмар увидел в этом «новом курсе» некоторое изменение самого характера государственной власти. «Упорное сопротивление всякого рода изменениям и реформам сломлено. Конечно, господствующие классы имеют еще (!) огромную власть в своих руках, но эта власть уже не так безгранична и непоколебима, как раньше.

¹⁾ Парвус, В рядах германск. с.-д., стр. 238.

Они потерпели сильный удар, и этим привилегированным классам придется отказаться по крайней мере от непомерных требований»³⁾.

Такой крутой поворот политики правительства должен, по мнению Фольмара, вызвать не менее крутой поворот тактики партии. «Основа нашей программы принадлежит нам, но их претворение в жизнь (политическая тактика) зависит от существующих в данный момент политических и хозяйственных условий и определяется большей частью поведением власти имущих и других партий». В эпоху исключительного закона «главная задача партии должна была состоять в ожесточеннейшем и беспощаднейшем сопротивлении правительству, которое поставило нас вне закона и стремилось и политически и физически нас уничтожить и с которым поэтому не могло быть никаких переговоров, могла быть только война».

Теперь же, «когда партия стала сильнее, а условия благоприятнее», партия должна вступить на путь переговоров и стараться на почве существующего государственного и общественного порядка проводить всякие улучшения политического и хозяйственного порядка»⁴⁾. Таким образом, раньше—война, теперь—переговоры, раньше—классовая борьба, теперь—классовое сотрудничество или, выражаясь словами самого Фольмара: «доброй воле—открытую руку, злой воле—кулак»⁵⁾.

Фольмар и теория государства. Из приведенных выше отрывков не трудно уже выяснить, в чем корень и этой безмерно оптимистической оценки нового курса и признания тактики господствующих классов решающей для тактики социал-демократии.

Этим корнем, этой основой всех других ошибок Фольмара является непонимание классовой сущности государства.

Фольмар не понимает, что государственная власть, государственная машина является, до тех пор пока ее не захватят пролетариат, орудием для подавления пролетариата, какие бы формы это подавление ни принимало,—законные или исключительные.

Фольмар не понимает, что кулак направляется пролетариатом против классового государства самого по себе, против классового господства, а не только против отдельных мероприятий, которыми это господство осуществляется.

По мнению Фольмара, государство должно стоять над классами и только под влиянием дурных влияний оно иногда становится орудием привилегированных классов.

Поэтому во всяком повороте политики Фольмар видит вынужденное от дурных влияний, возвращение государства к его истинному предназначению, поэтому он считает необходимым злой воле противопоставить кулак, а добрую волю—открытую руку. «Наша задача состоит в том, чтобы добрую волю, если таовая наблюдалась, признать и укрепить, с мешающими ей плохими влияниями бороться и доказать государственной власти

¹⁾ Vollmar, Die nächsten Aufgaben, стр. 3.

²⁾ Die nächsten Aufgaben, стр. 5.

³⁾ Die nächsten Aufgaben, стр. 6.

«Они забывают,—говорит он в своей второй речи, имея в виду левую оппозицию (так называемых молодых),—что никакой строй общества, тысячами нитей связанный с прошедшим, не может сразу уступить места новому строю: всякое развитие идет медленно. Коротко говоря, они забывают, что надо ждать всего, но завоевывать только по частям». И, наконец, ту же мысль Фольмар повторяет в статье: «Об оптимизме», в «Символе веры», который имел целью доказать, что он остался верен принципам социал-демократии¹⁾.

Реформа. Так расправился Фольмар с революцией. Теперь расчищено поле для новой тактики. Теперь, если «надо завоевывать только по частям», совсем новое значение для партии приобретает реформа. Если, при ориентации партии на революцию, значение реформы состоит в том, что она развивает классовое сознание рабочих, усиливает мощь рабочего класса, одним словом, подготавливает пролетариат к захвату политической власти, то при ориентации на мирное перерастание капитализма в социализм каждая реформа является уже куском социализма, является этапом на пути социалистического строительства.

С особенной наглядностью такая оценка реформы выявилась в дискуссии об отношении партии к государственному социализму, возникшей летом 1892 года²⁾.

Основное положение, выдвиннутое Фольмаром в статье о государственном социализме и вызвавшее в партии целую бурю, гласит следующее:

«Я держусь того мнения, что социал-демократия не имеет никакого основания с особым рвением бороться против идеи государственного социализма самого по себе, наоборот, нам выдвинут целый ряд мероприятий, имеющих целью постепенное установление лучшей общественной организации, которые можно будет обозначить государственно-социалистическими.

Это соображение и повело к тому, что при выработке новой программы партии в Эрфурте была пропущена фраза против государственного социализма, которая стояла в проекте³⁾.

¹⁾ Вот что гласит этот «Символ веры»: «Я верю в социализм, т.е. с преобразование сегодняшнего, пережившего себя, капиталистического, классового, эгоистического, собственнического общества в более высокую форму—социалистического. Я верю, что это преобразование нельзя произвольно ни удержать, ни создать, но что оно является естественной необходимостью. Но я не верю ни в то, что это изменение предстоит в ближайшем будущем, ни в то, что, когда оно наступит, оно выпрыгнет сразу целиком. Я держусь от того мнения, что изменение будет внутренним, органическим и т. д.» (*Die Nächsten Aufgaben*, стр. 32).

²⁾ Поводом к дискуссии о государственном социализме явилась статья, помещенная 18/VI 1892 г. Фольмаром во французском буржуазном органе. В этой статье Фольмар отвечает на поставленный ему редакцией *«Revue Bleue* вопрос об отношении германской с.-д. к государственному социализму. Главным бойцом против Фольмара выступил Вильгельм Либкнехт. Дискуссия велась главным образом на страницах редактируемого им *«Форвертса*, а также *«Нeue Zeit* и многих провинциальных партийных органов. Дискуссия была перенесена на ближайший партийный съезд (Берлинский), где единогласно была принята резолюция, предложенная Либкнехтом. За нее голосовал и сам Фольмар.

³⁾ Волларт, *«Ueber Staatsocialismus»*, стр. 7. В первоначальном проекте Эрфуртской программы был пункт о том, что социал-демократия не имеет

Фольмара мало трогает, что государственно-социалистические мероприятия имеют или фискальные цели (например, огосударствление отдельных отраслей промышленности и торговли), или ставят своей задачей затмение классового сознания рабочего класса и направлены, таким образом, против социал-демократии. Важна, заявляет он, не цель, которую ставят перед собой инициаторы реформ, а сущность этих реформ.

При суждении о достоинстве политического или общественного мероприятия, принимаемого господствующими классами, нельзя считаться с тем, приняты ли они добровольно или насильственно, и какие намерения с ними связаны, но просто нужно взвешивать их фактические последствия. История полна примеров того, как часто и основательно господствующие классы ошибались в конечных последствиях созданных ими учреждений. В жизни государства и общества регулярно наступает момент, когда учреждения, вначале предназначенные к поддержанию современного господства и действитель но временно казавшиеся к тому приспособленными, вдруг оказываются совершенно противоположное действие¹⁾.

Таким образом, государственно-социалистические мероприятия, помимо воли их творцов, по существу являются мероприятиями по строительству социализма.

Между требованиями социал-демократической программы минимум, имеющими целью поднять классовое сознание пролетариата в целях завоевания политической власти, являющимся непременным предварительным условием осуществления социализма, и между государственно-социалистическими мероприятиями, имеющими как раз противоположную цель, именно усилить классовое сознание пролетариата, уничтожить его самостоятельное политическое движение, по мнению Фольмара, нет существенной разницы. Нет потому, что не в усилении мощи и сознания пролетариата видят Фольмар путь в социализм, а в реформаторской деятельности современного государства. Поэтому всякая реформа является для него «мероприятием, постепенно устанавливющим лучший общественный строй».

«Достижение ближайших требований является для меня сама важная не только потому, что оно имеет агитационную ценность, является большой притягательной силой для масс, но и потому, что постепенный прогресс, постепенная социализация является единственным, естественным предопределенным путем перехода (к новому обществу)²⁾.

Такая оценка реформы Фольмаром совершенно понятна. Она неизбежно вытекает из его взгляда на государство, из отрицания революции. «С высоты чистой теории,—пишет Фольмар в статье, направленной против Каутского,—такое мероприятие, как передача лечебного дела в руки государства, может казаться

ничего общего с так называемым государственным социализмом. Программной комиссии Эрфуртского съезда этот пункт был выброшен и в окончательный текст он не вошел. Каутский объясняет решение программной комиссии тем, что программа партии не может включать в себя перечисление всех течений с которыми партия не имеет ничего общего, и специальных пунктов, направленных против разных враждебных партий течений.

¹⁾ *«Ueber Staatsocialismus»*, стр. 38—39.

²⁾ Протоколы Эрфуртского партийного съезда, стр. 182.

имеющим весьма малое значение. Однако кто думает, что превращение капиталистического общественного строя в социалистический не может произойти одним мановением жезла, а должно быть добыто с усилием, по частям, тот, вероятно, будет судить иначе... Для того это будет, хотя и скромным осколком, по сравнению с тем, что надо достичь, но все же достойным уважения шагом к лучшему общественному строю¹⁾.

Бот такая оценка роли реформы есть основное в новой тактике Фольмарса. Не в том, конечно, заключается новое слово, сказанное Фольмаром, что он настаивал на необходимости реформаторской деятельности. Новое слово заключается в признании каждой реформы этапом строительства социализма, и отсюда в признании реформаторской деятельности не средством в цели, а целью. «Движение—все, конечная цель—ничто»—эта мысль Бернштейна лежит в основе взглядов Фольмарса, и она высказана им только другими словами. «Теперьней ступени нашего движения соответствует переход от теории к практике, от общего к частному»²⁾.

Революция и реформа (Фольмар и анархизм). Новое слово, сказанное Фольмаром, именно заключается в противопоставлении теории—практике, общего—частному, революции—реформе.

«То, что называют моей «новой тактикой», неправильно так названо. Я не хочу ничего нового, я стою на платформе прежней тактики. Но я хочу, чтобы она последовательно проводилась»³⁾.

Для Фольмарса последовательное проведение прежней тактики означает ничто иное, как признание парламентской, реформаторской положительной деятельности партии—единственной задачей партии. Он никак не может совместить деятельность по улучшению положения рабочего класса уже при современном строе с признанием необходимости свергнуть современный строй. Он не понимает, что положительная деятельность партии является необходимым условием захвата политической власти, не понимает, что эта деятельность не делает излишней революцию и не отдаляет ее, и, наоборот, только она делает революцию возможной. Он ставит вопрос: или революция—или реформа. И он считает непоследовательным, нелогичным, когда ему отвечают: и революция, и реформа.

«Для социалиста возможны два вида тактики: тактика революционная, которая стоит выше всех мелочей действительности и не хочет брать меньше, чем все, и тактика позитивистской, реформирующей деятельности, которая стремится достигнуть цели единственно возможным путем частичных достижений... Последняя идет по более далекой, но зато и более устойчивой дороге реальности; первая строит себе идеальную линию по воздуху, линию, которая, конечно, короче и идеальнее, но зато совершенно непроходима»⁴⁾. Третья тактика, тактики, которая признает реформу, но считает ее только средством для революции, для

1) «Neue Zeit» 1892/3, B. I, стр. 203—4, 2-я речь, стр. 20.

2) «Die Nächsten Aufgaben», 1891 г., стр. 6.

3) Protokole des Parteitages in Erfurt, 1891 г., стр. 42.

4) «Die Nächsten Aufgaben», 2-я речь, стр. 20.

Фольмара не существует. Поэтому он может понять анархистов, отрицающих парламентскую деятельность, но не может понять еретокальных социал-демократов. Поэтому к первым Фольмар ближе, чем ко вторым. «Когда мне делают упрек те, кто надеется обеими ногами сразу перепрыгнуть в царство будущего, тогда я не могу ничего против этого возразить, кроме того, что эта тактика ведет к полному политическому воздержанию... Такие люди должны не дебатировать, а точить ножи, следя при этом за тем, чтобы не зарезать самих себя. Но если другие призывают мои заключения, то они будто забывают то, что они сами год от года, день ото дня так часто говорят и делают»¹⁾.

Если бы я мог разделять (с Бебелем) эту веру в близость революции, то никакие агитационные соображения не заставили бы меня продолжать обыденную политическую работу. Наоборот, хиляст, который считает близким тысячелетнее царство, совершенно последовательно делает, когда складывает руки, ибо сравнение с предстоящим величием все оставшееся кажется ему не имеющим никакого значения, ничтожным»²⁾.

Мне кажется, что ни у кого из будущих ревизионистов так яко не выступает их идеальная близость к анархистам, как в выше приведенных словах Фольмара. Эта близость, между прочим, обнадеживает нам тот совершенно неожиданный кругой поворот, который сделал Фольмар в 1891 году, перешедший с крайне левого на крайне правый фланг партии.

Методы борьбы за реформу (Отношение к буржуазным партиям). Признание реформы целью, признание возможности осуществления социализма еще до захвата политической власти—есть основное в той тактике, которую предложил Фольмар. Из этого основного вытекает уже с необходимостью разация всех сторон прежней тактики партии, и прежде всего разация тех методов, тех средств, которые применяла партия для достижения реформы.

Если реформа есть только средство к цели, тогда не все методы, при помощи которых можно добиться реформ, приемлемы для партии. Это совершенно понятно. Ведь главное значение реформы, как средства к цели, состоит в том, что борьба за реформы проясняет классовое самосознание у самых широких слоев рабочего класса, в том, что она втягивает в классовую борьбу самых отсталых рабочих. Таким образом, именно в борьбе за реформу, в средствах, которые приходится употреблять для их достижения, главная, хотя и не исключительная, ценность реформ для революционной социал-демократии.

Не всякая реформа, как правильно сказал Паннекук, увещивает мощь пролетариата, а только завоеванная реформа³⁾. Поэтому для социал-демократии непремлемы такие методы борьбы, которые затемняют классовое сознание рабочих например, блоки и соглашения с буржуазными партиями, или поддерживание таких требований мелкой буржуазии, которые противоречат интересам пролетариата и принципам социал-демократии.

1) «Die Nächsten Aufgaben», 2-я речь, стр. 21.

2) «Die Nächsten Aufgaben», стр. 30—31.

3) Pannekoeck, «Die Taktischen Differenzen in der Arbeiter-Bewegung», стр. 20—21.

Никаких таких ограничений не может существовать для тех, для кого сама реформа является конечной целью. Они не боятся жертвовать принципами партии, они не боятся жертвовать конечной целью, ибо единственный их принцип, единственная их конечная цель,—это сама реформа. Для них все средства хороши, лишь бы добиться реформы. И наиболее действительными кажутся как раз те средства, которые не приемлемы для революционной социал-демократии и, в первую очередь, переговоры, соглашения и блоки с буржуазией. Не понимая классовой сущности государства, по существу не понимая даже классовой сущности политических партий, им кажется, что этим путем они достигнут всего. «Доброю воле—открытую руку»—вот главный путь достижения реформы. Понятно поэтому, что Фольмар должен был выступить с проповедью переговоров, соглашений, как средств достижения реформ. Он, правда, признает, «что существующие в настоящем обществе противоречия интересов—это главный враг; но незнание, предрассудки делают не мало хороших людей противниками наших стремлений и здесь больше всего могут помочь переговоры»¹⁾. Здесь речь идет, конечно, не о несознательных пролетариях, а о министрах, парламентариях, «незнание» которых является причиной враждебности к социал-демократии. Понятно, что, считая, что здесь можно помочь переговорами, Фольмар не видел ничего предосудительного в том, чтобы принимать приглашение министра на ужин²⁾ (где, действительно, можно найти лучшую обстановку для переговоров!), в том, чтобы социал-демократия заключала избирательные союзы и составляла общие избирательные списки с католическим центром, как это было сделано в 1898 г. в Баварии, и даже в том, чтобы социал-демократ входил в буржуазное правительство. Последнее является для Фольмара идеалом, к сожалению в Германии пока не досягаемым. Когда Мильеран вступил в правительство Вальдека-Руссо, Фольмар не находил слов, чтобы выразить свой восторг. «Впервые в истории современной социал-демократии социалисты приняли участие в высшем управлении ради правильно понятых интересов всей страны... Франция, прежде отличавшаяся отсталостью в сфере социальной политики, благодаря деятельности социал-демократов в министерстве всужнила на путь энергичной охраны рабочих, ставши таким образом во главе социальной реформы» и т. д. и т. п.³⁾.

Парламентаризм. Но Фольмар был слишком практиком, чтобы не понимать, что все же на одну добрую волю полагаться нельзя, что социал-демократия, для того, чтобы с ней считались и вели переговоры, должна быть реальной силой. «Политика есть и в существенном вопросе силы, и только тот может чего-нибудь достичь, кто свои требования подкрепляет осознанной силой»⁴⁾.

1) «Die Nächsten Aufgaben», стр. 6.

2) В 1894 г. Фольмар принял приглашение на ужин одного из баварских министров. Таким образом ему принадлежит честь этого «открытия», впоследствии так широко использованного Макдоальдом, Шейдеманом, Вандервельде и др.

3) Из лекции, прочитанной в Дрездене 7/II—21 г. на тему: «Социальная реформа в Германии и Франции», цит. по сборнику Энзора: «Современный социализм», стр. 203—204.

4) «Die nächsten Aufgaben», стр. 25.

Но под силой Фольмар понимает не силу масс, а силу парламентской фракции. Совершенно понятно, что Фольмар должен был придавать огромное, решающее значение парламентской борьбе. Это вытекает из признания реформы целью и из признания переговоров—главным способом достижения этой цели. Тактику, предложенную Фольмаром, можно коротко охарактеризовать следующей формулой: «Реформа—цель, парламент—средство».

Однажды Либкнехт, кем-то из оппозиции было брошено обвинение, будто он сказал, что можно всего достигнуть через парламент. При правильном понимании этих слов под ними можно подумать и во всяком случае я под ними подписывалась¹⁾. Эти слова сказанны были Фольмаром на Эрфуртском партийном съезде, где он вообще говорил более чем осторожно.

Как мы увидим во второй главе, в этой переоценке роли парламента Фольмар был не единок. Многие виднейшие вожди партии были повинны в этом грехе²⁾. Но разница между последними и Фольмаром заключается в том, что они переоценивали роль парламента, как орудия захвата пролетариатом политической власти, в то время как Фольмар переоценивал его роль, как оружие «постепенной социализации общественных отношений» еще до захвата власти пролетариатом. В докладе о парламентской деятельности на II баварском съезде партии Фольмар так определил задачи парламентской работы партии: «Мы должны уже сегодня, — сказал он, — существующие государственные и общественные отношения демократизировать и социализировать, поскольку это только будет для нас возможным»³⁾.

Это не значит, что Фольмар не расценивает парламент и как средство захвата политической власти. Он, конечно, другого пути в власти, кроме получения парламентского большинства, не видит. Но—этот момент не имел для него актуального значения.

Завоевание большинства в парламенте не является для Фольмара решющим, начинающим новую страницу в истории, критическим моментом. Ведь если государство возвращается над классами, если оно является «органом общества», призванным регулировать отношения между предпринимателями и рабочими, если развитие идет «органически, медленно», если реформы уже сейчас при капитализме являются «осколком социализма», тогда нет пропасти, нет резкой границы между тем днем, когда большинство в парламенте имеют буржуазные партии, и днем, когда это большинство переходит к социал-демократии; тогда социал-демократия может уже теперь, по частям, постепенно усиливать свое политическое могущество, когда не завоевание большинства с целью завоевания власти становится основной целью социал-демократии, а только постепенное увеличение поданных для социал-демократии голосов с целью постепенного усиления политического влияния социал-демократии, влияния, которое должно быть использовано для постепенного осуществления социализма путем реформ.

«Каждый наш успех, как партии, каждое увеличение числа наших приверженцев и избирателей, каждое увеличение числа па-

1) Protokole des Parteitages in Erfur, 1891 г., стр. 182.

2) Взгляды центра на проблему революции посвящена вторая глава.

3) Protok. des II Parteitages der Bayerischen Social-Democr., 1894 г., стр. 29

иных представителей в рейхстаге и других представительных учреждениях доставляет нам новую область политического могущества. И с каждой приобретаемой областью мы получаем большее влияние на ведение государственных предприятий, благодаря чему мы не только непосредственно влияем на положение государственных рабочих, но и приобретаем все дальше распространяющее влияние на общее производство и можем использовать его для выполнения требований развития в нашем их понимании¹⁾.

С другой стороны, Фольмар не верит в возможность скорого завоевания власти пролетариатом и считает даже такое завоевание не желательным. «Наша партия, — писал Фольмар в статье «Vom Optimismus», — еще очень далека от того, чтобы располагать большинством общественного мнения, хотя бы и в рабочем классе»²⁾.

На Эрфуртском съезде Фольмар сказал, что вопрос о том, можно ли ожидать в ближайшее время решающей победы пролетариата, является «центральным вопросом, который важнее всех дебатов, бывших летом»³⁾. И это хорошо, — сказал он там же, — что скорая победа пролетариата является только мечтой, хорошо для нашего дела и человеческого развития. Ибо так же ясно, как то, что мы хотим добиться политической власти, так же ясно и то, что только такую власть мы хотим, у которой будет твердая почва под ногами. Преждевременный эксперимент останется только эпизодом в истории, и им не будет достигнуто ничего другого, кроме нового издания коммуны⁴⁾.

При такой оценке перспектив для Фольмара не мог стоять актуально вопрос о завоевании парламентского большинства, но зато тем большее значение приобретал парламент и парламентская борьба, как орудие «постепенного усиления политического влияния социал-демократии», «постепенной демократизации и социализации».

Партия и промежуточные слои. Решающее значение, приписываемое Фольмаром парламентской деятельности, должно было привести его к пересмотру тактики партии по отношению к промежуточным слоям (городской и мелкой буржуазии и, главным образом, крестьянству). Без поддержки этих слоев неизбежна надеялся на сколько-нибудь крупные успехи при выборах в парламент, особенно в такой промышленно развитой стране как Бавария. Но эти промежуточные слои в своей массе еще надеялись на то, что им удастся подняться вверх по социальной лестнице, они часто являются более фанатичными защитниками частной собственности, чем крупные буржуа, у них очень живучи всякие шовинистические, монархические чувства и религиозные предрассудки. Завоевание их на сторону революции является поэтому делом очень и очень не легким. Требуется разочарование этих слоев в рецептах всех партий, обещающих им немедленное улучшение их экономического положения при существующем строе, требуется длительная и упорная работа, которая помоет

1) «Ueber Staatssocialismus», стр. 41—42.

2) Protok. des Parteitages in Erfurt, 1891 г., стр. 185.

3) «Die nächsten Aufgaben», стр. 31.

4) Protok. des Parteitages in Erfurt, 1891 г., стр. 189.

бы им сделать правильный вывод из их жизненного опыта, которая привела бы к изживанию всех этих чувств и предрассудков. От этой работы нельзя ожидать быстрых результатов, нельзя ожидать молниеносного увеличения количества поданных за социал-демократию голосов и нельзя ожидать вообще привлечения всех промежуточных слоев. Но для партии, держащей курс на революцию, это и не так существенно. Ей важен не непосредственный, мимолетный успех на ближайших выборах в парламент; ей важно действительное завоевание более близких к пролетариату средних слоев на сторону революции.

Не то для Фольмара. Ему нужны именно парламентские успехи, ему нужны непосредственные результаты работы среди промежуточных слоев. А таких результатов можно достигнуть только отказавшись от борьбы с мелкой буржуазной идеологией, только приспособляясь к идеологии и предрассудкам промежуточных слоев. Правда, принятие такой тактики означает отказ от действительного закрепления этих слов, как союзников пролетариата в момент решающих революционных боев. Если мы, вместо того, чтобы бороться с монархическими чувствами мелкой буржуазии, будем щадить их, приспособляясь к ним, вместо того, чтобы бороться с шовинизмом, будем потакать ему, вместо того, чтобы бороться с религиозными предрассудками, будем стараться не затронуть их и т. д. и т. п., то мы сможем раз—другой получить большой прирост поданных за с.-д. кандидатов голосов, но мы фактически ни на iota не приблизимся к нашей конечной цели, к революции. Но для Фольмара этого препятствия не существует. Для него революция — и что, парламент — все. Поэтому такая тактика, тактика приспособления принципов соц.-дем. к мелко-буржуазной идеологии промежуточных слоев или, проще говоря, тактика отказа от принципов с.-д. ради завоевания голосов, вполне приемлема для Фольмара, больше того, единственно возможна для него¹⁾.

1) Я позволю себе привести несколько примеров такой тактики.

Партийное издательство в Баварии «Münchener Post» издало книжку Кнорра (под этим именем скрывался сам Фольмар): «Социал-демократический катехизис для рабочего народа». Книжка, как видно из названия, предназначалась для самых широких слоев населения и прежде всего для деревни. Вот несколько вопросов и ответов из этой книжки:

1) Вопрос: «Кто ты?»

Ответ: «Я рабочий».

Вопрос: «Кто принадлежит к рабочим?»

Ответ: «Большое число народа, которое работает, чтобы добить себе средства существования» (теперь понятно, почему Кнорр назвал свою «книжку» катехизис для рабочего народа). Ведь у него к рабочим относятся все, кто работает: к крестьянам, и лавочники, и чиновники, и пр.).

120) Вопрос: «Хочешь ли ты сказать, что социал-демократия призывает народ к революции?»

Ответ: «Это слово всегда последняя хитрость нашего противника. Они сами делали революции. Дворянство против князей, буржуазия против их обоих. Революция есть историческое понятие и часто средство реакции, а не прогресса. Социал-демократия под революцией не подразумевает восстания народа против правительства, но переворот социальных условий. Самую большую революцию выполнила сила пара».

С наибольшей последовательностью была развернута Фольмаром эта тактика по отношению к крестьянству. Но рассмотрение конкретной политики Фольмара и всего правого крыла по отношению к крестьянству нам придется выделить в особую главу, так как крестьянский вопрос послужил в 1894—95 г. темой для серьезнейшей дискуссии в партии, во время которой на точку зрения Фольмара фактически встала большая часть руководящего ядра партии. Поэтому крестьянский вопрос мы рассмотрим после того, как дадим общую характеристику руководящего ядра партии, партийного центра.

Национализм и интернационализм. Непонимание классовой сущности государства, стремление к сотрудничеству с буржуазными партиями, приспособление к предрассудкам мелкобуржуазных слоев—все это должно было привести Фольмара к отказу от пролетарского интернационализма, к точке зрения «защиты отечества» и пересмотру всей тактики партии по отношению к внешней политике своего правительства. Все это сделано Фольмаром уже в 1-й речи с ясностью и определенностью, не оставляющей желать ничего большего. «На-ряду с интернациональными обязанностями,—заявил он,—на нас лежат и обязанности национальные. Ибо как бы космополитически человек ни мыслил, он должен признать, если он не является фантазером, что экономические условия не действуют механически, но что различия народностей и государственной жизни имеют глубокие основания. «Соединенных Штатов Европы» нам еще долго придется ждать. Мы должны бороться с национальным самомнением, шовинизмом там, где мы его находим, и общие интересы человечества ставить выше интересов отдельных членов; но мы не склоняемся к противоречащему разуму отрицанию законной,

121) Вопрос: «Не является ли социал-демократия антимонархической и республиканской?»

Ответ: «Она ни то, ни другое в общепринятом смысле. Республика является идеалом капитализма. Существуют республики, которые хуже монархий» (Цит. по «*Neue Zeit*», 1893—4. B. I, стр. 364—7).

Ни в каких комментариях это, конечно, не нуждается.

Приведем для примера еще один, уже официальный документ именно предвыборное воззвание, выпущенное в 1890 г. в округе Гальбе-Аллслебен кандидатом социал-демократической партии в рейхстаг Вольфгангом Гейне — впоследствии одним из первых солидаризировавшегося с Фольмаром и вместе с ним стоявшего на крайнем правом фланге партии.

В листовке сказано было следующее:

«Избиратели! Вся Германия с напряжением смотрит на наш избирательный округ; наша победа в Аллслебене будет триумфом для всего цивилизованного мира.

Рабочие порабощены, крестьянство нищает, — разве такое положение должно сохраняться навеки, несмотря на императорский манифест? Ни в коем случае. Кайзерские манифести должны быть полностью проведены в жизнь. Кто к этому стремится, тот голосуй за наших кандидатов...

Только медленно можем мы притти к нашей цели!

Мы должны бороться за улучшение рабочего дня — не сразу, но постепенно; за увеличение заработной платы — не сразу, но постепенно, пока все рабочие не будут счастливы».

Между прочим, когда это зачитывалось на партейтаге, то не только не было голосов возмущения, но даже раздавались выкрики: «очень правильно».

(Цитируем по протоколам Эрфуртского партийного съезда, стр. 215).

здоровой, национальной жизни и вытекающих отсюда для нас обязанностей. Мы избегаем таким образом и национального самовозвеличия и карикатуры этого, отрицания нации, самоунижения¹⁾). При этом, «самоунижение», «национализм на-выворот», Фольмар находит ни у кого иного, как у Фридриха Энгельса!²⁾.

От этих общих рассуждений о национализме и интернационализме Фольмар переходит к конкретным, актуальным в то время вопросам внешней политики. Одним из наиболее занимавших тогда умы партии вопросов являлся вопрос об отношении социал-демократии к тройственному союзу, заключенному в 1882 г. Как раз на 1891 г. приходится подтверждение этого союза официальным заявлением о возобновлении трактата с Италией. Кроме того, летом того же года произошло посещение французской эскадрой балтийских вод и целый ряд других демонстраций, знаменовавших установление франко-русской дружбы. Все это делало международное положение очень напряженным, и социал-демократия должна была сказать свое слово об отношении к всем этим событиям. Поэтому неудивительно, что Фольмар уделил в своих речах чуть ли не главное внимание вопросам внешней политики и в частности вопросу о тройственном союзе.

Высказанные Фольмаром взгляды по этим вопросам произвели буквально переполох во всей международной социал-демократии. В них увидели грозное предзнаменование раз渲а, ожидающего Интернационал в случае войны. И не напрасно. Эти взгляды, действительно, предвосхищали и поведение международной социал-демократии во время мировой войны, и мотивировку этого поведения.

«Мы должны,—заявил Фольмар,—выступить за тройственный союз, потому что его тенденции, бесспорно, направлены к поддержанию мира, и поэтому он представляет из себя при данных условиях нечто полезное... Не Германия и ее союзники

¹⁾ Vollmar, «Die nächsten Aufgaben», стр. 10.

²⁾ В статье «Гражданская война во Франции» Энгельс написал по поводу того, что пруссаки в 71 г. не заняли Парижа следующее: «Прусские юнкера, которые пришли сюда (в Париж) для того, чтобы отомстить очагу революции, должны были остановиться и почтительно салютовать только что обезоруженной революции».

Фольмар увидел в этих словах «самоунижение»; он обиделся за немецких юнкеров. «Если бы под этой статьей не было имени Энгельса, можно было бы подумать, что это написал Виктор Гюго. Каждый человек, который спокойно обдумает действительные отношения, существовавшие во времена сдачи Парижа, тот ни минуты не будет сомневаться в том, что, конечно, не «прспект» перед парижскими национальными гвардейцами привел к тому, что немецкие войска «не осмелились» вторгнуться в Париж. Очень возможно, что такое вторжение привело бы к вооруженному восстанию, которое, однако неминуемо было бы разбито, стоило бы много жертв обеим сторонам и затруднило бы заключение мира. Главное начальство немецкой армии правильно звездило, что такая кровавая баня не может принести никакой выгоды, и ограничилось занятием одного угла Парижа... Если бы оно поступило иначе и превратило бы Париж в кровавую баню, какой крик, и не без основания, поднялся бы во всем мире. Теперь же, потому что эти ужасы избегнуты, осеняют их, говоря, будто они это сделали потому, что боялись парижан» (*Die nächsten Aufgaben*, стр. 10, 1-я речь).

Что самое характерное в этом возмущении Фольмара, так это полное игнорирование классового характера войны. Для него нет парижских рабочих с одной стороны, и немецких юнкеров — с другой. Для него существуют просто парижане и немецкое войско. И все его симпатии на стороне последних.

угрожают миру; ее стремления направлены на защиту от угроз миру, исходящих с другой стороны»¹⁾. Уже этим с достаточной ясностью сказано, что должна делать социал-демократия, когда разгорится война, и чем она должна мотивировать поддержку своего правительства. Но Фольмар ставит все точки над i. «Если за границей где-нибудь возникает надежда, что в случае нападения на Германию нападающий может рассчитывать на социал-демократию,—то в этой надежде они будут основательно разочарованы. Когда наша страна подвергнется нападению извне, тогда у нас будет одна партия, и мы, социал-демократия, будем не последними исполнять наши обязанности»²⁾.

А где же тут интернационализм социал-демократии?—могут спросить у Фольмара.

«Интернационализм,—ответит он,—покоится на взаимности. Последняя же как раз в последнее время не соблюдается там, где были особенно возбуждены моей речью»³⁾. «Число социалистов, клеймящих политику французского правительства³⁾, к сожалению, во Франции не велико и их взгляд не разделся в тамошнем рабочем движении. Этих мужественных людей клеймят «пруссаками» и изменниками, и они не имеют сколько-нибудь решающего влияния на общественное мнение, не могут помешать той игре с огнем, которую ведет шовинизм». Иван кивает на Петра. От интернационализма ничего не остается, ибо Фольмар, как это ясно видно из вышеизведенных слов его, совершенно не верит в международную солидарность пролетариата, считает ее сказкой для маленьких детей.

Этими националистическими взглядами завершается система Фольмара. Как видим, она не страдает непоследовательностью или незаконченностью. Марксова теория государства, теория революции, марксистские взгляды на роль реформы, парламента, на тактику социал-демократии по отношению к промежуточным слоям и в частности к крестьянству, на интернациональную сущность социал-демократии, на обязанности социал-демократии в случае возникновения войны—все это подвергнуто ревизии, всему этому противопоставлены другие взгляды.

Правда, Фольмар не пытался создать свою теорию, не противопоставил прямо своих взглядов марксистской теории. Он затрагивал отдельные вопросы теории только в случае крайней необходимости, и когда он делал это, напр., в вопросе о революции, он рассматривал их исключительно с точки зрения их практического значения.

В этом отношении чрезвычайно характерно то, что Фольмар совершенно не затронул в основных своих выступлениях марксову теорию классовой борьбы. На этом основном вопросе, на котором зиждется все здание марксизма, он совершенно не останавливался, и не останавливался потому, что не определился.

1) «Die nächsten Aufgaben», стр. 18.

2) «Die nächsten Aufgaben», стр. 24.

3) Эти слова показывают, между прочим, что Фольмар, когда он говорил о защите Германии от врагов, имел в виду не отсталую Россию, варварством которой он и его друзья оправдывали свою позицию, а передовую республиканскую Францию.

стvenno теория классовой борьбы не оказывала влияния на тактику партии.

Точно так же и с теорией государства. Не подлежит никакому сомнению, и мы это старались доказать, что Фольмар не понимал классовой сущности государства, и что именно это определяло все его взгляды. А между тем и здесь он не пытался сколько-нибудь членораздельно противопоставить свои взгляды взглядам Маркса.

Зато в теории революции он это сделал. Ибо эта теория приносит непосредственный практический вред, она находится в явном и непримиримом противоречии с его тактикой.

Реформизм Фольмара был практическим реформизмом. Это был реформизм, находящийся еще на той первой ступени развития, когда он не настолько окреп, чтобы дать открытый бой старой теории, когда он еще нуждается в густых дымовых завесах в виде всякого рода клятв в верности принципам социал-демократии, чтобы скрыться от слишком пристального взора «партийных цензоров».

Исторический путь реформизма—это путь от практики к теории. Он претендует вначале только на изменение практики партии и, чтобы не привлечь к себе особого внимания, чтобы не настичь на большую мозоль ортодоксов, старается не затронуть теорию. За последнюю он берется только тогда, когда старая теория становится преградой для его дальнейших успехов и когда он уже настолько силен, чтобы не бояться обвинений в измене марксизму, в разрыве с ним.

Уже Фольмар вынужден был в отдельных вопросах переходить от вопросов практики к вопросам теории. Но для Фольмара типично не это. Для него типично то, что он сумел дать и обосновать цельную и стройную реформистскую тактику партии, почти не затронув вопросов теории.

В его тактике мы имеем все составные части реформизма. Будущие реформисты и даже сам Бернштейн могли очень мало прибавить нового. Они могли только дать теоретическое обоснование реформистского пути, но все его элементы мы имеем уже у Фольмара. Поэтому было бы простым актом справедливости по отношению к Фольмару, если бы мы его назвали основоположником реформизма в германской социал-демократии.

Франкфуртский парлайтаг (Голосование за бюджет). Мы изложили выше общие взгляды Фольмара на тактику партии. До 1894 г. партии пришлось дважды на своих съездах ими заниматься: в 1891 г. в Эрфурте в связи с «Eldorado-Reden», и в 1892 г. в Берлине в связи со статьей в «Revue Bleue».

И в Эрфурте и в Берлине дискуссия с Фольмаром носила общий, даже подчас теоретический характер. И иначе быть не могло, поскольку предметом дискуссии являлся не тот или иной оппортунистический шаг Фольмара, а его речи или статьи о тактике партии. Впервые во Франкфурте в 1894 г. дискуссия с Фольмаром приняла иной характер: здесь разногласия вызвали конкретные вопросы практической работы партии, именно вопрос о голосовании баварской социал-демократии фракции в зандтаге за бюджет и вопрос о работе среди крестьянства.

Мы остановимся несколько подробнее на дискуссии, имевшей место на Франкфуртском парлайтаге, на ее ходе и результатах, во-первых, для того, чтобы дополнить характеристику фольмаризма, и, во-вторых, и это главное, для того, чтобы выяснить, какова была сила идей Фольмара, какова была сила правого крыла в партии.

Вопрос о голосовании за бюджет имеет очень большое и практическое и, главным образом, принципиальное значение.

Прекрасно охарактеризовал принципиальное значение этого вопроса Парвус в статье «Keinen Mann und keinen Groschen», помещенной в «Neue Zeit»¹⁾ перед Франкфуртским съездом.

«Парламентское положение социал-демократии существенно отличается от положения буржуазных партий.

Социал-демократия отвергает все в целом: капитализм, существующий строй, систему, однако в совершающемся развитии она узнает задатки будущего формирования, она отличает вещи и движения, для нее благоприятные или необходимо нужные, от таких, ослабление и уничтожение которых органически связано с ослаблением или уничтожением капиталистической эксплуатации.

В соответствии с этим было и парламентское поведение социал-демократии: отрицательное по отношению к всей системе в целом и положительное к некоторым отдельным мероприятиям. Наоборот, партии порядка принципиально стоят на почве современного общества. Как бы далеко в частностях ни находило их порицание, даже их оппозиция, но они всегда готовы до крайних пределов защищать целое, всю систему. Они держат себя принципиально положительно по отношению ко всей системе, даже если они относятся отрицательно к отдельным мероприятиям. Вот эта принципиальная позиция социал-демократии находит свое наиболее яркое выражение в отклонении бюджета».

Если «принципиальная позиция социал-демократии находит свое наиболее яркое выражение в отклонении бюджета», то принципиальная позиция Фольмара находит свое наиболее яркое выражение в голосовании за бюджет. В этом акте, как в капле воды, виден весь реформизм с его непониманием классовой сущности государства, с его переоценкой реформ, с вытекающей отсюда соглашательской тактикой по отношению к буржуазии, с его приспособлением к взглядам самых отсталых слоев.

«Доброй воле открыту руку»—этот лозунг, который определяет всю тактику Фольмара по отношению к буржуазным партиям, должен был неминуемо привести к голосованию за бюджет, особенно если добрую волю видеть в каждом членстве, в каждой ничтожной реформе, чем страдает Фольмар и вообще реформисты всех стран и народов. Не удивительно, что Фольмар увидел «добрую волю» в некоторых уступках, которые были сделаны при обсуждении бюджета социал-демокр. фракции и счи-тал долгом чести социал-демократии протянуть «открытую руку» на встречу этой «доброй воле». Но этим самым он фактически становился на почву всех буржуазных левых партий.

¹⁾ № 3, 1894—5, В. I, стр. 80—81.

Фольмар оправдывал поступок баварской фракции тем, что, по его мнению, баварский бюджет полностью приемлем для социал-демократии, что в нем нет ничего противоречащего принципам социал-демократии.

Разве это утверждение не выявляется с максимальной ясностью полного непонимания классовой сущности современного государства? Парвус в цитированной выше статье доказал на примере того самого бюджета, за который голосовали баварцы, что в капиталистическом государстве не может быть бюджета, не противоречащего принципам социал-демократии.

Фольмар оправдывался также тем, что, голосуя против бюджета, фракция потеряла бы свой авторитет у мелко-буржуазных слоев.

«Наш народ,—сказал Фольмар на баварском партийном съезде,—питает явное огнешествие к непримиримости и оппозиции во что бы то ни стало... Характер нашего голосования определился таким образом сам собой»¹⁾.

В таком же тоне он говорил и во Франкфурте:

«Баварцы по существу крестьянский народ.

Нашим выступлением за расходы на пользу сельского населения, на улучшение быта мелких чиновников и государственных работников, за увеличение расходов на школы, науки, искусства и т. д. мы приобрели величайшие симпатии. Но легко можно было бы обратить нашу работу в ничто, если бы наши противники, ссылаясь на заключительное голосование, могли бы привести доказательства, что у нас есть красивые слова, но нет дела. Я полагаю, что совершенно так же обстоит дело в других частях страны; но моей ближайшей задачей является защищать собственную нашу шкуру. Я говорю: кто хочет привлечь народ и воспитать его политически, должен иметь политическое поведение, понятное народу»²⁾.

Разве не оказывается в этих заявлениях вся тактика реформизма по отношению к мелкой буржуазии: его погоня за голосами (Bauernfang), его бесприципность, являющаяся следствием приспособления к настроениям и взглядам мелкой буржуазии.

Ауэр очень метко охарактеризовал выступления баварцев на съезде следующими словами: «Они (баварцы) все время говорят: крестьянин и опять крестьянин и еще раз крестьянин так думает». «Не для того,—сказал он дальше, обращаясь к Фольмару и его друзьям,—мы сообща в течение двенадцати лет несли бремя закона о социалистах, подвергались ненависти и преследованию, чтобы теперь вы от нас отшли, потому что так хотят крестьяне»³⁾.

Как видим, вопрос о поведении социал-демократических фракций при голосовании бюджета имеет очень большое принципиальное значение, и не удивительно, что он явился центральным вопросом Франкфуртского партийного съезда, обсуждение которого и, главным образом, результаты обсуждения которого показали действительную силу правого крыла в партии..

¹⁾ Protok. des II Parteitages in Bayern.

²⁾ Protok. des Parteitages in Frankfurt, 1894, стр. 111.

³⁾ Protok. des Parteitages in Frankfurt, 1894, стр. 127.

Уже самый тон выступлений Фольмара, Грилленбергера и др. показал, что они чувствуют за собой силу. Так выступать, как они, не могли бы генералы без армии, вожди, не имеющие никакого за своей спиной. Они говорили со съездом тоном хозяев, тоном ультиматумов.

«Мне решительно поручено заявить здесь,—сказал Фольмар, что мы в Баварии находим, что вы больше, чем следует, придастесь нам и что хорошо было бы это прекратить. Партийные товарищи, я вас предостерегаю не принимать бессодержательного решения, которое явилось бы источником непрекращающихся раздоров. Я вижу в предложении, направленном против нас, вновь старый дух, который все хочет обострить, который прежде уже играл с огнем больше, чем это следует, и от которого я желал бы, чтобы он, наконец, прекратил свои проказы»¹⁾.

Грилленбергер в своей речи открыто заявил в выражениях совершенно недвусмысленных, что, какие бы решения съезда ни принял, баварцы ему не подчинятся. «Мы хотим свободного поля действий для себя, мы хотим, чтобы предоставили честной оценке честных партийных товарищей судить о бюджетном вопросе в каждом отдельном государстве... Мы ведь не можем образовываться с решением съезда и не будем этого делать... Это решение останется выстрелом в воздух... Мы решительно заявляем, что в результате возможного принятия бебелевского предложения (это предложение настаивало на категорическом запрещении голосовать за бюджет. Е. Р.) ничего не изменится в нашем поведении и в нашем отношении к бюджету»²⁾.

Этот тон, в партии совершенно неслыханный, имел за собой серьезное обоснование—силу. Сила—была наиболее веским аргументом у Фольмара и его друзей. «Вам не приходится считаться с нами,—заявил Фольмар,—как с отдельными лицами, вы имеете дело со всей баварской социал-демократией». И не только с баварской. Фактически такую же позицию, как баварцы, занимали и баденцы и гессенцы, которые тоже голосовали в ландтагах за бюджет. Правда, они мотивировали свое поведение тем, что от голосования социал-демократической фракции зависело, что от голосования социал-демократической фракции зависит, пройдет ли реакционный бюджет или победит бюджет левых буржуазных партий. Такого положения в Баварии не было, но, несмотря на это, существенной, принципиальной разницы между их поведением и поведением баварцев не было. «Так же, как и мы,—с нескрываемой иронией заявил Фольмар,—вели себя баденцы и гессенцы, и партийные цензоры (смех делегатов) ничего этого не заметили»³⁾.

Голосование внесенных по этому вопросу резолюций показало, что Фольмар и Грилленбергер не хвастались, когда они говорили, что они не единики; больше того, результаты голосования были, вероятно, неожиданными для них самих.

На партейтаг были внесены две резолюции. Первая, предложенная Фольмаром и его сторонниками, предоставляла решение вопроса о голосовании за бюджет местным партийным организациям. Вторая, предложенная Бебелем, Либкнхтом, Зингером и циям.

¹⁾ Protokole des Parteitages in Frankfurt, 1894, стр. 113.

²⁾ Protokole des Parteitages in Frankfurt, 1894, стр. 113.

³⁾ Protokole des Parteitags in Frankfurt, 1894.

др., предлагала голосовать против бюджета «ввиду того, что согласие на общесоюзный бюджет является вотумом доверия правительству».

К этой второй резолюции делегат Штадтгаген, депутат рейхстага, внес поправку, которая состояла в замене слов «ввиду того» в приведенной нами выше фразе словом «поскольку». С принятием этой поправки резолюция Бебеля получила бы следующий смысл: предлагается голосовать против бюджета «поскольку согласие на бюджет является вотумом доверия правительству». Таким образом, принятие поправки Штадтгагена означало бы о существу сведение второй резолюции к первой, так как решение вопроса о том, означает ли голосование за бюджет вотум доверия или нет, предоставлялось в каждом отдельном случае местным организациям партии и, стало быть, им же предоставлялось решение вопроса о том, голосовать за бюджет или против.

За первую резолюцию, за резолюцию Фольмара, голосовало 93 делегата, против нее 142. За поправку Штадтгагена было подано 131 голос, против—103. Таким образом, более трети ($\frac{3}{8}$) всех делегатов (93 из 235) открыто выступило за Фольмара; 38 делегатов заняли болотную позицию, и только менее половины делегатов съезда (103 из 235) выступило более или менее решительно против Фольмара.

Принятие поправки Штадтгагена заставило Бебеля и других внесших вторую резолюцию голосовать против своей резолюции. Резолюция Бебеля, Либкнхта, Зингера и других с поправкой Штадтгагена была отклонена большинством 164 против 64. Против резолюции голосовали все наиболее последовательные сторонники и противники Фольмара. За нее—только болото. Так съезд, отклонив обе внесенные резолюции, не принял никакого решения по вопросу о голосовании за бюджет. Этого нельзя было расценивать иначе, как блестящую победу Фольмара. Непринятие никакого решения было для него наиболее благоприятным из всех возможных решений, ибо это оставляло его руки совершенно свободными.

Так фольмаризм, или, проще говоря, реформизм, который раньше был мало заметным для глаза течением, течением, которым больше интересовались вне партии, чем внутри ее, течением, в серьезность которого большинство партий не верило, вдруг оказалось силой, справиться с которой оказалось не так легко. Бебель и Либкнхт должны были потерпеть поражение в открытом бою с реформизмом.

На том же Франкфуртском съезде Фольмару удалось одержать вторую не менее важную, хотя и менее заметную победу. Он выступил там одним из докладчиков по аграрному вопросу и ему удалось провести по этому докладу резолюцию, в которой говорилось о защите крестьян как производителей. Это означало принятие фольмаровской тактики по отношению к промежуточным слоям и в частности к крестьянству. Бебелю не удалось тогда выступить в прениях против взглядов Фольмара по этому вопросу. Но его отрицательное отношение к ним должно было быть известно съезду из его выступлений по вопросу о бюджете, где он резко критиковал тактику «приспособления к взглядам отсталых кругов». «У нас,—сказал он между прочим,—не стоит

на первом плане задача ловить крестьянские голоса, и при обсуждении аграрного вопроса я ближе подойду к этому вопросу; мы должны привлекать товарищеские, которые бы нас понимали»¹⁾. При обсуждении аграрного вопроса Бебель не выступил, а принятая резолюция была пропитана как раз тем духом «ловли крестьянских голосов», против которого он выступал. Это была вторая победа Фольмарса во Франкфурте²⁾.

Правда, в крестьянском вопросе Фольмар застал партию врасплох. Не все голосовавшие за резолюцию отдавали себе отчет в ее значении. Многие не согласны с резолюцией голосовали за нее, после того как первоначальная редакция Фольмарса была несколько исправлена, так как противники Фольмарса были совершенно не подготовлены к борьбе и не успели даже составить другой резолюции. Только поэтому резолюция Фольмарса могла собрать голоса почти всех делегатов съезда (против нее голосовало только 30 чел.). Но если не все голосовавшие за резолюцию могут быть причислены к правому крылу, но все же значительная часть делегатов показала себя в ходе обсуждения сторонниками фольмаровской тактики. «В реферате Фольмарса, — писал Бебель в статье, посвященной оценке Франкфуртского съезда, — вновь выступило то же отрицание классовой борьбы, тот же несоциалистический взгляд, что агитацией можно завоевать округа, которых никогда нельзя завоевать, а если бы и можно было их завоевать, то только прикрывая или отрицая наши принципиальные воззрения... И самым рискованным местам (речи Фольмарса) значительная часть делегатов оживленнее всего аплодировала. Это дало мне убеждение, что в этой области господствует неясность, которой не следовало бы ожидать от социал-демократов»³⁾.

93 голоса, т. е. 3/8 съезда, за фольмаровскую резолюцию по вопросу о бюджете, неспособность партийного руководства сплотить большинство партии против Фольмарса, принятие фольмаровской резолюции по аграрному вопросу и та встреча, которая была оказана съездом Фольмарсу, — все это было так неожиданно, что если бы за несколько дней до съезда кто-нибудь все это предсказал, его сочли бы за безнадежного пессимиста, его осмеяли бы. «Принципиальная или серьезная борьба о тактике партии на съезде исключена. Принципиальных различий в мнениях не существует. Партия во всех своих частях стоит на той же самой принципиальной платформе, какая нашла свое выражение в программе партии», писал Бебель до съезда в «Neue Zeit»⁴⁾. После съезда он должен был признать, что жестоко ошибся. «С оптимистическим настроением, нашедшими свое отражение в статьях в «Neue Zeit», я отправился во Франкфурт и скоро понял, что ошибся»⁵⁾.

Результаты Франкфуртского съезда, выявившаяся там сила правого крыла прямо ошеломили Бебеля. Скоро после съезда (14 ноября) он выступил на одном из партийных собраний Берлина, где в чрезвычайно мрачных красках обрисовал положение партии:

¹⁾ Protokole des Parteitages in Frankfurt, 1894, стр. 116.

²⁾ Об этом подробно в главе, специально посвященной аграрной дискуссии 1894—95 г.г.

³⁾ «Vorwärts» 1894, № 279.

⁴⁾ «Neue Zeit» 1894—5, I. «D. Bevorstehende Parteitag».

⁵⁾ «Vorwärts» 1894, № 279.

«Я открыто говорю, что до сих пор ни один партейтаг не оставлял во мне такого чувства неудовлетворенности, как последний. Но точно такое же впечатление было вызвано съездом и у целого ряда старых, испытанных товарищеских, а также и товарищеских за границей, следивших внимательно за работами съезда. Нельзя отрицать, что, с тех пор как существует партия, два различных течения, я не хочу сказать противопоставляются, но несомненно текут бок-о-бок. Одно из них радикальное, а другое можно назвать умеренным. Достаточно часто оба эти течения сталкивались и возникали оживленные прения между обоими направлениями, но все же они вновь мирились, но нельзя спорить, что за последние годы в партию вошло много элементов, которых приходится называть умеренными. В последние годы мы значительно увеличились количественно, но и прямо говорю качественно не улучшились... Я буду говорить совершенно откровенно: это впечатление по временам было у меня настолько сильно, что я решил не принимать никакого участия в руководстве партией. Я сказал себе, что по ходу дела мы не обойдемся без борьбы, и я хочу себе обеспечить свободу действий. Я не хочу скрывать, что чувствую, как партия разжижается, что она испадает на оппортунистический путь, что классовая борьба сглаживается»¹⁾.

Можно себе представить, какое настроение господствовало на Франкфуртском съезде, если он заставил Бебеля говорить таким языком. Многие товарищи Бебеля по правлению партии находили его оценку слишком пессимистической; может быть некоторым преувеличением она страдает, но то, что Франкфуртский съезд показал силу правого крыла совсем в новом свете, что на нем правое крыло одержало победу, что в основном оценка Бебеля верна, это не подлежит никакому сомнению. Это подтвердили и наиболее проницательные друзья германской социал-демократии и наиболее умные ее враги. Виктор Адлер, вождь австрийской социал-демократии, неоднократно присутствовавший на немецких партейтагах и хорошо разбиравшийся в ее делах, приветствовал выступление Бебеля, считая, что он во-время диагностирует опасность, грозящую партии справа.

С другой стороны, серьезнейшая буржуазная газета «Frankfurter Zeitung» писала, что «перерождение социал-демократической партии сделало во Франкфурте большие успехи и что социал-демократия близка к тому, чтобы сделаться радикальной партией реформ»²⁾.

Наконец, и сами герои дня, Фольмар и его друзья, начали говорить после Франкфурта совсем другим языком: «На Франкфуртском партейтаге съезде, — писал орган Грилленбергера «Frankfurter Tagespost», — Бебель, вследствие своего упрямства, хотя и во всем, но несомненно, потерпел поражение, в чем, конечно, ему составило компанию все правление партии. Сердиться на это он имеет полное право; но он не имеет права преступать партейные решения и срывать их, как он это сделал фактически на том собрании»³⁾ (имеется в виду берлинское собрание от

¹⁾ «Vorwärts» 1894, № 268.

²⁾ «Vorwärts» № 254, 1894.

³⁾ «Vorwärts» № 271, 1894.

14 ноября). Это пишет тот самый Грилленбергер, который совсем недавно, на самом Франкфуртском съезде, заявлял, что баварцы не подчиняются решениям съезда.

Ничто не характеризует более ярко произшедшее изменение соотношения сил, чем такие выступления представителей правого крыла. Они потому стали вдруг защитниками партии и ее решений, что они почувствовали себя чуть ли не хозяевами партии¹⁾.

Употребленное мною выше выражение—«произшедшее изменение в соотношении сил»,—пожалуй, не совсем верно. Во Франкфурте не изменилось соотношение сил, а скорее только выявилось это соотношение, выявилась действительная сила правого крыла партии. Правое крыло не выросло во Франкфурте, оно только из тайного стало там явным. И произошло это потому, что на Франкфуртском съезде впервые дискутировались не общие принципиальные вопросы, а вопросы практической партийной работы.

До тех пор, пока спор с Фольмаром носил общий теоретический характер, было очень трудно и почти невозможно узнать, кто друг Фольмара и кто его враг, выявить силу правого крыла. Фольмар всячески старался убедить партию в том, что между ним и большинством не имеется никаких существенных разногласий (как было в Эрфурте) или что имеющиеся разногласия носят чисто-теоретический, чуть ли не филологический характер, не имеющий ровно никакого значения для практической работы партии (как было в Берлине при дискуссии о государственном социализме). Фольмар больше всего другого желал, чтобы дискуссия возможно скорее прекратилась, чтобы его оставили в покое и дали ему возможность у себя дома, в Баварии, работать так, как ему хочется. «Мы не вмешиваемся ни в чьи дела—это нам и в голову не приходит, мы просто хотим себе покоя»—эти слова, сказанные Фольмаром во Франкфурте²⁾, прекрасно характеризуют всю его линию поведения. «Живи и жить давай другим»—вот чего он хотел от партийного руководства, от съезда партии. Поэтому и в Берлине и в Эрфурте Фольмар с самого начала присоединялся к резолюциям, предлагаемым делегатами партийного правления, и, таким образом, старается придушить дискуссию в самом зародыше³⁾. При таком положении результаты голосования резолюции (а они всегда принимались единогласно) ровно ничего не показывали.

1) В этом отношении характерно также и одно из выступлений Фольмара. В статье в «Münchener Post» он выступил против центрального органа партии «Vorwärts», занявшего нейтральную позицию в дискуссии, разгоревшейся в связи с речью Бебеля. «Мы позволяем себе быть несогласными с подобной постановкой центрального органа. По нашим понятиям «Vorwärts» не только официальный, «должностной» орган, но он должен быть первую голову руководящим органом. «Должностной» орган должен защищать против неумеренных нападок грешения, принятые высшей инстанцией партии» («Vorwärts» № 273, 1894). Это писал Фольмар, который два года тому назад клеймил «Vorwärts» именно за то, что тот позволил себе занять резкую позицию против его статьи о государственном социализме.

2) «Protokole des Parteitages in Frankfurt», 1894 г., стр. 113.

3) Надо тут же отметить, что сам характер внесенных резолюций не мало облегчил Фольмару проведение этой тактики. Отчасти благодаря тому, что сами авторы резолюции хотели покоя в партии, отчасти благодаря тому, что у них самих не было достаточной ясности по дискутируемым проблемам, резолюции не были застроены против Фольмара и подчас носили компромиссный характер. Подробнее об этом в следующей главе.

Такая тактика обясняется целым рядом причин. Отчасти ее можно обяснить тем, что Фольмар не был свободен от баварского партикуляризма, что он интересовался Баварией, баварской партийной организацией больше, чем всей партией. Поэтому он мало заботился об обращении всей партии в свою веру, и хочет только, чтобы другие не навязывали своей веры баварцам. Отчасти такая тактика обясняется тем, что Фольмар и другие представители правого крыла, чувствуя еще свою слабость, старались избежать открытой борьбы и старались прикрыть свои грехи лягушками верности принципам партии.

Но основную причину этой тактики надо искать не в этом, а в самой сущности реформизма. Реформист, для которого «движение—все, конечная цель—ничто», относится свысока ко всем общим, принципиальным решениям съезда; он не принимает их всерьез. Сотни полученных при выборах голосов—дороже для него десятка самых принципиальных резолюций. Он будет голосовать за любую резолюцию, если только она не определяет конкретно его практической деятельности, если она носит общий характер.

Поэтому пока дело идет о принципах, об общих решениях, реформистское крыло может казаться ничтожной величиной, чуть ли не существующей в одном только воображении, но как только встает вопрос практической работы, как только партии приходится взять на себя исправление конкретной практической ошибки, оно сразу становится доступным для глаза в своем действительном виде, сразу вырастает в значительную величину. Так случилось с правым крылом на съезде во Франкфурте, когда стал вопрос об отношении партии к голосованию социал-демократической фракции баварского ландтага за бюджет и вопрос о работе среди крестьян. Тогда только партия увидела, что она имеет дело не с одним Фольмаром и Грилленбергером, а с сильным правым крылом, которое имело на своей стороне $\frac{3}{8}$ делегатов партийного съезда.

Области распространения фольмаризма. Откуда же правое крыло черпало свои силы, из каких частей Германии вербовались ее сторонники? Ответ на этот вопрос не представляет никаких трудностей. Если мы по приложенным к протоколам съезда спискам делегатам просмотрим, какие организации делегировали на съезд большинство сторонников Фольмара, то мы увидим, что основную массу 93 голосовавших за Фольмара составили представители Баварии, Бюремберга, Гессена и Бадена, т.е. представители южной Германии. Правда, в число этих 93 делегатов входили и отдельные представители других организаций, например, Гамбургской, Ганноверской и др.; Саксония даже дала довольно компактную группу делегатов, голосовавших за Фольмара. Но тут необходимо иметь в виду следующие два обстоятельства: во-первых, хотя в числе 93 мы находим представителей многих партийных организаций и средней и северной Германии, только представители южно-германских организаций отдали все свои голоса, за самым ничтожным исключением, Фольмару, в то время, как представители других организаций, лишь как исключение, голосовали за

фольмаровскую резолюцию; во-вторых, после съезда, когда делегаты отчитывались перед своими организациями, целому ряду делегатов от северо-германских партийных организаций, голосовавших за Фольмара, был вынесен вотум недоверия¹⁾, в то время как южно-германские организации одобрили поведение своих представителей.

Если к этому прибавить, что именно баварские, баденские и гессенские социал-демократы голосовали в ландтагах за бюджет и что это было одобрено местными партийными съездами, что те же организации, как мы увидим при рассмотрении вопроса о работе партии среди крестьян, выработали специальные аграрные программы, включавшие в себя целый ряд пунктов о защите крестьян, как собственников, выработали их до того, как партия в целом даже обсудила этот вопрос—тогда нельзя будет не признать, что хотя Фольмар имел отдельных сторонников по всей Германии, базой фольмаризма являлась именно южная Германия.

Причины того, что южная Германия стала родиной реформизма, надо искать в экономической отсталости этой части страны. На втором баварском съезде партии Фольмар охарактеризовал свою страну следующими словами: «Мы в Баварии ни в коей мере не имеем дела со страной, в которой преобладает крупная индустрия. Бавария самое большое аграрное государство империи; более $\frac{4}{5}$ населения живет не в городах, но в сельских местностях. Типичный социал-демократический слой населения, промышленный и фаброчный пролетариат, является в Баварии небольшим меньшинством; средние и мелкие хозяйствственные предприятия и прежде всего крестьяне играют у нас большую роль. Общественные противоположности и вместе с ними классовые противоречия во всей стране и в частности в старой Баварии не так обострены и не так ожесточены, что влияет на весь образ мыслей населения»²⁾.

Этой характеристикой Баварии и дано по существу обяснение, почему в ней и в других странах южной Германии, где господствуют сходные отношения, возник и развелся оппортунизм.

Паннекук в книжке «Die taktischen Differenzen in der Arbeiter-Bewegung», в книжке, которую, между прочим, очень расхвалил и вкратце изложил для русского читателя Ленин³⁾, устанавливает, что один из источников оппортунизма в современном рабочем движении является неравномерное развитие капитализма, существование на ряду с высокоразвитыми в промышленном отношении областями отсталых областей с отсталой промышленностью и господствующими мелкобуржуазными отношениями. Он дает прекрасную характеристику условий, господствующих в отсталых областях, характеристику, которая вскрывает связь, существующую между экономической отсталостью страны и оппортунизмом в рабочем движении данной страны.

Классическим примером реформизма, вырастающего в подобных описанным Паннекуком условиях, является фольмаризм.

¹⁾ Об этом говорит Бебель и в речи 14 ноября 1894 г. («Vorwärts» № 268) и в статье в «Vorwärts» № 279.

²⁾ Protok. des II Parteitages in Bayern, 1894.

³⁾ Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. 2, стр. 133.

Вспомним фольмаровские взгляды на тактику партии. Они характеризуются: во-первых, неверием в силу пролетариата, неверием в возможность захвата им политической власти в более или менее близком будущем.

Во-вторых, сосредоточением внимания партии на завоевании мелкобуржуазных слоев и приспособлением к этим слоям всей деятельности партии.

В-третьих, иллюзиями по отношению к буржуазным политическим партиям, верой в возможность «истинно-дружественной» политики этих партий по отношению к рабочим.

В-четвертых, вытекающим отсюда сосредоточением деятельности партии на достижении реформ при помощи парламентских комбинаций, переговоров и соглашений с другими политическими партиями, фактическим отказом от тактики классовой борьбы.

Нет ничего удивительного в том, что такие взгляды выросли и глубоко привились в тех частях страны, где пролетариат малочисленен и распылен, где задают тон всей политической жизни мелкобуржуазные слои, где классовые противоречия сравнительно проявляются слабо, где политические условия благоприятны (по сравнению с другими частями Германии) для реформаторской парламентской деятельности.

Таким образом, можно сказать, что основным источником реформизма первой половины 90-х гг., реформизма, имевшего своим идеологом Фольмара и своей герриториальной базой южную Германию, является недостаточное развитие капитализма в стране или точнее наличие в стране с высокоразвитой промышленностью и мощным массовым рабочим движением отсталых областей с преобладанием докапиталистических форм производства.

Но наряду с фольмаризмом мы в эти же годы видим и другую струю реформизма, струю, шедшую как раз из наиболее передовых промышленных городов Германии, из рядов высококвалифицированной и наилучше-организованной части рабочего класса. Эта струя выявила во время дискуссии о профсоюзах; ее представители мы встретили среди голосовавших за фольмаровскую резолюцию о бюджете на Франкфуртском съезде (Лефф-Гамбург, Шумахер-Золингер).

Но эта струя только зарождалась в эти годы, ее развитие приходится на последующую эпоху, главным образом, уже на XX век и поэтому изучение ее выходит за рамки настоящей работы.

немало лестных отзывов со стороны центристских теоретиков, его теория никогда не становилась партийной теорией. Можно смело сказать, что среди русских марксистов гильфердинговская теория пользовалась большей известностью, чем среди немецких¹⁾. Официальной концепцией империализма в германском центре было каутсианство, рассмотрением которого мы и ставим своей целью заняться.

I. Заря (1898—1903).

В 1901 г. в книжке «Социал-демократия и торговая политика», написанной в связи с истечением в 1903 г. сроков важнейших германских торговых договоров и выступлением на политическую авансцену вопроса о дальнейших путях имперской торговой политики, Каутскому пришлось впервые связно характеризовать особенности современного капитализма. Молодое внешинчанье картелей и синдикатов, особенно в тяжелой индустрии; крутой аграрный протекционизм; быстро растущий в капиталистической среде вкус к промышленному протекционизму; рост цен, в особенности сельско-хозяйственных; агрессивная колониальная политика; стеснение экономической борьбы рабочего класса; государственная власть на службе правящей капиталистической клики и общее усиление политической реакции—вот не斯特рые черты новой капиталистической личины, заявившей о себе примерно в ту пору. Многое здесь было совершенно ново, теоретически еще не охвачено, политически не осмыслено. Однако то обстоятельство, что кое-что походило на старый, давно превзойденный этап (протекционизм, колон. политика и т. п.) и тем самым будило аналогии с неразвитыми, несовершенными формами капитализма, а также тот немаловажный факт, что социально-политические проявления новой системы вступали в резкое противоречие с абстрактным, «привычным» и «само собой разумеющимся» представлением об усилении демократических и культурных начал,—все это до чрезвычайности затруднило научный анализ новейших капиталистических явлений. Задачей марксиста становилось: дать диалектическую систематизацию этих явлений, т. е. понять, откуда, как и куда они растут, каждое в отдельности и все вместе, как единая система. Нельзя сказать, что Каутский не видел этой задачи и не попыгался ее разрешить. Удалось ли ему это?

Следующее место из книжки «Социал-демократия и торг. политика» показывает, как ясно и широко улавливал тогдашний Каутский природу нового капитализма. Читатель, надеемся, просит, если мы здесь приведем почти полностью главку под прекрасным названием—«Новая политика насилия».

«Насилие есть сущность карточного хозяйства (d. Kartellenwirtschaft); картели стараются насильственными средствами сразить, подавить своих противников пока еще не ружьями и пушками, а насильственными мерами экономической борьбы...

¹⁾ Впрочем, позже—во время и в особенности после войны—посложениями и аргументацией Гильфердинга широко воспользовался открытый оппортунизм.

Каутсианство в теории империализма.

(Из теоретической эволюции с.-д. центра).

Э. Лейкин.

Из рядов германской социал-демократии выпло несколько концепций новейшего капитализма. Одна из них представляла грубое оправдание современных отношений и подчинение рабочей политики интересам империализма. Из признания необходимости империализма она делала теоретическую основу для национал-либеральной (а подчас и национал-империалистской) политики. Именно про эту позицию Парвус сказал еще в период ее первого оформления: «Она ограничивает свою критику лишь внешними проявлениями и сохраняет оппозиционное положение исключительно по милости колониальных бандитов и разных негодяев, заботящихся о заполнении газетной рубрики «колониальных ужасов». Другая концепция также не сомневалась в исторической необходимости империализма. Из этого она делала, однако, теоретический вывод, что мы переживаем предельное развитие капиталистического способа производства, и политический вывод, что рабочему классу пора взять курс на революционное разрушение капитализма. Это—наименее оформленная из всех социал-демократических концепций новейшего капитализма, она в значительной мере во власти неразрешенных противоречий, ее теоретические положения систематически не проработаны и ее экстремизм порой слишком бесцеремонно обращается с реальными отношениями. Кроме того, под руками одного из ее представителей—Розы Люксембург—она приняла явно ошибочную форму. Зато в работах других ее представителей находится немало элементов для построения подлинной марксистской теории империализма. Это относится к Парвусу, Паннекуку, Леншу и тов. Радеку. Наконец, третья концепция, вышедшая из недр германской социал-демократии, порождена «центром». Она отрицает империализм, как переходный этап от капитализма к социализму. Она живет старыми хорошими книгами и отказывается признать современные отношения, если в этих книгах ничего про них не написано. Она боится решительных действий, которые диктует современная экономика. Она надеется вернуть старые, родные отношения «мирного», «свободного» капитализма: ведь он мог бы так просто, так безмятежно подвести вплотную к социализму! Ее выразитель и автор—Каутский, который сам развивался и ее развивал в полном соответствии с эволюцией центризма. Что касается Гильфердинга, то, хотя он и вышел из того же центра и синекдал

Не менее насилинически поступают картели-монополисты (Kartellemonopolisten) с заграницей. Сначала они стараются путем бросовых цен уничтожить там своих конкурентов. Они могут себе позволить более продолжительное понижение цен за границей, когда покровительственные пошлины так высоки и картели процветают настолько, что промышленники в состоянии на внутреннем рынке поднять цены выше нормального и через посредство вздорожания продуктов в своем отечестве получить добавочную прибыль, которая вознаграждает их за грязную конкуренцию на мировом рынке. Но так как конкурент начинает подражать этим благородным приемам, они вскоре оказываются недействительными.

Тогда идут дальше и стремятся насилиевенно приобрести рынок, на котором занимали бы преимущественное положение. На сцену выступает колониальная и экспансивистская политика. Эта политика в свою очередь вызывает конфликты или угрожает конфликтами между конкурирующими промышленными державами, борьба при помощи насилий экономических мер грозит перейти в борьбу при помощи пороха и свинца, динамита и лидита. Дальнейшие приготовления, необходимые для войны, идут опять-таки на пользу картельного хозяйства; следствием всего этого являются все умножающиеся колониальные авантюры, все умножающиеся опасности войны.

Таким образом, вместо духа свободной торговли, усиливается дух насилия у индустральной буржуазии. Раньше мирно настроенная, она мечтала о вечном мире, осуждала войну, как остаток средневекового варварства, могущий служить только династическим и феодальным целям; в настоящее время она сама все более преисполняется духом насилия, как бы горько ни плакались по сему поводу единичные ее идеологи.

Протекционизм только звено в этой цепи новой индустриальной системы, которая представляет собою новейшую и вероятно последнюю форму проявления капиталистического способа производства. Но кто признает одно это звено, тот должен, если он хочет быть последовательным, признать и остальные звенья, которые с ним связаны логически¹⁾.

К сожалению, это замечательное место служит Каутскому лишь для характеристики общего экономического и политического тона «новой индустриальной системы». Теоретический же анализ Каутский ведет по совершенно иному пути, который не только проходит, не задевая, мимо наиболее глубоких из цитированных положений, но большей частью противоречит им.

«Современный способ производства зиждется на разделении труда между промышленным и аграрным государством и на все увеличивающемся вывозе промышленных продуктов из первого и аграрных из второго» (стр. 116). «Необходимость

¹⁾ Цит. по переводу Г. Радомыслского, СПБ. 1906, изд. Врублевского, стр. 50—51; перевод несколько исправлен нами по второму немецкому изданию, Berlin 1911.—Ср. также стр. 48.

вывозить промышленные продукты для обмена их на аграрные является следствием возрастающего накопления капитала» (стр. 121).

В этих словах Каутский дал лучшую формулировку своих теоретических взглядов в рассматриваемый период. Расплывчатость, бесцветность и недоработанность формулировки хорошо отражают состояние представлений ее автора. При обяснении отдельных вопросов эти коренные представления проводятся, впрочем, с достаточной настойчивостью.

Первое. Протекционизм.—«Новая покровительственная система есть система современного государства, вывозящего продукты промышленности и ввозящего жизненные припасы... В современной покровительственной системе главную роль играют аграрные пошлины, они центр, гвоздь, вокруг которого вращается все, а промышленные пошлины являются только более или менее важным придатком. При старой покровительственной системе было наоборот» (стр. 54—55)¹⁾.

Второе. Экспорт капитала.—Взникающие для Каутского логические затруднения «преодолеваются» таким способом, что вывоз промышленного капитала в денежной форме (капитальные инвестирования за границей), представляющий характерную сторону процесса, подменяется в рассуждениях Каутского вывозом средств производства (товарным экспортом). Теоретическая конфигурация у Каутского чрезвычайно проста: старый капитализм вывозил средства потребления (текстиль), новый вывозит средства производства (машины и т. д.); и в этой перемене должна, между прочим, особенно наглядно оказаться закреплявшаяся система взаимоотношений между индустриальной и аграрной страной... Но как же быть с растущим в наше время прямым вывозом капиталов за границу (финансирование и т. д.)? Для Каутского—это только средство передовой страны развивать собственную промышленность, но средство сомнительное, ибо промышленность здесь «сама оплатила свой расцвет»²⁾.

Но как же быть с тем обстоятельством, что именно (и только) индустриальное развитие отсталой страны раньше и прежде всего сокращает ее ввоз предметов личного потребления и повышает ее спрос на средства производства? Не говорит ли это о том, что явление, выдаваемое Каутским за взаимоотношение между индустриальной и аграрной страной (экспорт капитала в виде средств производства), есть в действительности взаимоотношение между индустриальной и индустриализующейся страной?

Третье. Стремление индустриальных стран монополизировать рынки аграрных стран.—Каутский занимается в рассматриваемой брошюре двумя путями этого стремления. Во-первых, идейей новых таможенных союзов (панамериканской и т. д.).

¹⁾ «Альфой и омегой новейшей протекционистской политики являются аграрные пошлины... т. е. плюс всего пошлины на зерновой хлеб, дерево и т. д.» (74). То же в выступлении на Штутгартском парлайтаге 1898 г.: «Ныне промышленные пошлины представляют лишь коррелат хлебных». «Handbuch d. S. Parteitag von 1863 bis 1909», München 1910.

²⁾ Пример: Россия покупает в Европе промышленные продукты. «Деньги для этого она получает от Бельгии, Франции, Германии и покупает на эти деньги производства промышленности тех же стран—корабли, рельсы, машины и т. д. Промышленность этих стран расцветает, но она сама оплатила свой расцвет» (стр. 58).

канский, средне-европейский, «большой Британии»). Он считает неизбежной неудачу этой идеи по той причине, что, в отличие от старых таможенных союзов прошлого века, «современные планы таможенных союзов стремятся к об'единению тех государств, из которых каждое ведет самостоятельную политическую и экономическую жизнь, которые стоят на различных ступенях развития, из которых каждое поэтому нуждается в особой политике. Все торгово-политические противоречия, которые могут встретиться внутри государства в форме классовых противоречий, выступают здесь в форме государственных противоречий борющихся между собою классов» (стр. 114). Чтобы не опорочить своей схемы, Каутскому пришлось, след., перевернуть действительные отношения. Кому не ясно, что если планы гаможенного об'единения передовой и отсталой страны не осуществимы, то это не потому, что у аграрной и промышленной страны несогласуемые интересы, а наоборот,—главным образом, потому, что по пути согласования этих интересов встает в молодой стране растущий индустриальный капитализм. Заго по Каутскому должно получиться, что вполне возможны таможенные об'единения индустриальных стран, как экономически однородных: не чувствуется ли здесь, в 1901 г., совсем легкое дуновение будущего ультраимпериализма?

Во-вторых, «стремления великих индустриальных стран монополизировать часть всемирного рынка» приводят к «покорению аграрных стран посредством политики экспансии, насилиственного империализма». Но «скоро последние будут совершенно разделены, а потом к расширению монополизированной области остается только один путь: не борьба между промышленным и аграрным государством, а кровавая борьба великих промышленных держав между собой—всемирная война».

И окончательный вывод схемы Каутского в ту пору гласил: «Всемирная война является только одной альтернативой современной, стоящей на краю гибели, всемирной торговой системы; вторая альтернатива—это социалистическое общество» (116—117). В какой мере в этом противопоставлении говорил марксист, читатель увидит в конце главы.

Мы привели вкратце и словами автора теоретическое понимание современной стадии капитализма, которое развивал Каутский в 1901 году. Внутри этой системы взглядов не оказалось логически законного места для «карельного хозяйства». Последнее располагается у Каутского вне основной схемы или—вернее—привносится в нее Каутским извне: «карельное хозяйство» таким образом не определяет основную закономерность современного капитализма, но и не порождается ею. Но тогда «карельное хозяйство» только усиливает имманентные тенденции «новой индустриальной системы», само же оно растет из иных, для этой системы побочных и безразличных источников, и потому не может иметь для нее чинуидельного характера. И действительно, в резюмации о горячей политике, предложенной Каутским Штуттгартскому парламенту 1898 г. и принятой с'ездом, два пункта посвящены зловредности системы картелей и трестов для экономического развития.

Но если о картелях можно сказать только то, что они вредят капиталистическому развитию, то что остается от «новой инду-

стриальной системы»? Ведь тогда оказывается, что эта «новая система» совершенно не отличается качественно от доброй старой капиталистической системы; ведь признает же Каутский, что внешняя политика классической Англии в ее классический капиталистический возраст представляла стремление индустриальной страны в аграрные области. Сущность новой индустриальной системы оказывается простым количественным развитием старой. И лучшим доказательством того, что в своих представлениях о современной экономике Каутский не выходил за пределы классического капитализма и что за количественными изменениями он проглядел модификацию капиталистической системы, служит метод, применяемый им при критике протекционизма и экспорта капиталов—он критикует эти явления с точки зрения их выгодности для капиталистического хозяйства. Многие страницы испытываются аргументами и цифровыми выкладками, которые призваны доказать, что сам капитализм «не заинтересован» ни в протекционизме, ни в экспорте капиталов. Что «для промышленных стран, как Германия, Франция, Соединенные Штаты, Англия, свобода торговли является наименшим из зол» (стр. 60). Что производительные силы, которые иначе остались бы внутри страны, перетекают за границу, и развитию иностранной промышленности оказывается поддержка за счет промышленности собственной страны» (стр. 61). Что протекционизм, экспорт капиталов, колониальная политика выгодны только группе привилегированных капиталистов, в особенности, хозяев тяжелой индустрии, весь же капиталистический мир стонет от них и т. д. и т. п.¹⁾.

Для Каутского 1901 г. современный капитализм есть испорченный капитализм,—капитализм, развивающий до крайности свои отрицательные свойства, в первую же голову чрезвычайно усиливающий эксплуатацию рабочего класса и гнет над потребителями. Задача социал-демократии—отсекать эти вредные наросты в капиталистическом организме и тем самым обеспечить также нормальное и быстрое развитие производительных сил, правда, в ущерб некоторым группам капиталистов. Реальная ли такая политика? Такого вопроса у Каутского, конечно, нет. Вся книжка о торговой политике построена на отсутствии такого вопроса. Но этот утопизм коренился в неизбежной противоречивости рабочей политики, поскольку она (политика) в эпоху империализма не делает своей основой и своим центром подготовку социалистической революции. Не приходится, конечно, винить

¹⁾ Так современную колониальную политику тогдашний Каутский оценивает следующим образом (1894 г. «Aeltere und neuere Kolonialpolitik», в «N. Zeit», 16—1, стр. 806 и сл.). «Если ближе посмотреть, то найдешь, что не потребности промышленного развития создали новейшую фазу колониальной политики, а, с одной стороны, потребности тех классов, интересы которых стоят в противоречии с потребностями экономического развития, и, с другой стороны, потребности государства, интересы которого противоречат интересам развитой цивилизации. Другими словами, так же как и таможенная политика, новейшая фаза колониальной политики есть дело реакции. Для экономического развития она совершенно не необходима, напротив того, даже вредна». См. также ст. «Милитаризм и социализм в Англии», написанную во время англо-бурской войны (сб. «Очерки проблем международного капитализма», СПБ. 1906, стр. 316).

Под Знаменем Марксизма.

Каутского 1901 г. за проповедь нереальной торговой политики¹⁾). Нереальность росла из неоформленности отношений, характеризующих переходную стадию от развитого капитализма к загнивающему капитализму. «Хорошая» реальная политика была в то время к услугам только тех рабочих вождей, которые ориентировались на притупление классовой борьбы, на консолидацию «национальных интересов», т.е. империалистических вождей рабочего движения. Макс Шиппель уже в 1898 г. проводил «реальную» политику не за страх, а за совесть.

Мы видим, что Каутский 1901 г., наблюдавший рождение «новой индустриальной системы», не сумел теоретически охватить богатство новых явлений и новых форм и понять их как систему. Его анализ односторонен. Он видел только противоречия новой системы, но не заметил, что это—противоречия прогрессивных факторов и прогрессивного процесса. Между тем, только эта противоречивая прогрессивность и позволяет говорить об «индустриальной системе» современного капитализма. В «картельном хозяйстве» Каутский видел только «политику насилия», но не хотел понимать, что картели и тресты—это стихийно растущая тенденция к плановому хозяйству, неизбежно иррациональная при капитализме, а погрому насилиственная и болезненная. В протекционизме и экспорте капиталов Каутский видел только сгущение производительных сил и расширение капиталистической эксплуатации, но не замечал, что экспорт капиталов и протекционизм—это естественный, неизбежный, но неизбежно-антагонистический и насилиственный метод, которым современный капитализм развивает мировое хозяйство.

Мы живем в период «новейшей», должно быть, последней формы проявления капиталистического способа производства,— пишет Каутский в 1901 г. (стр. 51). Но почему же это последняя форма? Ведь если возможно побороть вредоносные свойства современного капитализма, то он будет прекрасно развиваться и дальше. Реформист на такой вопрос отвечает: современный капитализм есть капитализм, организационно, а следовательно, мирно врастаящий в социалистический строй. Но откуда Каутский, революционер настолько, что оказывается даже принять организационные формы современного капитализма, откуда Каутский берет свой вывод о последней форме проявления капиталистического способа производства? А вот откуда:

«Мы приближаемся к такому моменту, когда разделение труда между промышленным и аграрным государством все более и более суживается, благодаря тому, что первые все больше перевешиваются вторые. Как только такое количество аграрных государств превращено в индустриальные, что остаток оказывается недостаточным для того, чтобы погре-

¹⁾ Вот, что Каутский предлагал в качестве экономической программы соц.-дем.: «Открытая и честная политика долгосрочных торговых договоров с обоюдной гарантией так наз. наибольших преимуществ, политика, с достигающей возможно больших уступок от противной стороны тем, что и сама не склонится на них, политика, не ограниченная никаким минимальным тарифом, политика, которая, с одной стороны, заботливо избегала бы провоцирования открытой таможенной войны и—с другой—отвергала бы скрытую таможенную войну с помощью вышеуказанных жалких мер (двоякий тариф, вывозные премии и т. д. Э. Л.)—вот та торговая политика, которая нам ныне нужна» (стр. 103—104).

бить все продукты индустриальных государств и не в состоянии доставить им нужное количество жизненных припасов и сырого материала, тогда это разделение труда достигло своей конечной цели. Не следует, однако, думать, что здесь идет речь об очень далеком будущем» (курсив мой. Э. Л.). К тому же «нельзя ожидать, что товарная торговля, вытекающая из положения всей общей задолженности, долго переживет разделение труда между промышленными и аграрными государствами».

«Но этим уничтожаются те основы, которые до сих пор делали возможным то быстрое развитие индустриального экспорта, которое стало необходимым условием существования развитых капиталистических индустриальных стран.

Что же тогда остается? Тогда непременно настанет такой момент, когда теперешняя торговая система так же рухнет, как рухнула манчестерская во второй половине 70-х г.г.».

Это рассуждение проливает свет на исторические этапы теории империализма и помогает понять теоретическую эволюцию не одного Каутского. Не подлежит сомнению, что, в частности, Р. Люксембург построила свою теорию под впечатлением взглядов Каутского—господствующих взглядов в германской соц.-демократии. Что касается самого Каутского, то надо сказать, что эту свою теорию крушения капитализма он логически вывел из основного своего тезиса, характеризующего современный способ производства, как основанный на разделении труда между аграрными и индустриальными странами.

Итак, близок момент, когда «теперешняя торговая система так же рухнет, как рухнула манчестерская во второй половине 70-х г.г.». А дальше? Как представляет себе Каутский дальнейшее развитие? Ответ находим в его статьях, посвященных англо-бурской войне.

Основная мысль статей: «Времена либерализма миновали, и мы никогда к ним больше не вернемся» (327). Знамя свободы и антиимпериализма, уроненное буржуазией, должен поднять пролетариат. На развивающихся манчестерства борются за господство над умами английского пролетариата две идеи—социализм и империализм. В конечном итоге «манчестерские взгляды заменятся только социалистическими, которые как раз во внешней политике, и именно в политике колониальной, мало отличаются от манчестерских» (308). «Если политика господ Рода и Чемберлена потерпит крушение, то это послужит могучим толчком делу социализма и в то же время увеличит надежды на развитие демократическим, следовательно, относительно мирным путем». «Чем больше будет это выясняться, тем скорее станут склоняться широкие массы британского пролетариата к дальнейшему развитию теперешней капиталистической системы в смысле социализма, вместо того, чтобы стремиться к империализму» (112) (Сб. очередн. проблемы международного социализма. СПБ. 1906).

Так вот какой социализм имел в виду Каутский, когда упоминались две альтернативы ближайшего развития! Социализм, к которому он звал, был уже в ту незапятнанную зарю центризма «демократическим» дальнейшим развитием теперешней капиталистической системы в смысле социализма».

II. Дерзания юности (1905—1909).

В тот период, которым нам предстоит сейчас заняться, взгляды Каутского на современный капитализм излагались, главным образом, в связи с колониальной проблемой, именно в связи с полемикой об отношении соц.-демократии к современной колониальной политике, разыгравшейся, примерно, в 1905—1909 г.г. в международной социалистической среде. В первую голову мы имеем в виду книжку Каутского «Sozialismus u. Kolonialpolitik», Br. 1907, написанную в период Штутгартского конгресса II Интернационала.

То было время, когда основные отношения империалистической эпохи вполне открытияализовались. Непрестанные международные конфликты, концентрировавшиеся вокруг колоний, некоторые из которых привели к войнам (боксерская война 1900 г.; Англия против Тибета; Германия против геррера; русско-японская война), а каждый из остальных представляя без пяти минут войну; неистовый рост вооружений и поднимающаяся среди обывателей всех стран волна «патриотизма», т.е. шовинизма; наступление реакции, поддерживаемой и подталкиваемой финансовым капиталом. Основные отслоения произошли уже и в рабочем движении. Консолидировался оппортунизм, обогатившийся даже фракцией социал-империалистов (особенно Лейтнер). И, оглядываясь на ту эпоху с расстояния двух десятилетий, заполненных такими великими проверками, как война и послевоенная борьба рабочего класса, мы видим, что и «центр» к тому времени вполне сложился и политически определился, и то 4 августа, которое современникам казалось круглым поворотом, изменой вчерашнему дню, мы вынуждены расценить как совершенно закономерное развитие тенденций, владевших «центром» уже в рассматриваемый нами период. Возьмем, к примеру, колониальный вопрос, близко стоящий к нашей теме. Бернштейн в Штутгарте обосновывает свою старую программу социалистической колониальной политики. «Большая часть нашего хозяйственного существа построена на продуктах из колоний, с которыми туземцы не знали бы что предпринять». Да и в Штутгарте же издается над Ледбуром, запищающим освобождение колоний: «Не гуманность господствовала бы тогда в колониях, напротив, они снова впали бы в варварство», а голландец Ван-Коль, докладчик, возглашает: «С оружием в руках должны мы пойти в колонии!... Каутский берется против социалистической колониальной политики с прямотой и настойчивостью подлинного марксиста-революционера. Но Каутский лишь теоретик центра. Ну, а действительные руководители центра (к нему Каутский, в сущности, никогда не принадлежал), как они держали себя в этом, величайшей важности, споре? Бебель еще в 1906 г. в рейхстаге развивал идею цивилизаторской колониальной политики. Пауль Зингер на Эссенском парламентарии 1907 г., докладывая от имени правления партии о Штутгартском Интернациональном конгрессе, высмеял весь спор. Он сказал: «Это был, в действительности, больше спор о словах, чем глубокое принципиальное расхождение». И доб-

ил: «Я вообще считаю, что для нас, соц.-демократов, ошибочно и чревато извращенными представлениями орудование словом «колониальная политика». То, что мы можем требовать в нашем обществе и что мы должны требовать (поскольку речь идет о фракции рейхстага) и при современной колониальной политике, это—напротив того—цивилизаторской политики¹⁾.

Характерно, что в это же, примерно, время Жорес проводил «мирное проникновение» в Марокко, а Вандервельде в замечательной по-своему статье о колониальной политике («N. Z.», 1907—I, стр. 829), с восхитительной ловкостью, извиваясь как уж, рассыпая клятвы социализмом, классовой неизвестностью, последним и первым днем творения, запутывает колониальный вопрос с колониальным. «Характер спора о колониальной политике должен перемениться, исходя из того неоднородного факта, что вопрос — следует ли колонизировать или не следует — скоро сохранит исключительно исторический интерес, при чем в отношении колоний для эксплуатации еще в гораздо большей мере, чем в отношении поселенческих колоний». Выводы понятны: за социалистическую колониальную политику, хотя и не названную своим именем. Но вот что самое замечательное: в своей отвергнутой статье («Soz-sche Kolonialpolitik», «N. Z.», 27—2) Каутский не противопоставляет ничего положительного и, погратив яркие выражения на доказательство фантастичности плана Вандервельде «помочь туземцам пройти путь, который их в один прекрасный день приведет к независимости», он в то же время принимает положение Вандервельде о необходимости переменить характер спора. Умный Зингер, быть может, был не так уже неправ.

Так или иначе, описываемые годы были лучшим временем Каутского. Именно к этому короткому времени (после революции 1905 г.) относится его известная оценка нашей революции, его горячие выступления против милитаризма²⁾, его критика социалистической колониальной политики, его левые выступления о всеобщей стачке, его решительная позиция по налоговой политике. Про одну из написанных им в этот период работ «Sozialismus u. Kolonialpolitik» (1907) Ленин сказал: «Эта пропора писана еще в те бесконечно далекие времена, когда Каутский был марксистом³⁾. А про «Путь к власти» (1909) Ленин писал: «самое цельное, самое благоприятное для немецкого социал-демократа (в смысле подаваемых им надежд) изложение взглядов на задачи нашей эпохи⁴⁾. Да, именно в смысле подаваемых надежд. Ибо величайшее противоречие «центра» и глубокое основание внутреннего его бессмыслицы заключается в том, что в эпоху предельного развития капитализма, т.е. в эпоху предельного углубления его антагонистических свойств, люди, писавшие на своем знамени насилиственное унижение капитализма, ориентировались в практике—а там и в теории—на смягчение капиталистических противоречий. «Центр»

¹⁾ Handbuch d. Parteitage, стр. 238.

²⁾ В 1905 г. Каутский отверг критерий оборонительной и наступательной войны для нашей эпохи; см. его статьи в «N. Zeit», а в Штутгарте и Эссене он выступил с большим огнем против этого критерия.

³⁾ Примечание № 98 к «Империализму».

⁴⁾ «Мертвый шовинизм и живой социализм» в сб. «Против течения».

отражал в себе неизбежную внутреннюю противоречивость массового рабочего движения, поскольку оно в эпоху империализма продолжает пользоваться направлением, соответствующим доимпериалистическому развитию капитализма и не выходит за его границы. Рано или поздно это противоречие находит свое естественное (и единственное) разрешение—рабочее движение меняет свое направление, берет курс на революцию. Каутский по многим причинам был приспособлен к тому, чтобы изжить центризм рано, а не поздно. Прекрасное знание Маркса и Энгельса, теоретическая закалка в борьбе против ревизионизма¹⁾, отсутствие связи с профессиональным движением, питавшим наиболее глубокие корни оппортунизма, сравнительно слабая партийно-бюрократическая и партийно-парламентская работа, создавшая психологический тип социал-демократического вождя,—все это делает понятным, почему именно Каутский был тем человеком, который «подавал самые благоприятные для немецкого социал-демократа надежды». Увы,—он их не оправдал. «Официозный теоретик»²⁾ перевесил все задатки и все предпосылки революционера.

Но в тот период судьба Каутского еще не была решена. Он писал:

«Ныне социализм стал уже экономической необходимости, а время его прихода—только вопросом власти. Доставить эту власть пролетариату—вот сегодня больше чем когда-либо важнейшая задача социал-демократии. Нет ничего более странного, чем те социалисты, которые считают, что на ряду с этим следует заботиться о дальнейшем развертывании сил капитализма» («Sozialismus u. Kolonialpolitik», стр. 37). «Пролетариат в настоящее время так окреп, что он с большим спокойствием может ожидать надвигающуюся войну. О прежде временной революции не может быть больше речи в то время, когда пролетариат извлек из данной государственной основы столько сил, сколько можно было из нее отчленить, и когда ее перестройка стала условием его дальнейшего подъема» («Путь к власти», Итт. 1918, 73). «Заботливые друзья боятся, как бы социал-демократия путем революции не пришла преждевременно к государственной власти. Но, если возможно для нас преждевременное достижение государственной власти, то это будет приобретением призрака власти перед революцией, т.е. раньше, чем пролетариат завоевал действительную политическую власть. Пока это не удалось, социал-демократия может принять участие в государственной власти, лишь продержав свою политическую силу буржуазному правительству. Пролетариат, как класс, при этом никогда не может выиграть; в лучшем случае могут выиграть только парламентарии, которые заключили торговую сделку» («Путь к власти», 78).

Подобных цитат можно привести немало из тогдашних писаний Каутского. См. особенно почти программу

¹⁾ Правда, в этой борьбе Каутский по ряду существенных вопросов не сумел уловить коренные ошибки ревизионизма. Каутский часто принимал бой на немарксистской платформе, принимал подсываемую Бернштейном ошибочную постановку вопроса, воюя с ним в пределах этой постановки. Пример тому см. ниже, в заключительной главе.

²⁾ Выражение Розы Люксембург.

ную ст. «Positive Arbeit u. Revolution», «N. Z.», 27—2. Каков же тот теоретико-экономический фундамент, на котором покоялась эта блестящая революционность?

Теория современного капитализма, развиваемая Каутским в 1907 г., состоит в следующем:

1. «Производство все снова и снова находит свою границу в рынке. Если капиталистический способ производства в величайшей степени повышает производительность в выработке массовых продуктов, то одновременно он ограничивает массовое потребление рабочих, которые производят эти продукты, до минимума, т.е. производит все больший избыток массовых предметов личного потребления, который должен быть продан вне рабочего класса. Место для сбыта этого излишка создается, прежде всего, уничтожением примитивной сельской домашней промышленности и ремесла, сначала в своей стране, затем в других странах. Но такого рода расширение рынка идет значительно медленнее, чем расширение производства. Время от времени последнее все снова нападливается на препятствия» («Soz. u. Kol.-pol.», 35).

2. Стремительно суживающийся потребительский базис приводит уже в 80-е годы старые капиталистические страны к затяжному кризису. Кризис этот не разрешим нормальными капиталистическими методами, т.е. методами, присущими здоровому, прогрессивному капитализму, развивающему производительные силы. Это доказывает, что капиталистический способ производства себя изжил. Казалось, что расширение рынка для предметов личного потребления подошло к своему пределу. Оставался, как будто, один путь: увеличение потребления рабочего класса. Преодоление капиталистов, ближайшие интересы которых противостояли расширению пролетарского потребления, и победа рабочего класса стали, казалось, настойчивой экономической необходимости, осуществление которой должно произойти в короткий срок» (Там же, 36).

3. Поэтому капиталисты вынуждены преодолевать сужение потребительского базиса противовесными методами. Они нашли ряд выходов, чтобы продлить свое господство, правда, все они сводились к тому, чтобы, с одной стороны, сжать производительность труда, а с другой—усилиенно расточать на ветер продукцию. Этим капиталисты добиваются того, что производство идет вперед, временами даже исключительно удачным темпом, но за счет производительности труда, который частично тормозится, частично растрачивается без пользы» (36). Каковы же эти противовесные методы?

4. Во-первых. Ограничение внешней конкуренции путем протекционизма, при чем «вводятся не только индустриальные, но и аграрные попытки», а это явственно показывает, что задача протекционизма не в ускорении промышленного развития, а в обеспечении сверхприбылей собственникам средств производства за счет потребителей, путем сокращения потребления» (36).

5. Во-вторых. Ограничение внутренней конкуренции посредством предпринимательских обединений. «Не усовершенствование техники, а усовершенствование предпринимательской организации становится теперь решающим фактором прибыли». Реализация сверхприбылей посредством взвинчивания монополь-

ных цен, которое осуществимо тем лучше, «чем меньше масса произведенных товаров, т.-е. их предложение на рынке» (36, 37).

6. В-третьих. Милитаризм. «Человечество никогда еще не видело такой отвратительной и колоссальной системы сужения производительных сил». «Но капиталистический способ производства так далеко зашел, что он в этом безумии нуждается, если хочет продолжать эксплуатацию трудящихся масс» (37, 38).

7. В-четвертых. Экспорт капитала. Чтобы избежать необходимости производить все больше средств потребления для рабочих собственной страны, капитализм производит все в возрастающей мере средства разрушения и производства и пути сообщения для заграницы, «т.-е. преимущественно для экономики отсталых аграрных стран». Но, чтобы те могли купить предназначенные для них товары, капиталисты экспортрующей страны доставляют им нужные деньги и тем самым остаются собственниками всех этих сооружений и средств. «Капиталисты здесь вывозят свою продукцию не в качестве товаров для продажи, а в качестве капитала для эксплуатации». Не следует, однако, думать, что эта система развивает производительные силы аграрных стран¹⁾.

8. В-пятых. Интересы экспортного капитала рождают колониальную политику. Но и колониальная политика представляет «средство продлить жизнь капитализма не ускорением развития производительных сил, но их задержкой» (44).

Разберемся во всем этом теоретическом построении.

Первое, что бросается в глаза, это значительный шаг вперед по сравнению со взглядами 1901 г. Топорный, бесформенный примитив разделения труда между индустриальной и аграрной страной, в качестве «основы современного способа производства», уступил место теории реализации. В двух-грех частных вопросах встречаются формулировки, представляющие даже не развитие старых взглядов, но прямой отказ от них. Так, если прежде гвоздем современной таможенной системы считались аграрные пошлины, промышленные же рассматривались как прилагок к ним, то теперь дело рисуется как раз наоборот: вводятся де «не только индустриальные, но и аграрные пошлины». Но, конечно, самое существенное—это попытка охватить все наиболее характерные черты современной экономики, исходя из одного принципа—растущих затруднений реализации. Еще в 1902 г. в «Теориях кризисов» Каутский приходит к этому принципу. «Спрос со стороны капиталистов и эксплоатируемых ими рабочих оказывается недостаточным для поглощения средств погребления, создаваемых крупной капиталистической промышленностью. Последняя должна искать добавочного рынка за пределами капитализма—в отраслях и странах, не производящих еще по-капиталистически» (Русское изд. 1923 г., стр. 36). Но только в 1907 г. эта общая тенденция капиталистического развития была рассмотрена в применении к современному отрезку этого развития и, тем самым, была предложена развернутая теория современного капитализма.

«Новая индустриальная система», для которой у Каутского не нашлось теоретического места в 1901 г., в теории 1907 г.

¹⁾ Подробное развитие этой мысли см. там же, стр. 39—41.

недурно умещается. Достигается это посредством того основного положения, согласно которому тенденция к росту затруднений реализации приводит в 80-е годы к невозможности реализации при старых методах капиталистического хозяйствования. «Новая индустриальная система» здесь выступает как единственный метод, который еще остался капитализму, если он хочет продолжать выколачивать прибавочную стоимость. Поэтому капиталистические об'единения, колониальная политика, милитаризм рассматриваются теперь Каутским как явления, которые могут исчезнуть лишь вместе с капитализмом. «Преодоление милитаризма, также как и системы картелей и трестов, ныне возможно только через социализм» (38). То же и относительно колониальной политики, которая у Каутского выступает лишь следствием экспортного капитала (стр. 75 и сл.). С протекционизмом, правда, не так гладко¹⁾.

Итак, конститутивным началом «новой индустриальной системы» является затруднение реализации, выросшее и переросшее в невозможность реализации. Но разве капиталистические об'единения не представляют простого и прямого результата концентрационных и централизационных процессов в капиталистическом обществе? Спору нет, трудности реализации (в особенности длительная депрессия) ускоряют эти процессы,—но разве без непрерывного роста затруднений реализации процессы эти не привели бы к картелям и трестам?

А капиталистическая экспансия (в данном случае—экспорт капитала) разве не является капиталистическим и капиталистически нормальным методом развития мирового хозяйства? Почему следует считать естественным, прогрессивным, нормальным развитие капитализма в пределах старых европейских государств, а выход капитализма в Азию и т. д. оценивать, как противостоящее цепляние капиталистов за их способ производства, ставший экономически консервативным?

А дальше прямое противоречие, к которому приводит каутскиевский принцип каутскианской теории: постоянный и расходящийся избыток средств погребления смягчается (изживается) системой усиленного производства средств производства; одну из относящихся сюда формулировок Каутского мы привели выше, когда излагали его взгляды на экспорт капитала. Но тогда перед нами старая-престарая теория «систематического излишка», которая даже не обновила своего словесного костюма.

Еще дальше. В схеме Каутского все четыре отмечаемых им признака современного капитализма—капиталистические об'единения, милитаризм, экспорт капитала и порождаемая последним колониальная политика—теоретически, так сказать, равнозначны и равносильны. Они все параллельно один другому вытекают из предельно-сузившегося базиса потребления. Но не голое ли это потребление, не продуманное синтетически? Нет ли между этими четырьмя явлениями более глубоких взаимных связей и зависимостей, таких, благодаря которым некоторые из них (явления) составляют лишь производное от других? Словом, не характерна

¹⁾ У Каутского нельзя найти в 1907 г. достаточно ясно и недвусмысленно выраженного мнения на этот счет, а в 1904 г. он объявил режим пошлины, которым ознаменовала себя третья республика, «близорукостью промышленников» («Республика и с-д-ия», Пгр. 1920, 109).

ли для указанных явлений в и у т р е н и я с в я з ь , а не только внешняя, через равно отдаленный от них узкий базис потребления?

Натянутость схемы Каутского бьет в глаза. Но, конечно, она выше и богаче первобытных взглядов 1901 г. В известной мере она также выше, интереснее, нежели будущая теория Рози Люксембург, которая, правда, одета в совершенно своеобразную форму — критики марковых схем воспроизведения, но по своему содержанию представляется шаг назад от Каутского, именно потому, что Каутский попытался дать обяснение разнообразию современной капиталистической действительности. Роза же застыла на формулировке закона, общего для всей капиталистической истории. Ее крупной заслугой в истории политической экономии остается при этом, разумеется, тот факт, что, предложив наиболее разностороннее и глубокое обоснование теории систематического излишка, особенно сильное именно потому, что оно было открыто направлено против Маркса, Роза Люксембург неудачей своей критики окончательно опорочила скептическую теорию о капиталистическом развитии.

Мы должны обратить внимание на ту сторону взглядов Каутского, которая родит схемы 1901 и 1907 г.г. при всем различии грубого наброска и отделанной работы, которое им присуще. Читатель заметил, конечно, что все современные хозяйствственные формы, всю «новую индустриальную систему» Каутский представляет исключительно в огрицательном свете. Пока речь идет о милитаризме, это полностью согласуется с непосредственным пониманием и очевидностью. Но, когда дело доходит до экспорта капитала, Каутский не стесняется «забыть» ту азбучную истину, что проникновение капитализма в натуральную среду не только разоряет коренное население, но и полярит его, перерождает натуральные отношения в капиталистические и этим адски-болезненным процессом развивает предпосылки к превращению застойного феодального хозяйства в накапливающее капиталистическое хозяйство. Рассуждения Каутского по этому вопросу изумляют наивностью и беспомощным негодованием¹⁾. Замечательнее всего, однако, общая формулировка экономического содержания новой системы. Методы этой последней «все сводятся к тому, чтобы, с одной стороны, сжать производительность труда, с другой — все большие массы продуктовбросать на ветер». Но как же тогда возможно, что «производство идет вперед, временами даже исключительно удачным темпом? Ведь приписка: «за счет производительности труда, который частью тормозится, частью растрачивается на ветер» призванная разрешить противоречие, только повторяет первую формулировку, но и на итогу не делает более понятным возможность роста производства.

При стопроцентном отрицании современного капитализма, которое даже случаи «исключительно удачного темпа» роста производства обясняет ограничением общественной производительности труда (понимай как хочешь!), которое отказывается видеть, что как раз «современная индустриальная система» сказочно, ни с каким прошлым не сравнимо, лвигала вперед производительные

силы, которое замыкается в книжный, а, по существу, обывательский скепсис и совершенно игнорирует реальные общественные процессы, — конечно, при таком отрицании всякого прогрессивного значения современного капитализма революционные выводы сами напрашиваются. Выше мы привели целую страницу революционных выписок из разных работ Каутского рассматриваемого периода. Мы можем их сейчас дополнить несколькими цитатами, относящимися специально к империализму, который Каутский, в сущности, и в то время (как всегда) отождествлял со стремлением к колониальным захватам. «Империалистическая идея возникает одновременно с картелями, новым протекционизмом, системой милитаризма и маринизма, новой колониальной эрой, начиная с 80-х г.г. Она со всем этим тесно связана и есть дитя все той же экономической ситуации, которая все больше превращает капитализм из средства развития высочайшей производительности труда в средство задержки этого развития» (Soz. u. Kolonialp., 65). «Но империализм не в силах обеспечить для промышленности ни рынка, ни поставщиков сырья. Напротив, он угрожает свободным сношениям покупателей и продавцов на мировом рынке, а только такие сношения могут удовлетворять современную промышленность» (66).

Меж тем империализм приближается к своему концу. «Вся Восточная Азия, как и весь магометанский мир, поднялась для самостоятельной политики, для противодействия всякому господству извне. Этим останавливается развитие империализма. Он уже не может двинуться с места. А между тем, необходимо развивать его все далее по мере того, как капитализм развивается» («Путь к власти», стр. 71).

Для Каутского того периода империализм, следовательно, неразрывно связан с последним этапом капиталистического развития, крушение империализма означает в то же время крушение всей капиталистической системы. И он с воодушевлением восклицает: «Империализм есть единственная надежда, единственная идея, мерцающая в будущем перед взорами существующего общества. Вне ее — только один исход — социализм. Безумие «мировой политики» будет расти до тех пор, пока пролетariat не завоюет себе власть направлять внешнюю политику государства, не преодолеет политики империализма, заменив его социализмом» («Путь к власти», 68).

При рассмотрении взглядов Каутского 1901 г. мы убедились, что Каутский, не понимая противоречивой прогрессивности «современной индустриальной системы», видит в ней не больше, чем испорченный капитализм, и считает, что социал-демократия может в должна вести борьбу с новейшими извращениями «естественного» капиталистического развития, которые порождены «политической насилием» некоторых могущественных капиталистических групп, но, с одной стороны, противоречат интересам всего осталого капиталистического мира и, с другой стороны, являются помехой по пути прямого движения к социализму. Мы видели, что в 1905—1909 г.г. Каутский перерос этот детский лепет. Но основной, теоретический подход к явлениям современного капитализма остался по существу тем же, что в 1901 г.: тот же испорченный капитализм. Разница в том, что теперь Каутский видит в этой порче агонию капита-

¹⁾ См. «Soz. u. Kol.-Pol.», 39—41.

лизма, от которой он уже не может быть спасен. Каутский не хочет видеть, что современный капитализм неизмеримо выше старого — и по способностям к рационализации использования производительных сил, и по способностям к количественному их расширению, что эту свою беспримерную в истории способность он приобрел вследствие того, что в его недрах выросли новые, высшие формы общественного производства, которые он к себе приспособляет, и к которым он должен сам приспособиться, чтобы удержать в своей оболочке перерастающие ее производительные силы; что продуктом этого взаимоприспособления являются уродливые, иррациональные хозяйственные формы, функция которых слить и направить к одной цели несоединимое и взаимно-исключающее; что иррациональность и болезненность этих форм возрастает по мере того, как растут (интенсивно и экстенсивно) производительные силы и недостаточность для них капиталистической хозяйственной оболочки; что по мере того, как, в связи с этим капиталистическая система теряет экономическую почву, она пытается дополнить и заменить ее системой насилия, которая становится хозяйственным методом и идеологией современного капитализма; одним словом, что «современная индустриальная система» показывает себя чертовски эластичной и многообразной, имея на своей стороне могучую силу инерции хозяйственного процесса и не менее могучую человеческую агентуру, составленную из самых различных групп (включая на известное время и некоторые пласти рабочего класса), которые все прикованы капиталистической формой производства к колеснице капитализма, будучи снабжены, конечно, совершенно различными хозяйственными мотивами. И отдаленно не представляет себе Каутский этой сложной диалектики «новой индустриальной системы». Ни слова не говорит он даже о противоречии между капиталистической формой собственности и размерами производительных сил. Даже в образцово-развитом виде (1907—1909) его упрощенная механическая концепция берет лишь поверхность явлений, да и то односторонне. Где же корни слабенькой каутскианской философии испорченного капитализма, совершенно недостаточной, конечно, для революционного пролетариата?

В непреодоленной традиции политической и теоретической Каутский целиком стоит — в политике и в теории — на почве старого, национального, капитализма. От него, как от печки, танцует он при исследовании новой индустриальной системы. Его закономерности Каутский применяет к современному капитализму, перенесшему в мировую систему. Между тем, одна из важнейших граней, отделяющих старый капитализм от нового — это превращение капитализма, стремящегося к созианию, к сколачиванию мирового хозяйства, в капитализм, поставленный перед задачей организации мирового хозяйства. Кто не понял этого, тот будет стоять перед лицом современной экономики, как провинциал в столице, с отсталыми представлениями, негодными мерками, смешной моралью. Нормы его практического катехизиса будут отекаивать ог живой жизни, как только он попытается согласно им строить свои поступки. Его участь будет заслуживать сожаления, ибо повседневные заботы приучат его склонять свой образ мысли

перед маленькими и большими житейскими уроками столицы. Правда, наш провинциал найдет прекрасных учителей в лице столичных обывателей, обходящихся без высоких принципов и в полной душевной радости живущих со дня на день; он сам будет перерождаться в такого «реального» обывателя. Но пока в груди его не угаснет страсть к философским и критическим обобщениям, над ним будет висеть угроза превратиться в реакционного утописта...

Экспорт капитала, современный протекционизм, колониальная политика, милитаризм — это все явления мирового хозяйства. По существу дела, все это — капиталистические методы разрешения основного экономического вопроса современности, создания и рациональной организации хозяйственной территории, охватывающей весь земной шар. Немоверно углубляя, расширяя и концентрируя производственный аппарат, раздвигая рамки хозяйственных связей до пределов мирового рынка и, в то же время, консолидируя отдельное национальное хозяйство в монополистическую систему, а национальное государство превращая в непосредственную функцию этой системы, капиталистическое развитие подводит человечество вплотную к этому вопросу. Может ли он быть разрешен капиталистическими хозяйственными методами? Вот центральная, все вокруг себя собирающая проблема современного нам отрезка истории, который в большом историческом разрезе представляется как эпоха борьбы капитализма и социализма за то, кто сумеет рациональное мировое хозяйство создать и развивать. В этой величайшей борьбе из всех, которые знала человеческая история, капитализм обречен. Почему? Потому что, если мировое разделение труда должно осуществляться как задача капиталистической деятельности и методами капиталистической конкуренции, то этим обеспечена растущая и безысходная антагонистичность процесса. Потому что для осуществления объективной тенденции, ныне поставленного в порядок дня, требуется точка зрения мирового разделения труда, т.е. равноценности всех частей мирового хозяйства, капитализм же выдвигает точку зрения эксплуатируемого капитала и т. д., т.е. деление на активных членов мирового хозяйства и пассивных, на субъектов и объектов, или проще — на эксплуатирующих и эксплуатируемых. Практически — это означает борьбу нескольких «активистов», ибо интересы монополистически организованных капиталов разных стран сталкиваются именно в этом пункте. Вместо планомерной организации мирового разделения труда получается, таким образом, насилиственное включение новых областей в ту или иную систему национального разделения труда и борьба вокруг такого включения. Вместо растворения национальных хозяйств в едином мировом хозяйстве, получается закрепление и обособление национально-хозяйственных образований. Война порождает даже экономическую идеологию автаркии. Так, тенденция к созданию мирового хозяйства неизбежно превращается капитализм в тенденцию к разрыву ищущего своего осуществления мирового хозяйства.

Только так стоит проблема империализма в действительной жизни. Каутский же, который в рассматриваемое время правильно указывал ряд реакционных политических последствий империа-

лизма, ограничивал ими свою теоретическую критику и потому был не в состоянии вскрыть действительные экономические противоречия современного капитализма. В самом деле:

1. Протекционизм.—Исторической задачей старого протекционизма было создание национального капиталистического хозяйства, функция современного протекционизма—создание мирового капитализма в ту эпоху, когда национальное хозяйство уже сколочено в монополистическую систему. Отсюда оборонительный характер первого и наступательный характер второго. Отсюда—возможность аграрных пошлины в системе кардинального протекционизма, возможность, которая при достаточной силе землевладельческого класса превращается в действительность. Всего этого, конечно, Каутский не видит. Для него старый протекционизм имел оправдание в том, что он защищал отечественную промышленность от проницливых иностранцев и защищал притом невысокими пошлинами. Для нынешнего же протекционизма Каутский отказывается признать какое-либо обективное основание: ведь он способствует лишь ограблению отечества привилегированной группой капиталистов и задерживает национальное потребление. «Для промышленной страны, как Германия, Франция, Соединенные Штаты, Англия, свобода торговли является наименьшим из зол»—излагает он в 1901 г. свой взгляд, от которого он к 1907 г. не освободился.

2. Экспорт капитала.—Вывоз капитала—это тенденция современного хозяйства к рациональному распределению производственных ресурсов в мировом масштабе, как она реализуется в условиях капиталистической формы общественного производства. Имея в качестве обективной функции—уменьшение неравномерности в развитии отдельных составных частей мирового хозяйства, экспорт капитала ведет к усложнению этой неравномерности, к усилинию эксплуатации отсталых народностей, к их подчинению интересам экспортного капитала, к созданию государства-раптие. Но и в насквозь противоречивой форме обективный процесс все же прокладывает себе дорогу. Всего этого, конечно, Каутский не видит. Вся его критика экспортного капитала состоит в патриотическом осуждении: ведь он разывает чужие страны за счет родного отечества.

3. Колониальная политика. Она, по Каутскому, лишь следствие экспортного капитала. Выше мы показали, как—с целью обосновать исключительно разрушительную роль колониальной политики—Каутский выбрасывает за борт азбуку марксизма.

4. Капиталистическое обединение, монополии.—Это—производственная система современного капитализма. Она вырастает как естественный результат предыдущего капиталистического развития, составляя высший предел присущих капитализму концентрационных и централизационных процессов. Она составляет (включая и монополистические банки, которых Каутский совершенно не замечает) тот организационный и регуляторный аппарат, который капитализм пускает в ход для разрешения проблемы национального мирового разделения труда. Связь между этой проблемой и экономическим аппаратом для ее разрешения насквозь диалектична. Они рождаются одновременно. Аппарат этот есть не что иное, как адекватная экономическая форма общественного производственного процесса на той ступени разви-

тия (экстенсивного и интенсивного), когда решающее значение приобрела мирохозяйственная проблема. С другой стороны, сама монополистическая система форсирует развертывание мировых экономических задач. В системе монополистического капитализма заложено глубокое противоречие. Он с большим или меньшим успехом организует национальный капитализм и придает ему гигантскую силу путем «сращения» его с аппаратом государственной власти (последнего Каутский не видит). Он, таким образом, снаряжает национальный капитализм на борьбу за мировое хозяйство. Но именно здесь, на мировой арене, где смертью угрожает сфинксова загадка современной экономики, монополистическая система, т.е. единственная возможная «плановая» система капитализма, находит свой предел. Лишний раз подтверждается, что методы капиталистического производства являются экономическим коррелатом лишь того отрезка человеческой истории, который охватывает эпоху национальной консолидации человечества. В пределах национального хозяйства капитализм в состоянии наладить даже подобие планомерного производственного процесса, правда, за счет неслыханного усиления гнета над потребителем и при непреклонном наличии внешней сферы эксплуатации. Но для мирового хозяйства капитализм и в эпоху мирохозяйственной проблемы предлагает только конкуренцию и притом такую, которая постоянно переходит в свою высшую форму—милитаризм и войны. Капиталистический способ производства находит свое крушение вследствие имманентной неспособности рационально организовать мировые производительные силы именно в то время, когда рациональное мировое хозяйство становится conditio sine qua non экономического, а значит и всякого развития человечества. К этому времени,—а это и есть та эпоха, в которую мы живем,—капиталистическое развитие подготавливает класс, который на опыте разрушительных и мучительных катастроф и «мирных» методов капитализма последней формации научается понимать судьбу капиталистической системы и свою историческую задачу. Он берет на себя тяжелую задачу ликвидации капиталистического способа производства и утверждения нового, обобществленного хозяйства, соответствующего требованиям экономического развития.

Всего этого, конечно, Каутский не видит. Экономическая критика у него и здесь по существу заменяется политическим осуждением, а это последнее базируется в основном на патриотической аргументации: картели и тресты ограничивают национальную продукцию, жмут отечественного потребителя и т. д.

Посмотрите, как Каутский тащит рабочий класс назад, к национальному корыту. В 1901 г. он таким доводом доказывает необходимости экспортного капитала для рабочего класса: «Рабочие не считают своим интернациональным долгом уменьшать себе возможность получения работы и самих себя обременять для того только, чтобы их эксплуататоры могли эксплуатировать также другие страны и втягивать рабочих этих стран в конкуренцию с рабочими собственного отечества» (Торговая политика и т. д., стр. 71).

А в 1907 г. Каутский, обясняя, почему рабочий класс должен выступать против колониальной политики, указывает для этого

два основания: «этическое чувствование пролетариата и солидарность интересов, которая связывает его с трудящимися всей стран»; что Каутский понимает под этой солидарностью, видно из тут же делаемой оговорки: «в Германии, с ее молодой колониальной политикой, не дает себя еще настоящим образом чувствовать приход экспроприированных черных из Африки в Европу с целью понизить здесь заработки» (*Sozialismus u. Kolonialpolitik*, 62) ¹⁾.

Не правда ли, замечательный исторический курьез, когда смертный враг оппортунизма, Каутский 1907 г., воспитывая рабочий класс передовых стран в духе национально-капиталистического превосходства и привилегированности? Революционность Каутского в вопросах империализма практически сводилась к программе борьбы с конкуренцией иностранных рабочих, т.е. попросту к программе национальной ограниченности. И это в лучшие его годы, в те годы, когда мы привыкли считать Каутского безукоризненным революционером-марксистом. Происходило это, в значительной доле, от того, что сердцевина каутских представлений о современном капитализме была гнилая, не только не охватывала современного капитализма, но шла вразрез с его движущими силами и тенденциями.

III. Торжество трезвости (1910—1914).

I.

Годы 1910—1912 были поворотным этапом в развитии социал-демократического центра. За это грехи легче заканчивается оформление центра в последовательно-реформистское течение рабочего движения, т.е. находят свое завершение давно дававшие себя знать тенденции «реальной политики». К концу этого срока Паннекук мог с полным правом приравнивать тактику центра к ревизионистской. Но и сомнения трезвости в начале этого периода были ничтожны. Процесс совершился быстро и легко, как будто прорвалась плотина, задерживавшая его развитие. Он раз-

¹⁾ Вот другой пример практического оппортунизма Каутского из этого периода его теоретического красного цветения—на этот раз из колониальной политики. В той же книжке, где изложена, полная критических и чуть ли не революционных картин, теория новейшего капитализма, в *«Sozialismus u. Kolonialpolitik»*, практическая позиция Каутского в колониальном вопросе изложена следующими словами: «Было бы совершенно излишне, если бы мы сегодня себе ломали головы над вопросом, что же следует проводить в каждой отдельной колонии, чтобы двинуть вперед ее освобождение. Искать разрешения этой сложной проблемы, которая различна для каждой колонии, означало бы делать совершенно лишнюю работу, ибо класс капиталистов никогда добровольно не откажется ни от одной колонии». «Орудия власти капиталистических наций так неизмеримо велики, что неизъяснимо ожидать, чтобы какое-нибудь из восстаний туземцев могло бы настоящее время достичнуть своей цели. Они могут только ухудшить участие туземцев. Как бы мы ни понимали такие восстания и как бы мы ни сочувствовали повстанцам, поощрять их социал-демократия не может» (стр. 75—76). Другое место из той же книги бросает свет на подлинный смысл всех разговоров Каутского о революционных задачах рабочего класса. Касаясь вопроса об осуществлении социализма, Каутский заявляет: «по поводу этого вопроса можно заниматься лишь пустыми порожними фантазиями без малейшей практической цели, ибо наше нынешнее поведение не может стоять с ним в связи» (59).

Таковы, мягко выражаясь, некоторые изгибы в практике Каутского «левой» формации...

вернулся в форме борьбы с левыми—и совместных выступлений с правым крылом на съездах, в печати, в повседневной практике. Три схватки составляют эту борьбу—1909—10 г.г. с Розой Люксембург и Паннекуком, 1911—12 г.г. с Радеком и Ленше, 1912 со всей левой плеядой. Со стороны центра выступал, главным образом, Каутский. В 1909—10 г.г. дискусионировалось вопросы о массовой стачке, о роли парламентаризма, о тактике измора. В 1911—12 г.г. развернулась дискуссия об отношении к войне, к лозунгу разоружения и вообще к империализму. В 1912 г. были задеты коренные вопросы революции и подготовки к ней. В этой борьбе складывалось революционное течение внутри германской соц.-демократии, при чем с каждым разом принципиальность споров возрастала, а на третьем этапе перед нами столкновение двух различных идеологий в их основных элементах. Открестализовался и очищался характер спора. И если левые еще спорили с оглядкой, аргументируя прошлым Каутского против настоящего, и если, с другой стороны, концепция левых радикалов страдала незавершенностью, детской левизной и противоречиями,—то все же обе стороны под конец борьбы ясно понимали, что дело идет о смене тактики, что оппозиция противопоставляет новую тактику «старой испытанной тактике, введенной в систему в своей отрицательной стороне» (Паннекук).

Достаточно указать два факта из партийной политики этих лет, чтобы содержание процесса выступило недвусмысленно: притяжение избирательной кампании в рейхstag, имевшее целью подготовить парламентский блок с либералами («свободомыслящими») и голосование фракции за дополнительные налоги, хотя эти налоги совершенно открыто вызывались усилением вооружения. А Каутский? Мы видели, что в 1909 г. он пишет лучшее в смысле надежд, подаваемых соц.-демократом. К 1911 г. его судьба уже решена. Известно, например, его классически-реформистское отношение к кампании всеобщей стачки за прусскую избирательную реформу, когда он выступил со следующим планом: «Если бы удалось так проводить работу в рейхстаге, чтобы она показывала массам, что избирательное право в рейхстаг имеет для них большую практическую ценность, тогда они поняли бы также значение избирательной реформы в прусской ландтаге... Только через растущее значение рейхстага в сознании народных масс последние могут притти к пониманию значения избирательного права. Противоположный путь, предлагаемый фантазиями о массовых действиях,—рисовать плодотворность рейхстага и тем самым значение избирательного права очень скучными—есть самый ошибочный путь» ¹⁾. Известно, что, примерно, в это же время, в полемике против Паннекука, Каутский писал: «Никогда и ни при каких условиях это (т.е. победа пролетариата над враждебным правительством) не может вести к разрушению государственной власти, а только к известной передвижке соотношений сил внутри государственной власти... И целью нашей политической борьбы остается при этом, как и до сих пор, завоевание государственной власти посредством приобретения большинства в парламенте и превращения парла-

¹⁾ Цитирую по Р. Люксембург, N. Z., 31—2, 836, 37.

Под Знаменем Марксизма.

мента в господина над правительством»¹⁾). Известна наивная, мещански-сладенькая идеяка Каутского о грядущем «новом либерализме», с которой он носился и которую он проповедывал в 1911—1912 г.г. Известно, например, что в 1911 году Каутский писал в связи с вопросом об отношении соц.-дем. к войне: «Тогда все, даже интернационалисты по убеждению, немедленно сделаются патриотами»²⁾, а через год, полемизируя с Паннекуком, центр устами того же Каутского пишет свой в точности подтвержденный войною автопортрет: «Вообще, если отечество подвергается нападению, не много найдется соц.-дем., которые откажутся его защищать»... В это время Каутский быстро становится вождем «теоретической официозности» в германской социал-демократии³⁾. Никогда еще теоретическое познание так непосредственно, от случая к случаю, не подчинялось практическим задачам, как это происходит у Каутского в рассматриваемый период. Поистине небывалое измельчение теории. Оппортунизм обладает волшебной палочкой: тот, кого она коснется, теряет потребность, а значит и способность синтетического мышления, тот безнадежно погиб для марксизма.

Против этого политического сползания⁴⁾, подкрепляемого теоретическим подлаживанием, выступили левые радикалы, поднятые широкой оживившегося рабочего движения. Радек в следующих словах дает диагноз партийной болезни: «Умственная жизнь партии отставала от темпа капиталистического развития»... «Нужно вытравить из своего сознания все пережитки старой идеологии, которая когда-то в части своей имела серьезное обоснование, но теперь противоречит действительности и приводит только к заблуждениям»⁵⁾. А Паннекук дает общую формулировку задач: «Имевшие до сих пор место массовые выступления составляют лишь начало периода революционных классовых боев, в течение которого пролетариат должен не пассивно выжидать, пока извне пришедшие катастрофы начнут сотрясать мир, но должен сам непрестанно наступать, чтобы, двигаясь вперед в тяжелой, полной жертв работе, создать свою силу и свою свободу. Это и есть «новая тактика».

1) «Die neue Taktik», «N. Z.», 30—2, 726.

2) «Krieg u. Frieden», «N. Z.», 29—2, 104.

3) В 1913 г. Р. Люксембург, которой принадлежит это выражение, писала про теоретические упражнения Каутского: «Это такая официозность, чище профессии, которой в нашей партии и, во всяком случае, в органе духовной и теоретической жизни социал-демократии никогда не практиковалась. И, во всяком случае, это такое употребление теории, которое ничего общего не имеет с духом марксизма. Далеко от духа марксизма так е теоретическое познание, которое плетется позади практики и которое для всего совершающего и попираемого верховными властями соц.-демократии стряпает успокаивающую кашицу» («N. Z.», 31—2, стр. 84) — «Das Offiziosentum d. Theorie».

4) В связи с открытием Хемницкого партейтага (осень 1912 г.), на котором предстояло обсудить ряд важнейших политических и организационных вопросов, Каутский мог уже прямо констатировать: «Плоскость трений между правым и левым крылом нашей партии все уменьшается, и даже там, где практика еще дает повод для критики, эта критика теряет свою нервозность, так как немногие отклонения представляются уже не началом отхода от основ нашей практики, но лишь пережитками мелко-буржуазных влияний из маленьких государств» («Zum Parteitag», «N. Z.», 30—2, 882). Под левыми Каутский понимает, конечно, центр.

5) «Наша борьба против империализма», статья в «N. Z.», май 1912 г., цит. по I тому «Германск. революц.», стр. 161.

которую можно с полным правом назвать также егественным продолжением старой тактики в ее положительной стороне»¹⁾.

В наши задачи не может входить изложение или критика лево-радикализма в германской социал-демократии. Мы несколько остановились на парижских боях 1910—1912 г.г., чтобы сделать более ясной дискуссию об империализме, которая разыгралась в это время между Каутским, с одной стороны, и Радеком-Леничем — с другой, и без которой невозможно понять историю взглядов Каутского на империализм. В сущности, эта дискуссия подводила общегеоретическую базу под споры о тактике, и этой современностью, даже злободневностью дискуссии по теоретико-экономическому вопросу обясняется настойчивость и застенчивость борьбы с обеих сторон.

Практическим стержнем спора был вопрос о разоружении, как социалистическом лозунге борьбы с надвигающейся войной. Но с самого начала было понятно, что это лишь часть большого вопроса об отношении социал-демократии к империализму. А о последнем Радек правильно писал: «Основная причина различий в нашем отношении к империализму сводится к вопросу о его характере. Что представляет собой империализм, каково его отношение к капиталистическому развитию вообще, и к эспланаде мирового хозяйства в частности?»²⁾.

Какова была позиция левых?

Подробный анализ их теоретической аргументации вскрыл много интересного для истории научной теории империализма. Мы находимся здесь у истоков марксистской теории современного капитализма, наивысшее свое мастерское выполнение уже подданое, в работах Ленина. Однако не эта сторона нас здесь занимает. В этой связи для нас достаточно подчеркнуть выводы лево-радикалов.

В книжке «Германский империализм и рабочий класс» (1911) Радек писал:

«Капитал видит в империализме свое последнее убежище. Тресты и картелли дали ему возможность бороться с развитием производительных сил или, по крайней мере, избегать вытесняющих из него неблагоприятных для капитала последствий в виде, например, падения цен. Милитаризм и колониальные предприятия заменяют ему сузившийся внутренний рынок. Растиущая сила государства дает ему возможность подавлять пролетариат. Капитал не знает, что все это — пальчики, которые лишь на время помогут ему держаться на поверхности и дадут ему только отсрочку перед казнью... Он всеми силами цепляется за империализм и готов сломить всякое сопротивление, какое только встанет перед его империалистическими интересами... Таким образом, пролетариат поставлен перед тем фактом, что империализм грозит ему величайшими опасностями, и что нет возможности навязать капитализму другую политику, не выбивши предварительно из его рук политической власти. Это приводит пролетариат к борьбе за социализм... Вопрос о социализме, стал теперь вопросом о власти. Если рабочий класс вырвет власть из рук капитала, то у него не будет иной цели, кроме осуществления социализма. Отсюда следует: только окончательное нокоронение империализма обединяет рабочих в борьбе за социа-

1) «Massenaktion u. Revolution», «N. Z.», 30—2, 593.

2) Цит. статья, 145.

лизм, от которого империалистическая политика должна была спасти буржуазию. Империализм против социализма» («Герм. рев.», т. I, стр. 141—142).

А Ленин развивал мысль, что капитализм в наше время задыхается в собственном жиру. «Картельная система довела до предела революционные противоречия между мощно подымающимися производительными силами общества и частно-капиталистическим способом производства» («Improvisation», «N. Z.», 30—2, 365). «Империализм есть последняя фаза капиталистического развития, с необходимостью приводящая к социализму». «Империализм в действительности означает эпоху революции, он—последнее слово капитализма» («Miliz. u. Abrüstung», «N. Z.», 30—2, 769/70). «Социализм перестал быть далеким идеалом, он стал неминуемой целью практической политики. Капиталистическому призыву к империализму нам абсолютно нечего противопоставить, кроме как призыв к социализму» («Die neuen Wehrvorlagen», «N. Z.», 30—2, 74).

Ту же мысль доказывал и Паннекук: «Социализм—это не новое состояние, которое наступит где-то в конце пути, когда поезд проехал достаточно далеко и силы его истощены. Социализм означает совершенно новое, иное направление развития, которое может быть начато в каждой точке нынешнего развития, и которое в действительности будет начато со дня завоевания власти пролетариатом» («Das Wesen unserer Gegenwartsforderungen», «N. Z.», 30—2, 814).

Отсюда понятно отношение лево-радикалов к лозунгу разоружения. Они вспоминали фразу Бебеля на Иенском партейгаге: «Знамение времени не разоружение, а вооружение». Ленин указывал: Нам предстоит устраниćт соперничество в вооружении «не как частичное проявление империализма, не как особую болезнь, для которой у нас имеется особое лекарство in petto—подобное шарлатанству партии всегда отклоняла, —но в его связи с общим империалистическим развиgием» («Miliz. u. Abrüstung», «N. Z.», 30—2, 772). А Радек дал такую общую формулировку: «Социал-демократия должна видеть свою задачу не в поисках целебного бальзама от ран, напосимых империализмом, а в принципиальной борьбе против этого империализма, в отказе от всех его комбинаций и в победе над ними»¹⁾.

Взгляды Каутского представляли противоположность по всей линии.

Требование нового курса он противопоставлял положение, что в тактических задачах социал-демократии ровно ничего не изменилось. Он писал осенью 1911 года: «Построение организаций, приобретение всех средств власти, которые мы в состоянии завоевать и удержать собственными силами, изучение государства и общества и просвещение масс: других задач мы еще не можем сегодня сознательно и планомерно ставить себе и своим организациям... Практические задачи, которые мы сегодня можем и должны поставить, ни в малейшей мере не означают новую тактику, они представляют продолжение и укрепление той тактики, которая вот уже больше 4-хдесятелей ведет нашу партию от победы к победе» («Die Aktion d. Masse», «N. Z.», 30—1, 117).

1) «Neue Zeit», май 1912, цит. по «Герм. револ.», стр. 158.

Тот анализ эпохи, который давали лево-радикалы, — «империализм или социализм», — Каутский не принимал. Для него философия эпохи выражалась в другой альтернативе. «Вопрос о пристановке и ограничении морских вооружений стал в действительности самым настойчивым вопросом десятилетия, которое поставлено перед альтернативой: разоружение или мировая война» («Der improvisierte Bruch», «N. Z.», 30—2, 523). «Война или разоружение—вот проблема. Социал-демократия решительная противница войны. Она хочет ей помешать какой бы то ни было ценой. Поэтому она должна всяческой ценой стремиться к добровольной пристановке соперничества в вооружении» («Nochmals d. Abrüstung», «N. Z.», 30—2, 848).

А тезис левых, что империализм открывает период революций, который должен дать развитию совершенно новое на правление,—к социализму,— Каутский парировал следующей теорией: «Весь социализм может быть осуществлен только в форме проведения единичных требований... И социальная революция может быть только ускорением процесса осуществления единичных требований пролетариата» (там же, 846).

Свои взгляды на современный капитализм Каутский изложил наиболее связно в первомайской статье 1912 г. в «Neue Zeit» («Der erste Mai u. d. Kampf gegen d. Militarismus»). Следующие мысли должны быть признаны основными в этой статье:

Первая мысль.—Надо различать среди явлений капитализма, такие, которые представляют жизненную необходимость для капиталистического способа производства, от тех, которые, хотя и покоятся на экономических причинах, но не составляют экономической необходимости. Примером первого рода явлений может служить присвоение прибавочной стоимости или беспрерывное расширение рынка. Примером второго вида явлений Каутский называет стремление к удлинению рабочего дня или захват земли и сфер влияния, что приводят к соперничеству в вооружении. Второй ряд явлений это не больше, чем способы осуществления жизненных тенденций капитализма. Но если эти пути закрыты, то капиталистическое производство найдет себе другие, и возможно—даже лучшие. Поэтому пресечение системы вооружения «не означает круха капитализма, но лишь необходимость применения иных методов капиталистической экспансии». Но и весь империализм в целом есть явление второго рода, т.-е. хотя и возник на экономической почве, но не является экономической необходимости. «Империализм,—написано в том же году в другой статье («Nochmals d. Abrüstung», «N. Z.», 30—2, 550—51),—не равнозначен естественно необходимому стремлению капитала к расширению, к открытию новых рынков и сфер приложения, он образует лишь особый метод проведения этого стремления, метод насилия... Насильственность ни в какой мере не составляет необходимого условия экономического прогресса».

Вторая мысль.—«Близорукая алчность, сильнейший инстинкт капиталистов, порождает с их стороны такой образ действий, который ради минутной выгоды приносит вред длительным интересам их собственного класса. Противодействие эксплоататорской жадности капиталистов может очень часто пойти на пользу длительным интересам буржуазного общества».

Эти две мысли составляют посылки каутскианского силлогизма об империализме. О выводе догадаться нетрудно. «Наше

единомыслие с буржуазными защитниками разоружения покоятся на общности интересов в этом вопросе между буржуазным миром и пролетариатом. Всё не сантиментальное выражение, а трезвый факт, что все буржуазное общество будет то что так же как и пролетариат глубочайшим образом расстроено войной—даже больше расстроено, нежели пролетариат... Это весьма реальные интересы, которые в состоянии оказать внушительное давление в пользу разоружения путем интернационального соглашения, по крайней мере, на более дальновидные части буржуазии или на те ее части, которые от вооружения особенно страдают¹⁾. И Каутский так формулирует задачу социал-демократии: «Ближайшим нашим делом должно быть: поддержка и укрепление мелкобуржуазного и буржуазного движения против войны и вооружений» («N. Z.», 29—2, 101). С философией эпохи Каутского эта программа увязывается следующим образом: В результате соглашения правительство наступило бы «такое состояние, которое, конечно, не исключило бы наверняка и раз навсегда всякую войну, но по меньшей мере отодвинуло бы ее. А это могло бы свестись к тому, что между европейскими великими державами война оказалась бы устраниенной навсегда, так как с каждым годом растет сила европейского пролетариата» (Майская статья 1912 г., 108).

Но критическим пунктом для всякой теории империализма служит проверка на фактах. Каутский берется и свою теорию подтвердить конкретной политической выкладкой. И надо сказать, высокомерная беспомощность, наивная трезвость и самодовольная некритичность филистера достигают здесь своего апогея. Каутский хочет доказать, что нет оснований для борьбы между Англией и Германией, да и вообще между европейскими державами. «Африка полностью покорена, южная Африка примирается с Англией... В настоящее время не существует африканской проблемы, которая бы вызывала противоречие между великими державами²⁾... О разделе Китая между великими державами нечего больше и думать... Вообще в Азии империалистические методы насилиственного покорения все больше оказываются непригодными, по крайней мере, для западноевропейцев, которые могут попасть в Азию лишь морским путем. Но все европейские державы имеют противника в лице России. Было бы также в интересах интернациональной солидарности пролетариата, как и экономического развития, если бы Германия, Англия и Франция заключили соглашение о прекращении вооружения и об охране целости Китая, Персии, Турции от посягательств России» («Nochmals d. Abrüstung», «N. Z.», 30—2, 851—52).

1) Для мещанской наивности Каутского характерно, что в пресловутом английском предложении о разоружении он увидел доказательство своей идеи о значительности буржуазного пацифизма. В ст. «Nochmals d. Abrüstung», «N. Z.», 30—2, 847, можно прочесть невероятные для марксиста рассуждения: «Английское и французское правительства не считают, что соперничество в вооружении есть жизненное условие капитализма. Напротив, они того взгляда, что при сокращении вооружений они достигли бы значительно большего. И они полностью правы, так как Англия и Франция быстро приближаются к тому пункту, начиная с которого дальнейший рост вооружения для них больше не возможен».

2) Вспомним, что это писалось на завтра после итало-турецкой войны.

Таково было рождение будущей теории ультра-империализма. Уже тогда Каутский пытался научно обосновать тенденцию к сверхимпериализму. В майской статье 1912 г. читаем: «То, что вот уже два десятилетия проходит в отношениях между капиталистическими предприятиями, начинает сейчас обнаруживаться в отношениях между капиталистическими государствами. Все они стремятся к экспансии, все они при этом все больше сгущаются и задерживают друг друга, увеличивают, поэтому, средства борьбы и умножают издержики своей экспансии до того, что от прибыли ничего не остается. По мере того, как становится все яснее, что продолжение конкуренции губит всех участников, приближается такое время, когда конкуренция борьбы между государствами будет вытеснена карательными соглашениями. Это ни в какой мере не является отказом от экспансии национального капитала, это означает лишь переход к более дешевому и безопасному методу»¹⁾.

На этом мы можем закончить изложение первого издания теории ультра-империализма. Его теоретическая неприглядность избавляет нас от необходимости заняться критикой. К тому же лево-радикальные писатели, в борьбе с которыми эта теория складывалась, довольно хорошо отметили ее ошибки. Радек, полемизируя с Каутским, установил его основной методологический грех—орудование абстракциями, в результате чего вместо живого капитализма выступает несколько абстрактных категорий, которые Каутский комбинирует в нужном ему порядке. Радек правильно указал, что этой схемы недостаточно даже для изложения общих законов капитализма, не говоря уже об особых формах проявления капиталистического способа производства в разные исторические периоды. Радек разъяснил также связь тактической позиции Каутского с его пониманием империализма. А Ленин прекрасно выразил эту политическую обусловленность каутскианской теории, заявив, что «исторически вся эта идея выросла на парламентской почве»²⁾.

Но если в теоретической полемике с центром левые оказались сильнее, то это еще не значит, что они владели безупречной теорией империализма. Их позиция была жизненная; и это дело полнокровными даже невероятными, по существу, исходные теоретико-экономические положения. Левые превосходили Каутского тем более, что они пользовались в своей аргументации тем же основными положениями, на которых в свое время стояли их худосочинный противник. Вспомним, что излюбленным приемом их политической полемики было противопоставление прошлого Каутского настоящему. Это относится и к теории, в которой они опирались на старые работы Каутского. Из них левые некритически восприняли два важнейших и ошибочных положения: обоснование империализма растущими затруднениями

1) Каутский продолжает: «Так, капиталисты Англии и Германии ничего бы не потеряли, если бы оба государства согласовали свою внешнюю политику и на этой основе сократили бы свои вооружения. Обединившись, эти государства могли бы по крайней мере остановить европейские страны побудить присоединиться к их сделке и к разоружению, и капиталисты этих стран могли бы значительно энергичнее и с меньшими препятствиями проникнуть, по меньшей мере, во все страны восточного полушария (107—108).

2) Радек—Герм. рев., т. I. Ленин, «N. Z.», 30—2, 771; у Ленши непосредственно речь идет о лозунге разоружения, но по всему контексту это должно быть отнесено, вообще, к империализму.

реализации¹⁾ и—связанное с этим—представление об империализме, как о политике экспансии новейшего капитализма²⁾. Эти глубокие ошибки как бы усиливали революционные свойства теории лево-радикалов, но едва ли успешнее, чем это было с теорией Каутского 1905—1909 г.г. Мы видели, что революционность этой последней была незасищенной революционностью, и притом защита она была лишена как раз с решающей стороны: со стороны действительной жизни, со стороны успехов империалистического капитализма. В значительной мере это относится и к теоретическим взглядам лево-радикалов.

Хемницкий партийтаг, состоявшийся осенью 1912 г. и обсуждавший вопрос об империализме, по каутскианскому докладу Гаазе принял каутскианскую резолюцию, прихорощенную, однако, революционными словечками. Формула Паннекука: «Существует только один путь: через голову империализма к социализму» не встретила отклика. Перед левым движением встала громадная теоретическая задача: углубленнее, последовательнее и шире обосновать свою позицию, и в первую голову—дать систематическую теорию современного капитализма. Именно так стояла задача: у левых было здоровое чутье жизни, была ясная картина явлений и влияний империализма, было реальное представление о целом ряде связей между отдельными проявлениями империализма, было понимание того, что создалась новая система отношений, но их попытки эту систему в ее основных, образующих закономерностях охватить были слабы и безрезультатны. Роза Люксембург взялась заполнить пробел. Шаг был сделан великолепный, да не тот, который нужен был. Книга Розы Люксембург в теоретическом зеркале отразила блестящую нетерпеливость нарастающего революционного движения—в сильных и слабых сторонах. Розе Люксембург не удалось вырваться из старой соц.-дем. схемы растущих трудностей реализации, она лишь придала этой схеме логическую форму железной детерминированности, чтобы она не могла гнуться в любую сторону, как это произошло со схемой Каутского 1905—1909 г.г.³⁾.

Но аналогичная теоретическая задача стояла и перед соц.-дем. центром. Предс'ездовская полемика с левыми обнаружила теоретическую беспомощность центра. Прежняя схема Каут-

1) Ленин писал: «Капитал втягивает последние еще не подвластные ему области земного шара в водоворот капиталистического развития. Он хватается за последние резервуары, из которых еще можно выкачать жизненную силу и жизненные возможности. Но как только «ни окажутся исчерпанными, пребывает последний час капитализма... Все растут и «уже сильно затрудняются из противоречия между производительной силой труда, развивающейся до крайних пределов и все суживающимися сферами реализации избыточных капиталов». То же и Радек (см., напр., сб. «Герм. революц.» т. I, стр. 170—171).

2) Правда, у Паннекука находим и более широкое определение. Вот его перечисление признаков империализма: «Политика мирового господства, вооружения, именно постройка флота, колониальные завоевания, растущий налоговый гнет, опасность войны, развитие у буржуазии духа насилиственности и владычества, внутренняя реакция, пристановка социальных реформ, об'единение предприятий, затруднение профессиональной борьбы, дорожившия».

3) Для характеристики теоретической требовательности левого движения уже в ту пору может послужить хотя бы тот факт, что с теорией Розы виднейшие ее политические соратники не солидаризировались. Это относится в особенности к Паннекуку, а также к Радеку.

ского, развитая им в 1907—1909 г.г., имевшая своей душой революционные предвидения, бессильна перед лицом организационных и материальных успехов империалистического капитализма⁴⁾.

Конечно, Каутский не горюет об этом. Напротив, несостойчивость состряпанной им в прежние годы революционной георгики только укрепляет его убеждение в несостоятельности для нашего времени всякой революционной практики. Новая теория современного капитализма должна доказать, что «переход от капитализма к социализму может совершиться без экономического краха»⁵⁾. Каутский пытается приспособить свою старую схему о противоречивом развитии промышленности и сельского хозяйства к новым задачам. Этот последний поход Каутского в чащу «чистой» экономической теории, на котором запечатлены все признаки теоретического старчесства, нам предстоит сейчас рассмотреть.

(Окончание следует).

4) Что старая теория Каутского неспособна служить в качестве общей теории новейшей стадии капитализма, чувствовалось уже давно. Книга Гильфердинга (1909) представляет попытку дать такую теоретическую систему современного капитализма, которая бы синтезировала тенденцию к организационному совершенствованию и тенденцию к углублению противоречий,—два основных факта современного капиталистического развития. Уже одна такая постановка проблемы делает исследование Гильфердинга несравнимым с построениями прочих теоретиков II Интернационала по богатству содержания и научной силе. С другой стороны, слабость гильфердинговской теории вытекает из способа разрешения верно уловленной им проблемы. Гильфердингу не удается представить два указанных в тексте факта, современного капитализма, как разные стороны одного факта, одной линии современной капиталистической эволюции. Решающее значение здесь, конечно, имеет искривленное понимание природы и движущих пружин капиталистического организационного процесса. Что касается революционных выводов «Фин. кап.», то политически они представляют порождение той эпохи, когда соц.-демократический центр верил в силу «крайних» словечек (экспроприация экспроприаторов, диктатура пролетариата, социальная революция и т. д.), права же не в качестве практических лозунгов или практических перспектив, но еще в качестве агитационных Redensarten. Теоретически же революционные выводы Гильфердинга базируются на росте социальных и политических противоречий финансового капитала, но не экономических, которые Гильфердингом противопоставляются социальным и политическим, и который «е, по его взглядам, не представляют непреодолимого затруднения для организационных тенденций современного капитализма. Таким образом, уже в «Фин. кап.», подкупающем яркостью и свежестью мысли, разном темы, марксистской устремленностью анализа и революционными выводами, за марксистским словоупотреблением и родной нам литературной манерой скрывается совсем не марксистский, а в значительной мере метафизический метод исследования, который заставляет нас признать теорию «организованного капитализма», предложенную Гильфердингом после войны, логическим завершением начатого в 1909 г. анализа. Впрочем, Гильфердингом следует заняться особо.

5) Нач. госуд., русское издан. 1917 г., стр. 122.

Нужна ли марксистская эстетика и как ее строить¹⁾.

Л. Зивельчинская.

I.

Прежде всего условимся, что под эстетикой разумеют науку, изучающую состояния сознания субъекта, которые в современном обществе вызываются, главным образом, предметами искусства. Хотя эти же состояния могут возбуждаться и картинами природы и предметами быта.

Относительно какой-либо иной, давно установившейся, научной дисциплины никто не задает такого скептического вопроса: нужна ли эстетика? Отчего же эстетику постигла такая печальная участь? Иные даже самое слово «эстетика» берут в кавычки, произнося его с некоторым оттенком ядовитой иронии.

Это происходит оттого, что названная научная дисциплина оказалась последней в длинной очереди наук, которыми стал постепенно овладевать пролетариат, так как она стоит сравнительно далеко от непосредственного строительства новой общественной жизни и нового общественного сознания. Но удаленность эстетики от непосредственных насущных практических и теоретических потребностей вовсе не означает ее полной отчужденности и ненужности для общественной жизни пролетариата. В настоящее время доходит и до нее очередь.

Есть еще одна социально-психологическая причина пролетарского недоверия к эстетике. Последняя до сих пор была привилегией переутонченной интеллигенции, которая порой превращала эстетику в эстетство. А с эстетизмом, как кокетничанием с прекрасным, пролетариату действительно не по пути. Пролетариат привык относиться ко всей жизни в целом и к ее частным явлениям с величайшей серьезностью, и пустая игра в бирюльки, в которую иной раз переходило занятие эстетикой, ему, разумеется, не по нутру.

Эстетизмом страдали многие мыслители. Общеизвестна фраза Михайловского о том, что он убил бы того мужика, который осмелится бы поднять руку на статую Венеры Милосской. Для нас же жизнь трудовых масс и революционное движение дороже самых высоких художественных ценностей; из этого, конечно, не следует, что мы ими не дорожим. Но если бы при-

шлось пожертвовать Кремлем или Венерой Милосской для победы пролетариата—мы не остановились бы перед этим. По сути дела эстетство есть кривляние—люди притворялись, что для них дороже и выше всего эстетические ценности. На самом деле этим лицемерием прикрывались простые житейские интересы.

Обратимся к анализу эстетики. Для марксиста вполне ясна необходимость истории эстетических учений, и очевидно, что исследовать и излагать историю эстетических учений необходимо, хотя и нелегко, в связи с художественным стилем, преобладающим в ту эпоху, когда вырабатывается данное направление эстетики. Для марксиста совершенно естественно брать эстетическую теорию в теснейшем взаимодействии и причинной связи как с искусством, так и с философией и всей идеологией определенной общественной группы в известную эпоху. Ни одна старая история эстетики не ставила себе такой широкой задачи.

Однако для многих марксистов до сих пор остается открытый вопрос: необходима ли эстетика, как теоретическая дисциплина? Одни, как Меринг, считают, что она поглощена искусствоведением, другие думают, что она растворяется в экспериментальной психологии или рефлексологии или, в лучшем случае, составляет часть их.

Вообще говоря, стремление к уменьшению числа самостоятельных научных дисциплин, «специальностей»—вполне здоровое стремление. Все дело лишь в том, осуществимо ли оно в данном случае—следует ли в целях плодотворного развития эстетики упразднить ее самостоятельное существование. Оставим наше внимание прежде всего на анализе взглядов Меринга по этому вопросу.

«Не существует эстетики для всех времен», «всякая эстетика, всякое эстетическое суждение исторически обусловлено»,—справедливо говорит Меринг.

Еще бы! Какой же марксист в здравом уме станет отрицать правильность такой мысли?

Но Меринг продолжает:

«Проблема научной эстетики сводится к вопросу о том, может ли быть написана научная история эстетического чувства, его развития и эволюции в человеческом обществе... Тот, кто стоит на почве исторического материализма, должен дать на этот вопрос положительный ответ¹⁾.

Другими словами, история эстетического чувства—это и есть история искусства.

В таком случае можно с таким же основанием утверждать, что теория познания ненужна, так как нет гносеологии для всех времен, всякое гносеологическое суждение исторически обусловлено соответствующим состоянием техники и науки, и теория познания сливается с историей науки. В самом деле, условия, создающие научные положения и системы, вместе с этими системами, непрерывно меняются в зависимости от развития техники и предыдущих достижений науки.

¹⁾ Сборник статей Меринга на русском языке под названием «Мировая литература и пролетариат».

¹⁾ Статья дискуссионная. Ред.

Точно так же условия, вызывающие к жизни те или иные эстетические ценности, беспрестанно меняются с поступательным движением техники и достижений искусства.

Как первое положение не упраздняет гносеологии, как теории научного познания, так второе положение не отменяет эстетики, как теории художественного восприятия.

Плеханов стоял на точке зрения самостоятельного значения эстетики. Он энергично защищал Чернышевского от нападок Писарева. Плеханов показал, что Писарев совершенно не понял Чернышевского, приписывая ему какой-то «коварный», скрытый умысел «погубить эстетику».

Разумеется, между Меринговским и Писаревским «разрушением» эстетики нет ничего общего. Первый отрицает ее лишь как самостоятельную научную дисциплину, растворяя ее в истории искусства, Писарев же во имя умственного развития или «умственной пользы» общества готов был вовсе отвернуться от самих эстетических ценностей, если они не соответствуют его идеалам, не могут служить «учебником жизни».

Плеханов настойчиво повторял, что ни философия, ни социология не устраниют надобности в эстетике, в эстетической критике. Позволю себе сделать выписку из общеизвестного предисловия к 3-му изданию «За 20 лет»:

«Я сказал, что критики идеалисты школы Гегеля считали своей обязанностью переводить идею художественного произведения с языка искусства на язык философии. Но они очень хорошо понимали, что выполнением этой обязанности еще далко не ограничивается их дело. Указанный перевод составлял в их глазах лишь первый акт философской критики; задача второго акта этого процесса состояла для них в том, чтобы,—как писал Белинский,—«показать идею художественного создания в ее конкретном проявлении, проследить ее в образах и найти целое и единое в частностях». Это значит, что за оценкой идеи художественного произведения должен был следовать анализ его художественных достоинств. Философия не устраивала эстетики, а, наоборот, прокладывала для нее путь, старалась найти для нее прочное основание. То же надо сказать и о материалистической критике. Стремясь найти общесовременный эквивалент данного литературного явления, критика эта изменяет своей собственной природе, если не понимает, что дело не может ограничиться нахождением этого эквивалента, и что социология должна незатворять двери перед эстетикой, а, напротив, настежь раскрывать их перед нею. Вторым актом верной себе материалистической критики должна быть—как это было и у критиков-идеалистов—оценка эстетических достоинств разбираемого произведения. (Подчеркнуто мною. Л. З.). Если бы критик-материалист отказался от такой оценки под тем предлогом, что он уже напел социологический эквивалент данного произведения, то этим он только обнаружил бы свое непонимание той точки зрения, на которой ему хочется утвердиться. Особенности художественного творчества всякой данной эпохи всегда находятся в самой тесной причинной связи с тем общественным настроением, которое в нем выражается. Общественное же настроение всякой данной эпохи

всегда обуславливается свойственными ей общественными отношениями. Это как нельзя лучше показывает вся история искусства и литературы. Вот почему определение социологического эквивалента всякого рода данного литературного произведения осталось бы неполным, а следовательно, и неточным в том случае, если бы критик уклонился от оценки его художественных достоинств. Иначе сказать, первый акт материалистической критики не только не устраивает надобности во втором акте, но предполагает его как свое необходимое дополнение¹⁾.

Раз необходима эстетическая критика, то этим самым уже твердо устанавливается необходимость эстетики, как теоретической научной дисциплины. Эстетическая критика есть не что иное, как прикладная эстетика, как практическое применение принципов эстетики к конкретным художественным явлениям. Всякий критик имеет известную сумму эстетических воззрений, которые иногда бывают не согласованы между собой, г.-е. не приведены в систему. Эстетика занимается систематически нахождением эстетических принципов на основе точного изучения фактов искусства.

Между развитием эстетики и художественной критики существует такое же взаимодействие, как между теорией и практикой в любой сфере человеческой деятельности, как, скажем, между физико-химическими науками и техникой. Техника, хотя бы и несложная, является матерью указанных наук, но дочери, в свою очередь, усиленно содействуют росту и развитию техники.

Плеханов указывает, что Гегелевская эстетика оказала благотворное влияние на развитие литературной критики в России. Но, как известно, Гегелевская эстетика выросла из художественной критики Винклельмана, Лессинга, Гердера и многих других.

Несмотря на полную ясность мысли Плеханова о необходимости и самостоятельном значении эстетики, я не могу отказать себе в удовольствии привести еще одну выдержку, относящуюся к этому вопросу:

«Научная эстетика не дает искусству никаких предписаний: она не говорит ему: ты должно держаться таких-то правил и приемов. Она ограничивается наблюдением над тем, как возникают различные правила и приемы, господствующие в различные исторические эпохи. Она не провозглашает вечных законов искусства: она старается изучить те вечные законы, действием которых обуславливается историческое развитие. Она не говорит: «Французская классическая трагедия хороша, а романтическая драма никуда не годится». У нее все хороши в свое время, у нее нет пристрастий именно к тем, а не к другим школам в искусстве; если у нее и возникают подобные пристрастия, то она, по крайней мере, не оправдывает их ссылками на вечные законы искусства. Словом, она обективна, как физика, и именно потому чужда всякой метафизики. И вот эта-то обективная критика оказывается публицистической именно поэтому, поскольку она является истинно научной».

Понятие «публицистической» употреблено в смысле «социологической». Конечно, научная, т.-е. марксистская, эстетика не

¹⁾ Плеханов, т. XIV, стр. 189.

может не быть социологической, так как она имеет дело с такой областью сознания, которая лежит целиком в сфере общественной жизни.

Из сказанного Плехановым ясно, что эстетика, как научная дисциплина, необходима для художественной критики.

II.

Можно ли признать эстетику лишь отделом, частью рефлексологии или психологии? Едва ли! Ведь рефлексология ставит себе задачей и применяет приемы исключительно естественно-научного эксперимента. В применении к эстетике рефлексология пока разрешает вопросы, касающиеся лишь чувственных восприятий—двигательных, зрительных, слуховых,—на основе которых покоятся состояния сознания, называемое эстетическим.

Но эстетическое состояние заключается не только в ощущениях, а в сложнейшей работе всего целостного сознания, т.е. включает в себя всю совокупность идеологических моментов. Исследованием, анализом идеологии должна заниматься социология. Отсюда необходимо сделать вывод, что эстетика есть такая научная дисциплина, которая об'единяет множество психо-физиологических или, по теперешней терминологии,—рефлексологических и социологических проблем.

Не пора ли, однако, дать более или менее точное определение круга проблем, которыми должна заниматься научная эстетика? Может быть, даже следовало с этого начать? Думаю, что традиционный прием давать в начале исследования и изложения определение предмета разбираемой науки неправилен, ходяческичен, так как предрещает, предвосхищает результат длительного, кропотливого научного исследования. Правда, из воздержания от первоначальных определений вытекает то большое неудобство и затруднение, что в течение некоторого времени употребляется понятие без отчетливого анализа его содержания. Эта трудность компенсируется, однако, тем, что по мере изложения само собой выявляются отдельные стороны употребляемого понятия.

Из предыдущего изложения уже ясно, что эстетическое состояние не является, как думала старая идеалистическая философия, продуктом деятельности какой-либо одной душевной способности, примерно, эстетической способности, как думал Кант; оно также не есть простое или даже сложное чувство. Эстетическое состояние—это самый сложный, многосторонний продукт деятельности всего целостного сознания, взятого не индивидуально, не изолированно от общества, а в связи с общественным сознанием. Самое это утверждение должно еще стать предметом кропотливых исследований, так как до сих пор некоторые мыслители и даже некоторые марксисты продолжают думать, что эстетическое чувство есть нечто данное природой уже в готовом виде. Значительный интерес представляют те многочисленные примеры, которые приводит Гюйо в своей книге об эстетике; они убедительно показывают, что чисто эстетическое состояние есть сложный продукт высшей культуры. На низших же ступенях культуры удовольствие от прекрасного целиком соединено с сознанием пользы, утилитарного значения предмета. При-

меры Гюйо: прекрасен огород по мнению огородника; прекрасно малюко по мнению утоляющего им жажду путника и т. д.

Итак, первая проблема: что такое эстетическое состояние? Эта проблема должна в свою очередь быть расчленена. Одно дело эстетическое состояние, имеющее предметом механизированное искусство, например, какую-нибудь художественную кинофильм или радио-концерт. Оно отличается от художественного восприятия не reproducedированного механически художественного оригинала, хотя остается несомненно эстетическим состоянием. Идеологическая установка всякого эстетического состояния—неторопливость, предрасположенность отдыхать, отсутствие стремления извлекать практическую пользу. Это состояние старая эстетика обозначала понятием пассивность, созерцательность, незаинтересованность. Но так стоит вопрос только относительно эстетического состояния членов современного культурного общества. Одной из отличительных черт марксистской эстетики является четкое понимание того, что нет одинакового эстетического состояния для всех времен, для всех ступеней культуры. Эстетическое состояние первобытного человека имеет общее с эстетическим состоянием современного человека только физиологические свойства. Общей основой является ритм и симметрия. Первобытному и культурному человеку одинаково присуще удовольствие от ритма и симметрии, так как обе эти черты свойственны человеческому организму. Очень вероятно, что удовольствие от ритма и симметрии испытывают и высокоорганизованные животные, так как в их организме также налицо ритм и симметрия. С ростом культуры усложняется эстетическое состояние.

Из основной проблемы эстетики: что такое эстетическое состояние, вытекает постановка ряда конкретных частных проблем:

1. Какое значение имеет культурный уровень зрителя для эстетического состояния, причиняемого предметами искусства и предметами природы и быта? Одни утверждают, что малокультурные люди (я имею в виду членов современного капиталистического общества) гораздо более склонны восхищаться красивым предметом быта или красивым ландшафтом, нежели произведением станкового искусства. Другие думают, что культура, главным образом поэзия, научила людей улавливать красоту природы и обыденных предметов и восторгаться ими. Поэт открыл красоту жизни и природы. (Я лично думаю, что правы первые). Воззрения тех и других должны быть тщательно проверены.

2. Далее. Какие виды искусства требуют более высокого уровня культуры? Общеизвестно, что театр, художественная литература и вокальная музыка более доступны малокультурному зрителю, нежели станковая живопись, скульптура, архитектура и инструментальная музыка. Следовало бы выявить, чем обусловлено такое явление общественного сознания. В связи с вопросом о влиянии культурного уровня на эстетическое состояние, встает ряд еще более сложных и крупных вопросов, так как культурный уровень человека в современном обществе теснейшим образом связан с его классовым положением. Но раз в круг деятельности эстетических восприятий вовлекается вопрос о степени культурности, то этим самым мы переходим к третьему вопросу—о влиянии идеологии зрителя на его эстетическое состояние. Эта третья проблема распадается на ряд интереснейших вопросов.

Воспринимает ли религиозный человек и атеист с одинаковым удовольствием религиозную живопись или религиозную музыку? Воспринимают ли они одинаково мадонну Рафаэля и церковно-торжественную музыку Баха? Если наблюдаются различия, то в чем они заключаются? Какое значение имеет содержание произведения для эстетического восприятия людей различных идеологий? Например, как воспринимается роман Гладкова «Цемент» рабочими, крестьянами, поинеau-riche и зарубежным белогвардейцем.

3. Однаково ли требовательны люди различных классов к содержательности произведения? Не раз уже замечали, что представители трудовых масс требуют от художественного произведения значительности и серьезности содержания. Например, что нравится больше рабочему или крестьянину: «Жирофф-Жирофля» или «Виринея»?

4. Однаково ли требовательны люди различных классов к совершенству художественной формы в различные периоды? Общеизвестно, что требовательность к художественной форме возрастает с ростом уровня культуры. Однако есть ли это закон? Ведь Стасов, прославлявший передвижников, едва ли был менее культурен и обладал менее развитым вкусом, нежели какой-нибудь современный «изящный» искусствовед, ругающий передвижников и Стасова за безвкусие. Повидимому, не только в высоте культурного уровня кроется причина большей или меньшей требовательности к совершенству художественной формы. Очевидно, есть социально-экономические причины, которые выдвигают иногда в общественном сознании требование пренебречь формой для содержания.

5. Однаковое ли состояние испытывают люди буржуазного и пролетарского мировоззрения при созерцании художественных произведений различных направлений,—скажем, реализма, символизма и друг.? Наблюдалось неоднократно, что представителей трудовых масс сильнее всего увлекает реализм. Следовало бы установить при помощи точного и массового наблюдения, каким образом реагируют различные классы населения на все возможные направления искусства, и исследовать причины различных восприятий и оценок.

Заслуживают большого внимания следующие вопросы психофизиологического характера:

1. Как влияет на эстетическое состояние активность зрителя в исполнении художественных произведений? Пример: если симфонический оркестр или талантливый певец или хор исполняют популярную песню, а масса слушателей может посильнее участвовать в ее исполнении, не понижая его художественного достоинства, так отличается ли чем-нибудь эстетическое состояние активного сл�шателя от состояния пассивного слушателя?

2. Какое значение для художественного восприятия имеет сила привычки или, точнее, повторяемость данного художественного восприятия? Например, когда впервые смотрят на модель греческого храма Парфенона¹⁾, сильнейшее волнение охватывает

¹⁾ Этот храм стоял на Акрополе в Афинах. Фонтоны и фриз Парфенона были выполнены под руководством знаменитого скульптора Фидия. Упомянутая модель имеется в Музее Изящных Искусств в Москве.

зрителя, не могущего оторвать от нее глаз. Впоследствии уже вполне спокойно ее изучают. Есть и обратные явления. Когда впервые знакомятся с картинами Пикассо, то, кроме недоумения и подавленности настроения, всегда сопровождающей непонимание чего-либо, ничего не испытывают. После долгого внимательного рассмотрения можно найти возможности для эстетического наслаждения некоторыми из кубистских произведений.

3. Можно часто наблюдать такое любопытное явление: люди, которые обыкновенно страдают прерывистым, беспокойным сном, испытав сильное глубокое эстетическое состояние,—скажем, после хорошего концерта или театрального спектакля,—спят спокойным, глубоким сном. Повидимому, та гармоническая деятельность всех наших «способностей», по терминологии традиционной эстетики, лучше сказать всех наших органов,—не есть только образное выражение, а выявляет действительную сущность тех физиологических процессов, которые происходят в организме во время и после эстетического состояния.

III.

Этот ряд вопросов не поднимался ни одним из существовавших эстетиков. Вопрос—какое значение имеет мировоззрение для эстетического восприятия, интересовал историков искусства, но не теоретиков эстетиков для марксиста совершенно очевидно, что история искусства, смена художественных направлений и форм неизменно доказывает решающее значение мировоззрения, т.е. идеологии для эстетического восприятия. Существует только эстетических мерил, сколько общественных формаций и сколько общественных классов внутри каждой общественной формы. Итак, эстетика неразрывно связана с социологией.

В лучшем случае вопрос ставился в такой форме: какое значение имеет ассоциативный фактор для эстетических восприятий? Но не ставился отчетливо вопрос о социальном содержании и направлении ассоциаций,—ограничивались только биологическими корнями ассоциаций: примерно, какое значение имеет пол человека при эстетическом восприятии красоты, или ассоциации вкусовых ощущений при рассмотрении так называемых natures mortes. Эти последние вопросы вскользь затронуты т. Луначарским в его «Опыте позитивной эстетики».

Очень большой интерес представляет вопрос о значении ассоциативного фактора для эстетических восприятий. Вопрос этот не так легко решается, как может показаться с первого взгляда, так как вопрос об ассоциациях в современной психологии не так просто стоит, как у английских основателей ассоциативной психологии. Во-первых, для них стоял вопрос только об ассоциациях сознания; теперь уже говорят о бессознательных ассоциациях. (Они представляют весьма темную область). Во-вторых, тогда под ассоциациями понимали механические связи представлений в тесном смысле слова. Термин ассоциация можно было бы заменить современным термином «условный рефлекс»,—оба они выражают одно и то же содержание. Понятия не могут механически связываться, это возможно лишь для представлений и ощущений. Можно ли связи понятий называть ассоциациями? Поэтому не

будет ли методологически целесообразнее отбросить вовсе этот старый термин в применении к эстетике.

Марксистская, т.-е. социологическая, эстетика должна сделать сейчас своей ударной задачей исследование перечисленных и других социологических моментов эстетического состояния. Но из этого не следует, что марксистская эстетика будет игнорировать биологические моменты эстетических восприятий,—например, влияние пола, возраста, степень утомленности; она не оставляет без внимания и физические условия,—скажем, высоко или низко повешена картина, как падает свет, какие картины висят рядом, привлекательна ли обстановка в театре, стоит ли статуя на открытой площади или в закрытом помещении и т. д.—все это оказывает несомненное влияние на художественное восприятие.

Обыкновенно с вопросом о важности эстетики, как научной дисциплины, связывают вопрос о том, может ли она чем-либо помочь искусствоведению.

Во-первых, если бы даже эстетика ничего не давала поучительного для литературоведения и искусствознания в широком смысле, то все же ее важность нисколько не умалась бы. Ведь эстетика исследует реальные факты, факты общественного и индивидуального сознания,—это совершенно достаточное основания для необходимости ее научной, т.-е. марксистской, разработки.

Во-вторых, искусствоведам было бы весьма полезно как ознакомиться с историей эстетических учений, которой они обычно не знают, так и принять участие в разработке теоретической эстетики. Это важно по двум основаниям: во-первых, искусствоведы могли бы дать очень много ценного для исторической и для систематической эстетики. Во-вторых, и искусствоведы извлекли бы из эстетики ту пользу, что они сразу имели бы в поле зрения об'ективированную материалистическую идеологию (это—искусство) и субъективные психологические моменты идеологии (это—эстетические состояния). От такого расширения поля зрения, от такого об'единения, но не слияния, значительно выиграли бы обе науки¹⁾.

IV.

Теперь необходимо обратиться к вопросу: какими же методами строить эстетику? Строить только эмпирическим методом не приходится, так как здесь не трудно сбиться на позитивизм, не последний же—наш метод. Строить эстетику только при помощи чистой спекуляции, отвлеченных рассуждений, как это делало подавляющее большинство существовавших до сих пор эстетиков—также не годится. Я не хочу этим сказать, что традиционная эстетика не опиралась на знание конкретных фактов искусства. Напротив, со времен Аристотеля все эстетики усиленно пользовались литературными примерами.

1) Есть такие марксисты-литературоведы, которые заявляют, что не дело марксиста исследовать субъективные состояния, «вкусы», что это идеалистическая постановка вопроса. Такие не в меру ретивые «объективисты» только ческая постановка вопроса. Такие не в меру ретивые «объективисты» только конфузят себя полнейшим незнанием Ленина. Впрочем, они не ленинцы ни в каком отношении.

Наш метод—есть метод диалектического материализма. Как его применять к построению научной эстетики?

То обстоятельство, что мы привлекаем к анализу эстетического состояния биологические и физические факторы, нас не отличает от эмпириков и позитивистов.

Марксизм должен заново исследовать все проблемы эстетики, т. к. до сих пор анализировалось эстетическое состояние независимо от объекта. Рассматривалось какое-то пресловутое эстетическое «чувство», которым якобы человек одарен от природы.

Это положение создавало непроходимую пропасть между историей искусств и между эстетикой. В то время как искусствознание, начиная, примерно, с Гегеля, убедительно показывало, что искусство заметно меняется с каждой новой фазой общественного развития и связанным с ней новым мировоззрением, эстетика оставалась по-прежнему неподвижной, антиисторичной, скованной своей неверной предпосылкой, будто бы эстетическое состояние есть природное чувство. При этом эстетики, среди них даже марксисты, как т. А. В. Луначарский, ссылаются на утверждение Дарвина, что украшение свойственно животным и, стало быть, животным, как и человеку, доступно чувство прекрасного.

На мой взгляд тут содержится целый клубок недоразумений. Прежде всего в указанной цепи мыслей упущен то чрезвычайно важное, решающее обстоятельство, что то или иное украшение есть вторичный половой признак. Значит, украшение в порядке безусловного, наследственного рефлекса, т.-е. инстинкта, воспринимается как указатель пола, и чувство прекрасного тут совершенно не при чем. Звучные трели самца-солоньи действуют привлекающим образом прежде всего на самку-солонью. Точно так же весенний хвост индюка «чарует», главным образом, индошку, а не соперника. Если признать, что красивое оперение и звучное пение птиц есть продукт чувства прекрасного у птиц, то придется допустить, что прекрасный колорит разнообразных цветов—органов оплодотворения расщепления—есть результат чувства прекрасного различных насекомых, привлекаемых цветами. Нет, эстетическое состояние есть продукт общественного развития человека, хотя его зачатки коренятся в удовольствии от ритма и симметрии—свойственной вероятно всем высокоразвитым животным.

Итак, в противоположность традиционной эстетике, имеющей своей предпосылкой—эстетическое состояние есть дар природы—марксистская диалектическая эстетика имеет своей предпосылкой—эстетическое состояние есть продукт общественного развития. Я бы высказала условное предположение, отнюдь не настаивая на нем,—что искусство оформилось раньше, и в результате его возникновения и развития стало образовываться эстетическое состояние, которое усложняется и дифференцируется вместе с усложнением искусства и порождающего его общества.

Из означенных предпосылок несомненно следует, что эстетическое состояние общественного человека необходимо рассматривать в связи с наличным искусством. Здесь подразумевается не только искусство, творимое в данную эпоху, но и памятники искусства минувших времен, так как известно, что в некоторых периодах определенные слои общества удовлетворяют свое эстетическое «чувство» именно искусством прошлого, как, например,

в эпоху Ренессанса в Западной Европе, во вторую половину XVIII века в Германии и Франции, в начале XX века в России. (В начале XX века в России в период господства «Мира Искусства» Бенуа и Сомов восхищались искусством XIX века и стилизовали его). Из этой предпосылки вытекает необходимость постепенного об'единения, но не слияния эстетики, как теории художественного восприятия, с искусствоведением.

Второе необходимое исходное положение марксистской эстетики заключается в признании классового фактора, воздействующего, точнее—участвующего, в процессе эстетических восприятий и оценок. Это положение нас решительно отграничивает от прежней научной эстетики, которая усматривает в эстетическом состоянии только два слагаемых, два фактора—физический и биологический; мы же присоединяем третий—социологический.

Такое положение эстетического состояния разрешает вопрос: субъективен или об'ективен эстетический критерий. Разумеется, он об'ективен.

Отсюда следует, что методы исследования эстетического состояния—те, что применяются в экспериментальных естественных науках, в частности рефлексологии, плюс те, которыми пользуется марксистское обществознание. Так как наше в настоящий момент больше занимают социологические факторы эстетики, так как они до сих пор не подвергались исследованию, то вспомним, каков метод марксистского обществознания. Этот метод—диалектика. Это означает органический синтез эмпирического и теоретического метода, конкретного и абстрактного анализа. Классическое воплощение этого метода представляет «Капитал» Маркса. Это произведение насыщено фактами, статистикой, выдержками из необъятной литературы, и все это вместе пронизано одной теорией.

Все упомянутые в первой части проблемы должны решаться наблюдением и экспериментом, но собранные таким путем данные должны связываться и освещаться диалектическим материализмом. Наблюдение и эксперимент не противостоят диалектическому материализму, а составляют лишь часть его методов.

В заключение необходимо сказать несколько слов относительно традиционной эстетики. Разумеется, строящаяся марксистская эстетика не может игнорировать достижений предшествующих мыслителей; напротив, она должна критически воспользоваться полученным наследством. Но от одной ошибки прежней эстетики необходимо предостеречь марксистов, исследователей эстетических проблем—от метафизической постановки самой задачи. Старые эстетики, принимаясь за исследование, прежде всего старались построить теорию эстетического состояния, одинакового для всех времен, для всех степеней общественного развития. Одни говорили, что опо—низшая ступень познания. Другие, что оно есть игра всех способностей сознания. Третьи—что оно ассоциативная связь представлений. Четвертые—что оно есть вчувствование воспринимающего субъекта в художественный об'ект. Пяты—что оно есть внутреннее подражание, созерцающего субъекта художественному об'екту. И еще есть много других групп и группочек.

Разумеется, марксист должен подвергнуть тщательному анализу и критике указанные теории эстетического состояния. Но это ни в коем случае не может быть его первой заботой. Прежде всего он должен решить поименованный ряд проблем относительно социологических компонентов эстетического состояния. Под выражением «прежде всего» не надо понимать время; все указанные вопросы могут решаться одновременно целой группой исследователей. Желательно лишь подчеркнуть сравнительную принципиальную важность этих задач. Исследуя вопрос о характере и интенсивности или степени влияния социологических компонентов на эстетическое состояние, можно предрешить вопрос о правильности эстетической теории вчувствования и внутреннего подражания. Критикой указанных теорий придется заняться в другой раз.

Самое цепное, что оставила старая эстетика, как отрасль психологии,—это разработка экспериментального метода исследования художественных восприятий. Этим наследством придется воспользоваться, разумеется, отбросив то, что там есть ненужного для наших задач.

Теперь резюмируем все сказанное. Эстетика, как экспериментальное и теоретическое исследование художественного восприятия, совершило необходи́ма в марксистской системе наук.

Первоочередная задача эстетики в настоящий момент—обратиться лицом к социологическим проблемам, не упуская из виду биологических и психологических вопросов.

К задачам, за разрешение которых следует приняться немедленно, принадлежат следующие: преобразование эстетики заново, положив в основание три выдвинутые предпосылки:

1. Эстетическое «чувство» не есть природное дарование человека, а продукт общественного развития его.

2. Социологический фактор имеет определяющее значение для характера и интенсивности художественного восприятия. Другими словами, социальная значимость художественного произведения активизирует и определяет эстетическое состояние.

3. Выдвигается необходимость постепенного планомерного об'единения эстетики, как теории художественного восприятия, и искусствознания.

Карл Маркс о спинозизме и источниках французского материализма XVIII века.

3. Цейтлин.

В своей статье «Рациональный и формальный диалектический материализм» («Воинствующий Материалист» № 1) мы указали, что основную роль в истории французского материализма XVIII века и нового материализма вообще играл Декарт, что французские материалисты были постольку спинозистами, поскольку они были картезианцами. Это наше утверждение вызвало возражение со стороны т. Лупполя («Воинствующий Материалист» № 3), который в статье «Несколько слов о нерациональном методе в истории философии» выражается так:

«Историческая роль Спинозы, сделавшего для своего времени последовательные выводы из картезианского дуализма, т. Цейтлиным безмерно умаляется, если не сводится вовсе на нет. Больше того, французские материалисты, столь оспаривавшие и дуализм Декарта, и его принцип врожденных идей, и даже его физику, представляются круглыми идиотами. С точки зрения тов. Цейтлина, они были картезианцами, ибо были спинозистами. Совсем как у Г. Челпанова. Но историческая истина в том, что материалисты XVIII века были спинозистами, «а не спинозистами», не будучи картезианцами прежде всего по той простой причине, что уже Спиноза не был картезианцем (речь идет сейчас не о теории познания, а об онтологии). Мы в свое время хотели ответить нашему критику, но редактор «Воинствующего Материалиста» т. Ваганян отказался дать нам место для ответа. Очевидно, он считал бесспорными утверждения тов. Лупполя. Мы долго недоумевали по поводу этих утверждений, пока недавно т. Иваницкий своим докладом «О некоторых искажениях статьи Маркса о французских материалистах XVIII века» открыл нам глаза на источники «исторической истины» т. Лупполя и других претендующих на роль авторитетных историков материализма.

Отметим прежде всего, что т. Лупполь неверно передает наше основное положение. Мы утверждаем, что французские материалисты были спинозистами постольку, поскольку они были картезианцами, а не наоборот. С точки зрения т. Лупполя это, конечно, еще худшее утверждение. Итак, у Цейтлина «совсем как у Г. Челпанова», зато, повидимому, у т. Лупполя «совсем как у Маркса», в чем нетрудно убедиться, прочтя в «Святом се-
мействе» отрывок Маркса о французском материализме.

Отрывок этот называется так (см. стр. 231 мeringovskого, 1923 г., издания «Литературного наследства» Маркса и Энгельса): «Критическое сражение против французского материализма». Он начинается следующей цитатой из Бруно Бауэра:

«Спинозизм всецело господствовал в XVIII веке, как в своей дальнейшей французской форме развития, которая материю сделала субстанцией, так и в теизме, который прикрыл материю более духовным именем...

Французская школа Спинозы и приверженцы теизма были лишь двумя сектами, которые спорили об истинном смысле систе-
мы Спинозы...

Обычной (простой) судьбой этого «просвещения» был его пере-
ход в романтику после того как оно вынуждено было сдаваться в член реакции, начавшейся со времени французского движения».

«Так вещает критика»,—говорит Маркс с иронией.

«Мы же,—продолжает он,—критической историей француз-
ского материализма противопоставим в кратком очерке историю
вульгарную (profane) и массовидную. Мы почтительно установим
бездну, существующую между историей, как она действительно
протекала, и историей, как она происходит, согласно де-
крему абсолютной критики, которая равномерно творит как ста-
ре, так и новое. Наконец, слушаясь предписаний критики, мы
сделаем «предметом основательного исследования»: почему? от-
куда? и куда? критической истории».

Маркс начинает свое изложение истории французского материализма словами, взятыми в кавычках:

«Если говорить точно и в прозаическом смысле» («Genau und im prosaischen Sinn zu reden») французское «просвещение»... Затем идет известный текст Плеханова, в котором, стало быть, опущено начало статьи Маркса, определяющее смысл этой статьи. Далее, в том месте, где Маркс говорит о двух источниках французского материализма—в плехановском тексте сказано: «Собственно говоря, есть два направления французского материализма: одно из них ведет свое происхождение от Декарта, другое от Локка». Но у Маркса вместо выражения «собственно говоря» поставлено ироническое замечание в кавычках по адресу Бауэра: Genau und im prosaischen Sinn zu reden».

Далее в плехановском тексте выброшен целый абзац и иска-
жен смысл марксова утверждения:

Текст Плеханова: «Картезианский материализм еще и поныне существует во Франции. Его великие успехи были успехами механического естествознания».

Текст Маркса: «Картезианский материализм еще и по-
ныне существует во Франции. Он имеет свои великие
успехи (er hat seine grossen Erfolge) в механическом есте-
ствознании, за которое, если говорить точно и в прозаическом
смысле, менее всего можно упрекать романтику».

Точно так же в тексте Плеханова совершенно искажено сло-
дующее важное место:

Текст Плеханова: «Материализм—родной сын Великобрита-
ни. Уже сколаст Дуке Скотт задавался вопросом: «не может
материя мыслить?!».

Текст Маркса: «Спрашивается, является ли Локк учеником Спинозы?» Вульгарная (profane) история может ответить: «материализм родной сын Великобритании»...

Наконец, в плехановском тексте опущено заключение Маркса, в котором Маркс выясняет, откуда собственно Бауэр взял свои утверждения о роли Спинозы в истории материализма XVIII века.

«Где же господин Бауэр или Критика достали материалы для критической истории французского материализма?»—спрашивает Маркс. И отвечает:

1. «Гегелевская история философии изображает французский материализм как реализацию спинозовской субстанции, что во всяком случае гораздо понятнее, нежели «французская школа Спинозы».

2. Господин Бауэр вычитал из гегелевской истории философии, что французский материализм является школой Спинозы. Когда он нашел в другом произведении Гегеля, что теизм и материализм две стороны одного и того же основного принципа, тогда у Спинозы оказались две школы, которые сражались за смысл его системы. Господин Бауэр мог указанные обяснения найти в гегелевской Феноменологии. Здесь мы находим буквально:

«Относительно той абсолютной сущности «просвещение» вступает само с собой в борьбу... и делится на два лагеря... один называет его неопределенным (prädictabilose) абсолютом... высшей абсолютной сущностью, другой материей... оба названия выражают одно и то же понятие; различие заключается не в самом предмете, но в отличных исходных пунктах обоих образований» (Феноменология Гегеля, стр. 420, 421, 422).

3. Наконец, господин Бауэр мог опять-таки найти у Гегеля, что субстанция, если она не движется к понятию и самосознанию, впадает в «романтику». Нечто подобное развивали в свое время Галльские Ежедонники.

«Во что бы то ни стало, однако, дух должен был предназначить (verhängen) глуповатую (бестолковую) судьбу» («ein einfältiges Schicksal»)¹⁾ своему «противнику» (Widersacher) материализму.

Маркс заключает следующим примечанием:

«Примечание. Связь французского материализма с Декартом и Локком, а также борьба философии XVIII века против метафизики XVIII, исчерпывающе установлены в большинстве новейших французских историй философии. Нам пришлось здесь против критической критики лишь повторить общезвестное. Напротив, связь между материализмом XVIII века, английским и французским коммунизмом XIX века требует еще основательного исследования. Мы ограничимся здесь тем, что процитируем из Гельвейция, Гольбаха и Бентама несколько выразительных мест».

Следуют три цитаты.

Итак, констатируем:

1) Маркс самым резким образом возражает против утверждения, что французские материалисты XVIII века были «спинозистами» или «неоспинозистами». Маркс устанавливает «вульгаризмы»

¹⁾ Здесь игра слов, направленная против Бауэра, который говорит о «простой (обычной) судьбе» «просвещения».

и «массовидную» истину, что основоположниками французского материализма XVIII века были Декарт и Локк. Утверждение Маркса совершенно очевидно для всякого, кто хоть несколько знаком с действительной историей нового материализма.

2) Наши «историки философии» свои сведения об источниках французского материализма черпают из искаженного плехановского текста статьи Маркса, или из статей самого Плеханова, повторяющих буквально то, против чего резко возражал Маркс. Спрашивается теперь, как быть с знаменитым тезисом Плеханова о том, что «марксизм есть род спинозизма». Следует ли его отвергнуть целиком и полностью?

Чтобы понять ответ на этот вопрос, необходимо прежде всего установить, почему Плеханов отстаивал точку зрения, диаметрально-противоположную марксовой, и в своем увлечении спинозизмом дошел до искажения смысла статьи Маркса¹⁾.

Причина этого заключается в том, что Плеханов, в противоположность Марксу и Энгельсу, был очень далек от естествознания. Маркс и в особенности Энгельс основательно изучали естествознание и его историю, Плеханов же имел об естествознании самое недостаточное понятие. «Вульгарная и массовидная» же история философии учит, что «под философией Декарта в XVII веке, как ее друзья, так и враги, разумели (главным образом) физику Декарта» (А. Рей). Картизанство тем и отличается от спинозизма, что оно представляет собою философию, построенную на естественно-научном фундаменте, в то время как спинозизм базируется на «логических спекуляциях».

Декарт был великим философом-естественноиспытателем, который, начав с естественно-научного трактата «О мире», хотел на фундаменте естествознания воздвигнуть здание философии. Спиноза был великим философом-логиком, который тоже геометрически строил философию на базе логических спекуляций. Отсюда то, что метафизика Декарта является весьма искусственным привесом к его философии, ибо как «физик» Декарт был «антиметафизиком» по профессии. У Спинозы же не было естественно-научной панацеи против метафизики и его система в известной мере поэтому пропитана подлинной метафизикой: великие логики очень легко впадают в метафизику. Одно из фундаментальных положений Спинозы о бесконечности атрибутов субстанции является даже не только метафизическими, но и теологическими. Некоторые материалисты стараются рационально истолковать это положение Спинозы (т. Варьаш, например, утверждает, что он будто бы открыл материалистический смысл спинозовских бесконечных атрибутов), но это бесполезное дело, так как совершенно очевидно, что бесконечность атрибутов заимствована Спинозой у теологии, которая не допускает ограничительных определений Бога: приписать Богу два атрибута значит уничтожить теологию.

¹⁾ История искажения подробно освещена т. Иваницким, который собирается опубликовать свою работу. Мы касаемся здесь лишь общей причины, не затрагивая совершенно вопроса о том, было ли искажение сознательным или случайным. Этот вопрос нас мало интересует. Подчеркнем, однако, что в прениях по докладу т. Иваницкого мы указали, что считаем его выводы и общие утверждения неправильными.

ческое понятие бога. Вот почему «прогрессивные теологии» вроде Шлейермахера с великой легкостью ухватываются за систему Спинозы.

Значит ли это, что «марксизм не есть род спинозизма»? Плеханов указывает, что «род спинозизма» означает, что «у Маркса и Энгельса, как уже и у Дидро,—спинозизм был освобожден от его теологической внешности. Только всего».

Только всего ли? Нет, не только! Чтобы марксизм сделался «родом спинозизма», необходимо спинозизм очистить от метафизических и теологических элементов.

Мы утверждаем: основа спинозизма, его сущность, самое главное в нем—безусловно материалистичны. Субстанция Спинозы не есть Логос, закономерность, как это утверждают некоторые, ибо закономерность не может иметь атрибута протяженности; «таковой может быть присущ лишь матрия». «Бесконечность атрибутов» субстанции является каббалистическим и мистическим элементом спинозовской системы, который самим Спинозой об'явлен «непостижимым» для нашего познания и этим уничтожен в его логико-геометрическом учении.

Если, стало быть, рассматривать спинозизм, как философское завершение «естественно-научного фундамента», т.-е. как картина, окончательно отбросившее метафизику дуализма субстанций (материи и духа), то спинозизм есть материализм, а марксизм «род спинозизма»¹⁾. Плеханов так, конечно, понимал спинозизм, а потому его тезис по существу правилен и тем более правилен, что Плеханов неоднократно подчеркивал, что «материализм есть логическое следствие учения Декарта» (К. Маркс). Точно так же французские материалисты, которые были физиками и врачами по профессии, понимали спинозизм как философское завершение «физики Декарта». Отсюда понятно, почему другим источником французского материализма был Локк. Учение Локка имеет сильный уклон в сторону «сенсуализма». Учение Локка сознательно была исключена т.-е. той стороны материи, которая сознательно была исключена Декартом из его «физики». Спиноза же утверждает, что «мышление»—необходимый атрибут единой субстанции. Сенсуализм Локка подчеркивал именно эту сторону спинозовской субстанции. Вот почему двумя источниками французского материализма XVIII в. были физика Декарта и английский сенсуализм. Отсюда также видно, что французские материалисты XVIII века не были столь «механистичны», как это обычно изображают.

Чтобы в этом убедиться, достаточно внимательно читать статью Маркса.

Отметим прежде всего еще одно место статьи Маркса, не правильно переданное в тексте Плеханова.

У Плеханова сказано:

«Французское «просвещение», а в особенности французский материализм XVIII века представляет собою не только борьбу против существующей религии и теологии, но также открывая противную борьбу против метафизики XVII столетия, ясно выраженную против метафизики XVII столетия, ясно выраженную против метафизики XVII столетия».

¹⁾ В статье «Рациональный и формальный диалектический материализм» мы подчеркнули и здесь подчеркиваем еще раз, что это положение не означает отождествления марксизма с картезианством.

тия, против метафизики Декарта, Мальбринши, Спинозы и Лейбница».

В тексте Маркса имеется еще фраза «против всякой метафизики» (gegen aller Metaphysik), заканчивающая утверждение о характере французского просвещения и материализма. Значение этой фразы понятно—согласно Марксу французский материализм был не только борьбой против определенной метафизики, но и против всякой метафизики. Не означает ли это, что Маркс считал французский материализм в известной мере диалектическим?

Маркс указывает:

1. Согласно Бэкону «первым и главным из свойств, природенных материи, является движение,—не одно только механическое и математическое движение, но и движение, как срежжение, как жизненный дух, как напряжение, как мучение материи, выражаясь языком Якова Бэма».

2. В дальнейшем своем развитии у Гоббса материализм становится «односторонним»: «физическое движение принесется в жертву движению механическому или математическому».

3. Наконец, «Локк основал философию здравого смысла. *bon sens*, т.-е. косвенным образом сказал, что не может быть философии, отличной от рассудка, основывающейся на свидетельстве здorовых внешних чувств человека».

В приведенных трех положениях совершенно отчетливо выражается диалектика истории философии, как ее изображает Маркс. Воззрение Бэкона—синтетическое, Гоббс развивал тезис проявленности и механико-математического движения, Локк—английский сенсуализм.

Переходя к французскому материализму, Маркс указывает, что Кондильяк направил «локковский сенсуализм против метафизики XVII века», Гельвеций придал материализму «общественный характер», наконец, самый выдающийся материалист XVII века Ламметри соединил картезианский материализм с английским. Маркс замечает:

«Нам нет необходимости говорить ни о Вольнене, Дююни, Дидро и т. д., ни о физиократах после того, как мы выяснили общественное происхождение французского материализма: от физики Декарта, с одной стороны, и от английского материализма—с другой». Отсюда видно, что Маркс не считал французских материалистов огульно механистами. Спрашивается тогда, почему Маркс и Энгельс постоянно говорят о «механическом материализме XVIII века»? Объясняется это очень просто. Они имеют в виду сильное течение французского естествознания, которое базировалось исключительно на «физике» Декарта в узком смысле слова и на физике Ньютона. Маркс и Энгельс превосходно знали историю французского естествознания, как это видно из следующей фразы Маркса:

«Нам нет необходимости подробно говорить о французском материализме, идущем от Декарта точно так же, как о школе французских последователей Ньютона и вообще о развитии французского естествознания».

Такие вещи может писать только человек, хорошо знакомый с вопросом. К сожалению, многие наши марксисты являются

далеко не «марксистами» в смысле осведомленности в области естествознания и его истории. Отсюда получается то, что марксисты эти слабо понимают утверждения Маркса и Энгельса, касающиеся проблем философии естествознания.

Вот почему столь часто приходится читать и слышать самые удивительные искажения «вульгарной и массовидной» истории философии, тесно связанный с историей естествознания, самые удивительные противоречия тому, что писали и думали Маркс и Энгельс.

Плеханов и другие выдающиеся наши марксисты плохо знали и знают естествознание и его историю. Это вполне понятно, так как в условиях ожесточенной революционной борьбы с самодержавием невозможно было уделять им достаточно времени. Ныне условия совершенно иные, и марксистам, нам думается, пора приняться за серьезную работу, чтобы овладеть естествознанием хотя бы в том объеме, в каком им владел Энгельс.

Иначе всегда будут получаться большие конфузы и ошибки.

О синице, которая не зажгла моря.

(Очередной ответ т. З. Цейтлину).

И. Луппол.

1.

Как видит читатель, т. З. Цейтлин возвращается нас к дискуссии конца 1924 г. и начала 1925 г.¹⁾. Немаловажная причина заставила нашего автора повернуть «вспять к давно решенным вопросам. Он обнаружил в деле «новые данные». Какова же эта причина и в чем вкратце дело?

Занявшийся на досуге вопросами истории философии картезианец XX века, т. Цейтлин быстро решил, что французские материалисты XVIII века были картезианцами, что картезианство, по существу, является и диалектический материализм, то близайшим образом «французские материалисты были спинолистами постольку, поскольку они были картезианцами». На основании изучения дела мы позволили себе указать, что французские материалисты были «неоспинозистами», «не будучи картезианцами прежде всего по той простой причине, что уже Спиноза не был картезианцем» в своем решении онтологической проблемы.

По поводу этого нашего утверждения т. Цейтлин, как он сам признается, «долго недоумевал», недоумевал почти два года. Вместо того, чтобы заняться изучением Спинозы и французских материалистов, он ждал случая. Случай этот пришел к лицу П. Иваницкого²⁾, который своим докладом в Тимирязевском Институте: «О некоторых искажениях статьи Маркса о французских материалистах XVIII века буквально «открыл» т. Цейтлину глаза на источники «исторической истины» т. Лупполя и других претендующих на роль авторитетных историков материализма».

Когда после этого целительного доклада у т. Цейтлина открылись глаза, то он увидел, что Плеханов искажил текст Маркса, опустив выражаясь мягко, все те места из названной выше

¹⁾ См. статью З. Цейтлина «Рациональный и формальный диалектический материализм» («Воинствующий Материалист» № 1) и наш ответ: «Несколько слов о нерациональном методе в истории философии» (там же, № 3).

²⁾ П. Иваницкий, как известно в соответствующих кругах, «материалист» типа Н. Ф. Федорова. Не так давно он выступал (а может быть и сейчас выступает) с тремя лозунгами: 1) завоевание космоса, 2) воскрешение мертвых и 3) вызывание дождя. Поздравляем т. Цейтлина с новым союзником. З. Цейтлина и П. Иваницкого сближают имеющиеся у обоих черты вульгарного материализма.

статьи, в которой Маркс протестует против наименования французских материалистов спинозистами. И. Луппоп и все прочие «претендующие и т. д.»—пользуясь искаженным и с купюрами переводом Плеханова и повторяя самого Плеханова, утверждавшего «буквально то, против чего резко возражал Маркс»,—фальсифицируют историю философии, заявляя, что французские материалисты могут быть названы в условиях XVIII века «не-спинозистами».

У т. Цейтлина несколько странная логика: т. Луппоп не прочел подлинного текста статьи Маркса, т. Луппоп не знает ее, поэтому он ошибается; если бы т. Луппоп прочел Маркса, он не утверждал бы, что французские материалисты были не-спинозистами. Ознакомление т. Цейтлина с подлинным текстом статьи Маркса, которого т. Луппоп не знает, открыло т. Цейтлину глаза на источник заблуждений т. Луппопа. Но из моего незнания подлинника Маркса ведь никак не следует еще знание Цейтлина об источнике моих заблуждений. Таким источником, по Цейтлину, стало быть, является неполный перевод Плеханова. Он так и пишет: «Написав «историки философии» свои сведения об источниках французского материализма, черпают из искаженного Плехановского (пишите уж прямо: Плехановым, т. Цейтлин. И. Л.) текста статьи Маркса». Но «произведя» купюры Плеханов ведь ничего не добавил от себя к тексту Маркса, он ведь ничего не приписал к словам Маркса. Как же я в «искаженном» переводе Плеханова мог вычитать то, чего там нет? Очевидно, источник моей «исторической истины» нужно искать в чем-то другом.

Прежде всего, т. Цейтлин, отбросьте ваши полемические приемы: наши «историки философии» в кавычках черпают свои знания по истории материализма только, видите ли, из статей Плеханова да из его неверных переводов. Дешевый прием, тов. Цейтлин! Вот вы в вашей статье, действительно, дали прекрасный образчик талмудического и схоластического решения историко-философской проблемы. Вы взялись писать о Декарте и Спинозе в связи с французским материализмом и в свете марксизма. Для этого мало знать одну физику Декарта. И вот вы, не зная Спинозы, не зная французского материализма, не зная ни «внешней», ни внутренней истории марксизма, хотите разрешить проблему, исходя исключительно из одной главы книги Маркса и Энгельса. Неблагодарная и неразрешимая задача!

Вы утверждаете, что я, И. Луппоп, почерпнул свои знания о французском материализме из испорченной Плехановым статьи Маркса. Поинтересовалась бы хоть моими работами из области французского материализма, написанными еще в 1923 году, когда вы не были еще так смелы, чтобы выступать по вопросам, вами не изученным, когда доклады Иваницких еще не «открыли вам глаза». Право, для первоначального ознакомления с предметом помогло бы.

Итак, отбросьте выше высокомерие и пойдемте вместе по страницам вашей статьи. Это, может быть, принесет вам пользу. Из доклада т. Иваницкого вы узнали, что так называемое «Приложение I» к плехановскому переводу «Людвига Фейербаха» Ф. Энгельса «Карл Маркс о французском материализме XVIII века» является не отдельной, самостоятельной ста-

тьей, а главой из «Святого семейства». Совершенно справедливо! Но почему же думаете вы, что этого не знает никто другой? В частности, хотя бы, я, один из «претендующих» и т. д.?

К вашему сведению, во-первых: П. Иваницкий, очевидно, не сказал вам, что автором «Святого семейства» является не только К. Маркс, но и в равной степени Ф. Энгельс. Вы упорно именуете автором (по традиции, установившейся у всех тех, кто до доклада П. Иваницкого читал только приложения к переводу Плеханова) исключительно К. Маркса—и на этом основании даже пытаетесь делать в конце кой-какие выводы. Сообщаю вам, что на титульном листе первого издания (1845, Frankfurt a. M.) значатся полностью оба имени, при чем имя Энгельса стоит даже на первом месте.

К вашему сведению, во-вторых: прежде чем обвинять Плеханова в умышленном и произвольном искажении текста Маркса (и Энгельса), мало побывать на докладе П. Иваницкого¹). Нужно знать историю плехановского перевода. Ваша смелость в обвинении Плеханова прямо пропорциональна вашей невинности по части знания обстоятельств дела.

К вашему сведению, в-третьих: первое издание перевода Плеханова вышло в Женеве в 1892 г., когда Меринг не облегчил еще П. Иваницкому и З. Цейтлину талмудическую работу своим изданием «Литературного наследства». Между тем Плеханов не имел и не мог иметь в своем распоряжении полного текста «Святого семейства». Об этом сам Плеханов пишет в своем предисловии к брошюре. «Святое семейство» не переиздавалось с 1845 г. А. Лабриола, несмотря на все старания, не мог раздобыть экземпляра книги и специально за нее обращался к Энгельсу, как это видно из писем к последнему итальянского марксиста.

К вашему сведению, в-четвертых: в 1885 году глава из книги Маркса и Энгельса была опубликована в «Neue Zeit» (Dritter Jahrgang, S. S. 385—395). Она была опубликована без начала и без конца, снятие которых вы облыжно приписываете злой воле и сознательной хитрости «спинозиста» Плеханова. Плеханов, как он мельком упоминает об этом, переводил с текста «Neue Zeit».

К вашему сведению, в-пятых: вскоре после издания Ф. Мерингом (и Э. Бернштейном) «Литературного наследства» два первых тома появились в русском переводе, в частности, второй том «Собрания сочинений Карла Маркса и Ф. Энгельса», 1841—1850,—где и помещено полностью «Святое семейство»,—вышел в Одессе в 1908 г. Таким образом, уже с 1908 года всякий владеющий русским языком мог прочесть полностью соответствующую главу из «Святого семейства». И неужели же вы, т. Цейтлин, думаете, что никто из марксистов этой возможностью не воспользовался? Неужели же вы с вашей девственностью по части знания марксистской литературы полагаете, что никого из наших историков философии, которых вы презирательно и высокомерно заключаете в кавычки, не читал хотя бы в переводе (не плехановском!) «Святого семейства»? Нужно было, чтобы в

¹⁾ Не в тексте, а в выноске. Цейтлин «не затрагивает совершенно вопроса, было ли искажение сознательным или случайным». З. Цейтлин оставляет таким образом этот вопрос открытым.

руки П. Иваницкого попало немецкое издание «Литературного наследства» 1923 г. для того, чтобы у т. Цейтлина «открылись глаза»! Поистине в Тимирязевском Научно-Исследовательском Институте изучения и пропаганды естественно-научных основ диалектического материализма в 1926 г. была открыта Америка.

К вашему сведению, в-шестых: поскольку Плеханов переводил с текста «Neue Zeit», выражение Маркса: «Если говорить точно и в прозаическом смысле» (дважды) теряло свой смысл и только потому в первом случае было Плехановым опущено, а во втором случае передано как «собственно говоря». Никаких искажений такой перевод не вносит.

К вашему сведению, в-седьмых: краткий абзац Плеханова: «Картезианский материализм еще и поныне существует во Франции. Его великие успехи были успехами механического естествознания» также никакого искажения в мысли Маркса и Энгельса не вносит. Опущена вторая часть второй фразы, ибо она оказывалась совершенной непонятной, поскольку в ней шла речь о романтике, начало же главы, в контексте которого эта часть только и понятна, была, как сказано, опущена редакцией «Neue Zeit» еще в 1885 г., когда картезианец и талмудист З. Цейтлин еще, вероятно, не родился. Вы, т. Цейтлин, подчеркиваете слово «были», желая этим показать, что «спинозист» Плеханов перенес успехи картезианского материализма—механического естествознания из настоящего времени в прошедшее. Талмудическая придиরка. Посмотрите, как эту же фразу передал другой русский переводчик (Одесса 1908): «Наибольшие лавры он (картезианский материализм) стяжал себе в механическом естествознании». Как видите, тоже прошедшее время, а между тем этот перевод выполнен под редакцией, между прочим, Л. И. Аксельрод, которую и вы, т. Цейтлин, не упрекаете, как Плеханова, в симпатиях к Спинозе.

К вашему сведению, в-восьмых: вы безбожно напутали в собственном переводе второй фразы Маркса и Энгельса из только что упомянутого абзаца. В подлиннике она гласит: «Er hat seine grossen Erfolge in der mechanischen Naturwissenschaft, der man die Romantik, genau und im prosaischen Sinne zu reden, am allerwenigsten vorwerfen wird».

Буквально это означает: «Он имеет свои великие успехи в механическом естествознании, которое говоря точно и в прозаическом смысле, менее всего можно упрекать в романтизме», вы же не переводите, а «перевозите»: «з а кото рое (за механическое естествознание!)... менее всего можно упрекать романтику». Вы понимаете, что вы наделили? Нехитрая мысль Маркса и Энгельса,—которая понятна лишь при условии уразумения самого начала главы (любезно и якобы впервые вами переведенного),—сводится к тому, что существующее сейчас (сороковые годы) механическое естествознание, конечно, нельзя упрекнуть в романтизме. Вы же приписываете Марксу нелепую мысль, о которой не может быть и вопроса, что романтику нельзя упрекнуть за механическое естествознание!

Своим переводом указанной фразы, как и всей своей статьей, т. Цейтлин доказал, что для него остался совершенно недоступным общий смысл главы Маркса и Энгельса о французском материализме. Он ухватился за два имени: Декарт и Спиноза и

упустил общий смысл возражений Маркса и Энгельса Бруно Бауэр. Постараюсь пояснить. Б. Бауэр, исходя из «Истории философии» Гегеля и вульгаризуя мысли последнего, наметил такую концепцию: после метафизики XVII века, в частности после Спинозы, в эпоху французского просвещения боролись две тенденции: материалистическая и теистическая (идеалистическая). После великой французской революции, материализм сходит со сцены, растворяется, погибает во французском романтизме (Шатобриан и др.). Таким образом, романтика является истиной материализма. Материализм погиб и его место заняло более совершенное мировоззрение, именно: романтизм.

Вместо этой неправильной концепции Маркс и Энгельс, которые были в 1844 году (когда было написано «Святое семейство»),—что очень важно,—еще фейербахианцами,—выдвинули свою материалистическую концепцию: французский материализм боролся прежде всего с метафизикой и метафизическими XVII века, от них же первым Маркс и Энгельс дважды называют Декарта. Врач Леруа в своей «Программе» выступил против метафизики Декарта, перейдя на сторону сенсуализма и низведя душу, как субстанцию Декарта, до значения модуса тела. Против Декарта же, как это должно быть известно т. Цейтлину хотя бы из главы Маркса и Энгельса, выступили материалисты Гассенди и Гоббс. Материализм XVIII века во Франции отправлялся от физики Декарта, во-первых, и от сенсуализма и материализма англичан, во-вторых. Эта непреложная истина, установленная Марксом и Энгельсом в 1844 г., никем не спорится, ни Плехановым, ни, в частности, мною.

Вот, что я писал в начале 1925 года в связи с картезианской интерпретацией т. Цейтлина: «Как же быть все-таки с истерическим Декартом, с его философским наследием? Правильный ответ давно уже дан Марксом. Маркс отделяет физику Декарта от его метафизики. Физика Декарта материалистична по своему духу, здесь философ оставляет в покое и бога, и конечные причины, и душу. Физика Декарта, а не его метафизика, оказало влияние на материалистов XVIII века и, если угодно, и далее; при чем следует отметить, что речь идет не о конкретном понимании того или иного физического явления (кардинально, как это известно т. Цейтлину, уступило место ньютонизму во второй половине XVIII века), а об общем научном, материалистическом направлении физики. Исторических заслуг физики Декарта и даже—в исторической перспективе—его метафизики и теории познания,—никто не отрицает; его метафизика не должна заслонять от нас его физики, но и, обратно, сама не должна «заслоняться» ни его физикой, ни своей собственной модернизацией с тяжелой рукой т. Цейтлина¹⁾). На этой точке зрения я стоял и продолжаю стоять.

Прежде чем перейти к Спинозе, покончим с разъяснением т. Цейтлину основной мысли главы из «Святого семейства». Марксу и Энгельсу нужно было показать, что французский материализм XVIII века не погиб в романтике, а воспроизвелся и в XIX веке на новой основе. Это продолжение материализма

¹⁾ «Воинствующий Материалист», III, стр. 276.
Под знаменем Марксизма.

XVIII века они видят, согласно их указанию о двойственном его происхождении (хотя «в ходе развития оба направления перекрециваются»), во-первых, в механическом естествознании сороковых годов, во-вторых, в социализме и коммунизме. Стало быть, материализм XVIII века не погиб, как думает Бауэр, а продолжает жить в новых формах. Такова мысль Маркса и Энгельса, которая совершенно ускользнула от т. Цейтлина, ибо последний, хотя ему П. Иванецкий и открыл глаза, пребывает с повязкой картезианства на глазах.

2.

Перейдем к двум пунктам, которые «констатирует» т. Цейтлин. В первом пункте он «констатирует»: «Маркс самым резким образом возражает против утверждения, что французские материалисты XVIII века были «спинозистами» или «неоспинозистами». Маркс устанавливает «вульгарную и массовидную» истину, что основоположниками французского материализма были Декарт и Локк¹⁾. Прежде всего, т. Цейтлин, две маленьких передержки: во-первых, Маркс и Энгельс специально оговариваются о том, что не весь Декарт, т.-е. не вся его философия, послужила одним из отправных пунктов для материалистов XVIII в., а только его физика; во-вторых, авторы «Святого семейства» нигде не говорят о «неоспинозизме». Они протестуют против названия французских материалистов «французской школой Спинозы». Но одновременно они считают «гораздо более ясной» мысль Гегеля о том, что французский материализм был «реализацией спинозовской субстанции». Они протestуют против усматривания в материализме и гегелизме «двух сторон одного и того же основного принципа», как более общего и совершенного, например, «самосознания» критической критики. Напротив, сам материализм и именно спинозовского типа синтезирует в себе и принцип протяжения и принцип мышления. Поистине, говоря словами З. Цейтлина, это «совершенно очевидно для всякого, кто хоть несколько знаком с действительной историей нового материализма», а не только с историей естествознания.

Что касается второго пункта, «констатируемого» т. Цейтлиным, то кроме необоснованного высокомерия он, по существу, ничего в себе не заключает. К сведению т. Цейтлина, моя концепция исторического и логического соотношения Декарта, Спинозы и французского материализма изложена мною в главе седьмой книги «Дени Дидро, очерки жизни и мировоззрения» (Москва 1924). Выступая против меня и моих единомышленников, т. Цейтлин должен был бы вместе с холастической эквилибристики взять эти документы.

¹⁾ К сведению т. Цейтлина, переводить «profane» как «вульгарная» значит не прочесть и не понять «Святое семейство» в целом. Иронизируя над тем, что не прочесть и не понять «Святое семейство» в целом, Иронизируя над тем, что же в «Святом Максе» они поступают с М. Штиренером. Свою концепцию они называют «светской», «земной» и «мирской» (profane). Вульгарность здесь не при чем.

Дальше. Отношение Маркса и Энгельса к Спинозе в 1844 г. определяется всем их мировоззрением той эпохи. Это была эпоха фейербахианства основоположников марксизма. Тезисы о Фейербахе были, как известно, написаны только в 1845 году. В 1844 г. Маркс и Энгельс в основном относились к Спинозе так, как относился к ним Л. Фейербах в своих «Предварительных тезисах к реформе философии будущего» (1843). Нам нет нужды здесь излагать эту точку зрения,—всякий при желании может прочесть это в сочинениях Фейербаха.

Ясно, что система Спинозы во всех своих элементах и «ободках» не могла удовлетворять Маркса и Энгельса сороковых годов. Но она не удовлетворяла еще и французских материалистов. Никто не утверждал и не утверждает, что последние были спинозистами в смысле чистых спинозистов, принявших Спинозу в целом и в подробностях. Мы называем французский материализм спинозизмом в смысле «неоспинозизма» и притом XVIII века, ибо и сам Фейербах был «неоспинозистом» XIX века. Это означает, что Фейербах решал основную онтологическую проблему в духе Спинозы. Это должно быть ясным всему, претендующему разговаривать на историко-философские темы.

Субстанция Спинозы не удовлетворяла Маркса и Энгельса не потому, что она синтезировала в себе протяжение и мышление, а потому, что она была пассивной «флегматичной вещью»; движение для Спинозы было лишь бесконечным модусом, а не атрибутом (заметим, что у Декарта движение было только модусом); время у Спинозы было реальным лишь в мире модусов, а не по отношению к субстанции (заметим, что у Декарта время есть лишь модус мышления). В этом заключалась, в основном, магифизичность субстанции Спинозы, ее оторванность от человека, ибо переходы от субстанции к модусам у Спинозы неудовлетворительны.

Маркс и Энгельс в той же шестой главе «Святого семейства» в последнем параграфе¹⁾ называют спинозовский элемент в системе Гегеля, т.-е. уже в спиритуализированном виде метафизически перевернутой природой в ее оторванности от человека». Здесь же они называют самосознание Фихте в системе Гегеля «метафизически перевернутым духом в его оторванности от природы». Характерно, что Маркс и Энгельс видят в субстанции Спинозы природу, лишь облеченный в метафизические оболочки и оторванный от человека.

Штраус,—продолжают Маркс и Энгельс,—«взял за гочку отправления спинозизма». Штраус, как известно, в 1835 году выявил себя материалистом. Так вот его исходной точкой зрения был спинозизм, а не картезианство. Так пишут Маркс и Энгельс в том параграфе «Святого семейства», до которого наш глубокий критик не добрался; она ему «без надобности», або в ней нет речи о любезном Декарте.

Итак, материалист Штраус взял за исходный пункт спинозизм, идеалист Бруно Бауэр—субъективный идеализм Фихте. Они

¹⁾ «Критическое сражение с французским материализмом» является лишь одним параграфом «Святого семейства».

критикуют Гегеля, но оба изолируют свои моменты друг от друга. Штраус и Бауэр «приводят каждый момент к его одностороннему, логически последовательному концу... но каждый из них развивает лишь одну сторону системы».

«Истинное завершение критики Гегеля, — продолжают Маркс и Энгельс, — принадлежит Фейербаху. Исходя из системы Гегеля, Фейербах подвергает действительной критике эту систему, обнаруживая окончательные вытекающие из нее выводы. Превратив абсолютный дух в действительного человека, представляющего часть природы, Фейербах этим самым дал законченную критику религии и в то же время искусской мастерской рукой наметил важные основные черты критики гегелевской спекуляции и метафизики вообще¹⁾. Тем самым спинозизм воспроизводится на новой основе в лице Фейербаха. Это — «неоспинозизм» сороковых годов прошлого столетия.

Так вот как, по Марксу и Энгельсу, обстоит дело, т. Цейтлин. Давайте повторим, чтобы вы лучше запомнили:

1) Физика Декарта послужила исходным пунктом для французских материалистов-врачей: Леруа, Ламеттри, Кабанис²⁾.

Этот картезианский физический материализм воспроизведен в 20—40-х годах XIX века в механическом естествознании.

2) Английский сенсуалистический материализм послужил отправным пунктом для другой стороны французского материализма, по преимуществу, социально-исторической стороны: Гельвейций, этика Гольбаха. Этот материализм воспроизведенся в XIX веке в утопическом социализме, в особенности у Р. Оуэна («Об образовании человеческого характера»).

3) Спинозизм обобщал в плоскости онтологии, общей философии, картезианскую физику (с ее механическостью, изгнанием телесологии и т. п.) и английский материализм³⁾ даже в его обосновании этики. Поэтому общее мировоззрение французских материалистов может быть охарактеризовано как «неоспинозизм» XVIII века. Сам Дидро говорит об этом в Энциклопедии в маленькой статье о неоспинозистах. Но интересно не только это. В то время как картезианство зашло в тупик механического естествознания XIX века, а английский материализм — в тупик утопического материализма, спинозизм развивался дальше. В системе Гегеля спинозизм оказался «метафизически переделанной природой в ее оторванности от человека». Ища выход из системы Гегеля, материалист Штраус

¹⁾ Цитирую по русскому переводу, Одесса 1908, стр. 282—283.

²⁾ З. Цейтлин в своей статье всех французских материалистов делает врачами. Нужно ли говорить, что Диодо, Гольбах, Гельвейций (основное парижское ядро) врачами не были. Указанные философы Маркс и Энгельс отрицают, что они врачи. Нужно ли говорить, что основные философские работы Диодо не были известны Марксу и Энгельсу в 1844 году, так как были опубликованы позже.

³⁾ Спиноза не влиял, конечно, на Лекка в области теории познания. Иное дело — обоснование этики. Чтобы понять это, т. Цейтлин должен изучить моральное учение Спинозы. Лекка и, хотя бы, Диодо. За недостатком места отсылаем к нашей книге: «Дени Диодо», стр. 256—260.

«заял за точку отправления спинозизм». Материалист Фейербах нашел выход из системы Гегеля, «превратив абсолютный дух в действительного человека, представляющего часть природы». Этим спинозизм был реабилитирован в сороковых годах XIX века, в «неоспинозизме» той эпохи.

Но и здесь для спинозизма не было тупика. Маркс и Энгельс, отправляясь от спинозизма Фейербаха и ассилировав действенный момент, воссоздали новый «неоспинозизм», который, если угодно, можно назвать неоспинозизмом XX века. Решение основной онтологической проблемы в смысле синтеза прогрессии и мышления в единой материальной субстанции дается и здесь в духе спинозизма. Ничего другого и не содержит выражение Плеханова, что «марксизм есть род спинозизма».

3.

На этом мы могли бы закончить свой ответ т. Цейтлину. Однако во второй половине его статьи содержится еще столько путаницы и, говоря вульгарно, выкрутасов, что необходимо остановиться хотя бы на некоторых моментах.

Декартолю Цейтлину во что бы то ни стало хочет навязать диалектическому материализму картезианство. Он пытается сделать это следующими приемами: 1) Плеханов не знал естествознания, а Маркс и Энгельс знали его; 2) Маркс не считал французский материализм метафизическим, ergo он диалектичен, ergo Декарт тоже диалектичен. Остановимся на первом пункте.

«Плеханов, — утверждает З. Цейтлин, — был очень далек от естествознания». «Плеханов имел об естествознании самое недостаточное понятие». «Плеханов и другие выдающиеся наши марксисты плохо знают естествознание и его историю» и т. д. Кто сказал т. Цейтлину, который черпает свои знания по истории марксизма у П. Иванцкого, что Плеханов «был очень далек от естествознания? Откуда у З. Цейтлина такие сведения? Как решается он утверждать это? Если Плеханов не писал естественно-научных трактатов, это еще ровно ничего не доказывает. По самому «образованию» своему он был близок к точным и естественным наукам. Достоверно известно, что Плеханов прекрасно знал математику и химию. Плеханов всегда интересовался новыми достижениями в области точных наук. Но, т. Цейтлин, Плеханов, действительно, не был картезианцем!

В противоположность Плеханову, — пишет т. Цейтлин, — Маркс и, в особенности, Энгельс основательно изучали естествознание и его историю. Полное, т. Цейтлин, о каком времени идет речь? — О 1844 г. Кто же вам поверит, что в это время Маркс и Энгельс занимались естествознанием. Нужно хоть несколько знать биографию Маркса и Энгельса, чтобы понять, что ваша точка зрения — сплошная натяжка. Вот уж, действительно, усердливый шутник опаснее врага. Теперь, т. Цейтлин, с точностью устновлено, когда Маркс и Энгельс стали заниматься естественными науками и математикой и какие книги они читали. Ваша точка зрения — голая спекуляция, нужная вам для защиты ваших ошибочных позиций.

Вместо того, чтобы самому приняться за изучение истории философии или хотя бы пользоваться хорошими курсами по

истории философии, вы преклонились перед словами А. Рей. Замечательный авторитет, перед которым должны пасть ниц все марксисты! «Под философией Декарта в XVII веке как ее друзья, так и враги разумели (вставка в скобках «главным образом») физику Декарта». Тов. Цейтлин, вы читали возражения Декарту со стороны Гоббса и Гассенди? Вы читали критику Локком врожденных идей Декарта? Вы читали Спинозу? Вы читали французских материалистов? Если бы вы читали, вы не поверили бы А. Рей. Вот все, что можно вам сказать.

Твердить который год о том, что «мегафизика Декарта является весьма искусственным привеском к его философии(!)», что душа, по Декарту, есть мозг, что врожденные идеи, это—проведенные в мозгу тысячелетней эволюции борозды, что Декарт есть Декарт, ибо он боялся иезуитов,—ведь все это, во-первых, уже скучно, а во-вторых свидетельствует, что и Декарта-то в целом вы или не поняли, или не хотите понять.

По сути дела, жалко становиться т. Цейтлину: хочет он быть диалектическим материалистом, но, с другой стороны, картезианская его природа не пускает. Вот-вот уже «доказал», что французские материалисты и марксизм являются картезианством, но вдруг на дороге формула Плеханова «марксизм есть род спинонизма». И вот начинаются «выкрутасы»: чтобы получить марксизм из спинонизма, нужно, видите ли, не освободить его от теологической оболочки, а необходимо «очистить его от метафизических и теологических элементов». Замечательная поправка! Вам больше нравятся «элементы», а Плеханову «привески» или «оболочка». Вот это-то, т. Цейтлин, и называется схоластическими увертками.

Как быть с формулой Плеханова? Тов. Цейтлин хочет и невинность сохранить, и капитал приобрести. Он, видите ли, тоже утверждает, что «основа спинонизма, его сущность, самое главное в нем—безусловно материалистичны». Это можно сказать о спинонизме в целом, а вот о картезианстве в целом этого сам З. Цейтлин не скажет. Так в чем же дело? И при чем здесь естественно-научные познания Плеханова или Маркса? Дело, видите ли, по Цейтлину, в том, что спинонизм есть «философское завершение «естественно-научного фундамента», т.-е. картезианство, окончательно отбросившее метафизику дуализма субстанций (материи и духа).

Но, т. Цейтлин, ведь это же в путаной форме—ваша капитуляция, видимость победы, а факт поражения. Спинона есть материалистическое завершение и вместе с тем преодоление Декарта. Ведь это же я говорю, а не вы. Завершение не «естественно-научного фундамента» Декарта, а Декарта в целом,—вот в чем гвоздь вопроса. Вы пишете: «т.-е. картезианство, окончательно отбросившее метафизику дуализма двух субстанций». Но, позвольте, как это «то-есть»? Картезианство, которое отбросило метафизику двух субстанций, не есть уже картезианство, а есть спинонизм. Ведь это и малые дети поймут. Посмотрите, какой вы шутник: марксизм, поставивший на ноги абсолютный дух гегельянства, есть гегельянство,—так выходит по вашей логике! Не вразумительно и с историко-философской точки зрения безграмотно.

Чтобы покончить с этой частью вашей статьи, скажем еще два слова о той беспросветной путанице, которую вы вносите в понимание Локка. Вы пишете: «Учение Локка имеет сильный уклон в сторону «сенсуализма», т.-е. той стороны материи, которая сознательно была исключена Декартом из его «физики». Что сие значит: сенсуализм, т.-е. сторона материи? Сенсуализм есть определенное теоретико-познавательное направление, а не «сторона материи». Вы, очевидно, хотите сказать о так называемой чувствительности материи, как об одном из свойств материи-субстанции. Но зачем же говорить, что чувствительность была «сознательно» изгнана из «физики» Декарта. Она, эта чувствительность, была «сознательно» передана Декартом его мыслицей субстанции, его душе. Это—одна из основ картезианства. Логически последовательно поэтому Декарт отрицал душу в животных, считая их машинами. Все это азбука истории философии.

Французский материализм считал чувствительность свойством материи (нас сейчас не интересует—всеобщим ли свойством, или свойством материи, известным образом организованной). Отсюда т. Цейтлин умозаключает к своему второму итоговому тезису: «Французские материалисты не были столь механистичны, как это обычно изображают».

Вопрос о том, способна ли материя ощущать, не решает еще вопроса о том, механист ли данный автор или нет. Вот, например, тов. Цейтлин тоже ведь отрицает ощущающую душу, он тоже считает, что материя, а не что-либо другое, ощущает, и однако он остается механистическим материалистом.

Забавно отметить и то, как наши противники идут к одной цели разными путями: А. К. Тимирязев (см. «Вестник Коммунистической Академии», кн. 17) признает механичность материализма XVIII века и, в принципе возражая его, заявляет, что современное естествоиспытание в большей своей части не механично, а З. Цейтлин, примыкая в общем к А. Тимирязеву, пытается схоластически доказать, что и материализм XVIII века не был механистичным.

Чтобы доказать это, т. Цейтлин вновь вытаскивает испытанный прием: Плеханов нарочно неправильно передал мысль Маркса (и Энгельса—добавим от себя). Посмотрим так ли это.

Текст Плеханова: «...французский материализм XVIII века представляет собою... открытую, ясно выраженную борьбу против метафизики XVII столетия, против метафизики Декарта, Мальбрранша, Спинозы, Лейбница». К этому т. Цейтлин добавляет: «Тексте Маркса имеется еще фраза «против всякой метафизики», заканчивающая утверждение о характере французского просвещения и материализма».

Приведем полный текст интересующих нас строк Маркса и Энгельса: «...французский материализм XVIII века представляет собою открытую, ясно выраженную борьбу против метафизики XVII века и против всякой метафизики, именно: против метафизики Декарта, Мальбрранша, Спинозы и Лейбница»¹⁾.

¹⁾ War der französische Materialismus... ein offener, ein ausgesprochener Kampf gegen die Metaphysik des 17 Jahrhunderts und gegen alle Metaphysik namentlich gegen die des Descartes, Malbranche, Spinoza und Leibnitz

Читатель видит, что Плеханов выпустил в своем переводе подчеркнутые нами слова; но читатель видит также, что, во-первых, т. Цейтлин учинил передергку, заявляя, что слова «против всякой метафизики» заканчиваются фразой Маркса и Энгельса, выражают и тоговую мысль их и, во-вторых, что Плеханов не исказил мысли авторов, еще более сильной, ибо перед именами Декарта и других стоит усиливающее слово «именно». Учинив передергку, тов. Цейтлин заявляет, что французский материализм боролся не против определенной метафизики,—надо думать, что он боролся против неопределенной метафизики! А отсюда т. Цейтлин глубокомысленно заключает: «Не означает ли это, что Маркс считал французский материализм в известной мере диалектическим?» И далее он пишет: «Отсюда видно, что Маркс не считал французских материалистов механистами».

Невинный и, что значительно хуже, беззаботный по части философии т. Цейтлин совершенно не представляет себе исторического смысла термина «метафизика». Врачаюсь в кругах марксистов, он слышал о противоположении: метафизика—диалектика, и больше ничего не желает знать. Он не может понять, что французские материалисты боролись с метафизикой типа Декарта, Мальбранша, Спинозы и Лейбница (со всякой метафизикой,—как дуалистической—Декарт, идеалистической—Мальбранш и Лейбниц, так и материалистической—Спиноза) и в этом смысле были антиметафизиками,—и в то же время сами оставались метафизическими в смысле недиалектиков. Поясним примером: Гегель был диалектиком, а не метафизиком, и в то же время он был метафизиком, трактуя, например, об абсолютном духе. Французские материалисты, наоборот, не были метафизическими, ибо не отрывались от природы, материи с ее движением и т. п., были «физиками», и в то же время они были метафизическими, ибо не были диалектиками. А вот, например, т. Цейтлин метафизик в обоих смыслах: он и не диалектик, и метафизик картезианец.

Так же обстоит дело и с «немеханистичностью» французских материалистов. Не говоря уж о том, что на этот счет есть целый ряд аутентичных указаний Маркса и Энгельса, подумал бы гов. Цейтлин хоть раз: как могли Маркс и Энгельс в 1844 году, пройдя школу Гегеля и Фейербаха, не считать французских материалистов механистами? А между тем то, что совершенно ясно обладающему хоть самой малой историко-философской выучкой, то остается за семью печатями для наших естественников.

Мы выбрались, наконец, из безумных дебрей статьи т. Цейтлина. В конце этой статьи т. Цейтлин покровительственно похлопывает по плечу марксистов и говорит: бедненькие вы, «в условиях общественной революционной борьбы с самодержавием» некогда было вам заниматься историей естествознания. Занимайтесь же ею теперь, иначе не выйти вам из «больших конфузов и ошибок». Спасибо, т. Цейтлин, за совет. Хорошо, что сказали. Правда, уже Фейербах говорил о необходимости союза философии и естествознания, Маркс и Энгельс говорили, Плеханов говорил. Ленин говорил, теперь вот еще т. Цейтлин напоминает. Только одна маленькая оговорочка: и Энгельс, и Ленин довольно настойчиво указывали на необходимость есте-

ственникам отбросить свое высокомерие, выбросить за окончко позитивистский плакат «Наука—сама себе философия» и пойти на выручку к философии и ее истории. Право, некоторая польза будет.

Ваш совет нам: «овладеть естествознанием хотя бы в том объеме (как вы скромны, т. Цейтлин!), в каком им владел Энгельс».

Наш дружеский совет вам: овладеть философией «хотя бы» в том объеме, в каком владел ею Энгельс.

«Иначе всегда будут получаться большие конфузы и ошибки», прекрасной иллюстрацией чего и является статья т. Цейтлина. Поистине дулась гора родами, а родила мышь.

Литература о Спинозе.

...Я понимаю спинозизм в материалистическом смысле. Но это—единственно правильное его понимание.

Г. Плеханов.

Марксизм с полным правом может гордиться тем, что он свой духовный род ведет не только от таких величайших мыслителей, как Л. Фейербах, Гегель и французские материалисты, но также и от такого, по времени весьма далеко от нас отстоящего, но по общему направлению нам чрезвычайно близкого, гениального мыслителя, как Б. Спиноза. Волны промышленного развития, достигшие в Голландии в XVII веке наиболее бурного своего подъема, вынесли на гребне своем великого, благородного еврейского мыслителя, на которого история возложила почетную миссию отточить тончайшее духовное оружие материалистической критики, которое могло бы успешно разить чудовище феодального мракобесия и схоластицизма теологической философии. Это материалистическое оружие было замечательным не только для своего времени, но и в значительной степени сохранило всю свою боеспособность и для последующих веков и в особенности для тех классов, которые в процессе своего поступательного духовного движения сталкиваются со всяческой философской реакционной трухой. Не удивительно, что французские материалисты Ламетти, Дидро, Гольбаха обильно черпали из философского источника спинозизма, что непосредственный философский предтеча Маркса—Л. Фейербах—испытала на себе глубокое влияние Спинозы, которого он провозгласил «Монсем новейших свободных мыслителей и материалистов». Не удивительно, что такие крупнейшие художественные умы, как Гете и Лессинг, пропитывали идеологические основы своего творчества философскими элементами спинонизма. Так же не удивительно, что все буржуазные историки философии всячески пытались выгравить из спинозизма его материалистическое революционное жало, свести учение Спинозы к безобразной, правда несколько своеобразной, но все же в основе своей идеалистической системе. И любопытно, что некоторые марксистские писатели, почему-либо в то или иное время начинавшие давать задний ход «от марксизма к идеализму», начинали, между прочим, с пересмотра философских основ спинонизма, стараясь их истолковать в идеалистическом духе. В этом направлении в свое время пробовали двигаться И. Штерн, Э. Бернштейн, натолкнувшись на жестокий отпор со стороны Плеханова, впервые из марксистов указавшего на то, что «Спиноза, несмотря на теологическую оболочку его основной философской идеи, должен быть отнесен к материалистам» и что «материализм Маркса и Энгельса был родом спинозизма (ein Art Spinozismus)»¹⁾.

¹⁾ Г. В. Плеханов, Предисловие ко 2-му изд. русского перевода «Л. Фейербаха. Ф. Энгельса,—Соч., т. XVIII, стр. 260.

Плеханов в этом вопросе собственно лишь развел ту точку зрения, которую в свое время выдвинул Энгельс в «Анти-Дюринге»¹⁾ и «Диалектике природы»²⁾, причислив Спинозу к «блестящим представителям диалектики», пытавшемуся, «вслед за французскими материалистами..., об'яснить мир из него самого».

Если бы Спиноза признавал идентичность бытия и мышления, то он был бы «чистым идеалистом», т.-е. тем, чем он не был,—писал Плеханов по адресу Бернштейна³⁾, но в том-то и дело,—продолжает далее Плеханов,—что «его (Спинозы) единная субстанция—одновременно и вещественна и духовна»⁴⁾ и что, следовательно «критики Маркса», испугавшие единодушный крик удивления по поводу сведения им (т.-е. Плехановым) материализма Маркса и Энгельса к роду спинозизма, обнаружили, собственно говоря, свое философское невежество⁵⁾.

В подтверждение своей мысли Плеханов ссылается на чрезвычайно любопытный разговор свой с Энгельсом (в 1889 г., во время международной выставки в Париже), во время которого Энгельс на вопрос Плеханова: «Так, по-вашему, старик Спиноза был прав, говоря, что мысль и проявление не что иное, как два атрибута одной и той же субстанции?» ответил: «Конечно—старик Спиноза был вполне прав»⁶⁾. Этот материалистический монизм Спинозы, покончивший с дуализмом духа и природы, является одной из сильнейших черт его философии, делающей ее особенно нам близкой; конечно, мы при этом не забывали, что природа у Спинозы «приняла вид отвлеченного метафизического существа»⁷⁾.

В общем материалистический взгляд на Спинозу в свое время защищала также и тов. Л. Аксельрод, ныне выступившая с новой интерпретацией, непоследовательность и внутренняя противоречивость которой достаточно вскрыта на страницах нашего журнала, особенно в статье тов. И. Вайнштейна: «Спиноза и материализм». Нам только хочется отметить, что в свое время тов. Л. Аксельрод считала систему Спинозы «последовательно продуманным мировоззрением гениального мыслителя, базирующимся на материалистической основе, с особенной четкостью и глубиной, выраженной в замечательной формуле Спинозы о том, что "порядок и связь идей соответствует порядку и связи вещей"»⁸⁾. Тогда же тов. Л. Аксельрод жаловалась, что истинная философская сущность спинонизма «искажалась и искажается идеалистическими историками»; ныне, увы, тов. Аксельрод своей интерпретацией спинонизма в духе «неподвижного параллелизма», процутившему в себе якобы спинонизму разрыв между «атрибутом материи от субстанции и мышления» вольно или невольно вернулась на точку зрения отвергнутых ею прежде идеалистических историков. Не свободен также от элементов идеалистической реакции и тов. Варяш, посвятивший в своей «Истории новой философии» ряд глав Спинозе и спинонизму⁹⁾.

¹⁾ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, пер. с немецкого, 3-е изд. «Моск. Раб.», 1923 г., стр. 29.

²⁾ Ф. Энгельс, Диалектика природы,—«Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», под ред. Д. Рязанова, кн. II, 1925, стр. 161.

³⁾ Г. В. Плеханов, Сант против Канта,—Соч., т. XI, стр. 49.

⁴⁾ Там же, стр. 49.

⁵⁾ Г. В. Плеханов. Предисловие ко 2-му изданию «Л. Фейербаха. Энгельса.—Соч., т. XVIII, стр. 290.

⁶⁾ Г. В. Плеханов, Бернштейн и материализм,—Соч., т. XI, стр. 22.

⁷⁾ Г. В. Плеханов, От идеализма к материализму,—Соч., т. XVIII, стр. 167.

⁸⁾ Л. Аксельрод, Философские очерки, 3-е изд., 1924, стр. 77.

⁹⁾ См. о нем рецензию тов. В. Асмуса в «Под Знам. Маркса» за текущий год, № 7—8.

Этот все разрастающийся интерес к Спинозе как раз совпадает с приближающейся 250-летней годовщиной со дня его смерти (в феврале 1927 г.), которая еще более, надо полагать, поднимет интерес к этому замечательному мыслителю. В силу этих соображений мы и решили подвергнуть библиографическому учету русскую литературу о Спинозе. Всю приведенную литературу мы разбили на 9 отделов: в первый отдел мы включили все имеющиеся в русских переводах произведения Спинозы; во второй — марксистскую литературу о Спинозе (при этом, конечно, необходимо иметь в виду те оговорки, которые нами сделаны выше); в третий — литературу философского ревизионизма; в четвертый — литературу, охватывающую едином изложении как биографию, так и характеристику его философской деятельности; в пятый — литературу, специально посвященную характеристике одной лишь философской деятельности; в шестой — материалы о Спинозе, содержащиеся в общих трудах по истории философии; в седьмой — литературу, специально посвященную характеристике его этических воззрений; в восьмой — его государственно-правовых воззрений (в эти последние два отдела мы наряду с специальной литературой ввели также отдельные главы из некоторых общих трудов) и, наконец, в девятый отдел — всю остальную литературу, в которой в той или иной степени затрагивается интересующая нас проблема.

Необходимо еще прибавить, что благородный образ щлифовщика стекол, бросивший феодальному миру вызов своей смелой философской системой и тем самым обрекший себя на мученическую судьбу, неоднократно привлекал к себе внимание художников, пытавшихся зарисовать эту замечательную личность, богатую глубокими эмоциональными переживаниями при всей верности выдвинутой самим Спинозой формуле: не плакать, не смеяться, но понимать. К сожалению, мы лишены здесь возможности дать подробный перечень этих произведений. Для примера назовем романы Б. Ауэрбаха: «Спиноза» и «На высоте» и И. Зангвилья: «Амстердамский щлифовщик»¹⁾.

I. Сочинения Спинозы на русском языке.

Спиноза, Б. Трактат об усовершенствовании разума. Пер. с лат. Полиникского, с приложением главы из «Истории новой философии» Куво-Фишера. Одесса. 1893. Рец. «Русская Мысль». 1895. № 7. Стр. 324—325.

То же. Трактат об очищении интеллекта по пути, наилучшим образом ведущему истинному познанию вещей. Пер. с лат. с введением и примеч. В. Половцовской. Труды М. Психолог. об-ва. VIII. М. 1914. Стр. 188.

Спиноза, Б. Богословско-политический трактат. Пер. с латинского М. Лопаткина. Казань. 1906. Стр. 440.

Спиноза, Б. Принципы философии Декарта. Пер. с лат. с предисловием Г. С. Тымянского. Изд. «Новая Москва». М. 1926. Стр. 104. «Труды Института Красной профессуры» под общей редакцией А. Деборина. См. рец. Г. Дмитриева. «Вестник Коммунист. Академии». 1926. № 17. Стр. 293—297.

И. Луппоп. «Печать и Революция». 1926, VII, стр. 164—166.

Спиноза, Б. Этика, доказанная в геометрическом порядке и разделенная на пять частей, в которых трактуется: I. О боже. II. О природе и происхождении души. III. О происхождении и природе аффектов. IV. О человеческом рабстве или о силах аффектов. V. О могуществе разума или о человеческой свободе. Пер. с латинского Н. А. Иванцова. Изд. 2-е. М. 1911. Стр. 384. Труды Московск. Псих. о-ва. Вып. V.

¹⁾ Б. Ауэрбах, Спиноза. Жизнь мыслителя, пер. Сахаровой, изд. Ледерле. С. 1894, стр. 376. См. рецензию в «Мире Божьем» 1894, № 5. То же, пер. под редакцией А. Трачевского, изд. Ильина, СПБ. 1905.

Его же. На высоте, М., изд. Клюкина, 1900. И. Зангвиль. Амстердамский щлифовщик, «Восход» 1896, IV, VI. То же в «Еврейской Жизни» 1904, IV.

То же. Пер. Н. А. Иванцова, под ред. В. И. Преображенского. М. 1892. Труды Моск. Психологич. о-ва Вып. IV.
Рец. «Восход». 1886. № 12. (А. Волынский). «Вестн. Европы». 1887. № II (К-Н). «Русская Мысль». 1892. № 6. «Русская Мысль» 1887. № 2. (Первый русский перевод был уничтожен цензурой).

То же. Пер. под ред. В. И. Модестова. СПБ. 1886.

То же. Изд. 2-е под ред. В. И. Модестова. СПБ. 1892.

То же. Изд. 3-е. 1894. Под ред. В. И. Модестова. Стр. 327.

То же. Изд. 4-е. 1901. Отрывки в: 1) Книге для чтения по истории философии А. Деборина. М. «Новая Москва». 1924. Стр. 218—233. (О бож.). 2) Отрывки из сочинений великих философов. А. Фульлье. Пер. с французского. П. Николаева. М. 1895. Стр. 215—223.

Спиноза, Б. Политический трактат. Пер. А. Ставского, под ред. Е. Спекторского. Варшава 1910.

То же. Пер. с лат. и примечания С. М. Роговина и Б. В. Чардина. Предисловие С. А. Котляревского. Изд. Н. Ключкова. М. 1910. Стр. 157.

Спиноза, Б. Переиска. С приложением жизнеописания Спинозы И. Колерса. Пер. с лат. Л. Я. Гуревич, под ред. и с примеч. А. Л. Волинского. СПБ. 1891. Стр. 432.

То же. М. 1901. См. рец. 1) В. П. Преображенского. «Вопросы философии и психологии». VII. Стр. 76—83. 2) «Русск. Богатство». 1891. № 3. Стр. 235—237.

Баскин, М. и Чудновцев, М. Систематическая хрестоматия по марксизму. Том I. Предшественники марксизма. Изд. «Пролетарий». 1925. Стр. 30—43. (Отрывки из Спинозы и из произведений о нем).

Фульлье, А. Отрывки из сочинений великих философов. Пер. с французского П. Николаева. Изд. К. Солдатенкова. М. 1895. (Спиноза). Стр. 215—223.

II. Марксистская литература о Спинозе.

Аксельрод-Ортодокс, Л. Двойственная истина в современной немецкой философии. См. ее «Философские очерки». 3-е изд. ГИЗ. 1924. Стр. 77, 81—83.

Аксельрод, Л. О. «Проблемы идеализма». См. сборник ее статей: «Против идеализма». 2-е изд. ГИЗ. 1924. Стр. 27—30. См. там же стр. 74, 81.

Аксельрод, Л. (Ортодокс). Спиноза и материализм. «Красная Нояь». 1925. № 7. Стр. 144—168.

То же. В переработанном виде перепечатано в виде предисловия к «Основным вопросам марксизма» Плеханова в изд. «Советская деревня». Курск. 1925. Стр. 3—25. Об этом см. статьи: 1) Вайнштейн, И. Спиноза и материализм. «П. З. М.» 1926. № 3. Стр. 85—97. 2) Чучмарев, В. Рец. на «Основные вопросы марксизма» Плеханова с пред. Л. Аксельрод (Ортодокс). «П. З. М.» 1926. № 3. Стр. 247—254. 3) Дмитриев, Г. Философия Спинозы и диалектический материализм. «П. З. М.» 1926. № 9—10. Стр. 26—42.

Асмус, В. Ф. Диалектический материализм и логика. Изд. «Сорабкоп» Киев. 1924. Стр. 61, 122, 125, 167—169, 208, 213.

Вайнштейн, И. Спиноза и материализм. «Под Знаменем Марксизма». 1926. № 3. Стр. 85—97. (По поводу ст. Л. Аксельрод: «Спиноза и материализм в «Красной Нояь». 1925. № 7).

Варяш, А. История новой философии. ГИЗ. 1926. Т. I, ч. I. Спиноза. Стр. 129—220, 327; ч. II. Диалектика в системе Спинозы. Стр. 225—227. Вольфсон, С. Я. Диалектический материализм. Изд. IV. М. «Белтреcпечатъ». 1924. Стр. 35—39.

Выдра, Р. К вопросу об идеологическом происхождении учения Спинозы. «Историко-философский сборник». С предисловием А. Деборина. М. 1925. Изд. «Ком. Академии». Стр. 33—46.

Деборин, А. Жюльен Оффре Ламетри. В его сборнике: «Философия и марксизм». ГИЗ. 1926. Стр. 162, 164, 174, 183.

Деборин, А. Гольбах. См. его сборник статей: «Философия и марксизм». ГИЗ. 1926. Стр. 208.

Деборин, А. Введение в философию диалектического материализма. С предисловием Г. В. Плеханова. 3-е изд. 1924. Стр. 60—61, 62—63, 72—73, 75.

Днгген, И. Экскурсия социалиста в область теории познания. См. его сборник статей: «Философия социал-демократии». Пер. с нем., под ред. П. Когана. Изд. Скирмунта. М. Стр. 193—194.

Дмитриев, Г. Философия Спинозы и диалектический материализм. «Под Знаменем Марксизма» 1926. № 9—42. Стр. 26—42. История философии в марксистском освещении. Составили Б. Столпер и П. Юшкевич. 2-е просмотрен. и дополн. изд. «Мир». 1925. Стр. 130—146. (Отрывки о Спинозе из произведений Плеханова, Деборина, Штерна и Кунова).

Кибовский. Теория субстанции, атрибутов и модусов Спинозы. Историко-философский сборник. С предисловием А. Деборина. М. 1925. Изд. Ком. Академии. Стр. 47—74.

Кунов, Г. Учение Спинозы о происхождении права. См. «История философии в марксистском освещении». Сост. Б. Столпер и П. Юшкевич. Изд. 2-е. «Мир». М. 1925, ч. I. Стр. 143—146.

Луппол, И. К. Дени Дидро. «Новая Москва». 1924. М. Стр. 193—197, 215—216, 256—259.

Луппол, И. Бенедикт Спиноза. См. Деборин, А. «Книга для чтения по истории философии», т. I. Изд. «Новая Москва». М. 1924. Стр. 420—423.

Маркс, К. Передовица в № 179 «Кельнской Газеты». Маркс и Энгельс. Сочинения, т. I. Гиз. 1923. Стр. 174.

Маркс, К. Энгельс. Из литературного наследия. Пер. с немецк. под ред. Л. Аксельрод, В. Засулич и Д. Колльцова, т. II. Изд. «Озование Труда». 1908. Стр. 265, 268, 269, 271, 272, 274. (Гл. VI. § 3. Маркс. Критическое сражение с французским материализмом).

Маркс, К. Капитал. Перев. под ред. В. Базарова и И. Степанова. Гиз. 1923, т. I. Стр. XLVIII, 282, 583.

Маркс, К. Письма к Кугельману. Пер. с нем. под ред. Н. Ленина. Гиз. 1920. Стр. 102.

Плеханов, Г. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Сочинения, т. VII. Гиз. 1923. Стр. 144.

Плеханов, Г. Бернштейн и материализм. Сочинения, т. XI. Гиз. 1923. Стр. 9—22.

Плеханов, Г. В. Kant против Канта или духовное завещание г. Бернштейна. Сочинения. Гиз. 1923, т. XI. Стр. 47—49.

Плеханов, Г. Предисловие ко 2-му изд. рус. перевода «Л. Фейербаха». Энгельса. Сочинения. Гиз. 1925, т. XVIII. Стр. 259—261.

Плеханов, Г. Философская эволюция Маркса. Сочинения. Гиз. 1925, т. XVIII. Стр. 330.

Плеханов, Г. Основные вопросы марксизма. Сочинения. Гиз. 1925, т. XVIII. Стр. 188—189.

Плеханов, Г. Трусливый идеализм. (По поводу книги И. Петцольда «Проблемы мира с точки зрения позитивизма». СПБ. 1909). Сочинения. Гиз. 1925, т. XVII. Стр. 122—129.

Плеханов, Г. От идеализма к материализму. Сочинения. Гиз. 1925, т. XVIII. Стр. 166—168.

Плеханов, Г. Предисловие к книге А. Деборина: «Введение в философию диалектического материализма». Сочинения. Гиз. 1925, т. XVIII. Стр. 315—317.

Познер. Причинность и целесообразность в учении Спинозы в «Историко-философском сборнике». С предисловием А. Деборина. Изд. Ком. Академии. М. 1925. Стр. 75—85.

Столяров. Этика Спинозы. Историко-философский сборник. С предисловием А. Деборина. Изд. Ком. Академии. М. 1925. Стр. 86—103.

Тымянский, Г. Спинозизм в Германии и Фридрих Вильгельм Стол. «Под Знаменем Марксизма», 1925. № 8—9. Стр. 73—92.

Чучмарев, В. И. Материализм Дидро. ГИУ. 1925. Стр. 63—65. (Спинозизм Дидро).

Чучмарев, В. Рец. на предисловие Л. И. Аксельрод к «Основным вопросам марксизма» Г. Плеханова. «Под Знам. Марксизма». 1926. № 3. Стр. 247—254.

Энгельс, Ф. Шеллинг и откровение. Маркс и Энгельс. Сочинения, т. II. Гиз. 1924. Стр. 164.

Энгельс, Ф. Анти-Дюринг. Пер. с нем. М. Е. Ландau. Изд. 3-е, исправленное. Изд. «Московский Рабочий». М. 1923. Стр. 29, 162.

Энгельс, Ф. Диалектика природы. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Под ред. Рязанова, Д. Книга II. Гиз. 1925. Стр. 27, 31, 161.

III. Спиноза в оценке философского ревизионизма.

Бернштейн, Э. Исторический материализм. Пер. Л. Канцель. Изд. «Знание». СПБ. 1901. Стр. 78—79.

Богданов, А. Философия живого опыта. 3-е изд. «Книга». 1923. М. П. Стр. 256—258. (О влиянии Спинозы на Дицгена).

Богданов, А. Вера и наука (О книге В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм»). См. его «Падение великого фетишизма». Изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова. М. 1910. Стр. 205—207. (О Плеханов. Интерпретации Спинозы).

Валентинов, Н. Философские построения марксизма. Изд. «Сотрудник Пропаганды». М. 1908. Стр. 88—92.

Вольтман, Л. Система морального сознания в связи с отношением кратической философии к дарвинизму и социальному. Пер. с нем. под ред. М. Филиппова. СПБ. 1901. Стр. 208—210. (Спинозизм).

Гельфонд, И. Философия Дицгена и современный позитивизм. Философский сборник. Очерки по философии марксизма. М. Изд. «Звено», 1910. Стр. 249—253.

Луначарский, А. От Спинозы до Маркса. Изд. «Новая Москва», М. 1925. Стр. 13—28.

Штерн, Я. Экономический и натуралистический материализм. Сборник «Исторический материализм», составл. С. Семковским. Гиз. 5-е изд. 1925. Стр. 217—220.

Шулятиков, В. Оправдание капитализма в западно-европейской философии. М. 1908. IV. Спиноза. Стр. 34—42.

IV. Отдельные работы, посвященные жизни и философской деятельности Спинозы.

Болин, В. Спиноза. Перев. с немецк. З. Н. Журавской и Д. В. Страндена. Под ред. П. Струве. Изд. Половой. СПБ. 1899. Стр. 186. См. рец.: I) «Мир Божий», 1899. № 9. Стр. 84—86. 2) «Образование», 1900. № 2. Стр. 83—88. (Н. Лазаревский). 3) «Вопросы философии и психологии», т. 45 (1899 г.).

Бернфельд, С. Спиноза. Еврейская энциклопедия. Под общ. редакцией Л. Кащенко-Сона. СПБ. (Год не указан), т. XIV. Стр. 531—547. Грец, Г. История евреев от древнейших времен до настоящего. Пер. с 4-го немецк. изд. под ред. В. Шерешевского. Изд. Шермана. Одесса, т. XI. Стр. 149—180, 226—227.

Ковнер, С. Спиноза, его жизнь и сочинения. Варшава. 1897.

То же. «Киев. Унив. Известия». 1862. №№ 11—12. Стр. 1—87.

Колерус, И. Жизнь Б. Спинозы. См. «Переписку Бенедикта де Спинозы». Пер. под ред. А. Л. Волынского. СПБ. 1891. Стр. 1—54.

Корш, В. Барух Спиноза. «Восход», 1881. №№ 1, 5, 7, 8.

Льюис, Жизнь и учение Спинозы. Пер. с англ. СПБ. 1895.

Паперна, Г. Спиноза. Его жизнь и философская деятельность. Изд. Павленкова. 1895. Стр. 100.

Рец. «Мир Божий», 1896. № 4. Стр. 15—17. «Образование», 1896. № 1. Стр. 110 (А. Хиряков). «Рус. Мысль», 1896. № 6. Стр. 252—254.

Куно Фишер. История иной философии. СПБ. Изд. Д. Е. Жуковского. 1906. т. II. Спиноза, его жизнь, сочинения и учение. Пер. с 4-го нем. изд. С. Л. Франка. Стр. 87—583.

То же. Изд. СПБ. 1862. Об этом изд. см. следующие рецензии: «Современник» 1862. № 2. «Время» 1862. № 3. Стр. 55—64. 1863 № 2. «Библиотека для Чтения». 1863. № 3. «Отечествен. Записки». 1864. № 1.

V. Характеристика специально философской системы Спинозы.

Виндельбанд, В. Прелюдии. Пер. со 2-го нем. изд. С. Франка. Изд. Д. Жуковского. СПБ. 1904. См. «Памяти Спинозы», стр. 71—91. (Речь по поводу 200-летия со дня смерти, произнесенная в 1877 г. в Цюрихском ун-те).

То же, в «Мире Божьем» 1901. № 7.

Геффдинг, Г. О философской системе Спинозы. «Научн. Обозрение», 1902. № 1. Стр. 10—20. № 2. Стр. 32—39. № 3. Стр. 67—72.

Гильяров, А. Философия, в ее существе, значении и истории. Киев. 1916. Стр. 169—171, 515—527.

Гогоцкий, С. Философский лексикон, т. IV, вып. I. Киев. 1872. Спиноза. Стр. 388—399.

- Дидро, Д. Спиноза. (Статья из «Энциклопедии»). Пер. Я. Виткинд. «Под Знаменем Марксизма». 1923, № 6—7. Стр. 159—182.
- Вормс, Р. Барух Спиноза. «Восход», 1894, № 9. Стр. 17—29.
- Кирилович, А. Онтология и космология Спинозы в связи с его теорией познания. «Вера и Разум», 1894, № 3. Стр. 119—150. № 5. Стр. 220—238, № 6. Стр. 255—286.
- Льюис, Д. Спиноза. «Отечественные Записки», 1866, август, кн. вторая Стр. 737—753.
- Радлов, Э. Спиноза. Энциклоп. словарь Брокгауз и Ефрон. СПБ. 1900, т. XXXI. Стр. 214—221.
- Робинсон, Л. Метафизика Спинозы. Изд. «Шиповник». СПБ. 1913. Стр. 421.
- Ромбру, Я. Борух Спиноза. «Рассвет», 1880, №№ 39—47, 49—52, 1881, №№ 2, 4, 7, 9, II, 28, 29, 30, 32.
- Тарнополь, Спиноза и спинозизм. «Вестник Рус. Еврея», 1871, № 30.
- Франк, С. Учение Спинозы об атрибуатах. «Вопросы философии и психологии», 1912, IV. Стр. 523—567.
- Шилкарский, В. О панлогизме у Спинозы. «Вопросы философии и психологии», 1914, I.
- Шнерк, Ф. Система Спинозы. СПБ. 1893. Стр. 24. Рец. «Русск. Богатство» 1893, № 7. Стр. 66—69.

V. Спиноза в общих трудах по истории философии.

- Виндельбанд, В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. Пер. под ред. А. И. Введенского, 3-е изд. СПБ. 1913, т. I, § 26. Барух Спиноза. Стр. 161—192. Глава эта перепечатана в книге: А. Фульлье. Декарт, пер. под ред. Н. Я. Гrotta. М. 1895.
- Виндельбанд, В. Новая философия (глава VII. Барух Спиноза). Стр. 138—145. См. «Общая история философии», т. II, перв. Яшунского, под ред. А. И. Введенского и Э. Радлова. СПБ. 1912.
- Виндельбанд, В. История философии. Пер. с нем. П. Рудина. Изд. «Издатель», СПБ. 1898. (См. по указателю).
- Вебер, А. История европейской философии. Пер. с 2-го франц. изд., под ред. А. Коэльова. Киев. 1882. § 5. Спиноза. Стр. 227—244.
- Ибервег-Гейнце. История новой философии. Пер. с 7-го немецк. изд. Я. Колубовского. СПБ. Изд. Пантелеева. 1890. § 13 Спиноза. Стр. 74—101. То же, изд. 1898 г., § 14. Стр. 102—125.
- Геффинген, Г. Учебник истории новой философии. Пер. с нем. с предисловием Л. Аксельрод. М. Гиз. 1924. Стр. 62—72.
- То же. Пер. Б. Столнина. СПБ. Изд. «Шиповник». 1910.
- Грот, Н. Основные моменты в развитии новой философии. «Вопросы философии и психологии», 1891, № 10. Стр. 1—18.
- Линницкий, П. Очерки истории философии древней и новой. Киев. 1902. Стр. 195—204.
- Лопатин, Л. История новой философии. М. 1902. (гектогр. изд.). Стр. 209—272.
- То же, изд. М. 1915.
- Льюис, Д. История философии от начала ее в Греции до настоящего времени. Пер. под ред. В. Спасовича. СПБ. 1865. Стр. 406—509.
- То же изд. Пер. под ред. О. Чуйко. СПБ. 1889 и 1892.
- То же изд. 3-е. СПБ. 1897. Стр. 400—432.
- Ремке, И. Очерк истории философии. Пер. с нем. Н. Лосского. СПБ. 1907. Изд. 2-е О. Н. Поповой. Стр. 150—170.
- Страхов, Н. Очерк истории философии. Х. 1907. Изд. 4-е. Стр. 73—77.
- Фалькенберг, Р. История новой философии от Николая Кузанского до нашего времени. Пер. с 6-го нем. изд. под ред. и пред. Д. В. Викторова. «Московское Кн.-во». М. 1910. Стр. 86—110 (и др. изд.).
- Форлендер, К. Общедоступная история философии. Пер. с нем. П. Виноградской. Предисловие Е. Преображенского. Изд. «Московский Рабочий». М. 1922. Стр. 147—151.
- Фульлье, А. История философии. Пер. П. Николаева. Изд. 2-е Д. Ефимова. Стр. 288—304.
- Швеглер, А. История философии. Пер. с 5-го нем. изд. под ред. П. Юркевича. М. 1864. Вып. II. Стр. 25—33.

VI. Об этических воззрениях Спинозы.

- А. Г. Этика Спинозы. Пер. с лат., под ред. Модестова. СПБ. 1886. «Православный Собеседник». Казань, 1887, ч. I. Стр. 104—135.
- Волынский, А. Два сочинения о Спинозе. «Сев. Вестник». 1892, № 3, 136—154. № 4. Стр. 162—187. (По поводу след. книг: 1) Берендт: Spinoza's Erkenntnislehre in ihrer Beziehung zur modernen Naturwissenschaft und Philosophie. B. 1892. 2) R. Worms. La morale de Spinoza. P. 1892).
- Вормс, Р. Мораль Спинозы. Пер. Л. Богушевского. СПБ. 1905. Стр. 332. Рец. в «Мире Божием». 1893, № 2.
- Диттес, Ф. Критические этюды о нравственной философии Спинозы, Лейбница и Канта. Пер. под ред. С. Грузенберга. СПБ. 1900. Стр. 1—27.
- Иодль, Ф. История этики в новой философии. Пер. с нем. под ред. В. Соловьева. Изд. К. Солдатенкова. М. 1896. Стр. 248—262.
- К. О переводе этики Спинозы на еврейский язык г. Рубином. «Восход». 1885, № 12.
- Кин, А. Спиноза в русском переводе. (По поводу русск. изд. «Этики» в пер. В. Модестова. СПБ. 1886). «Вестник Европы», 1887, XI. Стр. 369—375.
- Карринг, Г. Совесть при свете истории. Пер. с нем. под ред. П. Бернина и В. Биттера. Изд. «Вестник Знания». СПБ. 1909. Стр. 24—29.
- Кечекян, С. Этическое мировоззрение Спинозы. Изд. «Путь». М. 1914. Стр. 337. См. рец. Е. Трубецкого. «Вопросы философии и психологии», 1914, II. Стр. 147—162.
- Паульсен, Ф. Основы этики. Пер. с 6-го нем. изд., под ред. В. Ивановского. М. 1906. Стр. 182—186.
- Куно Фишер. Спиноза, его жизнь, сочинения и учение. Пер. с 4-го нем. изд. С. Франка. СПБ. 1906 (т. II его «Истории новой философии») Стр. 191—583.

VII. О государственно-правовых воззрениях Спинозы.

- Бошко, В. И. Очерки развития правовой мысли. Изд. Н. К. Ю. УСР. Х. 1925. Стр. 192—204.
- Варьиц, А. История новой философии, т. I, ч. I. Гиз. 1926. Теократический трактат. Стр. 169—174, 194—195.
- Веселовский, С. Б. Спиноза. Богословско-политический трактат. Пер. латинского М. Лопаткин. «В. Ф. П.». LXXXV. Стр. 482—487.
- Волынский, А. Теологико-политическое учение Спинозы. «Восход», 1885, № 10. Стр. 114—136. № 11. Стр. 125—146. № 12. Стр. 122—149.
- Рене Вормс. Мораль Спинозы. Пер. с франц. Л. Богушевского. СПБ. 1905. Гл. XII. Политика Спинозы в ее отношении к морали. Стр. 154—169.
- Залесский, В. Ф. Лекции истории философии права. Казань. 1902. Стр. 227—237.
- Кечекян, О. Этическое мировоззрение Спинозы. Изд. «Путь». М. 1914. Гл. VII—XI. Стр. 176—337. (О праве и государстве).
- Ковалевский, М. От прямого народоправства к представительству и от патриархальной монархии к парламентаризму. Рост государства и его отражение в истории политических учений. М. Изд. И. Сытина, 1906, т. I, гл. 5. Стр. 425—492. (Политическая доктрина Спинозы).
- Кунов, Г. Учение Спинозы о происхождении права. См. История философии в марксистском освещении. Составили Б. Столнина и П. Юшкевич, ч. I, 2-е изд. «Мир». 1925. Стр. 143—146.
- Коркунов, Н. М. История философии права. Изд. 5-е. СПБ. 1908. Стр. 159—167.

- Фатеев, А. Очерк развития индивидуалистических направлений в истории философии государства, ч. II. Х. 1907. Стр. 278—291.
- Фишер, Куно. История новой философии. СПБ. 1906, т. II. Спиноза. Пер. с 4-го нем. изд. С. Л. Франка. Изд. Д. Е. Жуковского. Теологико-политический трактат. Право свободы мысли. Стр. 310—335. Человеческое общество и государство. Стр. 457—483.

- Чичерин, Б. История политических учений, ч. II. М. 1872. Спиноза. Стр. 104—136.
- Шрешеневич, Г. Ф. История философии права, 2-е изд. СПБ. 1907. § 25. Спиноза. Стр. 322—342.
- Под Знаменем Марксизма.

Ярош, К. Спиноза и его учение о праве. Харьков, 1877. Стр. 152.
(См. об этой книге ст. Л. Е. Владимира. «Сборник государственных знаний», т. V. Стр. 17—26. 1878 г.).
Ярош, К. Курс истории философии права. Х. 1907. (Гект. изд.).
Спиноза и Гоббез. Стр. 106—111.

VIII. Разные.

- Авенариус, Р. Критика чистого опыта. Пер. И. Федорова. СПб. 1909, тт. I—II. (См. по указателю).
- Алексеев, Н. Науки общественные и естественные в историческом взаимоотношении их методов. Одг. I. Механическая теория общества. Стр. 1—80.
- Бельшовский, А. Гете, его жизнь и произведения. Пер. под ред. Г. Вейнберга. СПб. 1908. Изд. Л. Пантелеева, т. II. Стр. 67—78.
- Беляев, В. Лейбниц и Спиноза. (Историко-критическое исследование системы Лейбница, как опровержения пантентистской системы Спинозы и как попытки дать философское обоснование христианского теизма). СПб. 1914. Стр. 372.
- Бергсон, Анри. Творческая эволюция. Пер. с 3-го французского изд. М. Булгакова. М. 1909. Стр. 302—307, 312.
- Булгаков, М. 1909. Стр. 302—307, 312.
- Введенский, А. Об атеизме в философии Спинозы. В.Ф.П. 1897. № 2. Стр. 157—184.
- Викторов, Д. Эмпириокритицизм или философия чистого опыта. М. 1908. Стр. 97.
- Вундт, В. О наивном и критическом реализме. Пер. с нем. А. Вудена. М. 1910. Стр. 240—254.
- Вундт, В. Введение в философию. Пер. с нем. под ред. С. Н. Труденко. Изд. Г. Котляра. М. 1902. § 23. Учение о субстанции Спинозы. Стр. 156—161.
- Гайд, Р. Гердер, его жизнь и сочинения. Пер. с нем. В. Н. Неведомский. М. 1888, т. I. Стр. 723—725, т. II. Стр. 282—323.
- Гегель. Наука логики. Пер. с нем. Н. Г. Дебольского. П. 1916.
- Книга первая. Стр. 9, 31, 42, 53, 114, 105—166, 225—226, 267—268.
- Ч. 2. Книга вторая. Стр. 121—124. Ч. III. Стр. 4, 191.
- Гейне, К. История религии и философии в Германии. Пер. М. Г. Сухотиной. Собр. сочинений под ред. П. Вейнберга. 2-е изд. А. Ф. Маркса. СПб. 1904, т. III. Стр. 49—58.
- Герцен, А. Дневник. См. Сочинения под ред. М. Лемке. П. 1919.
- Наркомпроса, т. III. Стр. 23, 134—135, 345, 449, т. IV. Стр. 15, 71, 88, 123, 135, 156, 160, 172, 400.
- Герцен, А. Письма к А. А. Краевскому. Сочинения под ред. М. Лемкана. П. 1919, т. IV. Стр. 185 (от 29—V—1845). Стр. 191 (от 27—XI—1845). Стр. 320 (от 23—XII—1845).
- Гете. Из моей жизни. Правда и поэзия. См. собр. сочинения. 2-е изд.
- Пер. под ред. П. Вейнберга, т. VIII. СПб. 1895. Стр. 391—392, 416—418.
- Гейне, К. Великие люди в литературе. Пер. с нем. Ю. М. Анто-Дюрина. Е. О. Поповой. СПб. 1897. Стр. 218—228.
- Канц. И. Критика практического разума. Пер. с нем. Н. М. Соколова. Кант. И. Критика практического разума. Пер. с нем. И. А. Канта. СПб. 1908. Стр. 107.
- Изд. 2-е. СПб. Изд. Яковлевича. 1898. Стр. 857, 861.
- Карпелес, Г. История европейской литературы. т. I. 1890. Стр. 857, 861.
- Карнелиус, Г. Введение в философию. Пер. с нем. Г. Котляра.
- Карнелиус, Г. Введение в философию. Пер. с нем. Г. Котляра.
- Каррье, Мориц. Искусство в связи с общим развитием культуры и идеалы человечества. М. 1875, т. V. Стр. 4—9.
- Ламетти. Избранные сочинения. Пер. с франц. с предисловием Карнелиуса. М. 1925. См. Краткое изложение философских систем. Стр. 144, 147, 158, 159—160.
- Ланге, Ф. А. История материализма и критика его значения в настоящее время. Пер. с 3-го нем. изд. Н. Страхова. Изд. 2-е. СПб. 1893. Стр. 8, 158, 162, 200, 216, 243, 244, 305, 320, 321, 330, 380, 407, 433.
- Лапшин, И. Законы мышления и формы познания. СПб. 1906. См. 434, 627, 706, 707.
- Лапшин, И. Законы мышления и формы познания. СПб. 1906. См. 434, 627, 706, 707.
- Лапшин, И. Законы мышления и формы познания. СПб. 1906. См. 434, 627, 706, 707.
- Лапшин, И. Законы мышления и формы познания. СПб. 1906. См. 434, 627, 706, 707.
- Лапшин, И. Законы мышления и формы познания. СПб. 1906. См. 434, 627, 706, 707.
- Лапшин, И. Законы мышления и формы познания. СПб. 1906. См. 434, 627, 706, 707.
- Лапшин, И. Законы мышления и формы познания. СПб. 1906. См. 434, 627, 706, 707.
- Лапшин, И. Законы мышления и формы познания. СПб. 1906. См. 434, 627, 706, 707.
- Лапшин, И. Законы мышления и формы познания. СПб. 1906. См. 434, 627, 706, 707.
- Лапшин, И. Законы мышления и формы познания. СПб. 1906. См. 434, 627, 706, 707.
- Приложение II. О мистическом познании и великом чувстве. Стр. 62—65.

- Леви-Брюль, Ф. Г. Якоби и философия Спинозы. Пер. К. «Вера и Разум» 1894, т. II, ч. I. № 8. Стр. 3,9—374. № 9. Стр. 408—418.
- Лопатин, Л. Положительные задачи философии. М. 1911, ч. I. Стр. 290—322.
- Мюре, Морис. Еврейский ум. Пер. с франц. Е. Отоцкой. СПб. 1902. Гл. IV. Спиноза. Стр. 49—87.
- Оболенский, А. История мысли. СПб. 1901. Стр. 109—123.
- Паульсен, Ф. Введение в философию. 4-е изд. Пер. под ред. В. Пребраженского. М. 1914. (по указ. имен.).
- Петцольд, И. Проблема мира с точки зрения позитивизма. Пер. с 141—144, 146—148. См. критику в ст. Плеханова: «Трусливый идеализм». Сочинения, т. XVII. Стр. 122—129.
- Половцова, В. К методологии изучения философии Спинозы. «Вопросы философии и психологии». 1913. III.
- Поссе, В. В поисках смысла жизни. (О Спинозе). Изд. «Природа и Культура». Воронеж. 1922.
- Преображенский, В. П. Рец. на «Leibniz und Spinoza». L. Stein'a. Вопросы философии и психологии. т. IX. Стр. 93—104.
- Радлов, Э. Несколько замечаний о Спинозе. (По поводу переписки). Северный Вестник. 1891. № 6. Стр. 199—218.
- Риль, А. Теория науки и метафизика с точки зрения философского критицизма. Пер. Е. Корша. Изд. Солдатенкова. М. 1888. Спиноза и Гегель. Стр. 122—128. Спиноза и Шенкенгауэр. Стр. 260—263. Критика Спинозы. Стр. 421—424.
- Риль, А. От Гераклита до Спинозы. «Научное Обозрение» 1903. № 1. Стр. 103—107.
- Роберт-де, Е. Прошедшее философии. М. 1886, т. I. Стр. 38—41.
- Сесс, Эм. Еврейская философия. Маймонид и Спиноза. Пер. с французского. Одесса. 1898.
- Соловьев, Вл. С. Понятие о боге. (В защиту философии Спинозы). Ст. А. И. Введенского «Об атеизме в философии Спинозы» (помещ. в этом же №).
- Спекторский, Е. Очерки по философии общественных наук. Вып. I. Warsaw. 1907. Стр. 142—157, 165—187, 200—202.
- Спекторский, Е. Физицизм свободы в рациональной психологии XVII в. «Вопросы философии и психологии». 1915. V (130). Стр. 461—498.
- Спекторский, Е. Проблема социальной физики в XVII столетии. Warsaw, т. I. 1910. Стр. 91—100, 245—248, 301—305, 456—457, 465—466, 470—473, 484—487, 562—563, т. II. Киев. 1917. Стр. 267—268, 316—339 (неоспинозизм).
- Спекторский, Е. Проблема социальной физики в XVII столетии, т. I. Warsaw, 1910. Стр. 91—100, 245—248, 301—305, 456—457, 465—466, 470—473, 484—487, 562—563, т. II. Киев. 1917. Стр. 267—268, 316—339 (неоспинозизм).
- Страхов, Н. Значение и жизнь Спинозы. (Из «Истории новой философии» Куло Фишера). «Светоч» 1821. № 9. Стр. 99—128.
- Трайденбург, А. Логические исследования. Пер. Е. Корша. М. 1917, 428, 443, 457, 472—473, 477, 481—487, 501.
- Фейербах, Л. 1) Предварительные тезисы к реформе философии. 2) Основы философии будущего. (1813). См. сочинения, пер. С. Безсонова, под ред. А. Деборина, т. I. Гиз. М.—Л. 1923. Стр. 59—60, 93—95, 106.
- Фейербах, Л. Сущность христианства. Сочинения. Пер. под ред. А. Деборина. Том II. Гиз. 1926. Стр. 14, 46, 107, 116.
- Фейербах, Л. Лекции о сущности религии. Сочинения. Пер. А. П. Преликовским. А. Деборина, т. I. Гиз. 9—10, 27, 41, 98—99. Гиз. 1924.
- Фихте, Г. Основа общего научоучения. См. избранные сочинения. Пер. под ред. Е. Трубецкого. т. I. Изд. «Путь». М. 1916. Стр. 96—98.
- Фишер, Куло. История новой философии, т. II. Лейбниц. СПб. 1905. Стр. 351—354, 465—466, 686—688, 721—727. (Гете и Спиноза).
- Фишер, Куло. История новой философии, т. I. Декарт. Пер. с нем. под ред. Н. Н. Полилова. СПб. 1906. Спинозизм. Стр. 451—455.
- Фишер, Куло. История новой философии. Пер. с нем. Н. О. Лосского, т. VIII. Гегель. СПб. 1902. Полутом I. Стр. 231—232, полуутом II. Стр. 389—392.

Рец. на «Историю новой философии» Куно Фишера, т. I. Пер. Н. Страхова. Изд. Н. Тиблена. СПб. 1862. «Время». 1862, № 3. Стр. 55—64.

Франк, С. Предмет знания. П. 1915. Стр. 480—484.

Хвостов, В. М. Социология, ч. I. Изд. Московского Научного Ин-та. М. 1917. § 20. Бенедикт Спиноза. Стр. 112—116.

Шахов, А. Гете и его время. Изд. 3-е. СПб. 1903. Стр. 84—86. (Об отношениях Якоби и Гете к Спинозе).

Шлейермачер, Ф. Речи о религии. Пер. с нем. С. Л. Франка. Изд. «Русская Мысль». 1911. М. Стр. 41—42, 241—242.

Шопенгаузер, А. Мир, как воля и представление. Пер. Н. М. Соколова. Изд. М. В. Попова. СПб. 1893. Т. II. Стр. 414—415, 476—478.

Шеллинг, Ф. В. У. Философские письма о догматизме и критицизме. См. «Новые идеи в философии». Сб. № 12. «К истории теории познания». Изд. «Образование». СПб. 1914. Стр. 81—82, 85—87, 91—105, 114.

Шеллинг, Ф. Философское исследование о сущности человеческой свободы. Пер. Л. Мееровича, с предисловием П. Новгородцева. СПб. Изд. Д. Е. Жуковского. СПб. 1908. Стр. 10—19, 24—25.

Я. Розанов.

«Памяти Лассала» (1825—1925). Сборник статей под редакцией Г. Маренко и Я. Розанова. Государственное издательство Украины. Стр. 319.

Название этой книги не совсем соответствует ее содержанию. Ее в лучшем случае можно было бы назвать хрестоматией, или сборником материалов, но вряд ли сборником статей, потому что книга состоит большей частью из отрывков из «Истории германской с.-д.» Меринга, южно-каких брошюрок самого Лассала, некоторых писем и замечаний Маркса и Энгельса и т. д. По непонятным причинам составители не всегда указывают источники приводимого ими материала, особенно когда это касается отрывков из Меринга.

Сборнику предпослано предисловие и биографический очерк Лассала (о последнем ниже).

Книга открывается главой Фердинанд Лассаль. Сюда вошли неоконченная брошюра Плеханова «Ф. Лассаль»¹⁾ и статья Меринга, написанная им в 1894 г.²⁾. Эта глава никак не может дать общего представления о Лассале. Несомненно, лучшим в марксистской литературе в деле оценки Лассала является то, что сказал Плеханов в этой брошюре, но, во-первых, эта работа не была им доведена до конца, во-вторых, много фактов, относящихся к жизни Лассала и его роли во-вторых, много фактов, относящихся к жизни Лассала и его роли в рабочем движении, которые известны нам сейчас, не могли быть известны Плеханову в 80-е годы, когда в литературе о Лассале, кроме монографии Брандеса, имелось лишь несколько дамских рассказов и сплетен (как правильно заметил Рязанов в предисловии к IV т. Сочинений Плеханова). У Плеханова, например, имеется ряд неточностей в биографии Лассала. На первой же странице он пишет: «Уже в детстве он (т.-е. Лассаль) отличался блестящими способностями, но родители не гремели желали, чтобы единственный сын их посвятил себя торговой деятельности».

Как известно теперь, гимназию бросил Лассаль помимо и вопреки воле родителей и решение посвятить себя торговой деятельности тоже исходило от Лассала.

¹⁾ Как известно, впервые она была им напечатана в журнале «Социал-Демократ». В Сочин. Плеханова в изд. Рязанова она вошла в IV том.

²⁾ В сборнике составители указывают дату «публикования статьи», но не указывают, где она была помещена. Она была опубликована в «Neue Zeit» без подписи автора.

Далее Плеханов пишет: «Прекрасно сдавши экзамен...» (т.-е. экзамен на аттестат зрелости. П. В.) — это не совсем так: Лассала «срезали» в первый раз на экзамене, и ему пришлось через год снова экзамено-ваться и т. д.

Несомненно, это все мелкие ошибки, но редакции сборника следовало их оговорить в примечаниях, так как составители сочинают (правда, только в предисловии) необходимость пересмотра общей оценки Лассала, сделанной Плехановым, Мерингом и др., считая лишь сейчас это несущественным. Статья Меринга, помещенная в 1-й главе этого сборника, если и дает какое-либо представление о Лассале, то во многом обратное исторической правде. Мы не сомневаемся, что сам Меринг, если бы дожил до наших дней, отказался бы от этой своей статьи и не переназывал бы ее к 100-летнему юбилею Лассала. Чего стоит, например, такое утверждение Меринга: «Лассаль с самого начала поставил немецкое рабочее движение на правильный путь, на тот самый путь, который указан был в Коммунистическом Манифесте, что всю свою жизнь посвятил тому, чтобы очистить для немецких рабочих этот путь; что этот путь, на котором немецкие рабочие добились уже столь серьезных результатов, он действительно проложил и притом с такими усилиями и такими жертвами, подобных которым трудно найти в истории» (стр. 98).

Меринг, понятно, в 1894 г. не мог видеть того, что путь компромиссов и изменения делу пролетариата, по которому пошла в дальнейшем немецкая с.-д., тоже, ведь, проложил Лассаль, но нам в 1925 г. это хорошо видно. Меринг писал далее в этой статье: «Она (т.-е. германская с.-д.) относится к Лассалю с такой же страстью любовью, как и к Марксу и Энгельсу,—она не потерпит соринки на памяти Лассала. В течение 30-ти лет она бесчисленное множество раз победоносно боролась с попытками изъянуть Лассала на роль прусского социалиста. Она всегда выскальчивала из-под юбки Лассала. Уясня себе в полной мере то, что именно отделяет Лассала от Маркса, она все же считает, что ее отношения к Лассалю не могут определяться теми резкими выражениями, которые Маркс допускал в минуты случайного недовольства—недовольства вполне понятного и суб'ективно обыкновенного».

В этих словах, которые авторы перепечатывают без всякого присоединения, Меринг повторяет свою основную ошибку в оценке Лассала и его взаимоотношений с Марксом. Ошибки Лассала в области политики и тактики были столь велики, его общетеоретические взгляды представляли из себя такую электрическую мешанину и так далеко тащили назад от мировоззрения Маркса, что удивляться приходится не резкости замечаний, имеющихся в переписке Маркса и Энгельса, а тому такту и выдержке, которые проявил Маркс, не выступая при жизни Лассала с публичной критикой последнего.

Меринг утешает нас дальше тем, что не только тактические, но и теоретические промахи Лассала играли лишь более или менее второстепенную роль. В доказательство он приводит тот факт, что только последователи Лассала поняли «Капитал» Маркса и первая рецензия, помещенная в органе Швейцера, обнаруживала понимание автором этого гигантского произведения. Но, ведь, как известно, это не мешало тому же Швейцеру — редактору органа лассальянцев — вести двойную игру на два фронта и с Маркsem и с Бисмарком. Последнее обстоятельство, как мы знаем, было причиной выхода Маркса из «Социал-Демократ» и опубликования им по этому поводу известного письма. И когда Меринг успокаивает нас тем, что «произведения Лассала были и главной духовной пищей эйзенхauцовцев и даже об'единенной партии»,

то это не было доказательством высокого качества лассальянцев. Энгельс еще в 80-х годах прошлого столетия прекрасно видел, что дало именно это об'единение и какие из него еще проистекут последствия. Он писал Зорге в 1877 г. 19 октября: «В Германии в нашей партии не столько среди масс, сколько среди ее воожаков пащает гнилью. Компромисс с лассальянцами привел к компромиссу не только с разными полузнайками в Берлине (с Диорингом и его поклонниками), но и с целой бандой незрелых студентов и преумножих докторов, поставивших себе задачей дать социализму «более высоко идеалистическое» направление, то-есть заменить его материалистическую базу (требующую раньше, чем ею оперировать, серьезного об'ективного изучения) новой мифологией со всеми ее богинями справедливости, свободы, равенства и братства».

2-я глава «Маркс и Лассаль» снова открывается статьей Меринга «Маркс и Лассаль». Эта статья есть не что иное, как глава из «Истории германской с.-д.» Меринга (см. т. II, стр. 219—226 русск. пер. Ландау).

Мы не будем останавливаться на разборе этого отрывка. Он известен русскому читателю. Если многие сознают теперь необходимость пересмотра истории германской с.-д., написанной Мерингом, то, в первую очередь, это должно относиться к той части его истории, где Меринг касается лассальянцев, Лассала и его взаимоотношений с Марксом. Отзывы Меринга всюду являются более благожелательными по отношению к Лассалю, чем это оправдывается об'ективными историческими данными.

Следующая статья в той же главе—это статья Каутского «Маркс и Лассаль» (опубликованная в 1923 г. в журнале «Der Kampf», № 3).

Все мы знакомы с писаниями Каутского за последние годы. Эта статья не представляет исключения из произведений ренегата марксизма. Но поскольку она посвящена 40-летию со дня смерти Маркса, Каутский считает нужным из лирических, видно, чувств показать преимущества Маркса перед Лассалем, но это он проделывает весьма странным образом. Для этого он доброту часть статьи посвящает перечислению романтических похождений Лассала и анализу любовных связей с Гаттфельд, чтобы, очевидно, доказать, что Маркс не был к этому способен, поскольку он был воспитан в англо-саксонском духе, а Лассаль—в галло-романском духе¹⁾. Дальнейшее преимущество Маркса Каутский видит в том, что Маркс придал Интернационалу в области организационной демократический (понимай: меньшевистский) характер. Похвалив Маркса за его децентралистические принципы, он тут же указывает на недостатки его, на то, чего не доставало Марксу и Энгельсу по сравнению с Лассалем, Каутский пишет: «Они никогда не выступали в качестве агитаторов перед массами. Они даже не принимали участия ни в одном из конгрессов Интернационала, который был так близок их сердцу, за исключением последнего, на котором должен был решиться исход борьбы с Бакуниным».

Как будто бы над конгрессами не веял дух Маркса. Ведь они были насыщены им, его теорией. Маркс всегда предпочитал делать дело и оставлять свою личность в тени, на что не был способен Лассаль. Каутский это сознает, но выводы делает совсем иные. По Каутскому выходит, что достоинство Лассала заключается в слабости германского проле-

1) Буквально так аргументирует эту мысль Каутский в другой своей статье о Лассале, помещенной в журнале «Die Gesellschaft» за 1924 г.

тариата в эти два десятилетия и его нетребовательности в области теории.

Что же касается упрека, брошенного Каутским Марксу и Энгельсу в том, что они не выступали перед массами, то надо сказать, что они делали это в Германии в 40-х годах и во время мартовской революции и не могли этого сделать там позже, поскольку немецкое правительство, считая их менее благонадежными, чем Лассала, лишило их родины и они могли лишь из Лондона руководить партией и выковывать теоретическое оружие пролетариата для будущей интернациональной классовой борьбы.

Каутский не ограничивается тем, что подчеркивает преимущество Лассала как агитатора и трибуна, он пытается еще доказать, что как теоретик Лассаль тоже сыграл первенствующую роль, хотя сам Каутский тут же признает, что теория была слабой стороной Лассала. Однако он пишет: «Два десятилетия немецкая с.-д. носила на себе черты Лассальевского, а не Марксовского духа. Но от его агитации осталось лишь то, что было у него общего с Марксом; все, что отделяло его от Маркса, давно потеряло свое значение». Если подогнать Маркса под Лассала, выхолостив из него все живое, то оказывается, что у них все становится общим и тождественным, и с.-д. могла спокойно твердить, что она шла Марксовым путем.

Самое ценное в этой статье—это приводимое письмо Маркса к Кутельману о Лассале. Каутский, когда-то опубликовавший переданные ему Кутельманом письма Маркса, скрыл это письмо о Лассале. Продержавши это письмо у себя почти два десятка лет, он, наконец, опубликовал его в 1918 году в «Socialistische Auslands-politik» (откуда оно было переведено и опубликовано Д. Б. Рязановым в «Под Знаменем Марксизма» № 2—3, 1923 г.). Теперь Каутский в этой статье снова приводит полностью это письмо. Очевидно, раз вытащив на свет это письмо после 20-ти лет, он будет его перепечатывать теперь без конца. В оглавлении числится еще статья Корша «Маркс и Лассаль», очевидно, отрывок из его предисловия к примеч. на Готск. программу Маркса, но в самой книге ее нет.

Далее следует 3-я глава—«Лассаль как философ».

Эта глава скорей номинальная, чем фактическая.

Здесь составители ограничились «статьей» Меринга «Гераклит» Лассала, который есть не что иное, как отрывок из его «Истории герм. соц.-демократии» (см. т. II, 234—242 стр. русск. пер.).

Во всяком случае, авторы должны были бы уже привести хоть некоторые отрывки из самого «Гераклита» Лассала, тем более, что это произведение никогда по-русски не переводилось и русскому читателю оно не известно (если не приводить других статей и речей Лассала философского характера). К «Статье» Меринга в той же главе приложено письмо Маркса к Энгельсу по поводу Гераклита, это письмо достаточно известно русским читателям—оно имеется в русском переводе переписки Маркса, сделанном Адоратским.

Приходится пожалеть, что составители не привели гораздо менее известное, но чрезвычайно интересное письмо Маркса по поводу «Гераклита» же, адресованное самому Лассалю. Это письмо впервые опубликовано Майером в III т. «Литер. насл. Лассала» (переписка Маркса и Лассала).

В главе «Лассаль-экономист» имеется отрывок (4-я глава) из «Бастия-Шульце» Лассала и опять «статья» Меринга «Бастия-Шульце», т.-е. отрывок из «Истории германской с.-д.» (см. т. III, стр. 125—132 русского

перевода). Затем известное письмо Маркса и Энгельса к Бебелю по поводу замечаний на Готскую программу (в русск. изданиях приложены к «Критике Готской программы» Маркса). И, наконец, снова Меринг «О железном законе заработка платы». Нам кажется, что вместо вырезок из «Истории германской с.-д.» Меринга, правильней было бы дать здесь (хоть в виде отрывков) оценку Лассала как экономиста Бернштейном из его предисловия к Лондонскому изданию (1892 г.) избр. сочинений Лассала, предисловия, написанного с участием Фр. Энгельса, а также из марксистско-выдержанной работы Т. Григоровичи: «Теория ценности у Маркса и Лассала».

Что же касается мнения Маркса-Энгельса о Лассале как экономисте, то не мешало бы, кроме вышеприведенного письма к Бракке, перевести на ту же тему отрывки из писем Маркса-Энгельса (разбросанный там и сям в их четырехтомной переписке), неизвестные до сих пор русскому читателю.

И в главе: «Лассаль как юрист» составители сборника идут по линии наименьшего сопротивления. Как известно, главный юридический труд Лассала «Система приобретенных прав» не переведен целиком по-русски. В имеющемся русском переводе трехтомного издания сочинений Лассала под редакцией Бернштейна содержится лишь очень небольшая часть этой работы. Как раз из этого издания составители включили в свой сборник отрывок «Исторические тенденции развития права собственности» вместо того, чтобы перевести и ознакомить русского читателя с тем, что ему незнакомо было до сих пор.

Далее, в этой же главе под заголовком «Маркс и Энгельс о Системе приобр. прав», помещены письмо Маркса к Лассалю и два отрывка из переписки Маркса и Энгельса, все уже переведенное и опубликованное Адоратским.

Затем следует опять глава из «Истории германской с.-д.» Меринга (см. т. II, стр. 249—266 русского издания).

Тут же имеется и речь Лассала о сущности конституции (его брошюра) и снова Меринг, в данном случае «О сущности конституции»—отрывок из «Истории герм. с.-д.» (см. т. II, стр. 310—319).

Особая глава посвящена трагедии Лассала «Франц Ф. Сикинген».

В этой главе помещен отрывок из письма Лассала о формальной трагической идее, положенной в основу этой драмы, посланного им Марксу и Энгельсу и опубликованного Мерингом в изданной им переписке Маркса и Лассала. Затем тут же имеются отрывки из письма Маркса и Энгельса к Лассалю о его драме. Эти письма появились недавно: они опубликованы Густавом Майером в III т. «Лит. насл. Лассала». Русскому читателю они известны уже по переводу Юшкевича и Столпнина (см. «Искусство в марксистском освещении»).

Жалко, что составители не поместили ответа Лассала на замечание Маркса и Энгельса, потому что тогда у читателя было бы некоторое представление об их разногласиях не только о форме драмы, сюжета и т. п., но об их расхождениях во взглядах на эпоху реформации, на роль крестьянских войн и т. д. Во всяком случае, составители должны были по крайней мере поместить письмо Лассала к Ал. Ф. Гумбольдту или предисловие к его драме (они буквально совпадают), где он излагает вкратце сюжет драмы, ее исторический смысл и т. д.

Наконец, последняя глава, озаглавленная «Лассаль и рабочий класс», состоит из речи Лассала «Программа работников» и «Гласного ответа ЦК».

Далее следует:

Меринг «О программе рабочих»—это снова отрывок из его «Истории герм. с.-д.» (см. т. II, стр. 319—322). Затем идет известное письмо Маркса к Швейцеру о лассалевской агитации от 1868 г., переписка Маркса и Энгельса по поводу смерти Лассала (все они имеются в «Письмах Маркса», русск. пер. Адоратского, изд. «Моск. Рабочий») и, наконец, не менее известное письмо Энгельса к Бебелю по поводу замечаний Маркса на Готскую программу (и опубликованное одновременно с этими замечаниями в 1891 г.).

Как читатель видит, весь «Сборник статей» читателю, знакомому с предметом, ничего нового не дает. Незнакомому же с предметом читателю этот сборник дает неправильное представление о Лассале, поскольку ему прививаются здесь взгляды Меринга, отчасти Каутского, подлежащие самой строгой критике.

В заключение два слова о биографии Лассала, написанной составителями сборника. Так как авторы составляли его по Онкену и другим биографиям Лассала, то они перенесли сюда и повторяют здесь те же ошибки, которые встречаются у биографов Лассала, поскольку им тогда не были известны все данные, относящиеся к биографии Лассала. Укажем хотя бы на некоторые из таких фактических ошибок.

На стр. 6 повторяется ошибка Онкена, что Лассаль защищался перед университетским судом в связи с обструкцией, устроенной проф. Бранису. На самом же деле он был автором заявления студентов, требовавших, чтобы их привлекли к суду и подвергли тому же наказанию, какому подвергли студента Виттенберга.

На стр. 6 дальше говорится, что Лассаль пробыл в Берл. у-те до 1845 г. Он там пробыл до 1846 г.

На стр. 7 говорится, что до окончания работы о «Гераклите» Лассаль получил степень доктора философии. Как известно, ни в этот период, ни позже он ее не получил. Неверно также и то, что по выходе из университета Лассаль уехал в Париж. Он уехал в Париж будучи еще студентом.

Не совсем точно говорится на стр. 10, что Лассаль во время революции 1848 г. «стал принимать участие в издававшейся Марксов «Рейнск. Газете», помещая в ней статьи и корреспонденции», нельзя считать сотрудничеством то, что Лассаль требовал от Маркса настойчиво освещать на страницах газеты ход процесса графини. На стр. 12—13 авторы неверно изображают деятельность Лассала в годы реакции. Здесь надо различать два периода: первый от создания нелегального союза коммунистов после революции 1849 г. вплоть до разгрома его, когда Лассаль совсем ретировался от политики и в революционной работе не принимал участия, и второй—после разгрома союза до нового подъема, когда Лассаль несколько сблизился с отд. группами рабочих, но когда вообще в силу реакции и общей ситуации он сделать много не мог. Понятно, в своих письмах к Марксу Лассаль все это представлял в ином свете, но это говорит только о том, что надо уметь критически отнести к тому, что о себе писал Лассаль.

На стр. 37 авторы пишут, что немецкие рабочие посетили в 1863 г. всемирную выставку в Лондоне, между тем, как известно, сама выставка состоялась в 1862 г., и таких ошибок, к сожалению, много.

Но если фактическую часть биографии авторы излагают по Онкену, включая и его ошибки, то оценку Лассала по существу авторы делают по Мерингу.

Мерингу судьба не дала времени для переоценки своих взглядов под углом зрения последних исторических событий. Мы хотим думать, что, если бы он дожил до наших дней, он бы эту переоценку сделал как коммунист и революционер, но когда его, теперь явно ошибочные, взгляды повторяются безоговорочно, то здесь мы имеем дело либо с наспех сделанной работой, либо с неверной общей точки зрения. То, что было простительно Мерингу в свое время, то непростительно современникам. При условии исключения этих статей, пополнения сборника неопубликованными материалами и соответствующими примечаниями он мог бы быть полезен.

П. Виноградская.

Преформизм или эпигенезис? Сборн. статей. «Северный Печатник». 1926 г.

Та оструя борьба диаметрально-противоположных взглядов, которая происходит вокруг проблемы наследования приобретенных признаков, нашла свое отражение в дискуссионном сборнике «Преформизм или эпигенез?» Более широкая проблема, охватываемая понятиями преформизма и эпигенеза и выясняющая механизм индивидуального и филогенетического развития, указывающая его различные пути и движущие причины, сводится в данном сборнике к основному вопросу дискуссии — к вопросу о наследовании приобретенных признаков. То или иное решение этого центрального вопроса эволюционной теории означает автогенетическое (преформизм) или эктогенетическое (эпигенез) понимание эволюционного процесса. Или эволюция предопределена во всех своих направлениях и этапах особенностями первичной плазмы; вся эволюция — только развертывание заложенных в первичном живом веществе зарядов. Или эволюция определяется всей суммой окружающих организмы физико-химических условий, беспрерывно изменяющихся и постоянно оказывающих воздействие на первых.

В сборнике представлена вся почти гамма различных воззрений по вопросу о наследовании приобретенных особенностей. В редакторском предисловии Тимирязевский институт сохраняет об'ективно-нейтральную позицию, не вмешивается в спор, выводы из данных, участвующих в дискуссии, сторон предствляет сделать читателю. Редакция только считает, что «необходимо исчерпать идеи эпигенетиков экспериментально до конца».

Островский в статье «Кто прав?» должен был бы, казалось, занять более определенную позицию, чем та, на которой он стоит. Он признает, что на стороне эпигенеза такие признаки, как изменяемость, диалектичность, причинная зависимость; на стороне же преформизма — неизменяемость, метафизичность, отсутствие закономерности. После такой неизменяемости, метафизичности, отсутствие закономерности. После такой неизменяемости, метафизичности, отсутствие закономерности. После такой неизменяемости, метафизичности, отсутствие закономерности.

Основные противоположные точки зрения в вопросе о наследовании приобретенных признаков выявлены в остальных статьях сборника. С одной стороны, статья Смирнова и Леонова и статья Кузина — убежденных сторонников наследования приобретенных признаков; с другой

стороны, статья Добржанского — не менее последовательного противника такого наследования.

Первые авторы признают наследственную передачу приобретенных признаков путем соматической индукции, при которой внешнее влияние действует на зародышевую плазму посредством видоизмененной сомы. Для аргументирования своего положения они приводят ряд известных опытных данных, стараясь защитить их от критики противоположного лагеря. К примерам наследования они относят и все те случаи, когда приобретенные под влиянием внешних условий признаки в следующих (первом и втором) поколениях сохраняются при нормальных условиях, но в постепенно ослабевающей степени. В данном случае разумеются так называемые длительные модификации. Кузин даже соглашается, что «настоящего» наследования приобретенных признаков нет, что «существуют только длительные модификации» и что «весь эволюционный процесс представляет собой сплошную длительную модификацию». Такую же оценку длительным модификациям дают и другие два сторонника наследования приобретенных признаков.

Но можно ли приметы длительных модификаций относить к случаям наследования приобретенных особенностей? Конечно, нет. Добржанский прав, когда он признаки длительных модификаций, бесследно исчезающие в течение нескольких поколений, противопоставляет константным, прочно фиксированным наследственным признакам. Можно согласиться с ним, что различие между ними качественного характера. Но он забывает, что количество переходит в качество. Нет никаких оснований становиться на его точку зрения и полагать, что если между длительными модификациями и наследственными признаками не установлено переходов, то они не будут найдены и в будущем. Опыты Иоллоса, Каммерера, Доркена и других вполне определенно говорят в пользу того положения, что «чем интенсивнее и продолжительнее действует внешний фактор, тем больше и дольше отражается он на последующих поколениях» (Смирнов и Леонов). Поэтому в противоречии с этими опытами находится утверждение Добржанского, что в пользу изложенного взгляда «нельзя привести ни одного доброго путем эксперимента факта». Тенденция в данных указанных опытах выявлена вполне определенная. А логика обязывает к определенным выводам: при воздействии внешних условий на длинный ряд поколений, вероятен переход длительных модификаций в наследственные признаки. «Несколько поколений» «на масштабе геологического развития нашей планеты», конечно, роли не играют.

Мне кажется, только став на изложенную точку зрения, можно легко привлечь никем не оспариваемое явление длительных модификаций и недочет экспериментальных доказательств с учением о наследовании приобретенных признаков. Тогда не придется занимать невыгодную позицию по сравнению с противоположной стороной и связывать судьбу защищаемого учения с неудачей того или другого опыта. Излишней оказывается защита того или другого опыта во что бы то ни стало. Тогда не будет находиться в противоречии с содержанием других страниц двух статей сторонников наследования та условная формулировка, которая дана в заключение статьи Кузина: «признаки, приобретенные организмом при жизни, при известных условиях и, быть может, до известной степени могут быть унаследованы потомством». Последний вывод будет соответствовать фактическому положению вопроса.

Для защиты своего основного принципа защитникам наследования приобретенных признаков нет оснований пытаться ограничить роль мутаций и сводить их к комбинациям наследственных зарядов, как это делают

знания. Те закономерности, которые т. Фриче устанавливает с большой проникновенностью в конкретную живую ткань искусства, почти бесспорны. Они должны послужить руководящими принципами при изыскании конкретного и теоретического искусствознания. Тогда создается полная марксистская наука искусствознания. Тов. Фриче построил ее скелет, но, пользуясь им, можно создать прекрасный живой организм искусствознания. Скелет без мускулов, без других тканей не может жить; социология может жить лишь как методология, воплощенная в конкретном изучении.

Второй вопрос, возбуждающий сомнение, это об'яснение т. Фриче упадка и гибели искусства в эпоху развернутого промышленного капитализма. Автор усматривает причины художественного бессилия промышленного капитализма в тех строительных материалах—железобетоне, которые при развитии современной техники приобретают доминирующее значение, не допуская в силу своей природы никакой декоративности. Кроме того, капиталистическое общество выработало якобы новую практическую эстетику: красиво то, что целесообразно и комфортально. В этом об'яснении кроется ряд ошибок. Не одной техникой обусловливается исчезновение художественных творческих сил капиталистического общества. Конечно, и техника играет здесь некоторую, хотя сравнительно маловажную, роль. Гораздо важнее здесь экономический и идеологический факторы. Искусство может быть жизнеспособно, может творить лишь тогда, когда оно движимо серьезной идеологической силой, форма сама себя не движет, она движима. Такой движущей силой является лишь борьба за самоутверждение класса на новой высшей технической и социальной основе. Таких сил современный капиталистический класс уже не имеет, а пролетариат еще не имеет, поэтому в капиталистическом обществе происходит распад искусства. Кроме того, монументальное искусство в современном капиталистическом обществе возможно в виде вокзалов, мостов, бирж, банков, магазинов, элеваторов. Повышение их эстетической ценности не принесет строителям и владельцам указанных архитектурных произведений поднятия нормы прибыли и расширения их и без того могущественной власти. Скульптура независимая, не связанная органически со своим материнским лоном—архитектурой, неизбежно должна выродиться. Монументальная живопись точно так же немыслима без монументальной архитектуры, а интимная домашняя живопись должна разложиться вследствие вышеуказанных идеологических причин.

Что касается второго об'яснения—практической эстетики капитализма, то какая же горе-эстетика в фабричных изделиях капитализма, предназначенных для самого кратковременного пользования. Там никакой эстетикой и не пахнет. Кроме того, сам т. Фриче указывает, что конструктивный стиль, т.-е. воплощение эстетического принципа соединения прекрасного и целесообразного, всегда соответствует эпохе органической, если воспользоваться позитивистским термином. А разве современный капитализм есть полоса органической? Значит, оба об'яснения кризиса искусства капиталистического общества отпадают.

Рекомендуем книгу самому широкому кругу читателей.

Л. Зивельчинская.

Редактор: Редакционная Коллегия

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1927 год:

„ПРОЖЕКТОР“

Двухнедельный иллюстрированный, литературно-художественный и сатирический журнал.

Под редакцией: Н. Бухарина и А. Воронского. 5-й год издания.

„ПРОЖЕКТОР“—единственный в ССРХ художеств. журнал, равный по технике издания лучшим европейским журналам.

„ПРОЖЕКТОР“ выходит два раза в месяц, обемом не менее 32 стр.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

1 м.—60 к., 3 м.—1 р. 75 к., 6 м.—3 р. 40 к., 12 м.—6 р. 50 к. Цена отдельного номера 35 к.

„ПРЕДПРИЯТИЕ“

Большой ежемесячн. иллюстрированный и производственно-экономический и технический журнал.

5-й год издания.

„ПРЕДПРИЯТИЕ“ наиболее полно и всесторонне освещает вопросы организации производства, рационализации, нормирования труда, подготовки рабочей силы и т. д.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

1 м.—1 р. 25 к., 3 м.—3 р. 60 к., 6 м.—7 р., 12 м.—13 р.—Цена отдель. номера 1 р. 50 к.

„РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ“

Центральный руководящий орган рабкоров, селькоров, военкоров юнкоров.—Двухнедельный журнал.

4-й год издания.

„Рабкор“ печатает руководящий материал по всем очередным вопросам рабселькоровского движения.

„Рабкор“ уделяет большое внимание всему новому в области стенгазетного дела.

„Рабкор“ выходит под редакцией: М. И. Ульяновой, В. С. Попова-Дубовского, Л. С. Сосновского, В. Н. Вasilевского, А. Н. Зусева, А. М. Романовского и др.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

1 м.—50 к., 3 м.—1 р. 40 к., 6 м.—2 р. 75 к., 12 м.—5 р.—Цена отдельн. номера 35 к.

„БОЛЬШЕВИК“

Политико-экономический двухнедельник ЦК ВКП(б).

Под редакцией: В. Астрова, Н. Бухарина, В. Молотова, А. Слюсаря и Е. Ярославского.

„БОЛЬШЕВИК“ освещает важнейшие теоретические и практические вопросы текущей политики и экономики под углом зрения ленинизма.

„БОЛЬШЕВИК“—боевой орган коллективной мысли Ленинского партии.

„БОЛЬШЕВИК“ борется со всяческими уклонами, ликвидаторством и безверием.

„БОЛЬШЕВИК“—теоретическое оружие в руках каждого большевика, желающего быть достойным солдатом политического, хозяйственного и идеологического фронта.

„БОЛЬШЕВИК“ делает своих читателей в курсе основных вопросов политики и экономики текущего дня, политики и практики ВКП(б), теории и практики марксизма-ленинизма.

„БОЛЬШЕВИК“ дает материал по международному движению и мировой экономике.

„БОЛЬШЕВИК“ дает обзоры белой прессы.

„БОЛЬШЕВИК“ предназначается для самых широких слоев партийного актива.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

1 м.—60 к., 3 м.—1 р., 75 к., 6 м.—3 р. 40 к., 12 м.—6 р. 50 к.

Цена отдельного номера 40 к.

„Деревенский Коммунист“

Двухнедельный журнал ЦК ВКП(б).

„Деревенский Коммунист“ ставит своей задачей быть помощником коммунистам—руководителям в деревне, способствовать политическому росту деревенских активных работников и руководить их практической работой.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

1 месяц	— р. 25 к.
3 >	— 75 к.
6 >	1 р. 50 к.
12 >	3 р. —

Цена отдельного номера 15 коп.